

Бернар [вербер]

:тайна богов

Annotation

Заключительный роман «божественной» эпопеи – «Тайна богов».

Новая книга «Саги о Богах», задуманной Бернаром Вербером, чтобы «по-своему рассказать историю человечества».

Главная интрига для поклонников Вербера заключается в том, даст ли автор в конце «Тайны богов» достойное ожидаемое завершение либо поставит многоточие.

Над людьми – ангелы.

Над ангелами – боги.

Над богами – ?

«Вам не нравится этот мир? Придумайте другой, который будет лучше».

«Вы считаете, что Бог несовершенен? Встаньте на его место».

Б.Вербер

-
- [Бернард Вербер](#)
 -
 - [ТВОРЕНИЕ В ЖЕЛТОМ](#)
 - [1. МЕЧТАЯ О ЗВЕЗДАХ](#)
 - [2. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТРИ СТАДИИ](#)
 - [3. ЗАВТРАК](#)
 - [4. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: СИМВОЛИКА ЦИФР](#)
 - [5. ПОДГОТОВКА](#)
 - [6. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: НЕРОН](#)
 - [7. ВЕЛИКИЙ МОМЕНТ](#)
 - [8. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: СИНИЙ ЦВЕТ](#)
 - [9. СИМФОНИИ](#)
 - [10. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: АПОЛЛОН](#)
 - [11. РИТУАЛЬНЫЕ ОМОВЕНИЯ](#)
 - [12. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТАДЖ-МАХАЛ](#)
 - [13. БОГОУБИЙЦА](#)
 - [14. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТРИ ОСКОРБЛЕНИЯ](#)
 - [15. БОГОУБИЙЦА](#)
 - [16. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ИГРА ВСЛЕПУЮ](#)
 - [17. ДЕЛЬФИНЫ](#)
 - [18. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТЕОРИЯ ЧЕРНОЙ КОРОЛЕВЫ](#)

- [19. ЛЮДИ-АКУЛЫ](#)
- [20. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: МИФОЛОГИЯ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ](#)
- [21. ЛЮДИ-ОРЛЫ](#)
- [22. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ПИФАГОР](#)
- [23. КОНЕЦ ИГРЫ](#)
- [24. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЦАРЬ НИМРОД](#)
- [25. НОВАЯ ИГРА](#)
- [26. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: АПОПТОЗ](#)
- [27. ТЮРЬМА](#)
- [28. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЭКРАН И ЯСНОСТЬ МЫСЛИ](#)
- [29. СУД](#)
- [30. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: САМООЦЕНКА](#)
- [ТВОРЕНИЕ В ЗЕЛЕНОМ](#)
 - [31. БОГ В ССЫЛКЕ](#)
 - [32. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: АСТРОНОМИЯ ИНДЕЙЦЕВ МАЙЯ](#)
 - [33. ХРАМ И ВЕРА](#)
 - [34. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ПАПЕССА ИОАННА, ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?](#)
 - [35. СИНЯЯ БАБОЧКА](#)
 - [36. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТАИТЯНСКАЯ КОСМОГОНИЯ](#)
 - [37. ДЕЛЬФИНА](#)
 - [38. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: НИКОЛА ТЕСЛА](#)
 - [39. ТЕЛЕПЕРЕДАЧА](#)
 - [40. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: АРТУР КОНАН-ДОЙЛЬ](#)
 - [41. ДЕЛЬФИНА](#)
 - [42. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: MISE EN ABYME](#)
 - [43. СНОВА ДЕЛЬФИНА](#)
 - [44. РЕЦЕПТ ДЕЛЬФИНЫ: ВАТРУШКА](#)
 - [45. УКСУС](#)
 - [46. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: КИТАЙСКИЙ ДРАКОН](#)
 - [47. ПРОРОК](#)
 - [48. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЦАРИЦА КАХИНА](#)
 - [49. ДЕЛЬФИНА ВСЕГДА ВСЕГДА](#)
 - [50. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: СОТРУДНИЧЕСТВО, ВЗАИМНЫЙ ОБМЕН, ПРОЩЕНИЕ](#)
 - [51. ВЕЛИКИЙ ИСХОД](#)
 - [52. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: СПОР В ВАЛЬЯДОЛИДЕ](#)
 - [53. ОСТРОВ СПОКОЙСТВИЯ](#)

- [54. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТОЛКОВАНИЕ НОТ](#)
- [55. ИНОПЛАНЕТЯНИН](#)
- [56. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ИНДУИСТСКАЯ КОСМОГОНИЯ](#)
- [57. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЭДЕМ](#)
- [58. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: КОАН](#)
- [ТВОРЕНИЕ В СИНЕМ](#)
 - [59. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЭДЕМ](#)
 - [60. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: БАРУЙА](#)
 - [61. ОЛИМПИА В ОГНЕ](#)
 - [62. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЭДИП](#)
 - [63. МОРСКАЯ ПРОГУЛКА](#)
 - [64. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ГЛУПОСТЬ](#)
 - [65. ВТОРАЯ ГОРА](#)
 - [66. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ПАН](#)
 - [67. САТИРЫ И ПАН](#)
 - [68. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: СМЕХ](#)
 - [69. СОСТЯЗАНИЕ С ПАНОМ](#)
 - [70. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: АИД](#)
 - [71. СТИКС](#)
 - [72. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ОРФЕЙ](#)
 - [73. ТАРТАР](#)
 - [74. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТРОЙНОЕ СИТО](#)
 - [75. ЧЕРНЫЙ ТЮЛЬПАН](#)
 - [76. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: АПОФЕОЗ](#)
 - [77. ГОРА](#)
 - [78. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: КЛОУНЫ](#)
 - [79. К ВЕРШИНЕ](#)
 - [80. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЭЛЕВСИНСКАЯ ИГРА](#)
 - [81. ПОСЛЕДНИЙ ЭТАЖ](#)
 - [82. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ИСТОРИЯ АСТРОНОМИИ](#)
 - [83. ПОСЛЕДНЯЯ ЗАВЕСА](#)
 - [84. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: СВРЕХСВЕТОВОЙ ЧЕЛОВЕК](#)
 - [85. ЗВЕЗДА](#)
 - [86. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: КОШКИ И СОБАКИ](#)
 - [87. АДОНАИ](#)
 - [88. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЕДИНАЯ ТЕОРИЯ](#)
 - [89. ВЕРХНИЙ МИР](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
-

Бернард Вербер

Тайна Богов

Читателям, которые, несмотря на страшную силу телевидения и Интернета, семейные проблемы, компьютерные игры, спорт, ночные клубы и сон, все-таки нашли несколько часов, чтобы мы могли пообщаться Я просто нить, связывающая букет.

Не я придумал цветы, их форму, цвет и запах.

Моя единственная заслуга в том, что я собрал их и составил букет, в котором они выглядят по-новому.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания

Не жалуйся на тьму. Стань сам маленьким источником света.

Ли Ван Пу, китайский философ III в.

Надпись, нацарапанная циркулем на парте:

Бог умер. Ницше

Ниже фломастером приписано:

Ницше умер. Бог

Человек – это часть целого, которое мы называем Вселенной, часть, ограниченная во времени и в пространстве. Он ощущает себя, свои мысли и чувства как нечто отдельное от всего остального мира, что является своего рода оптическим обманом. Эта иллюзия стала темницей для нас, ограничивающей нас миром собственных желаний и привязанностью к узкому кругу близких нам людей. Наша задача – освободиться из этой тюрьмы, расширив сферу своего

участия до всякого живого существа, до целого мира, во всем его великолепии. Никто не сможет выполнить такую задачу до конца, но уже сами попытки достичь эту цель являются частью освобождения и основанием для внутренней уверенности.

Альберт Эйнштейн.

ТВОРЕНИЕ В ЖЕЛТОМ ВОЗВРАЩЕНИЕ В РАЙ

1. МЕЧТАЯ О ЗВЕЗДАХ

Сон.

Мне снится сон.

Мне снится, что я человек и живу как все.

Проснись...

Я продолжаю лежать с закрытыми глазами, оставаясь в мире сновидений.

Проснись же!

Во сне ли меня будят или на самом деле?

Я зажмуриваюсь, чтобы скрыться от реальности. Ничего не хочу видеть.

Мне снится, что я мирно сплю, свернувшись на кровати черного дерева, на белых льняных простынях, в комнате с голубыми стенами, на которых висят цветные фотографии закатов.

Из окна доносится шум машин, фыркание автобусов, резкие гудки, воркование голубей. Включается будильник.

– Быстро вставай! Ну! Это мне кажется?

Чья-то рука трясет меня за плечо.

– Мишель, просыпайся!

Мой сон – машины, автобус, деревья – разваливается на куски и исчезает. Удивленные люди с хлюпаньем растворяются вместе с улицами. Тают дома, тротуары, покрытые асфальтом, газоны, леса, земля и песок, образующие покров планеты; их словно засасывает в огромный пылесос. Остается только голый шар, похожий на бильярдный. И он все уменьшается.

Спасаясь с крохотной планеты, я выпрыгиваю в космос, как рыба из воды, и плыву в межзвездном пространстве. Плыву брассом, так быстрее.

– Да проснись же наконец!

Я покидаю одну реальность и вынырываю в другой.

– Мишель, вставай! Нужно торопиться!

Розовые губы приоткрываются, за ними виден туннель; я различаю небо, язык, блестящие зубы. В самой глубине трепещет гортань.

– Пожалуйста, ответь мне! Не засыпай снова. У нас очень мало времени!

Широко раскрыв глаза, я смотрю на того, кому принадлежит этот голос. Это женщина. У нее правильные черты лица, длинные вьющиеся

каштановые волосы, живой взгляд.

Она улыбается мне. Она прекрасна.

Я тру глаза.

Комната с высоким потолком и каменными стенами. Простыни из серебристого шелка. В распахнутое окно я вижу гору, ее вершина окутана облаками. Все тихо. Свежий воздух пахнет цветами и травой, на которой еще не высохла роса. Никаких машин, фотографий закатов и будильника.

Да-да, я припоминаю.

Меня зовут Мишель Пэнсон.

Я был Смертным, врачом-анестезиологом. Заботился о пациентах.

Был Ангелом. Заботился о трех душах несколько жизней подряд.

Стал богом, богом-учеником. Заботился о целом народе, помогал ему выжить на протяжении нескольких веков.

Я в Эдеме, на учебной планете богов, затерянной где-то в космосе. Мне нужно стать лучшим из 144 учеников, победить всех своих соперников.

Я глубоко вздыхаю. И вспоминаю все, что недавно произошло со мной.

Я видел страдания своего народа, помню, как взбунтовался и стал подниматься на гору, чтобы узнать – что за свет сияет там, на вершине, сквозь плотную завесу облаков?

Это постоянное стремление узнать больше, чем может вместить сознание...

Прекрасная женщина стоит передо мной, смотрит мне в глаза и говорит:

– Мишель, мы не можем больше терять ни секунды. Нужно идти прямо сейчас.

Я откидываюсь на подушки и спрашиваю:

– Что происходит?

– Что происходит? Прошла целая неделя, с тех пор как ты ушел. Целую неделю Игра продолжалась без тебя. Через час начнется финальная партия. Когда она закончится, мы узнаем, кто победил и получит право пройти по Елисейским Полям и увидеть самого Создателя. Вот что происходит!

Финальная партия сегодня? Нет, не может быть! Сон становится кошмаром.

– Пошевеливайся, Мишель! Если ты не соберешься через несколько минут, все твои усилия пропадут даром. Твой народ погибнет, а ты проиграешь.

Мороз по коже. Я вдруг осознаю, кто я и что мне нужно делать. Мне страшно.

2. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТРИ СТАДИИ

Эволюция любой души проходит три стадии:

1. страх,
2. появление вопросов,
3. любовь.

Любая когда-либо рассказанная история повествует об одном из этих этапов. Истории эти могут происходить в течение одной жизни, нескольких воплощений, одного дня, часа или минуты.

Эдмонд Уэлс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

3. ЗАВТРАК

Поцелуй.

Красавица наклоняется и целует меня, и еще раз, крепче. Это Мата Хари, бывшая голландская танцовщица и французская шпионка, моя подруга в Эдеме.

– Быстрее! Счет идет на секунды.

Она бросает мне анкх, волшебный инструмент, при помощи которого я могу метать молнии и наблюдать за смертными. Я надеваю этот символ нашей власти на шею и начинаю быстро одеваться.

Мата Хари рассказывает:

– Сегодня утром кентавры принесли тебя домой. Пока тебя не было, тут многое произошло.

Она подает мне кожаные сандалии, набрасывает ремень сумки на плечо, и мы выбегаем из дома, даже не заперев дверь.

Снаружи ветрено. Я хотел идти к Восточным воротам, Елисейским Полям и дворцам старших богов, но Мата Хари сворачивает в другую сторону.

– Лекции окончены. Финальная партия состоится в амфитеатре.

Мы бежим по широким пустынным проспектам Олимпии. Не видно ни богов-преподавателей, ни учеников, ни химер, насекомых, птиц. Слышно лишь журчание фонтанов и шум листвы. Я вновь поражаюсь величественности города, восхищаюсь ухоженными садами, цветущими аллеями, статуями, оливами с узловатыми стволами – все здесь поистине великолепно.

Небо у нас над головами черно, земля под ногами белая. Молния прорезает тучи, но дождя пока нет. У меня возникает странное ощущение.

Ощущение конца света. Словно вот-вот разразится катастрофа.

Порывы ветра усиливаются. Становится все холоднее. Раздается колокольный звон. Мата Хари тянет меня за руку, и мы бежим, задыхаясь.

Я вспоминаю зимние утра из моей прошлой жизни. Мама так же тащила меня за руку в лицей на экзамены. Она говорила: «Будь честолюбивым. Целься как можно выше. Тогда, даже если ты не выполнишь и половины намеченного, все равно многого добьешься». Что бы она сказала теперь, если бы увидела меня здесь, в Олимпии, накануне финальной партии?

Мы мчимся через Олимпию.

Впереди я вижу маленькую крепкую фигуру Маты Хари. Ветер треплет ее темные волосы. Я следую за ней, сворачивая в улочки, пересекая проспекты.

– Быстрее, Мишель! Двери закрывают!

Наконец, мы у амфитеатра, огромного каменного строения с барельефами, на которых изображены титаны, вооруженные копьями и щитами. Они борются с героями. Два упитанных кентавра стоят по обе стороны от главного входа, скрестив руки на груди, и бьют копытами о землю. Из ноздрей у них вырывается пар. Холодно.

Едва заметив нас, кентавры трубят в рога, возвещая о нашем прибытии. Тяжелая дубовая дверь со скрипом отворяется. Выходит бородатый бог-преподаватель почти трехметрового роста. Его голову венчает венок из виноградных листьев.

– Мишель Пэнсон! – восклицает Дионис. – Верно о тебе говорят: Тот, которого ждут. Некоторые уж думали, что ты пропустишь Финал.

Бог воров впускает нас и запирает огромную дверь.

– Началось? – с тревогой спрашивает запыхавшаяся Мата Хари.

Дионис поглаживает бороду и подмигивает.

– Нет-нет, мы собирались запирать двери, но до начала партии еще целый час. Успеете спокойно позавтракать. Поручаю вас заботам этой барышни.

Полубогиня ора Дике ведет нас по мраморным коридорам и мощеным дворам в зал, где накрыт завтрак. На столах стоят кувшины с кофе, чаем, молоком, горячим шоколадом. Вокруг главного, круглого стола я вижу других учеников-финалистов. Они завтракают.

Вначале нас было 144. Когда я бежал, чтобы подняться на вершину горы, уже больше половины выбыли из игры, не говоря уж о тех, кто погиб от руки богоубийцы. Теперь нас осталось всего 12.

Я увидел:

Жоржа Мельеса, бога людей-тигров,
Густава Эйфеля, бога людей-термитов,
Симону Синьоре, богиню людей-цапель,
Бруно Баллара, бога людей-коршунов,
Франсуа Рабле, бога людей-свиней,
Тулуз-Лотрека, бога людей-коз,
Жана де Лафонтена, бога людей-чаек,
Эдит Пиаф, богиню людей-петухов.

И еще юношу, имя которого я забыл, потому что не был с ним близко знаком.

Похоже, Мата Хари знает этого полного блондина.

– Это Ксавье Дюпюи, – шепнула она мне, – бог людей-акул. Сначала у него было небольшое царство, потом он вооружил подданных и создал военную аристократию. Ему удалось объединиться с соседями, сейчас у него промышленный подъем. Города растут и процветают. Он довольно опасен, да еще у его народа сейчас демографический взрыв.

Соперники приветствуют нас, однако всех занимает только предстоящая партия, как Олимпийские игры – спортсменов.

В углу, в стороне от всех, сидит Рауль Разорбак, бог людей-орлов. Я сразу узнаю его лицо, удлинненное и острое, как нож, и взгляд – сумрачный и спокойный. В одной руке он держит чашку, другую протягивает мне. Я смотрю на него.

– Мишель, только не говори, что ты еще сердишься.

– Как я могу простить тебя? Ты украл проповедь терпимости и милосердия у моего пророка и обратил его слова против моего же народа, призывая к расизму!

Рауль нахмуривается. Обычно он совершенно невозмутим, но сегодня я чувствую, что он напряжен.

– Ты опять за своё! Неужели ты воспринимаешь все это всерьез? Мишель, это же просто игра. Это просто смертные! А смертные, как известно, должны умирать. Мы боги, мы выше этого. Люди всего лишь фигуры в нашей шахматной партии, а разве ты оплакиваешь пешку, которую съел противник?

Он беззаботно пожимает плечами и снова протягивает мне руку.

– Мы были друзьями. И всегда ими останемся.

– Рауль, это не пешки. Это живые существа, способные испытывать боль.

Разорбак опускает руку и насмешливо смотрит на меня.

– Ты слишком сильно переживаешь игру. У тебя всегда были достаточно наивные представления о предназначении бога. Всегда хочешь быть положительным киногероем, да, Мишель? Это тебя погубит. Важно победить, а не казаться хорошим.

– Позволь мне остаться при своем мнении.

Рауль пожимает плечами и залпом допивает кофе.

– Кладбища переполнены хорошими людьми, а циничные мерзавцы покоятся в пантеонах и мавзолеях. Но именно мерзавцев выбирают историки, которые пишут для будущих поколений. Именно мерзавцы со временем становятся героями, окруженными ореолом славы. Нам с тобой это особенно хорошо известно, ведь мы знаем, как все было на самом деле.

– В этом как раз и заключается разница между нами с тобой, Рауль. Ты замечаешь несправедливость, а я пытаюсь бороться с ней.

В глазах моего соперника вспыхивает огонек.

– Ты забыл, Мишель, что это я заразил тебя желанием увидеть Континент мертвых? Ты забыл девиз танатонавтов, который мы повторяли, когда наши души выходили из тел, чтобы исследовать загробный мир?

– Вместе против идиотов.

– Точно. И еще: Вперед, навстречу неизвестному. Душа обязана наблюдать и постигать. Не вставать на чью-то сторону, а идти вперед, к неизведанному. Мы стремимся увидеть реальность такой, какая она есть, а вовсе не быть «хорошими».

Последнее слово он произнес с особым презрением. Все прислушивались к нашему разговору, но не вмешивались.

– Ты забыл и наш девиз, когда мы были ангелами? «Любовь – наш меч». Мы сражаемся во имя любви, – сказал я.

– Полностью это звучало так: «Любовь – наш меч, юмор – наш щит». Юмор, способность все считать относительным. Тебе прекрасно известно, что самые страшные боины начинались во имя любви, самые страшные войны велись за религию или родину. А заканчивались они нередко именно благодаря чувству юмора. И благодаря чувству юмора свержали тиранов. Куда девалось твое чувство юмора, Мишель?

Рауль, вскочивший было на ноги, снова сел и взял кусок кекса.

– Оно исчезло, когда я увидел, как твои люди-орлы превратили орудие пытки, которым они казнили моего пророка, в символ объединения. Моим символом была рыба, а не человек, посаженный на кол!

Рауль, жуя, ответил:

– Я поступил так, чтобы твое послание не погибло... Было необходимо повлиять на умы. Признай, что изображение орудия пыток впечатляет сильнее, чем рыба.

Я повысил голос.

– Ты убил моего пророка! Ты украл и извратил мое послание людям!

– Мишель, ты жалкий идиот. Ты ничего не понимаешь в истории мира.

Я схватил Рауля и швырнул его на землю, вцепился ему в горло и начал душить. К моему великому изумлению, он не сопротивлялся. Когда он захрипел, вмешались Густав Эйфель и Жорж Мельес. Они подняли нас и растащили в разные стороны.

– Эй, сегодня Финал! – воскликнул Бруно Баллара. – Если вам приспичило выяснять отношения, заставьте ваши народы сделать это.

Эдит Пиаф поддержала его:

– После этой партии останется только один, а остальные одиннадцать будут ликвидированы.

– Мы тут как гладиаторы за минуту до выхода на арену, – кивнул Ксавье Дюпюи. – Не стоит убивать друг друга, пока не подали сигнал.

Мата Хари помогла мне отряхнуться.

– Поешь. – Она протянула мне круассан. – Тебе понадобятся силы во время игры.

Я налил себе кофе.

Мы все испытующе смотрели друг на друга. Жан де Лафонтен попытался разрядить атмосферу.

– Смертные даже не понимают, как им повезло... что они не боги!

– И что они не знают о мирах, которые существуют вокруг них, – добавил Франсуа Рабле.

– Иногда мне кажется, я предпочел бы ничего не знать об этом и не иметь той власти, которую имею сейчас. Все эти люди, которые поклоняются нам, все это накладывает на нас такую ответственность... – сказала Симона Синьоре.

– Через несколько часов все решится, – пробормотал Тулуз-Лотрек.

Я выпил еще несколько чашек кофе, пока Мата Хари не отобрала у меня кувшин.

– Хватит, не то у тебя будут дрожать руки, и ты ударишь молнией куда-нибудь не туда.

Она прижалась ко мне. Я чувствовал ее мягкую грудь.

– Я хочу тебя, – шепнула она мне на ухо.

– Здесь? Сейчас?

– Да, прямо перед Финалом. Потом будет поздно.

– Я не умею заниматься любовью впопыхах. Она увлекла меня за собой в темный коридор.

– Научись. Я как растение – со мной нужно много разговаривать и много поливать.

Мы шли по длинным коридорам, выкрашенным в красный цвет.

Когда мы отошли достаточно далеко, Мата Хари, не отпуская меня, опустилась на мраморный пол. Мы начали целоваться и ласкать друг друга.

Моя подруга была то полководцем в нашей любовной битве, то дирижером, когда наши тела исполняли на полу медленный, полный страсти танец, ритм в котором задавала она. Когда, наконец, мы упали, обессиленные и задыхающиеся, прижимаясь друг к другу, она достала что-то из своей сумки и протянула мне.

– Что это?

– То, что поможет нам.

Я развернул ткань и увидел знакомую обложку «Энциклопедии относительного и абсолютного знания».

– Я стала писать продолжение, чтобы все это наследие не было утрачено. Столько знаний могло безвозвратно пропасть. Некоторые куски мне пришлось написать заново по памяти. Не удивляйся, когда тебе попадется новая версия того, что ты много раз читал раньше. Я добавила и другие тексты после того, как сделала несколько открытий во время твоего отсутствия.

На первой странице я нашел то, что Эдмонд Уэллс считал самым важным и повторял нам перед каждой экспедицией. Мата Хари изложила это по-своему, но смысл остался тот же.

4. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: СИМВОЛИКА ЦИФР

Символика цифр рассказывает (или обсчитывает) историю развития сознания. Любой роман, любая драма могут быть включены в рисунок, который всегда у нас перед глазами, хотя мы не даем себе труда взглядеться в него.

Чтобы расшифровать его, нужно знать, что горизонтальные линии означают привязанность, изогнутые – любовь, а пересечение линий (крест) символизирует возможность выбора или испытание.

Таким образом, получается вот что.

1 – минерал. Вертикальная черта. Горизонтальных линий, выражающих привязанность к чему-либо, нет. Нет изогнутых линий, значит, нет и любви. Камень ни с чем не связан и ничего не любит. В единице нет пересекающихся линий, она не подразумевает испытаний. Мы в самом начале развития материи. Единица – это инертная материя.

2 – растение. Жизнь начинается. Горизонтальная черта внизу означает связь растения с землей. Корни удерживают его на месте, оно не может перемещаться. Изогнутая линия вверху означает любовь, которую растение испытывает к небу, солнцу, свету. Растение привязано к земле и любит небо.

3 – животное. Две изогнутые линии. Животное любит небо и землю, но не привязано к ним. Тройка – это два рта, один целует, другой кусает. Животное – это эмоция в чистом виде. Оно живет, разрываясь между страхом и желанием. Без привязанностей.

4 – человек. Пересечение линий. Перепутье между тройкой-животным и следующей стадией, пятеркой.

5 – человек сознательный. Противоположность двойки. Верхняя черта означает, что человек привязан к небу, нижний изгиб говорит о том, что человек любит землю. Он парит над человечеством и наблюдает за ним, чтобы понять и полюбить.

6 – ангел. Изгиб любви, спиралью поднимающийся к небу. Ангел – это чистая духовность.

7 – бог-ученик. Крест. Еще одно пересечение линий. Противоположность четверки. Бог-ученик – это промежуточная стадия между ангелом и следующим уровнем.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI (по материалам тома III)

5. ПОДГОТОВКА

– Шестой том?

Мата Хари из скромности подписывалась именем Эдмонда Уэллса, автора проекта.

– «Мы просто нить, связывающая букет», – напомнила она.

Я пробежал глазами еще несколько строк.

– По материалам третьего тома?

– Я сделала, что могла. Главное было сохранить дух и смысл статей.

Я закрыл книгу. Мата Хари сделала все для того, чтобы бесценные знания не были потеряны.

– Сколько сейчас времени?

Мата Хари посмотрела на экран своего анкха.

– У нас еще минут пятнадцать.

Она вытащила из сумки пачку сигарет и спички. Закурила, протянула сигарету мне.

Давно, когда я был смертным и врачом, я ненавидел никотин, яд, уничтожающий легкие. Но теперь все происходящее было настолько невероятным, что я наплевал на свои прежние взгляды.

– Последняя сигарета перед смертью?

– Нет. Просто сигарета после секса.

Я глубоко затянулся и тут же закашлялся.

– Что-то я отвык.

Мата Хари прижалась ко мне и прошептала.

– Я люблю тебя.

– Почему?

Она потерлась носом о мой нос и посмотрела в глаза.

– Может быть, потому, что ты... милый. Ты чудовищно неуверен в себе, ты самый большой неудачник и растяпа какого я знаю. Но только ты попытался забраться на гору, чтобы увидеть Зевса. Ты решился сделать это.

Я подскочил от негодования.

– Я не просто попытался! Я говорил с ним! Мата Хари ласково гладит меня по плечу, словно ребенка, который врет.

– Ты такой фантазер, Мишель.

– Это не фантазии! Я действительно поднялся на самую вершину и видел все, что там происходит.

Я разворачиваю ее к себе, чтобы видеть ее лицо.

– Поверь мне!
– Они сказали нам, что...
– Не надо слушать их, Они манипулируют нами. Я не знаю, с чего начать.

– Как ты думаешь, что там со мной случилось?
– Ты украл крылатого коня Афины, начал подниматься на гору, а потом конь тебя сбросил. Тебя схватили кентавры и на неделю посадили в тюрьму, чтобы наказать за дерзость. Потом они отпустили тебя, чтобы ты принял участие в Финальной игре.

– Все было не так.
Мата Хари недоверчиво смотрит на меня.
– И что же, по-твоему, произошло?
– Не «по-моему». На самом деле. Меня никто не останавливал. Я поднялся на самую вершину. Там, куда я забрался, нет ни кентавров, ни грифонов.

Я снова закурил.
– Сколько времени осталось?
Она садится ко мне на колени, смотрит в глаза.
– Десять минут. Рассказывай.
Я закрываю глаза, чтобы лучше вспомнить все, что со мной было.
– Ну что ж...

Я жадно вдыхаю горький дым, чувствую, как он проникает в мои легкие, расслабляет и отравляет мое тело.

– Мы с Пегасом поднимались все выше. Прошло довольно много времени, прежде чем дождь заставил нас опуститься на землю. Этот несчастный крылатый конь боится грозы. На первом плато, заросшем лесом, я увидел хижину, в которой живет Веста, богиня домашнего очага. Она уговаривала меня вернуться, но я не послушал.

– Не отвлекайся на мелочи.
– Я поднялся на второе плато, покрытое песками. Там, в пустыне, я встретил Сфинкса, охранявшего узкий проход в скалах. Он задал мне вопрос: «Что лучше Бога, страшнее, чем дьявол...» – Я знаю, это та самая загадка, не разгадав которую никто не может подняться на вершину.

Мата Хари закрывает глаза и наизусть рассказывает:
– Лучше, чем Бог. Страшнее, чем дьявол. У бедных есть. У богатых нет. Если съесть, умрешь.

– Я нашел ответ.
– И что это?
– Ничего.

Мата Хари хмурится. Она недовольна. Странно, почему люди не могут слышать правду. Эдмонд Уэллс говорил: «Подарок можно сделать только тому, кто готов его принять. Иначе человек просто не оценит его».

– Именно так. Ничего.

– Почему ты не хочешь мне сказать ответ? Мы же вместе. Ты не должен от меня ничего скрывать.

– Ответ: ничего.

Эдмонд Уэллс еще говорил: «Они слышат, но не слушают. Видят, но не смотрят. Знают, но не понимают».

Все дело в том, что люди невнимательны.

– Что лучше Бога? Ничто. Ничто не может быть лучше Бога. Нет ничего страшнее дьявола. Чего нет у бедняков? Ничего. Чего не хватает богатым? Ничего. Если ничего не есть, то умрешь.

Мата Хари все еще не верит мне.

– И что все это значит?

– Может быть, это следует понимать так: Бог – это Все, и это Все существует, только если есть противостоящее ему Ничто.

Мата Хари не понимает. Я пытаюсь объяснить по-другому.

– «То, чем ты не являешься» объясняет «то, что ты есть на самом деле». Узнать твою противоположность – лучший способ узнать тебя. Противоположность Всему – Ничто.

Мата Хари усаживается на пол, скрестив ноги. Я сажусь напротив.

– Ты действительно видел Великого Зевса? Я киваю. Что-то в ее взгляде меняется.

– Лжешь!

Я забыл о том, что бывает, когда кто-то упоминает Зевса. И ведь если бы кто-нибудь сказал мне, что видел его, я бы тоже не поверил. Мата Хари кладет руки мне на плечи.

– Мишель Пэнсон, ты поднялся на гору и видел Его?

– Да.

– У тебя есть доказательства?

– К сожалению, я не Моисей, и спустился с вершины без скрижалей. Мое тело не стало светиться, я не исцеляю прокаженных наложением рук. Встреча с Зевсом не изменила меня. Но я клянусь, что видел его, как сейчас вижу тебя.

– А я должна поверить этому просто потому, что ты так говоришь?

Она никогда не поверит мне.

– Я не заставляю тебя.

Она крутит между пальцами каштановую прядь.

– Рассказывай дальше. Какой он, по-твоему?

– Он большой. Огромный. Очень внушительный. Метров пять ростом. Он такой, каким мы его себе представляли – с белой бородой, в длинной тяжелой тоге. У него низкий мощный голос. В руках у него молния.

– Ты уверен, что это не был кто-то, прикинувшийся Зевсом, чтобы посмеяться над тобой? Здесь немало существ, которые умеют принимать любые обличья. Если достаточно надеть белую тогу и говорить басом, чтобы выдать себя за верховного бога...

– Я видел Зевса в его дворце, окруженном циклопами.

– Зрение могло подвести тебя.

Она пристально смотрит на меня, потом говорит, словно вдруг поверила мне:

– Это его гигантский глаз мы видели тогда в небе?

– Зевс может выглядеть как угодно. Он был огромным глазом, белым кроликом, лебедем... Он может превратиться во что угодно.

– Ты ЕГО видел? – Да.

– Ты говорил с НИМ?

Она произносит слова «ЕГО», «с НИМ» с огромным уважением.

– Сначала у меня не получалось. Я был слишком взволнован. Он заставил меня пройти испытание, и я выдержал его...

– Это была битва с чудовищем?

– Хуже. Битва с самим собой.

Я чувствую, что Мата Хари все еще не верит мне.

– На самом деле это была одушевленная копия меня самого.

Она сидит и слушает, как прилежная ученица на уроке.

– Он заставил тебя биться с самим собой?

– Да, и я победил. Потом он вынудил меня бороться против своего народа.

– Против людей-дельфинов?

– Он хотел испытать меня, прежде чем поведать СВОЮ правду. Он хотел знать, готов ли я пожертвовать самым дорогим, что у меня есть.

Кажется, она начинает мне верить.

– Перестань увязать в деталях. Что такое эта ЕГО правда?

– Зевс восхищается смертными, потому что они создают такие вещи, которые ему и в голову не приходили.

Мата Хари торопит меня.

– Он показал мне свой дворец. У него есть несколько музеев, он коллекционирует лучшие, самые прекрасные творения человечества.

– Ты хочешь сказать, что Зевс просто... подглядывает за людьми?

– Зевс не только не ответил на мои вопросы... После встречи с ним у меня возникло множество новых. Особенно после того, как я узнал секрет его дворца.

– Перестань говорить загадками.

– Я отдернул занавес и распахнул окно в главном зале. И увидел...

– Что?

– Есть еще одна гора, гораздо выше, но эта заслоняет ее. На вершине второй горы мерцает свет.

– Такой же, как на этой?

– На самом деле, свет, который мы видим, сияет на второй горе.

Мата Хари изумляется:

– На второй горе?

– Да, она находится еще дальше, на востоке. Зевс признался, что и над ним есть что-то или кто-то. Более могущественное существо. Он точно не знает, что это может быть. И он так же, как и мы, наблюдает за светом, мерцающим на вершине второй горы.

– Почему же он не отправится туда, чтобы узнать, что же там такое?

– Зевс говорит, что вершину охраняет силовое поле, которое сможет преодолеть только победитель Игры.

Мата Хари впадает в глубокую задумчивость, а я говорю:

– Это последняя, самая большая тайна.

– Какое место Зевс, по его собственному мнению, занимает на лестнице развития сознания?

– Он считает, что он «8». Восьмерка имеет форму бесконечности. Кстати, нужно дописать в «Энциклопедию». После «7», бога-ученика, следует «8»: Бесконечный Бог. Изогнутая линия любви, которая бесконечно пересекается сама с собой и в то же время вращается по кругу, не поднимаясь и не опускаясь.

После минутного колебания Мата Хари берет «Энциклопедию», карандаш и записывает мои слова.

– А как Зевс называет существо, стоящее выше его?

– «9».

Мата Хари перестает писать. Я стараюсь убедить ее:

– Поверь мне. Я не мог бы сам такое выдумать. Я слышал все сам своими ушами.

– И что такое эта девятка?

– Спираль, противоположная шестерке, обозначающей ангела. Это любовь, которая не поднимается к небу, а спускается на землю. Вращающаяся спираль.

– Девятка, – произносит она, словно пытаясь привыкнуть к новому понятию.

– Я считаю, что это Создатель Вселенной.

– Значит, тот, кто победит в Игре, сможет встретиться с «9»?

– И даже больше. Зевс сказал, что наш выпуск отличается от всех предыдущих. Он думает, что победитель не просто выиграет партию. Он сможет подняться на новый уровень и сам станет новой «9», управляющей всеми мирами.

Вот теперь Мата Хари точно мне не верит.

– С чего он это взял?

– Он получил послание с той, второй горы. Он думает, что Великий Бог устал и хочет отойти от дел. Вот почему так важна победа в игре, которая вот-вот начнется. Мы должны выиграть, иначе...

Мата Хари прикусила губу.

– Я ещё не всё тебе рассказала. Пока тебя не было, здесь кое-что произошло.

– Говори.

– Евой народ... Люди-дельфины пережили ужасные бедствия. Много бедствий. Они в ужасном положении.

– Но они до сих пор живы, иначе меня бы тут не было.

– Разумеется. Твой народ выжил, как и много раз прежде, но людей-дельфинов осталось очень мало, они рассеяны по всей земле. Жорж Мельес и Густав Эйфель приняли к себе некоторое количество выживших.

– Всё равно я буду играть.

– Будет не просто. Люди-дельфины настолько привыкли к гонениям, что, попав к новым, гостеприимным хозяевам, предпочли ассимилироваться с народами, которые дали им убежище. Они попросту растворились в них. Отказались от своей религии. Теперь они исповедуют веру своих хозяев. Мы с Эдит Пиаф тоже приняли людей-дельфинов, но и у нас твой народ отказался от своих обычаев.

Не может быть. Мата Хари явно сгущает краски.

– Я буду играть с теми, кто не полностью ассимилировался.

– Видишь ли, большинство людей-дельфинов считают что...

– Ну же, говори!

– Они считают, что их бог... оставил их.

В Амфитеатре заиграли трубы. Нужно торопиться. Я вспомнил, что Земля-18, когда я видел ее в последний раз, была похожа на Землю-1 времен Древнего Рима. Пережив правление людей-орлов, Земля-18 скатывалась обратно к варварству.

Прошла неделя, и мне было интересно узнать, что теперь происходит с народами и их вождями.

6. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: НЕРОН

Нерон родился в 37 году. Его родителями были Домиций Агенобарб и Агриппина. Его мать, избавившись от мужа, стала четвертой супругой императора Клавдия и заставила его усыновить Нерона. Более того, ей удалось добиться брака Нерона с Октавией, дочерью Клавдия.

Таким образом, благодаря интригам матери, Нерон стал одновременно приемным сыном и зятем самого могущественного правителя того времени.

По указке Агриппины император Клавдий объявляет приемного сына своим единственным преемником, обойдя родного сына Британника. Сразу после этого (в 54 году) Клавдия убивают. Скорее всего его отравила Агриппина, опасавшаяся, как бы он не передумал. С этого времени римский Сенат, умело направляемый Агриппиной, признает решение императора и провозглашает Нерона новым императором.

Первый этап царствования Нерона, находившегося под влиянием матери и своего наставника Сенеки, принято называть «спокойным». Нерон принимает популистские законы и управляет империей достаточно разумно.

Но вскоре все становится по-другому. Нерон приказывает отравить повзрослевшего Британника, который, судя по всему, хочет занять несправедливо отнятый у него трон. Через некоторое время, устав слушать ворчание Агриппины, осуждавшей его новую любовницу, великолепную Поппею Сабину, Нерон выгоняет мать из дворца. Во время плавания, которое совершала Агриппина, обрушилась свинцовая крыша каюты, и царица чудом избежала смерти. Вместо нее погибла ее верная служанка. Едва оправившись от пережитого ужаса, Агриппина решает вернуться к сыну. Нерон приказывает своим слугам убить ее. Царицу избивают палками и закалывают мечом. Прорицатели предсказывали Агриппине, что ее сын будет императором и погубит ее. Она ответила им: «Пусть, лишь бы он правил империей».

Убив мать, Нерон тут же совершает новое злодеяние – убивает Октавию, обвинив ее в том, что она бесплодна. Теперь он может взять в жену свою любовницу Поппею Сабину. Сенека пытается образумить императора, и тот отправляет его в ссылку.

Нерон становится деспотом. Считая себя великим атлетом, он участвует в состязаниях на колесницах. Считая себя гениальным поэтом,

состязается с другими стихотворцами. И постоянно побеждает.

По ночам, переодевшись простым горожанином, он участвует в оргиях, участники которых притворяются, что не узнали его. Нередко в конце пиршества он выбирает одного из гостей, забивает его до смерти, а труп потом сбрасывают в сточную канаву.

Узнав, что Сенека продолжает обличать его, Нерон приказывает убить его.

В приступе гнева он избивает Пoppею, которая беременна от него. Пoppея умирает от ран.

Тогда Нерон женится на Статилии Мессалине, убив сначала ее мужа. В 64 году он приказывает поджечь две трети Рима, чтобы осуществить наконец свой план – очистить город от грязных кварталов. Он даже сочиняет приуроченную к этому событию поэму и музыку. Римляне, разумеется, не были предупреждены об этом мероприятии, и тысячи горожан погибли в огне. Нерон тут же нашел виновных – обвинил в случившемся христиан. Начинаются облавы и преследования, пойманных пытаются заставить признаться в поджоге Рима, публично казнят, устраивая грандиозные представления, – все это, чтобы успокоить возмущенное население Рима.

Но империя, которой правили как попало, переживает глубокие внутренние потрясения. Начинаются голод, эпидемии, восстания и войны.

В конце концов Римский Сенат объявляет Нерона врагом и провозглашает императором консула Гальбу. Нерон, узнав, что его приговорили к смерти, кончает жизнь самоубийством 9 июня 68 года с помощью своего слуги. Умирая, бывший император плакал и повторял: «Какой артист погибает!»

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

7. ВЕЛИКИЙ МОМЕНТ

– Я не хочу тебя потерять! – Мата Хари сжимает мне руку. Вместе мы входим в зал, где нас ждут остальные ученики. Наша одежда в беспорядке, волосы растрепаны. Все догадываются, чем мы занимались, но никто не обращает на это внимания. Все поглощены предстоящей игрой. Чтобы скрасить время ожидания они изучают книги, посвященные истории Земли-1, которые принесли Оры.

Бруно Баллар склонился над книгой о современной истории. Ксавье Дюпюи погрузился в монографию о китайской военной стратегии. Жорж Мельес листает старинный трактат о колдовстве. Густав Эйфель – альбом по архитектуре, Жан де Лафонтен – учебник по химии, Франсуа Рабле – поваренную книгу, Тулуз-Лотрек – книгу о живописи. Рауль Разорбак читает труд о новых технологиях. Симона Синьоре сидит, закрыв глаза. Эдит Пиаф молится.

– Мы слышали трубы. Уже начинается? – спрашиваю я.

– Еще нет, – отвечает Рауль Разорбак. Дионис объясняет, что трубы играли просто для того, чтобы проверить акустику в Амфитеатре.

– Пока есть время, проверь, заряжен ли твой анкх, – советует Жорж Мельес. – Обидно будет, если он отключится посреди игры.

Я благодарю его, и замечаю, что мое оружие действительно заряжено только наполовину.

Мата Хари выполняет несколько упражнений на растяжку, похожих на гимнастику тай-цзи цюань. Когда я был смертным, то иногда видел в парках Земли-1 людей, которые делали что-то подобное. Медленные жесты помогают ей обрести равновесие, она движется, будто плывет в воздухе.

Я сажусь рядом с Симоной Синьоре и тоже закрываю глаза. Через несколько мгновений я понимаю, что для меня и моих смертных наступает время потрясений, революций, войн, кризисов, вспышек страстей, предательств.

Я сомневаюсь, что одиннадцать соперников пощадят меня. Я должен предвидеть их действия. Заставать их врасплох.

Удивлять. Вот ключевое слово.

Эдмонд Уэллс учил меня: «Выигрывает не всегда тот, кто умнее, но тот, кто может видеть на шаг вперед, тот, кто оказывается там, где его не ждут, и совершает непредсказуемые поступки».

Если события выйдут из-под контроля, я пошлю своему народу нового

пророка.

Нет. Придется отказаться от этой идеи. Больше никаких чудес, никаких пророков. Это слишком простое решение для бога, который сам недостаточно верит в свои силы и в победу своего народа.

Дионис возвращается и сообщает, что нужно подождать еще десять минут, пока режиссеры не закончат подготовку к началу игры.

Режиссеры?

Вот, значит, в чем сложность последней партии. Это шоу, подготовленное режиссерами и продюсерами, как спектакль или кинофильм.

Мне страшно. Остальным тоже.

Я вспоминаю слова Зевса: «Цель любой игры – найти себя самого. Мы знаем ответ на любой вопрос, потому что уже сталкивались с чем-то подобным в прошлой жизни. Единственная проблема в том, что мы все забыли. Или же нас отвлекают чужие уловки и ложь. Но если мы вернемся к собственным истокам, если мы действительно любим себя такими, как есть, а не ту личину, которую нам навязывают другие, тогда мы на верном пути, и все вокруг нас происходит так, как должно быть».

Я стараюсь понять истинный смысл каждого из этих слов.

Возможно, Зевс и не верховный бог, а только восьмерка, но он дал мне ключ к пониманию многих вопросов.

Помнить, кто я есть на самом деле.

Вернуться к собственным истокам.

Он сказал:

– МИ-ХА-ЭЛЬ. В твоём имени уже заложена информация. Ты – Михаэль. На древнееврейском «Ми» означает «кто», «Ха» – «как», «Эль» – «Бог». Тот, кто как Бог.

Кто я?

Кто же я на самом деле?

Ужасные слова Маты Хари ещё звучат в моих ушах: «Твой народ думает, что бог оставил их».

И это после всего, что я сделал для них в прошлом.

Я вспоминаю, что, когда был смертным, без конца обращался с просьбами, упреками, молитвами к воображаемому богу. Я не понимал, что дело не в том, «что Бог может сделать для меня», а, скорее, в том «что я могу сделать для Бога».

Мои смертные путают храм с книгой жалоб. Они требуют здоровья, любви, богатства, славы, вечной молодости, а также призывают бесчисленные бедствия на головы своих врагов. Они постоянно

недовольны. Всегда хотят больше, больше, больше... Считают себя жертвами несправедливости, и даже если ты из кожи вон вылезешь, чтобы помочь им, то в ответ услышишь новые жалобы. А если их убогие желания не выполняются сию минуту, то они тут же начинают богохульствовать.

Итак, мои люди-дельфины, о которых я столько заботился, которых без меня вообще не было бы на свете, сомневаются в моем существовании. Мой народ растворяется в других племенах, переходит в чужую веру, забывает все, чему я их учил. И все потому, что меня не было каких-то пятьсот лет.

Как быстро они забывают добро! Как хорошо помнят зло! Как они неблагодарны!

Снова появляется Дионис.

– Через пять минут начинаем. Приготовьтесь. Мата Хари, до сих пор рассказывавшая взад и вперед, подходит ко мне и замирает в моих объятиях.

– У нас должно получиться! – шепчет она.

Рауль Разорбак странно смотрит на меня. Похоже, что, как только игра начнется, он первым делом займется мной.

– Пусть победит сильнейший! – говорит он.

– Надеюсь, это будешь не ты, – сухо отвечаю я. Однако он прав. Все началось, когда я встретился с ним на кладбище Пер-Лашез, в Париже на Земле-1. Если бы не Рауль, я прожил бы самую обычную жизнь. Он был моим лучшим другом, открыл передо мной удивительные горизонты, а потом разочаровал меня.

Рауль считает, что цель оправдывает средства.

Внезапно раздается мощный звук труб. Мата Хари наклоняется ко мне и тихо говорит:

– Не забывай, что ты бог.

Она прижимает меня к стене и целует. Я чувствую ее нежное дыхание.

– Эй, голубки, хватит ворковать, все готово, – усмехается Дионис. – Пора начинать.

Тяжелые двери открываются, за ним черный мраморный коридор. Я глубоко вздыхаю. Мы медленно идем вперед. Так гладиаторы шли на арену, навстречу судьбе. Мне кажется, что все, что еще только должно произойти, уже где-то записано. Один из нас выживет и станет Хозяином всех миров.

В конце коридора медленно, с протяжным скрипом открываются огромные бронзовые двери. Раздается оглушительный шум. Мы осторожно выходим на арену.

Я вижу бескрайнее небо, слепящую синеву, толпу, которая, стоя, приветствует нас. Никогда не видел столько народу в Олимпии. Шум

становится все громче.

Одни свистят, другие хлопают, третьи выкрикивают наши имена. Мне кажется, что я расслышал свое имя.

Небо становится еще светлее.

8. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: СИНИЙ ЦВЕТ

Довольно долго синий цвет недооценивали. Древние греки вообще не считали его цветом, и признавали только белый, черный, желтый и красный. Существовала и еще одна проблема – красильщики тканей и художники не знали, как окрашивать полотно в синий.

В Древнем Египте считали синий цветом загробного мира. Египтяне добывали этот цвет из меди. В Древнем Риме синий считался цветом варваров; возможно, потому, что германцы красили лица серо-голубой краской, чтоб быть похожими на призраков. На латыни или греческом слово «синий» не имеет точного определения, его нередко объединяют с серым или зеленым. Само слово «Bleui», означающее по-французски синий, происходит от германского «Blai». Синеглазых женщин римляне считали вульгарными, а мужчин – грубыми и глупыми.

В Библии синий цвет упоминается редко, в отличие от драгоценного камня сапфира.

Синий цвет на Западе презирали вплоть до средних веков. Красный, напротив, символизировал богатство, и чем он был интенсивнее, тем было лучше. Красными стали одежды священнослужителей – кардиналов и пап. В XIII веке все изменилось: художники наконец научились получать синюю краску из лазурита, кобальта и индиго. Синий цвет становится цветом Богородицы. Ее изображают в синих одеждах потому, что она живет на небесах, или потому, что синий считался предшественником черного, цвета траура.

Раньше небеса были черными или белыми, а теперь стали синими. Прежде зеленое море на гравюрах тоже посинело.

Синий входит в моду, становится цветом аристократии. Красильщики немедленно начинают изобретать все новые его оттенки.

Вайда красильная, растение, которое используется для изготовления синей краски, выращивают в Тоскане, Пикардии и окрестностях Тулузы. Целые провинции начинают процветать благодаря производству синего красителя.

На деньги торговцев вайдой был построен Амьенский собор, в то время как страсбургские торговцы мареной, растением, из которого добывается красная краска, все еще с трудом собирали средства на строительство собора в Страсбурге. Интересно, что на витражах эльзасских церквей дьявола изображали синим. Начинается война культур между

провинциями, где любят синий цвет, и теми, где любят красный.

В эпоху протестантских реформ Кальвин провозгласил, что одни цвета «честные» – черный, коричневый, белый, синий, а другие «нечестные» – красный, оранжевый, желтый.

В 1720 году один берлинский фармацевт изобрел «прусскую лазурь», которая дала возможность разнообразить оттенки синего. С развитием мореплавания в Европу с Антильских островов и из Центральной Америки стали привозить индиго, гораздо более сильный краситель, чем все известные до сих пор.

Политика тоже не осталась в стороне. Во Франции синий становится цветом восставших республиканцев, противостоявших белым монархистам и черным католическим партиям.

Позже синие республиканцы выступали против красных социалистов и коммунистов.

В 1850 году была создана одежда, появление которой принесло синему цвету последние лавры – джинсы, изобретенные в Сан-Франциско портным Леви Штрауссом.

Сегодня во Франции большинство опрошенных называют синий своим любимым цветом. Только в одной стране в Европе предпочитают красный – в Испании.

Пищевая промышленность – единственная область, где синий цвет не популярен. Йогурты в синих баночках продаются хуже, чем в белых или красных. И, кажется, нет ни одного синего продукта, который мы употребляли бы в пищу.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

9. СИМФОНИИ

Небо бледнеет, становится почти белым в лучах яркого солнца. Одиннадцать часов утра.

Трубы внезапно смолкают. Толпа тоже. Наступившая тишина оглушает сильнее, чем раздававшиеся только что крики. Ветер стих. Не слышно пения птиц, жужжания насекомых.

Нас окружают запахи песка, пыли, камней и пота.

Я слышу только звук собственного дыхания. Мы, двенадцать богов-учеников, стоим посреди арены.

Зрители усаживаются на свои места, рассматривают нас. Скамьи Амфитеатра переполнены полубогами, полубогинями, химерами, сатирами, маленькими и большими созданиями, разнообразными гибридами, чудищами из греческой мифологии. Я и не думал, что на Эдеме столько жителей.

Богиня справедливости Афина восседает в центре помоста, обтянутого красным бархатом. Рядом с ней сидят наши преподаватели: бог времени Кронос, бог-кузнец Гефест, бог войны Арес, Гера, Аполлон, Гермес, Дионис, Артемида, Деметра.

Я чувствую на себе пристальный взгляд изумрудных глаз.

Афродита.

Что ей опять нужно от меня?

На краю помоста я замечаю ее сына Гермафродита, он подмигивает мне и показывает неприличный жест. Я вспоминаю, как чудом спасся от него, когда он собирался превратить меня в монстра, который должен держать на плечах модель планеты.

Икар встает и начинает аплодировать. Вслед за ним, как по команде, принимаются хлопать и остальные. Все они с самого начала следили за нашими приключениями, за тем, как развивались наши народы. Наверное, это было так же увлекательно, как телесериал, полный неожиданных сюжетных поворотов. Но вместо нескольких актеров в нем принимали участие целые толпы, которые на глазах у зрителей любили и убивали друг друга.

Рауль очень точно сказал: «Земля-18 – это гигантская шахматная доска с миллиардами живых фигур».

Заметив внимание, которое мне оказывает Афродита, Мата Хари хватает меня за руку, показывая, что я безраздельно принадлежу ей и она

ни с кем не собирается делиться.

Афина встает и потрясает копьем. На ее плече сидит сова.

– Объявляю Финальную игру восемнадцатого выпуска богов-учеников Эдема открытой.

Кентавры начинают ритмично бить в барабаны. Игроки и зрители поют, отбивая ритм ладонями. На арене появляются грифоны, они везут повозки, на которых установлены огромные бассейны с сиренами, поющими пронзительными голосами. Хариты и Орры исполняют радостную песнь, их голоса звучат все мощнее, и нас охватывает восторг.

Пение становится громче, вступает оркестр Муз под управлением Аполлона. Среди девушек в красных одеждах я узнаю Кармен, музу телевидения Мэрилин Монро, Фредди Мейера, превратившегося в музу юмора. Они машут нам руками, но я не решаюсь ответить. Слишком торжественная минута.

Музыка внезапно стихает. Появляется Орфей с девятиструнной лирой. Он начинает виртуозно играть на ней, мелодия наполняет Амфитеатр, и мы на время забываем о том, что ждет нас впереди. Орфей исполняет последнюю песнь, кланяется и удаляется под гром аплодисментов. Афина ударяет в пол копьем и стаи горлиц взмывают в небо. Музыканты и певцы рассаживаются на скамьях Амфитеатра.

Богиня справедливости жестом призывает к тишине.

– Дамы и господа, наступил момент, которого мы все так долго ждали. Открывается последняя глава в истории Земли-18. Мир родился, мир возмужал, станем же свидетелями его апофеоза!

Овация. Афина продолжает:

– Все мы, затаив дыхание, следили за работой богов-учеников восемнадцатого выпуска. С той минуты, как Земля-18 возникла из хаоса, боги-ученики старались, не покладая рук, и доставили всем нам немало удовольствия. Здесь, в Олимпии, мы особенно ценим такие зрелища.

Двенадцать богов-преподавателей кивнули, подтверждая ее слова.

– Я хочу поблагодарить богов-преподавателей за терпение, с которым они обучали бывших смертных, которые стали теперь вполне самостоятельными и ответственными богами. Вы были рабами собственной судьбы, а теперь стали мастерами, которые могут не только ткать судьбы других людей, но и влиять на целые цивилизации. Безусловно, многие из нас были строги к вам, и это было необходимо, но сегодня мы гордимся, что вырастили из вас достойных богов.

Кажется, Афродита хочет что-то сказать мне. Ее губы шевелятся, но я ничего не могу разобрать. Афина заканчивает свою речь:

– Пришла пора перейти от слов к делу. Будьте сильными, ради вас самих и ради тех, за кого вы отвечаете.

– Что с нами будет, если мы проиграем? – спрашивает Симона Синьоре.

Афина поворачивается к той, которая так не вовремя перебила ее.

– Претерпев некоторые изменения, вы станете жителями этого острова.

– А если выиграем? – раздается голос Бруно Баллара.

– Вы получите право войти на Елисейские Поля. По знаку Афины Аполлон дует в бараний рог.

Справа открываются двери, и кентавры вносят мраморный цоколь, похожий на подставку для яйца. За ними выходит Атлант, несущий на плечах стеклянную сферу, внутри которой находилась Земля-18.

Медленно ступая, обливаясь потом, как штангист на соревнованиях, он со стоном высоко поднимает сферу на вытянутых руках.

Я смотрю на планету, которая сейчас напоминает воздушный шарик в руках ребенка.

Земля-18...

Титан опускает на подставку сферу, имевшую три метра в диаметре, затем аккуратно подключает Континент мертвых и Империю ангелов. Эти два приспособления необходимы для того, чтобы души могли свободно перемещаться между миром живых и миром мертвых.

– Готово, – объявляет Атлант. – Но я хотел бы воспользоваться моментом и обратить внимание коллег, что мои условия труда не соответствуют моему статусу, и...

– Замолчи, титан! – резко обрывает его Афина. Атлант мрачно смотрит на богов и говорит:

– Нет, так дело не пойдет. Я тоже бог.

– Ты выполняешь эту работу, расплачиваясь за предательство Зевса. Убирайся. Прошу игроков подойти сюда.

Атлант поднимает сферу, словно угрожает разбить ее оземь, но богиня справедливости спокойно замечает:

– Ты, кажется, забыл, что это всего-навсего модель настоящей Земли-18. Ты просто ломаешь учебное пособие.

– Я ведь могу бросить ее в вас, и тогда вам не поздоровится, – огрызается титан.

Это отголоски старой ссоры между богами-олимпийцами, вставшими на сторону Зевса, и титанами, примкнувшими к Кроносу.

Атлант в конце концов смиряется, опускает стеклянную сферу на

место и садится среди зрителей, рядом с другими титанами.

На самых верхних ступенях Амфитеатра кентавры соорудили экраны, натянув полотнища между высокими шестами.

Мы видим двенадцать главных городов Земли-18. На экранах мелькают виды с высоты, панорамы городов, улицы, статуи, рынки, храмы. Я вижу, что столица людей-дельфинов захвачена чужеземцами, но жрецы и философы сохранили древние традиции моего народа. На других экранах передо мной сменяются картины истории Земли-18.

На планете полным ходом идет индустриализация. В большинстве столиц по широким проспектам среди колясок, запряженных лошадьми, с шумом разъезжают первые модели автомобилей. По небу скользят летательные аппараты, бипланы и наполненные гелием дирижабли. На Земле-1 это время соответствовало бы началу XX века.

Вокруг помоста кружат грифоны, расставляя лесенки и табуреты, чтобы во время игры мы могли видеть модель Земли-18 со всех сторон. Я крепко сжимаю анкх. Мы выходим вперед, чтобы занять свои места, как вдруг раздается грозный окрик:

– Стойте! – Богиня справедливости остановила игру, после того, как Афродита что-то шепнула ей.

Мы с удивлением замираем. Афина подзывает Диониса. Тот подходит к ней:

– Что случилось?

– Ты забыл о ритуальных омовениях. Не прикидывайся, что не понимаешь! Всем известно, что перед началом Финальной игры ученики должны совершить омовения и очиститься.

– Но они и так чистые. Все с утра приняли душ, – возмущается бог праздников.

– Этого недостаточно. Традиционные ритуальные омовения совершенно необходимы перед началом последнего раунда игры, когда ученики в последний раз встречаются со своими народами. Вспомни слова: «Ни одного гостя не потерпит эта Свадьба, кто не хранит бдительность и нечист».^[1] Мы отложим начало.

– Я уверен, – вмешивается Аполлон, – что выражу мнение всех присутствующих. Послушай, Афина, мы так долго ждали этого момента, что прекрасно можем обойтись без соблюдения традиции омовения, хотя глубоко уважаем ее. Игроки готовы, и затягивать начало было бы жестоко по отношению и к ним, и к нам. Мы все сгораем от нетерпения, кто же будет победителем. Давай уже начинать игру.

Афина смерила наглеца взглядом:

– Аполлон, я выслушала тебя, и ответ мой будет краток: не лезь не в свое дело! В игре богов необходимо соблюдать традиции, иначе вся наша наука потеряет смысл. Боги-ученики, отправляйтесь в бани.

Ропот недовольства пробежал по залу. Аполлон в сердцах плюет на землю, но не осмеливается продолжать спор с Афиной. С досадой он заворачивается в тогу и возвращается на свое место.

10. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: АПОЛЛОН

У Аполлона, сына Зевса и нимфы Лето, была сестра-близнец Артемида. Символом Артемиды была луна, символом Аполлона – солнце. Богиня Фемида питала их амброзией и нектаром, и близнецы выросли всего за несколько дней. Высокий красавец Аполлон с густыми золотистыми волосами стал любимцем всего Олимпа. Он обладал сверхъестественной силой, удивительными способностями к музыке и даром прорицания. Бог-кузнец Гефест подарил ему волшебные стрелы.

Аполлон вместе с сестрой освободил Дельфы от чудовищного змея Пифона. С тех пор Аполлона стали называть Пифийским, отсюда же произошло название Пифийских игр, во время которых устраивали соревнования атлетов и музыкальные состязания, а также имя Пифии: так называли знаменитую дельфийскую прорицательницу.

У Аполлона, завязанного сердцеда, было немало любовниц, особенно среди нимф, от которых родилось множество детей. Некоторые из них стали довольно известными, например, Каллиопа и Асклепий. Лишь Дафна устояла перед чарами Аполлона. Пытаясь спастись, нимфа превратилась в лавр, который с тех пор считается ее священным деревом.

Юноши также не оставляли Аполлона равнодушным. Он был очень привязан к Гиацинту и Кипарису. Их смерть глубоко опечалила Аполлона – один превратился в цветок, другой в дерево. Бог музыки и покровитель муз, Аполлон получил кифару от своего сводного брата Гермеса, в обмен на прощение за кражу стада быков, которых Гермес похитил у него. Сатир Марсий, игравший на флейте, вызвал Аполлона на музыкальное состязание, и тот соглашается принять вызов при условии, что победитель поступит с соперником по собственному усмотрению. Разумеется, Аполлон побеждает. Он приказывает содрать с Марсия кожу и запрещает игру на флейте до тех пор, пока не будет изобретена новая, которая будет посвящена ему, Олимпийцу.

Священными животными Аполлона считаются волк, лебедь, ворон, стервятник (наблюдая за полетом этих хищных птиц, авгуры пытались понять волю златокудрого бога), а также грифон, лирохвост, а позже дельфин. Очевидно, Аполлон – бог азиатского происхождения, так как он носит не сандалии, а нечто вроде башмаков, широко распространенных в Азии.

Это единственный бог, перешедший в римский пантеон под

собственным именем, а ведь даже Зевс стал Юпитером, а Афродита – Венерой.

*Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания,
том VI*

11. РИТУАЛЬНЫЕ ОМОВЕНИЯ

Пар. Коридоры из белого мрамора с серыми прожилками.

Дионис ведет нас запутанными коридорами Амфитеатра. Все мы хотим как можно скорее начать игру, и ритуальные омовения стали новым испытанием для нашего терпения.

Коридор разделяется надвое, и Дионис отправляет мужчин направо, а женщин налево. Дальше нас ведут хариты. Мы оказываемся в хаммаме, хариты забирают нашу одежду и раздают полотенца, которые мы повязываем вокруг пояса. Рауль Разорбак, Ксавье Дюпюи, Жорж Мельес, Густав Эйфель, Жан де Лафонтен, Франсуа Рабле, Тулуз-Лотрек и я проходим в просторный, окутанный паром зал с белыми стенами, покрытыми мозаиками, на которых изображены сцены из разных мифов.

Хариты трут нам спины мягкими губками, потом мы отправляемся под холодный душ. Видимо, ритуал заключается в том, что горячие ванны сменяются ледяными струями. Под конец хариты растирают нас лавровыми ветками. Юные девушки в белых туниках предлагают нам лечь на мраморные столы и умащают миндальным маслом. Я лежу на животе, а одна из них, с длинными светлыми волосами, разминает мне пальцы рук. Другая массирует ноги. Затем они начинают массировать все мое тело, – одна с головы, другая с ног. Их руки встречаются на моей пояснице, и они начинают вдвоем разминать ее. По правде сказать, поясница всегда беспокоила меня. Остальных игроков обрабатывают таким же образом.

– Эти омовения – довольно приятная штука, – вполголоса говорит мне Жорж Мельес, который лежит рядом со мной. – Понятно, почему Афина настаивала, чтобы мы не пропустили эту часть ритуала перед началом игры. Теперь мы будем играть гораздо лучше.

– Это древняя традиция, – отзывается Рауль. – Гладиаторам тоже полагался массаж перед выходом на арену.

– Немного удовольствия перед крупными неприятностями, – усмехается Рабле.

– Лучше бы сразу начали играть, – отвечаю я. – Такое ощущение, что меня осадили на всем скаку.

В то же время я чувствую, что нежные руки харит помогли мне избавиться от напряжения. Их пальцы перебирают одну за другой все косточки моего тела. Затем нас приглашают в отдельные запирающиеся комнаты. Здесь нас ждут другие хариты, они меньше ростом и легче. Одна

из них снимает с меня полотенце, встает мне на спину и начинает массировать ее ступнями. Вдруг кто-то появляется в комнате и делает харите знак исчезнуть. Я узнаю, кто это по запаху раньше, чем раздается голос.

– Я должна поговорить с тобой, Мишель, это очень серьезно.

– Афродита, ты уверена, что это подходящий момент?

Она не встает мне на спину, а начинает массировать ее руками. Я чувствую, что она очень нервничает.

– Говорят, ты встретил Сфинкса и остался в живых?

В ее голосе звучит тревога. Никогда еще я не видел, чтобы богиня любви так волновалась.

– Это правда.

– Он загадывал тебе загадку?

– Да.

– И ты отгадал?

– Да.

Афродита перестает разминать мне спину.

– И что в ответе?

– Ничего.

Она задумывается, потом хохочет.

– Это сильно! – и снова принимается за массаж.

– Сфинкс спрашивал тебя обо мне?

Я оборачиваюсь, сажусь и оказываюсь с ней лицом к лицу. Снова на меня действуют ее чары. Она восхитительна, все мои чувства говорят об этом. Миндалевидные изумрудные глаза, золотые вьющиеся волосы, грудь, едва прикрытая белой шелковой туникой, длинные серьги, диадема, пояс из драгоценных камней – передо мной богиня любви. Взгляд ее ласков и нежен, она прекрасно чувствует свою власть надо мной. Афродита поднимает руку, чтобы погладить меня по щеке, но я отталкиваю ее.

– Не волнуйся, на омовение отвели целый час. Химеры развлекают зрителей. Мы можем еще поговорить. Я должна сказать тебе нечто важное. Я хочу, чтобы ты выиграл.

– Почему?

– Ты – боец силы А. Остальные ученики – обычные мачо, в их цивилизациях женщин презируют.

– Но есть же Симона Синьоре, Эдит Пиаф и Мата Хари.

Афродита говорит каким-то неестественным тоном:

– У них нет твоей женственности, – и снова тянется, чтобы погладить меня по щеке. На этот раз я не отталкиваю ее. Я вспоминаю обо всех

ужасах, которые Гермафродит, сын Гермеса и Афродиты, рассказывал о своей матери.

До того как стать богиней, Афродита была простой смертной. Отец бросил их семью и ушел к другой женщине. Афродита возненавидела его и решила отомстить за эту обиду всем мужчинам. Она стала очаровывать их и бросать, играя их чувствами. Я помнил маленькое крылатое сердце на ножках, которое она подарила мне, чтобы крепче привязать к себе. «Она говорит только о любви, она питается ею. Но ничего не знает о ней», – говорил Гермафродит.

Афродита медленно гладила мою шею и подбородок.

– Я обещала тебе, Мишель, что если ты разгадаешь загадку, то я буду заниматься с тобой любовью.

– Теперь у меня другая женщина, – отвечаю я, – и я люблю ее.

– Ничего страшного. Я не ревнива, – настаивает она. – И потом, я обещала заняться с тобой любовью, а не выйти за тебя замуж.

Афродита усмехается.

– Заниматься любовью с богиней любви – удивительное, ни с чем не сравнимое наслаждение, ни по остроте ощущений, ни по их разнообразию. Все, что ты испытывал с человеческими самками, не стоит даже упоминания. Мужчины, бывшие со мной, утверждают, что им казалось, будто они занимаются любовью впервые в жизни.

Она манит меня.

– Здесь? Сейчас?

– А почему нет?

Афродита медленно подходит ко мне, наклоняется, ее губы всего в нескольких сантиметрах от моих. Она пожирает меня глазами, словно я изысканное блюдо. Меня окутывает ее аромат. Может быть, она воспользовалась своим волшебным поясом, чтобы очаровать меня? Я застыл, как кролик, глядящий на фары автомобиля, который вот-вот его раздавит.

Она нежно касается меня губами, еле заметно улыбаясь. Я чувствую ее дыхание на своей коже и закрываю глаза, чувствуя, что иду навстречу злу. Но я знаю, что могу умереть сегодня, всего через несколько часов. Почему тогда не попробовать то, что она предлагает?

Наши губы разделяет теперь лишь дыхание. И вдруг раздается страшный крик.

12. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТАДЖ-МАХАЛ

История Тадж-Махала начинается в 1607 году, в день когда, как и каждый год, королевский базар открыли для простого народа. На этом огромном ежегодном празднестве разрешалось многое из того, что обычно было запрещено. Женщины из царского гарема в этот день получали право выходить на люди, громко разговаривать и гулять в толпе, покупая духи, благовония, украшения и одежду. Они свободно беседовали с торговцами и другими покупателями. Люди разговаривали друг с другом, зачастую не догадываясь, кто перед ними. Юные княжеские сыновья устраивали поэтические турниры, чтобы покорить сердца красавиц.

Итак, в 1607 году принцу Хурраму, сыну шаха Джахангира, исполнилось шестнадцать. Это был красивый юноша и храбрый воин, одаренный множеством талантов. Прогуливаясь с друзьями по базару среди пестрых прилавков, он увидел юную девушку. Пятнадцатилетняя Арджуманд Бану Бегам принадлежала к славному княжескому роду. Когда она взглянула на принца, тот забыл обо всем на свете. Это была любовь с первого взгляда. На следующий день принц Хуррам просил у своего отца разрешения взять в жены Арджуманд.

Отец согласился, но посоветовал принцу подождать. На следующий год он заставил сына жениться на персидской принцессе. К счастью, у мусульман принято многоженство, и у Великих Моголов было по несколько жен. Однако Хурраму пришлось ждать целых пять лет, не имея возможности ни поговорить с любимой, ни увидеться с ней, пока придворные астрологи не разрешили ему снова жениться. Свадьба была назначена на 27 марта 1612 года. Увидев прекрасную невестку, отец принца назвал ее Мумтаз Махал, что означало «Украшение дворца». С тех пор супруги не разлучались. У них родилось четырнадцать детей, из которых выжило только семь. В 1628 году Хуррам сверг отца и сам стал императором. Он правил под именем Шах Джахан.

Новый император обнаружил, что его отец, праздный бездельник и бездарный правитель, оставил в наследство множество политических и экономических проблем, и попытался решить их. В 1631 году ему пришлось начать войну против восставших подданных. Его сопровождала жена, беременная четырнадцатым ребенком. Во время похода у нее начались роды, и она умерла, родив дочь. Император Шах Джахан сидел рядом с умирающей Мумтаз Махал. Перед смертью супруга сказала, что у

нее есть только два желания: чтобы у её супруга никогда бы не было детей от других женщин и чтобы он построил в память о ней мавзолей, который будет символом их любви.

На следующий год в Агре, столице Великих Моголов, началось строительство. Шах Джахан пригласил лучших архитекторов и художников Индии, Турции и даже Европы. Тадж-Махал выстроен из белого мрамора, чтобы его стены отражали розовые лучи восходящего солнца, яркий полуденный свет и золото заката.

Со временем Шах Джахан стал деспотом и религиозным фанатиком. В 1657 году, воспользовавшись тем, что император заболел и ослаб, его сын Аурангзеб, еще более фанатичный мусульманин, приказал заточить отца в темницу и пошел войной на индуистские провинции.

Шах Джахан попросил сына только об одной милости – чтобы из окна темницы было видно, как строится мавзолей его возлюбленной. Эта просьба была исполнена. Шах Джахан умер в заточении в 1666 году.

Эдмонд Уэлс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

13. БОГОУБИЙЦА

Даже не подобрав полотенце, я бросаюсь как есть, нагишом, в женскую часть хаммама.

Только не это! Все, что угодно, только не это!

Я бегу по белым мраморным коридорам и врываюсь в помещение, посреди которого столпились люди. Я расталкиваю всех и вижу тело, лежащее на полу в луже крови.

Мата Хари.

Я прижимаю ее к груди.

– НЕ-Е-Е-Е-Е-ЕТ!

Трясу ее безжизненное тело, вскакиваю и кричу:

– Только не она! Заберите меня вместо нее! Возьмите мою жизнь!

Я скидываю руку, сжимаю кулак:

– Эй, Бог! Великий Бог, Создатель Вселенной, или Тот, кто убивает богов, ты слышишь меня? Ты не имел на это права! Я даю тебе последний шанс. Если можешь, поверни время и возьми меня вместо нее. Иначе я буду судить тебя. Если ты допускаешь такое, значит, ты не бог любви, ты бог смерти. Тебе нравится видеть наше горе! Ты даешь нам что-то ради удовольствия потом отобрать! Ты не имел права делать это. Ты не имел права... Поверни время вспять и давай все изменим. Великий Бог, я бросаю тебе вызов: поверни время.

Меня прерывает слабый голос.

– Замолчи!

Это Мата Хари. Она еще в сознании. Кровь стекает у нее изо рта.

– Слишком поздно. Назад вернуться невозможно. Если ты любишь меня... замолчи. Иди и выиграй. Выиграй ради меня.

– Мата...

– Выиграй, прошу тебя... Я люблю тебя, Мишель. Выиграй, ради меня!

Она закрывает глаза.

У меня за спиной перешептываются хариты:

– Это был человек в тоге, на нем была маска из греческой трагедии.

Я вскакиваю на ноги.

– Он разбил окно и ворвался сюда. Он стрелял в упор, я видела.

– Он убежал туда.

– Куда?

Я схватил анкх Маты Хари и не тратя время на то, чтобы одеться, помчался по темным коридорам.

Впереди огромная дубовая дверь, ведущая наружу, за пределы здания. Она открыта. За ней свет. Я выбежал на большой проспект. Олимпии. Никого. Поднялся ветер, но я не чувствовал холода. Моя кровь кипела от адреналина и ярости.

Вдруг я заметил вдали фигуру. Кто-то убегал на запад.

Вот он, попался.

Человек бежал к воротам Олимпии. Я прицелился и выстрелил. Промахнулся. Тогда я закричал. Я и сам не знаю, что кричал тогда. Просто дал выход своему гневу.

Человек обернулся, увидел меня и свернул к синему лесу.

Он спрячется в чаще.

Я снова выстрелил и снова промахнулся. Кинулся вслед за ним, но он скрылся из виду.

Запыхавшись, я остановился. Обернулся, и увидел маленькую муху с женским телом. У нее были рыжие волосы и зеленые глаза. Сморгмуха!

Она открыла рот и высунула длинный язычок, указывая, куда скрылся беглец. Я снова бросился вперед, через лес.

Сердце отчаянно колотилось в груди. Впервые в жизни меня обуяло желание кого-то убить.

Сморкмуха кружила вокруг, указывая путь. Наконец я выбежал на поляну. Богоубийца был там, но не один. Кто-то стоял перед ним, в такой же маске и тоге, изорванной в лохмотья.

Я поднял анкх и, не зная в кого стрелять, переводил оружие с одного на другого.

– Это я, не стреляй, Мишель! – раздался голос, приглушенный маской.

– Кто это – я? – спросил я.

– Эдмонд.

– Эдмонд Уэллс умер, – ответил я.

– Нет, я все объясню.

– Нет, это я объясню, Мишель, – сказал другой человек в маске. Его голос звучал точно так же. – Я настоящий Эдмонд Уэллс.

– В таком случае у меня есть вопрос, и ответить на него может только настоящий Эдмонд. Какой у нас был девиз?

Оба не ответили. Один кашлянул. Другой тоже.

– Я с тобой. Его надо убрать, – сказал тот, что слева.

– Нет, это я, Эдмонд, – ответил второй.

– Снимите маски, – приказал я. – И я увижу, кто из вас кто. Дорогой

Эдмонд, сними маску, тебе нечего бояться.

– Если я пошевелинусь, он выстрелит, – сказал один.

– Нет, это он выстрелит, – сказал другой.

Их голоса почти не отличались, только один был чуть более хриплым.

– Пристрели его, – посоветовал тот, что справа.

Я выстрелил в того, кто это сказал.

Он упал на спину. Другой сорвал с себя маску. Это был Эдмонд Уэллс. Его вытянутое лицо и уши, как у Кафки. Глаза его блестели, он кашлял.

– Почему ты не назвал наш девиз?

– Какой? У нас их было много: «Любовь как меч, юмор как щит», «Вперед, навстречу неизвестному», «Вместе против идиотов»...

Меня переполняли смешанные чувства – боль от потери Маты Хари, удовлетворение свершившейся мстостью, радость встречи со старым другом.

– Я не узнал твой голос, – сказал я.

– Я простудился, когда ночевал в лесу. У меня что-то вроде фарингита, скоро пройдет.

– Но ты ведь умер... Мой учитель улыбнулся.

– Нет. Я сумел сбежать от Атланта и остался в лесу, чтобы наблюдать за ним и помешать ему.

Переиначивая слова одной из глав «Энциклопедии относительного и абсолютного знания», я сказал:

– Понять систему можно, только выйдя за ее пределы.

Эдмонд Уэллс вздохнул.

– Мне очень жаль Мату Хари. Я подозревал, что богоубийца предпримет что-нибудь на Финальной игре, но опоздал.

Я нагнулся и снял маску с лежавшего на земле человека. Сейчас я узнаю, кто же он такой. Увидев его лицо, я в изумлении отшатнулся.

Я ожидал чего угодно, только не этого.

К нам приближалась толпа, вслед за мной пустившаяся вдогонку за убийцей. Эдмонд Уэллс быстро сказал мне:

– Я лучше пока спрячусь. Мы скоро увидимся. Ты обязательно должен выиграть, Мишель! Ты даже не понимаешь, насколько это важно. Выиграй!

И он исчез. Поляну заполнила толпа, во главе которой богиня охоты Артемида верхом на кентавре целилась в меня из лука.

Она нагнулась над телом убитого. На ее лице удивление сменилось отвращением.

– Ах, вот кто это был!

14. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТРИ ОСКОРБЛЕНИЯ

Человечеству было нанесено три оскорбления.

Первое, когда Николай Коперник доказал, что Земля не центр Вселенной.

Второе, когда Чарльз Дарвин пришел к выводу, что человек произошел от обезьяны, а стало быть, тоже животное.

Третье, когда Зигмунд Фрейд объявил, что в основе большинства наших политических демаршей или художественных проявлений лежит сексуальность.

Эдмонд Уэлс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

15. БОГОУБИЙЦА

Артемиде приказывает мне бросить оружие и поднять руки. Ко мне с угрожающим видом приближаются кентавры. Я не обращаю на них внимания, и хватаю поверженного богоубийцу за руку.

– Но почему? Почему?!

Моя жертва морщится от боли, смотрит на меня и произносит:

– Эта игра чудовищна. Я много раз говорил вам, что мы не можем в нее играть, мы не должны играть существами, которые слабее нас, не должны заставлять их страдать. Быть богом-учеником не значит ставить опыты над слабыми созданиями, ради того, чтобы узнать, что-то новое. Я хотел убить всех учеников, чтобы в игре не было победителя, но мне это не удалось. Пока есть игроки, игра будет продолжаться, и смертные, населяющие Землю-18, будут умирать ради забавы богов. Я потерпел поражение.

Артемиде приказывает мне отпустить его. Вокруг нас собирается толпа.

– Я пытался, но не смог... – повторяет богоубийца. – Умоляю вас, откажитесь играть! Никто не имеет права играть живыми существами. Они не должны расплачиваться за наши амбиции.

Я вспомнил, что Бернар Палисси, погибший одним из первых, произнес что-то вроде «Ль... Лю...» Он пытался назвать имя убийцы.

Значит, вот кто это был! Люсьен Дюпре.

Этот оптик, страдавший косоглазием, был одним из лучших учеников в первой игре. На занятии, которое вел бог времени Кронос, ему удалось спасти свой народ. Он создал коммуну хиппи, все члены которой обладали равными правами и вели беззаботную жизнь, в то время как на Земле-17, доживавшей свои последние дни, царил хаос и террор.

Потом Кронос объявил, что это была всего лишь игра, и теперь, когда мы усвоили правила, Земля-17, планета-черновик, должна погибнуть, а мы перейдем к занятиям на следующей модели, Земле-18. Тогда Люсьен Дюпре в ярости кричал, что игра несправедлива и боги-ученики получают слишком большую власть над несчастными смертными, к которым относятся как простым игрушкам.

«Это не миры, это бойни!» – кричал он.

Люсьен Дюпре умолял нас не продолжать истребление живых существ, призывал восстать против наших учителей-олимпийцев. Мы не

поддержали его, и он ушел. На прощание он бросил нам: «Если быть богом означает это, тогда продолжайте без меня».

Мы думали, что кентавры схватили его и превратили в химеру, как тех учеников, которые проиграли, но мы ошиблись. Никогда раньше в Олимпии не сталкивались с таким поведением ученика, и его предоставили самому себе. Должно быть, он долго бродил в лесу, снedaемый гневом, пока наконец не принял решение. Если он не сумел остановить игру, взывая к нам, он прекратит ее, убив всех участников.

А мы осудили Прудона только за то, что он был анархистом! Убийцей, настоящим врагом игры был этот скромный оптик-идеалист, прекрасно управлявший своим народом, но отказавшийся действовать по правилам, установленным богами-олимпийцами.

Зрачки Люсьена Дюпре замерли, губы искривились. Я навсегда закрыл глаза того, кто убил мою любимую.

Кентавры положили его тело на носилки, чтобы унести. Богиня справедливости Афина, сидевшая на Пегасе, с совой на плече и копьем в руке, выдвинулась вперед.

– Не вам, Пэнсон, вершить тут правосудие, – провозгласила она. – В Эдеме запрещено любое насилие. Это закон. Анкх никогда не должен быть направлен против живых существ. Даже если речь идет об убийце.

Я глубоко дышу. Слова Афины меня не впечатлили, и я смотрю на нее в упор. Даже не пытаюсь убежать, скрыться.

– Зрители заждались. Идемте же, пусть, наконец, Финальная игра начнется, – заключает Афина.

Вернувшись в Амфитеатр, мы больше не тратим времени попусту. Публика рассаживается на скамьях под звуки барабанов, в которые бьют кентавры. Грифоны включают огромные экраны, на которых появляются изображения наших столиц. Двенадцатый, экран Маты Хари, остается темным.

Я прошу дать мне новый анкх взамен разряженного. Ко мне подбегает харита и вручает новый инструмент бога-ученика и чистые тогу и тунику.

Нельзя думать о Мате Хари. Об Эдмонде Уэллсе. О Люсьене Дюпре. Я должен сосредоточиться на игре.

Другие ученики перешептываются. Видимо, им рассказали о том, что произошло. Теперь нас одиннадцать. Мы стоим перед двенадцатью богами-олимпийцами.

Афина призывает к тишине.

– Нам пришлось уладить некоторые «формальности». Теперь Финальная игра наконец начинается.

Она ударяет в гонг, и его звук разносится по всему Амфитеатру. Мы бежим к стеклянной сфере, забираемся на возвышения. Я поднимаюсь на высокую лестницу и склоняюсь над Землей-18.

– Ученики, рассмотрите поле игры.

Мне кажется, будто я попал в невесомость. Руки дрожат, и я кладу анкх на сферу, приблизив глаз к сверхмощному увеличительному стеклу в его рукояти.

В первую минуту я различаю только толпы людей, кишущих как насекомые. Настраиваю анкх и, наконец, вижу.

Столица людей-дельфинов оккупирована людьми-коршунами, вступившими в союз с людьми-лисами, чтобы захватить мою территорию. Люди-лисы служат в полиции, люди-коршуны захватили мой город, люди-дельфины загнаны в особые кварталы, но все еще хранят традиции.

Я подкручиваю анкх.

Люди-корушны силой обращают людей-дельфинов в свою веру, поджигают их храмы, оскверняют могилы, взрывают памятники, но мой народ не сдается.

Это едва тлеющие угли, которые я должен раздуть своим Дыханием.

Я разыскиваю диаспоры людей-дельфинов, рассеянные по планете. Дела у моего народа идут довольно скверно. Люди-дельфины загнаны в старые, грязные кварталы чужих городов. За время моего отсутствия было организовано несколько кампаний против людей-дельфинов. За ними следовали резня и погромы. Особенно постарались люди-козы, а недавно и люди-медведи.

Численность людей-дельфинов, истребляемых ножом и огнем, заметно уменьшилась. Многие ассимилировались с другими народами, приняли чужую веру. Многие живут в чудовищной нищете. Единственный плюс – те немногие, кто пережил все эти испытания, приобрели необыкновенную стойкость.

Они получили прививку от глупости.

Я судорожно сглатываю.

Вот, значит, какова расплата за мою вылазку в горы ради встречи с Великим Зевсом.

Рауль и другие ученики тоже выглядят обеспокоенными. Они разыскивают свои народы на нашей гигантской шахматной доске.

Я выиграю для тебя, Мата.

Нужно избрать неожиданную, новую стратегию.

Раздается легкий шум крыльев, рыжие волосы развеваются на ветру. Сморгмуха опускается на мое плечо, как ангел-хранитель, явившийся,

чтобы подбодрить меня.

Афина еще не подала сигнал начинать игру. Мы ждем. Я вижу Эдит Пиаф, взобравшуюся, как и я, на высокую лестницу. Она не спускает палец с центрального колесика своего анкха. Рауль держит свой анкх, как сварщик, готовый в любой момент приступить к работе, разбрасывая снопы искр.

Густав Эйфель протирает увеличительное стекло на своем инструменте. Жорж Мельес погрузился в себя, он старается сосредоточиться. Со стороны мы, должно быть, напоминаем бригаду врачей, оперирующих гигантское яйцо. На экранах, высоко над нашими головами, мелькают панорамы городов.

Я закрываю глаза. Сотни идей проносятся в моей голове.

Укреплять свои сильные стороны, и не пытаться усилить слабые.

Вооружить людей-дельфинов? Бесполезно. Они значительно уступают численностью своим противникам и слишком уважают чужую жизнь, поэтому всегда будут менее боеспособными и вскоре погибнут.

Ну что ж, тем хуже. У меня нет другого выбора. Я создам пророков. Не одного, и не двух, а трех. Чтобы быть уверенным, что хотя бы одному удастся выполнить свое предназначение. Это будут «светские» пророки, но они совершат настоящую революцию в умах. У меня действительно нет другого выбора. Я должен выиграть. Я буду действовать сразу в трех направлениях: экономика, наука, психология.

Три гения. Три бомбы. Осталось решить, где они появятся.

Мата Хари предупреждала, что мне следует опасаться людей-акул. Отлично. Одного пророка я помещу на их территории. Цветы лучше всего растут на компостных кучах.

Я должен выиграть ради нее.

— Внимание! Вы готовы?

Афина подняла свое копьё и медленно, как в кино, Ударил в гонг. Звук этого третьего удара долго не смолкал в Амфитеатре.

В толпе зрителей тут же поднялся дикий шум.

16. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ИГРА ВСЛЕПУЮ

В книге «Гедель, Эшер, Бах: бесконечная золотая цепь» математик Дуглас Р. Хофстадтер описывает игру, в которую играют вдвоем. Для нее не нужны ни карты, ни шахматы, ни какие-либо другие предметы. Только две руки.

Оба игрока одновременно показывают на пальцах число от 1 до 5.

Тот, кто показал большее число, получает столько очков, сколько составляет разница между его числом и числом соперника.

Например, если первый игрок показал 5, а другой – 3, то первый получает 2 очка. Счет 2:0. Сразу становится ясно, что нужно все время показывать 5, чтобы выиграть, но... есть еще одно правило.

Если разница между числами, которые показывают игроки, составляет 1, то показавший меньшее число, получает столько очков, сколько составят в сумме оба числа, показанные противниками друг другу. Например, если один показывает 5, а другой 4, последний получит 9 очков.

Если оба игрока показывают одинаковое число, нужно переиграть. И так далее... Выигрывает тот, кто первым наберет 21 очко. Разумеется, можно играть на деньги. Эта простая игра с легко запоминающимися правилами, не требующая никакого инвентаря, на самом деле достаточно тонка и психологична, так как постоянно заставляет вас думать о том, что другой игрок думает о том, что думаете вы.

Едва вы находите правильную стратегию, как тут же приходится ее менять, чтобы вновь запутать противника.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

17. ДЕЛЬФИНЫ

Сверху я сумел разглядеть город, где теснилось более миллиона жителей. Вдоль широких проспектов тянулись ряды фонарей. Среди экипажей, запряженных лошадьми, сновали первые автомобили. Дети, пришедшие в восторг от дыма и шума производимого машинами, упрасивали водителей еще раз нажать на клаксон.

Мужчины носили фетровые цилиндры на кроличьей подкладке и трости с серебряными рукоятками. Некоторые курили сигары или длинные сигареты, как знак принадлежности к особому обществу. Их супруги щеголяли в длинных пышных платьях с корсетами из китового уса, высоко подпиравшими грудь. Сложные прически держались на длинных шпильках. В бедных кварталах проститутки зазывали клиентов, а дети, которые не были достаточно уродливы, чтобы просить милостыню, воровали часы и бумажники у прохожих.

Заводы, чаще всего построенные прямо посреди города, выпускали из труб клубы черного вонючего дыма. Толпы рабочих в серой форме выходили по вечерам из их ворот и разъезжались на велосипедах по окраинам. Иногда в небе проплывали наполненные гелием дирижабли с огромными пропеллерами, медленно рассекавшими воздух. Они перевозили пассажиров.

В толпе, среди людей, сновавших в деловой части города, с озабоченным видом бродил молодой человек с длинными волосами и бородой.

Он родился в семье людей-дельфинов, которые много путешествовали, спасаясь от преследований. Юноша был беден и поселился в столице людей-акул, которая переживала бурный расцвет. Он снимал мансарду в рабочем квартале, и его любимым занятием было чтение книг по истории, экономике и, особенно, романов-утопий.

В двадцать один год он стал журналистом. Он брал интервью у великих мыслителей своего времени и со временем создал собственные теории. Он записывал их в дневник. Он считал человека существом деятельным, а не мыслящим, которого, следовательно, нужно было судить по его поступкам, а не по его идеям.

Став знаменитым репортером, он много путешествовал, наблюдал, и всегда особенно интересовался миром труда, переживавшим кардинальные изменения.

Через некоторое время молодой человек написал сочинение, которое назвал кратко: «Утопия».

Согласно его теории, религия и государство служили только делу обогащения тунеядцев и бездельников, а значит, человек мог обойтись без священнослужителей и политиков.

Заметив, что на любом заводе сам собой возникал антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми, он предложил новый взгляд на историю. По его мнению, история была непрерывной борьбой угнетателей и угнетенных. В один прекрасный день раскол между двумя группами людей исчезнет, и люди на всей земле станут равными, обладающими одними и теми же правами и благосостоянием.

На смену диктатуре монархии и тех, кто использует чужой труд, придет диктатура угнетенных, а за ней наступит мир на всей земле, который он называл «окончательной стабилизацией».

«Утопия», получившая вначале довольно слабые отклики, стала широко известна среди студентов и интеллигенции, в этой специфической городской среде. Возникли кружки, которые собирались для обсуждения нового взгляда на историю, потом политические движения, взявшие на вооружение идеи, изложенные в книге, и, наконец, появилась «партия равенства», которая провозгласила, что однажды наступят времена, когда никто не будет богаче своего соседа. Началось движение утопистов.

Вслед за студентами и интеллигенцией идеи «Утопии» подхватили профсоюзные движения, вероятно, потому, что ожидали скорейшего перехода к этапу «диктатуры угнетенных». Автор «Утопии» никогда не заявлял о себе как о писателе-дельфине, поэтому его видение будущего смогли примерить на себя все.

Всего в нескольких километрах от мансарды Утописта, в том же городе, столице людей-акул, в студенческом квартале другой молодой человек, родители которого также принадлежали к дельфиньему народу, работал над проектом из области физики.

Когда он был ребенком, а потом и замкнутым, одиноким подростком, учителя считали его посредственностью, потому что он очень долго думал над ответом и казался постоянно погруженным в собственные фантазии. Этому молодому человеку все-таки удалось одолеть все ступени среднего образования, и он поступил на физический факультет одного из самых престижных университетов страны. Тогда он обнародовал свою собственную теорию о том, что существует связь между энергией, материей и скоростью. Используя скорость и энергию, можно создать материю. Материя и скорость могут породить энергию. Энергия и материя

порождают скорость. Этот закон он назвал «Законом Взаимосвязи», так как, по его мнению, все в мире взаимосвязано. Его тут же прозвали «Связующим».

Теория о связи между тремя основными физическими величинами совершила переворот в науке, ибо подразумевала связь между всем существующим на свете.

Эта же теория породила новое течение в узком кругу ученых, которые начали думать в этом направлении и изобретать новые источники энергии, способные заменить нефть. Был даже создан исследовательский центр, где физики, поместив материю в аппарат и заставив ее вращаться с бешеной скоростью, сумели выделить новый сверхмощный вид энергии, энергию взаимосвязи.

И снова в столице людей-акул, но на этот раз в богатом квартале, третий молодой человек создал еще одну оригинальную теорию. Он также был рожден в семье людей-дельфинов, бежавших от преследований. Его интересовала медицина. У него была аккуратно подстриженная борода, небольшие круглые очки, и он курил, как денди, пользуясь длинным мундштуком из слоновой кости.

Как и два других молодых человека, он не был религиозен. Он хотел изменить образ мыслей людей своего времени. Его очень интересовали заболевания психики, в особенности те, которые в литературе того времени называли общим термином «меланхолия».

Он написал одну диссертацию о действии наркотиков на человека, а другую – о гипнозе, и однажды увидел сон, который дал ему ключ к разгадке человеческого разума. Он понял, что сны – это сообщения, которые бессознательное посылает сознанию. Правильно истолковав сны, можно найти событие, причину, породившую меланхолию.

Врач написал книгу, в которой изложил свою теорию снов. Она называлась «Что скрывается под маской».

Продолжая углубленно исследовать механизмы поведения себе подобных, он заинтересовался жизнью примитивных обществ и групп животных, обнаружив, что причины всех проявлений психики таятся в сексуальности. Согласно его теории, действие репродуктивных гормонов было основной движущей силой большинства поступков человека. И врач написал вторую книгу, которую назвал «Секс и биение жизни».

Зайдя еще дальше в своей работе, он объявил, что сексуальное поведение человека зависит в основном от впечатлений, полученных в самом раннем детстве и от первых контактов с родителями.

И он написал третью книгу о детской психике, травмированной

взрослыми, «Отпечаток».

Врач предложил метод лечения, основанный на анализе прошлого пациента с целью выявить психические травмы, полученные им в детстве и которые заставляют его повторять один и тот же сценарий уже во взрослой жизни.

Эта методика была с успехом опробована, множество пациентов избавилось от меланхолии, которую до тех пор считали неизлечимым заболеванием. Люди, которых держали в приютах для душевнобольных, страдающие навязчивыми состояниями, выздоровели. Они избавились от своего недуга, начали полноценно общаться и вернулись к созидательному образу жизни.

Это стало маленьким переворотом в мире медицины. До сих пор меланхолию лечили снотворными и обезболивающими средствами. Или же электрошоком и заключением в палату, обитую изнутри войлоком.

Врач получил прозвище «Аналитик».

Через несколько лет он стал известен далеко за пределами страны акул. Главы государств посылали к нему своих жен и детей. Одержимые манией самоубийства вновь почувствовали вкус к жизни.

Аналитик, окруженный группой почитателей, пророчествовал о наступлении нового мира, когда каждый, избавившись от груза прошлого, сможет пережить расцвет собственной сексуальности, и не будет заставлять других страдать от травм, которые сам он получил в детстве.

Революционные идеи Утописта, Связующего и Аналитика перевернули сначала мир акул, а затем и просто весь мир. Почти во всех столицах ученые с воодушевлением продолжали исследования, развивая и углубляя новаторские теории, находили им все новое применение в самых различных областях.

Это было похоже на три бензиновых ручья, охваченных огнем, которые разносили пожар по всей земле. Исследователи, рожденные в других диаспорах людей-дельфинов, также выдвигали идеи, которые изменяли лицо мира. Один из них, получивший прозвище «Почтительный», придумал «Права человека», по образу и подобию Заповедей, которые защищали каждого человека от возможности быть убитым, подвергнутым пыткам и унижениям.

Другой, «Законник», предложил всем людям-дельфинам вернуться на землю их предков, оккупированную соседями. Пусть столица людей-дельфинов находится в руках захватчиков, зато там до сих пор существует община соплеменников, хранящая древние знания. Законник организовал движение, названное «возвращение рыб на родину».

Чтобы не создавать конфликтов между вновь прибывшими и народами, захватившими исконные земли, люди-дельфины стали селиться в местах, которые все остальные признали непригодными для жизни. Они засучили рукава и начали осваивать бесплодные земли, осушая болота и разрабатывая оросительные системы. Первопроходцам приходилось преодолевать множество трудностей, но их мечта сбылась – они вернулись на землю своих предков.

Возникли поселения людей-дельфинов, в которых, согласно теории Утописта, все были равны между собой. Там не было ни угнетенных, ни угнетателей, ни религии, ни правителей. Жители этих поселений обходились без денег, полиции, собственности. Все принадлежало всем. Продукты сельского хозяйства или промышленного производства принадлежали обществу, и каждый получал в зависимости от своих потребностей, а не от заслуг.

В «утопистские поселения равноправных» стекалось много молодых людей-дельфинов, которые надеялись, что эта новая форма социума даст им возможность найти свое место в жизни. Они начинали говорить на языке предков, узнавали историю праотцев, обретали в древней мудрости новые ценности, которые помогали им жить в современном мире. В этих поселениях часто устраивали праздники, а нравы там были свободными.

Вскоре молодежь и других народов стала приходить в поселения равноправных, чтобы помочь осуществлению мечты людей-дельфинов и разделить с ними их будни и праздники. По вечерам, после утомительной дневной работы, люди собирались вокруг костра и говорили о всемирном разоружении, экологии, свободной любви, о том, что деньги рано или поздно исчезнут совсем, о новом подходе к обучению детей – без насилия. Им казалось, что их идеи заразны, как болезнь, передающаяся по воздуху, и что однажды весь мир станет жить так, как они. Человечество станет единой огромной коммуной хиппи, все будут равны, и жизнь превратится в один нескончаемый праздник.

18. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТЕОРИЯ ЧЕРНОЙ КОРОЛЕВЫ

Теория Черной Королевы была предложена ученым Леом Ван Валеном. Он отсылает нас к книге Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» (это продолжение «Алисы в Стране чудес»). В этом романе Алиса и Черная шахматная королева вдруг бросаются бежать.

«Алиса в изумлении огляделась.

– Что это? – спросила она. – Мы так и остались под этим деревом! Неужели мы не стронулись с места ни на шаг?

– Ну, конечно, нет, – ответила Королева. – А ты чего хотела?

– У нас, – сказала Алиса, с трудом переводя дух, – когда долго бежишь со всех ног, непременно попадешь в другое место.

– Какая медлительная страна! – сказала Королева. – Ну, а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте!» Лей Ван Вален использует этот фрагмент, чтобы проиллюстрировать гонку усовершенствований между видами. Если ты не идешь вперед, значит, что ты в отстающих. Чтобы оставаться на месте, нужно идти так же быстро, как и все вокруг.

Вот конкретный пример. Если какой-либо вид животных будет все быстрее преследовать добычу, то и дичь будет становиться все более быstroногой. В результате соотношение сил станет неравным, а вся система в целом приведет к тому, что появятся животные, умеющие бегать быстрее.

Теория Черной Королевы гласит: «Среда, в которой мы живем, изменяется, и мы должны меняться с той же скоростью, чтобы оставаться на прежнем месте и не исчезнуть».

Лей Ван Вален приводит также, в пример бабочку, которая погружает хоботок в цветок орхидеи, чтобы добыть нектар. При этом она пачкается в пыльце, переносит ее на другие цветки и опыляет их. Но бабочки становятся все крупнее, хоботок у них удлиняется, и они могут пить нектар, не прикасаясь к пыльце. Это изменение пережили лишь те орхидеи, цветок которых был достаточно глубокий, так что бабочке все-таки приходилось перемазаться в пыльце, прежде чем она добиралась до самых глубин, где находился нектар.

Орхидеи приспособились: нектарник^[2] переместился в глубь цветка.

За этим последовало вымирание мелких бабочек. С каждым поколением орхидеи становятся все крупнее, а хоботок у бабочек удлиняется. Встречаются нектарники глубиной в двадцать пять сантиметров! Так теория Черной Королевы пробивает брешь в учении Дарвина: разные виды развиваются параллельно и изменяются, чтобы поддерживать свою адаптированность к окружающей среде.

Лей Ван Вален применяет свою теорию даже к гонке вооружений, упоминая все тот же пример о хищнике, все быстрее преследующем добычу. В человеческом обществе одновременному усовершенствованию подвергаются меч и щит. Чем крепче копье, тем толще щит. Чем разрушительнее становятся ядерные ракеты, тем глубже бункеры и быстрее ракеты-перехватчики.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

19. ЛЮДИ-АКУЛЫ

– Это все из-за людей-дельфинов! Невысокий нервный человек с бородкой вещал, забравшись на стол.

– Эти негодяи заразили мозг наших детей своими утопиями и подвергают опасности нашу страну. Люди-дельфины – наши враги. Через свое искусство, культуру, науку и книги, они распространяют свои вредоносные идеи!

Человечек в гневе ударил кулаком в стену и отчеканил:

– Они – причина всех наших бед. Их нужно убить. Убить всех. Освободим нашу страну от этой заразы. Избавим от них весь мир! Никто из них не должен остаться в живых.

В ответ раздались смех и грубые выкрики.

– Ну ты и надрался, приятель!

Под улюлюканье посетителей человечек с бородкой покинул таверну. На прощание он поклялся, что еще вернется и сотрет с лица земли этот насквозь прогнивший притон, зараженный идеями людей-дельфинов.

Поначалу речи бородатого человечка вызывали только насмешки, а под конец в него начинали бросать разные предметы. Но страна людей-акул погружалась в глубокий кризис, вызванный демографическим взрывом, за которым не поспевала экономика. Возник новый класс бедняков, дестабилизировавший общество.

Как-то раз владелец металлургических заводов, утомленный постоянными конфликтами со своими рабочими, которых все сильнее захватывали идеи Утописта, услышал речи маленького бородача, и вышел вслед за ним из таверны.

– Вы настоящий провидец! Вы нашли истинную причину наших бед и предлагаете правильное решение проблемы. Дельфинья пропаганда уже принесла немало вреда наивным неокрепшим умам и нашим рабочим. Это нужно остановить любым способом. Думать, что люди равны, – что может быть глупее! Это привело к революции в Урсии,^[3] стране медведей, теперь там царит голод. В землях людей-дельфинов эти первопроходцы живут в полном разврате. Я, как и вы, не люблю людей-дельфинов. Я дам вам в помощь несколько парней и хочу, чтобы вы дали понять этим чужакам, что не им решать, как жить в этой стране. Считайте, что я поручил вам работу... чистильщика.

Получив от промышленника финансовую поддержку, бородач, который

отныне называл себя Чистильщиком, в первую очередь занялся бунтующими рабочими. На демонстрациях его головорезы-чистильщики всегда были в первых рядах. Они публично сжигали на площадях книги, написанные людьми-дельфинами, особенно сочинения Утописта, Аналитика и Связующего, которых Чистильщик называл «тремя всадниками Апокалипсиса».

Теперь бородач выступал в тавернах под защитой своих подручных, вооруженных железными прутьями, и никто уже не осмеливался смеяться над ним. Он говорил все громче, трясся от ярости, молотил воздух кулаком.

– Дельфины хотят поработить акул, но мы им покажем, кто сильнее! Их идеи, как ржавчина, разъедают наши умы. Это гниль, которая поражает все, чего коснется. Дельфины говорят о равенстве, чтобы поработить вас, говорят о свободе, чтобы выпустить на свободу ваши низменные инстинкты, говорят об утопии, но на самом деле ведут нас к хаосу. Они называют себя наследниками мудрости людей-рыб, так бросим же их в море! Пусть утонут!

Толпа встречала эти слова аплодисментами и криками: «Смерть дельфинам! Смерть дельфинам!» Бородач продолжал:

– Обещаю, что если вы поможете мне прийти к власти, то на наших улицах вы никогда не увидите нищую акулу, просящую подаяния, и проходящего мимо богатого дельфина. Мы заберем назад деньги, которые они украли у нашего народа. Никому из них пощады не будет.

Чистильщик со своими приспешниками поджидал дельфинов, когда те выходили из своих храмов, оскорбляли и били их. Они разбивали витрины магазинов, владельцами которых были дельфины.

Но правительство страны акул даже в разгар экономического и политического кризиса не могло допустить, чтобы в стране открыто совершалось столько насилия. Чистильщика арестовали за незаконную агитацию. Два года он провел в тюрьме и, пользуясь свободным временем, написал сочинение «Моя Правда», в котором излагал свой план очищения мира путем систематического истребления людей-дельфинов. Он писал: «Дельфинами считаются все, кто родился в семье дельфинов, двоюродные братья и сестры дельфинов, их мужья и жены, до шестой ступени родства. Двоюродный брат двоюродного брата дельфина – дельфин, и с ним следует поступать соответствующим образом». Чистильщик предлагал также уничтожить всех последователей Утописта, и поработить всех, кто не принадлежит к народу акул. «Чужеземцы должны работать ради славы и величия акул. Они должны подчиниться или погибнуть», – писал он. Он утверждал, что акулы, их философия и культура, завоюют весь мир. В

заклучение, чтобы привлечь тех, кто увлекался мистикой, он заявлял: «Я получил во сне божественное откровение и должен исполнить то, что мне поручено».

Ко всеобщему удивлению, «Моя Правда» пользовалась огромным успехом и отлично продавалась в книжных магазинах. Беднякам нравилась идея все отобрать у богатых. Чистильщики на каждом углу раздавали бесплатный суп бездомным и безработным, предпочитающим бездельничать вместо того, чтобы искать работу. Они предлагали им вступить в ряды народной милиции, которую продолжал финансировать промышленник-меценат.

Чистильщик обращался со своими речами даже к преступникам, сидевшим в тюрьме. Даже к рецидивистам. Накануне их освобождения он говорил им: «До сих пор вы использовали свои силы в дурных целях. Но теперь вы можете искупить свою вину, послужив делу очищения нашей страны! Мы найдем правильное применение вашей ловкости и стремлению к насилию».

Таверны, в которых когда-то смеялись над бородачом, были сожжены. На площадях по-прежнему пылали костры из книг. Чистильщики пели: «Смерть дельфинам! Смерть дельфинам! Да здравствует Чистка!» Огонь перекинулся на храмы дельфинов. Начались гонения против рабочих профсоюзов. Милиция чистильщиков совершила первые убийства. Бывшие преступники являлись в дома людей-дельфинов, убивали их и грабили. Обычная полиция ничего не могла поделать. Кроме того, в ее рядах было немало поклонников Чистильщика, которые не спешили помогать дельфинам и разыскивать виновных.

В то время как в соседней стране, Петушии, президент оказался дальним потомком дельфинов, и там началось всенародное голосование по правам человека и всемирному разоружению, в Акулии все было наоборот. Промышленник, финансировавший деятельность Чистильщика, оставил производство автомобилей. Теперь на его заводах делали оружие. Инженеры разрабатывали новые модели ружей, танков, современных самолетов.

Политическое движение «Анти-Дельфин» официально приняло участие в демократических выборах. Дважды оно не набирало нужного числа голосов, но в третий раз за него проголосовало большинство. Чистильщика назначили премьер-министром. Через несколько дней вышел закон, запрещающий людям-дельфинам занимать должности в государственных учреждениях, а также работать по нескольким специальностям, признанным особо важными для государства.

Всех преподавателей-дельфинов уволили. Студентам-дельфинам было запрещено учиться в университете.

Но Чистильщику и этого было мало. Почти не таясь, он организовал строительство заводов по образцу боен для того, чтобы высылать из страны и убивать людей-дельфинов. Его ненависть к этому народу была так сильна, что он изобретал все новые способы, чтобы заставить их страдать как можно сильнее.

Всем было известно о существовании этих заводов, но все предпочитали делать вид, что они ничего не знают. Ни одна страна не выступила с протестом, считая, что это внутреннее дело людей-акул. С изумлением узнав, как просто творить зло, Чистильщик объявил, что приступает к Всемирной Чистке. Во имя борьбы с дельфинами он провозгласил себя императором акул и создал огромную армию, вооружение для которой поставлял его друг-промышленник, на заводах которого разрабатывались самые совершенные орудия убийства.

В порыве вдохновения Чистильщик с невероятным артистизмом заключил договор с новым диктатором-утопистом Урсии, который, забыв, что основателем его партии был дельфин, заявил, что целиком и полностью разделяет антидельфиньи убеждения маленького бородатого императора.

Заручившись поддержкой с востока, Чистильщик, используя танки и самую современную авиацию, атаковал западные и южные страны. Он начал с Петушии, победа над которой была стремительной и легкой. Затем акулы победили свиней, волков, чаек и народы, которые, по-видимому, остались без своих богов. Только лисы на своем острове оказали свирепое сопротивление благодаря тому, что у них был сильный военный флот.

Некоторые народы, видя победоносное шествие акул, предпочитали сдаться без боя или выбирать себе диктатора, который заключал союз с Чистильщиком. Люди-дельфины, жившие в этих странах уже десять, а кое-где и двадцать поколений, были пересчитаны, переписаны и загнаны в лагеря, откуда их увозили на заводы-бойни. Кварталы, где они жили, сжигали, их поселения исчезали с карт.

Император акул казался непобедимым. Многие ожидали, что он вот-вот воцарится на всей планете, и народ людей-акул будет править миром. Людей-дельфинов ожидало полное уничтожение.

Чистильщик так ненавидел все, что даже отдаленно было связано с дельфинами, что, завоевав южные, северные и западные страны, решил напасть на диктатора Урсии, своего восточного союзника.

Диктатор Урсии, горячий почитатель Чистильщика, был несказанно удивлен вторжением на его территорию войск бывшего друга. Он был в

недоумении и терпел одно поражение за другим. Он надеялся, что Чистильщик передумает, и они вместе истребят последних дельфинов.

Армия акул продвигалась вперед по огромной территории людей-медведей, как горячий нож, разрезающий масло. Немногочисленные безумцы, попытавшиеся оказать сопротивление, были казнены с чудовищной жестокостью, чтобы вселить ужас в остальных. Сея ужас и зло, армия акул захватывала богатства и власть.

Завоевывая чужие страны, акулы присваивали не только материальные и духовные ценности, но и угоняли в рабство ученых, заставляя их создавать все более совершенное оружие. Покоренные страны были обязаны платить огромные налоги, чтобы акулы могли продолжать войну, а также выдавать людей-дельфинов, живущих на их земле. Кроме того, все дееспособные мужчины отправлялись простыми солдатами в армию акул либо становились рабами на заводах, без остановки производивших оружие.

Чистильщик сам поражался тому, как все и вся сдавались под его натиском. В конце концов он сам стал верить в то, что говорил раньше: «Вероятно, Бог, действительно, с нами, и я всего лишь исполняю его тайный замысел». Даже промышленник, финансировавший первые шаги Чистильщика, видя, как деньги текут к нему в руки, стал думать, что Чистильщик благословлен самим небом.

Казалось, что акулы уже одержали победу в мировой войне. Никто не видел силы, способной их остановить.

20. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: МИФОЛОГИЯ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ

В северной мифологии существует такое понятие, как Валгалла, рай для героев. Туда не попадают умершие от болезней или старости, но только те, кто погиб в бою. Валькирии, богини войны, опьяняют людей жадой смерти, а затем забирают павших с поля битвы. Они приводят их в крепость Асгард, крыша которой сделана из шлемов и щитов. Там героев встречает сам бог Вотан. Бог Один объясняет умершим воинам, что теперь они продолжат начатую на земле битву здесь, в Асгарде.

Воины Валгаллы сражаются с утра до вечера, умирают и вновь воскресают, чтобы снова биться, пока не раздастся звон колокола, возвещающего о начале вечернего пира, во время которого воины рассказывают друг другу о своих дневных подвигах.

Чтобы восстановить силы, они пьют молоко козы Хейдрун, едят мясо кабана Сэхримнира и занимаются любовью с валькириями, которые подливают пиво в их кубки.

Во время этих пиров Один ничего не ест, а только пьет и кормит своих волков-убийц. Однако он не забывает напоминать воинам, что все, чем они заняты в Валгалле, – это всего лишь подготовка к последней битве, Рагнареку.

Тогда, выйдя из пятисот сорока дверей Асгарда воины Валгаллы встретятся с Локи, богом огня, и его армией. В ее рядах будет волк Фенрир, змей Ермунганд и множество других демонических порождений.

Если воины Валгаллы будут побеждены, тогда мир погибнет, и Локи разразится торжествующим хохотом.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

21. ЛЮДИ-ОРЛЫ

Птицы кружат вокруг небоскребов, кинотеатры заливают огнями широкие улицы, мужчины в смокингах и красивые женщины толпятся в очередях, чтобы попасть в мюзик-холлы, сверкающие машины томятся в первых пробках. Это Новая Орландия, столица людей-орлов, которую тысячи километров отделяют от земель, захваченных акулами.

Климат здесь удивительно мягкий, повсюду звучит ритмичная музыка, жители танцуют забавные танцы. Все прекрасно помнят историю своей страны. Новая Орландия построена более четырехсот лет назад колонистами, людьми-орлами, бежавшими из своей пришедшей в упадок империи на Старом Континенте.

«Если дела идут плохо, садись на корабль и уплывай». Следуя этому мудрому правилу людей-дельфинов, предки нынешних жителей Новой Орландии снарядили корабль и переплыли океан, чтобы начать новую жизнь на новом континенте.

Легко победив живших там людей-индюков, оставленных их богом, орлы обосновались на новых землях. Они построили большие современные города, не уступавшие другим столицам мира. Они считали себя первооткрывателями нового мира, но в то же время не забывали о великой древней империи орлов, которую считали праматерью всех современных культур.

Когда в Новой Орландии появились первые известия о том, что акулы захватили старый континент, президент Республики орлов обратился по радио к своему народу.

«Будем сохранять спокойствие. События, происходящие по ту сторону океана, не имеют к нам отношения».

И промышленная держава орлов стала продавать сталь и нефть всем воюющим сторонам. Они торговали и с людьми-акулами, которым требовалось все больше оружия, и с людьми-лисами, которые держали оборону на своем острове. Общество людей-орлов разделилось на два лагеря. Большинство считало, что ради мира и всеобщего спокойствия не стоит вмешиваться в конфликт между другими странами. «Мы не должны посылать своих сыновей умирать за чужие земли, которые нам все равно не достанутся». «Это не наша война», – говорили они. «Мы ничего не выиграем, но много потеряем».

Некоторые орлы, актеры, певцы, профсоюзные деятели и политики,

открыто восхищались личностью Чистильщика. Его простая и ясная речь, культ силы, открытая пропаганда насилия, его решимость идти до конца нравились тем, кто сам не мог похвастаться сильной волей. Интеллигенция и крупные промышленники также подпали под обаяние лидера акул. Они признавали военный гений Чистильщика, видели экономический подъем его страны, обсуждали возможность союза орлов и акул, необходимый для победы над Урсией, угрожавшей всему миру революцией и утопизмом.

Лишь небольшая часть населения, люди-дельфины жившие в стране орлов, осмеливались говорить о том, что Чистильщика, тирана и расиста, нужно остановить. Но их обвиняли в том, что они откалываются от общества ради солидарности с дельфинами, у которых возникали «небольшие недоразумения» на территориях, оккупированных акулами. Короче говоря, к ним никто не прислушивался. Некоторые интеллектуалы и свободные мыслители среди орлов тоже говорили, что Чистильщика нужно остановить. Они опасались, что, захватив весь Старый Континент, он заинтересуется и новым. Ведь в книге «Моя Правда» открытым текстом написано, что он собирается поработить все другие народы, чтобы они служили акулам!

Правительство орлов никак не могло решить, вступать в войну или нет. Стратеги Главного штаба советовали воздержаться от резких движений. Лучше подождать, пока все участники конфликта выдохнутся и ударить в тот момент, когда свежие силы орлов смогут реально изменить ход войны. А пока президент приказал тайно начать изготовление оружия на одном из заводов, на случай, если оно действительно понадобится. Он был осторожен и дальновиден, и знал, что для того, чтобы победить мощную и опытную армию акул понадобится самое совершенное оружие.

Он решил, что пора вступать в войну, когда армию акул остановил на территории Урсии... холод.

Страна людей-медведей была расположена на севере, и зимы там были очень суровыми. Войска акул застряли у одного города медведей и никак не могли продвинуться дальше. Армия акул настолько ослабла от холода, что не могла больше противостоять медведям, которые без перерыва атаковали их. Заняв один из крупнейших городов, акулы были вынуждены отступить, бросая мертвых, раненых и пленных. Миф о непобедимом воине-акуле разбился.

Военные стратеги орлов решили открыть большую наступательную кампанию на западном фронте. Они приплыли на кораблях и начали высадку пехоты.

Несмотря на огромную численность, отличное вооружение,

мотивацию, эффект неожиданности, орлам с большим трудом удалось закрепиться на берегах, оккупированных акулами. Погода была ужасной. В небе сверкали молнии, которые то и дело попадали в металлические баржи. На море было сильное волнение, и солдаты, измотанные качкой, выбирались на берег, еле держась на ногах. Там их встречал пулеметный огонь акул, которые построили бункеры вдоль всего западного побережья. Первая партия солдат-орлов, пытавшихся высадиться на берег, была уничтожена, вторая – отброшена.

В этой битве решалась судьба планеты. Каждая минута имела значение. Даже погода участвовала в сражении. Наконец, показалось солнце, дождь прекратился, и третья группа солдат-орлов, отличавшаяся особым мужеством, сумела ценой огромных потерь закрепиться на берегу, в дюнах. В войска антиакульего альянса вернулась надежда.

Но война была еще далеко не кончена. Акулы, видя, что несут потери на западном и восточном фронтах, усилила кампанию по истреблению дельфинов. «Если мы погибнем, то и все дельфины тоже. Освободить мир от этих паразитов – наш священный долг перед человечеством. Ведь мы прежде всего выступаем против дельфинов!» – кричал Чистильщик, выступая перед толпами почитателей. Сильнее всего его речи действовали на подростков в военной форме.

Заводы-бойни уничтожали все больше дельфинов. Акулы пытались опередить время, которое работало против них. На западном фронте солдаты-акулы, в бешенстве от своих повторяющихся поражений, запирали гражданское население в церквях и сжигали людей заживо. На восточном фронте они украшали деревья повешенными медведями, как чудовищными елочными игрушками.

Детей-акул с девяти лет забирали в отряды бешеных камикадзе и учили подрывать себя и противника гранатами. Они гибли с криком «Слава Чистильщику! Смерть дельфинам!» Победа была теперь на стороне орлов, но они продвигались вперед с большим трудом. Черный дым, вырывавшийся из трубы заводов смерти, заволакивал небо.

Очень долго исход мировой войны был неясен. Группа генералов-акул хотела остановить Чистильщика, одержимого манией разрушения, подложив бомбу под его письменный стол. Но тиран, почувствовав что-то в последнюю минуту, успел укрыться за массивной мебелью и избежал смерти. Он тут же начал чистку в рядах своего Генерального штаба, оставив при себе только тех, кто как и он сам, был готов сражаться до последнего издыхания со «всемирным дельфиньим заговором».

Смертные сражались на земле, в воздухе, на воде и под водой.

Подводные лодки были уже изобретены, и самые совершенные из них были построены акулами.

Груды трупов росли. Казалось, все человечество охвачено стремлением к гибели. На этой войне без разбора убивали солдат и мирное население, мужчин и женщин, детей и стариков. Ни один континент, ни один остров, ни одна страна не остались в стороне. Все были поражены вирусом уничтожения. Мир разделился на два лагеря – на тех, кто встал под знамена акул, и тех, кто воевал на стороне орлов. Ученые-акулы изобретали все более смертоносное оружие. Они придумали ракеты, начиненные взрывчаткой, которые поднимались в воздух, достигали верхних слоев атмосферы и падали на города людей-акул.

Но в конце концов акулы были отброшены назад, их столицу бомбили и взяли в кольцо. Чистильщик покончил с собой. Перед смертью он сказал: «Это все из-за дельфинов! Пусть все, кто любил меня, посвятит свою жизнь их уничтожению»!

Воюющие стороны подписали мирный договор.

Заводы-бойни работали до последней минуты, и даже после заключения мира преданные Чистильщику акулы делали вид, что не получали приказа, стараясь казнить как можно больше дельфинов.

Повсюду воцарился мир, и тогда во всей полноте открылась картина ненависти Чистильщика к дельфинам.

Народ орлов вышел из этой войны победителем. Военная промышленность работала на полную мощность, в стране больше не было безработицы, в экономике наблюдался подъем. Политическое влияние орлов распространялось теперь на всю планету. Все страны одна за другой подчинились им. Пережив ужасы войны все хотели только одного – мира. Был создан союз всех стран мира, и его штаб-квартира находилась, разумеется, в Новой Орландии.

Люди-орлы успели предоставить убежище некоторым ученым-дельфинам, и теперь прогресс технологий в стране орлов был обеспечен. Благодарные дельфины принялись за дело. Они создали первые компьютеры. Вдохновляясь трудами Связующего, они построили первые атомные электростанции.

Ученый-акула, освобожденный из плена после перемирия, помог создать ракету по образцу тех, которые раньше бомбили остров лис. С помощью новой ракеты орлы хотели запустить в небо астронавтов. Спустя несколько лет поисков и ошибок инженерам удалось построить ракету, способную поднять людей в воздух и долететь до ближайшей планеты.

Состоялся запуск. Все жители Земли-18 следили за этим событием по

радио и телевидению. Ракета поднялась, вышла в космос, достигла цели и опустила на планету секцию с астронавтами.

Астронавт, первым ступивший на новую планету, задыхаясь, произнес в микрофон, закрепленный в его шлеме, слова, которые услышал во сне накануне полета: «Мы победили!» И воткнул флаг орлов в каменистую, покрытую пылью землю незнакомой планеты.

22. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ПИФАГОР

В школе все мы изучали теорему Пифагора: «в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов». Однако Пифагор – не только ученый-математик. Он родился на острове Самос в начале VI века до н. э. в семье богатого купца, торговавшего драгоценными перстнями. Дельфийская прорицательница, к которой обратились родители Пифагора во время путешествия, предсказала им рождение сына, «который сделает много полезного для человечества и будет славен во все времена», и посоветовала отправиться в Финикию, в город Сидон, чтобы, получить для ребенка благословение в иудейском храме. Когда младенец появился на свет, родители назвали его Пифагором, в честь Пифии-прорицательницы.

Юный Пифагор был хорошим атлетом и участвовал в Олимпийских играх. Он много путешествовал, изучая в разных странах науки, относящиеся к самым разным областям знания. В Си-доне он учился искусствам у Гермодаманта, в Сироме – философии у Ферекида, в Милете – математике у Фалеса, в Египте – у жрецов Мемфиса, посвятивших его в мистерии Осириса и Изида. Когда персы завоевали Египет, Пифагора вместе с другими учеными и жрецами угнали в Вавилон, однако ему удалось бежать и вернуться на родину в Грецию. Он пришел на юг Италии в город Кротон (Италия тогда была частью Великой Греции) и создал там смешанную школу с многоступенчатой системой обучения, где преподавал разные науки.

На первом «подготовительном» этапе, который длился от двух до пяти лет, ученикам предписывалось молчание во время уроков, слушать педагогов и размышлять о сказанном, чтобы развить и обострить все чувства. Они должны были постичь смысл дельфийского изречения «Познай самого себя, и ты познаешь небеса и богов».

На втором этапе, который назвался «Эволюция», начиналось изучение чисел, а затем музыки, которую считали неразрывно связанной с математикой.

Пифагор говорил:

«Эволюция – закон жизни.
Число – закон мироздания.
Единство – закон Бога».

На третьем этапе, который назывался «Совершенствованием», приступали к изучению космогонии. Согласно Пифагору, планеты произошли от Солнца, они вращаются вокруг него (в этом он противоречил Аристотелю, который полагал, что Земля находится в центре Вселенной), а звезды также являются солнечными системами. Он заявлял, что «животные родственны человеку, а человек – Богу»; живые существа изменяются согласно законам отбора, а также согласно закону действия невидимых сил.

На четвертом этапе, «Эпифании» (что дословно означает «открытие истины при взгляде сверху»), ученик-пифагореец должен был достичь трех совершенств: обрести истину в разуме, добродетель в душе, чистоту в теле. Тогда ученик мог вступить в брак с женщиной (желательно также пифагорейкой) и произвести на свет дитя, чтобы дать какой-нибудь душе возможность прийти в мир.

Пифагор также говорил:

«Сон, Мечта и Экстаз суть три двери, ведущие в иной мир, откуда к нам приходят наука о Душе и искусство прорицания».

Воспитанники Пифагора перед окончанием обучения должны были начать принимать участие в общественной жизни. Одним из лучших его учеников был Гиппократ, основатель древней медицины и автор знаменитой клятвы, носящей его имя.

Когда войска города Сибарис напали на Кротон, тщедушный полководец-пифагореец сумел обратить врага в бегство и захватить Сибарис. Но, к несчастью, один из тех, кого не приняли в школу Пифагора, воспользовался беспорядками во время этих событий и оклеветал ученого, распуская слухи о том, что он вместе со своими последователями намерен присвоить всю добычу. Жители Кротона под предводительством клеветника напали на школу, подожгли ее и убили Пифагора вместе с его тридцатью восемью учениками, которые пытались защитить его. После гибели Пифагора, его ученики подверглись преследованиям, а написанные им книги были сожжены.

Сократ, который читал один из трех чудесным образом уцелевших трудов Пифагора, никогда не отрицал, что его учения основаны на теориях погибшего ученого.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

23. КОНЕЦ ИГРЫ

Я измотан. Толпа на скамьях ревет. Меня бьет дрожь, холодный пот течет по спине. Наверное, у меня температура, все тело горит как в огне. Анкх выскальзывает из моих влажных рук, и болтается на цепочке у меня на шее.

Другие игроки тоже без сил. У Эдит Пиаф, богини людей-петухов, совершенно безумные глаза. Жан де Лафонтен вытирает пот с лица. Рабле весь красный, он тоже дрожит. У Бруно Баллара из носа пошла кровь – сказывается перенапряжение. Жоржа Мельеса не держат ноги. Густав Эйфель медленно спускается с лестницы и падает на землю. Симона Синьоре плачет. Тулуз-Лотрек вцепился в свой табурет, словно боится свалиться с него.

Зрители в Амфитеатре Олимпии беснуются. Картины чудовищной жестокости, которые они видели во время нашей последней игры, привели их в неистовство. Для них эта бойня была всего лишь зрелищем. Они смотрели на это так, как смотрят на сражающихся гладиаторов.

На гигантских экранах развевается флаг орлов, толпы приветствуют высадку астронавтов на новой планете. Рауль вскидывает руку в победном жесте, аплодисменты волнами прокатываются по скамьям Амфитеатра, вторя гулу толпы на экранах. Боги-преподаватели в восторге.

Очень жаль, Мата, но я проиграл.

Я недооценил противников. Думая, что идеи сильнее грубой силы, я совершил страшную ошибку.

Тот, у кого в руках кувалда, а в голове желание разрушать, всегда одержит победу над тем, кто логически рассуждает и стремится созидать.

Зрители все еще приветствуют победителя.

Ну что ж, все кончено.

Я в растерянности смотрю на Землю-18, маленькую планету, поле для странной игры, в которой я потерпел поражение. Я все никак не могу понять... Конечно, в этой последней игре все мы были готовы на все, но такого я не ожидал!

Я смотрю на Ксавье Дюпюи. Он не просто пытался победить меня, он придумал, как уничтожить моих людей в промышленных масштабах, словно боялся, что смогу победить.

Успех трех моих пророков напугал его!

Он не просто убивал людей-дельфинов, он собирал их толпами,

раздевал догола, брил, клеймил, душил отравленным газом. Женщин, детей, стариков. Он уничтожал их храмы, книги, музыку, живопись, стирал малейший след их культуры. Словно хотел уничтожить даже воспоминание о моем народе.

Откуда столько ненависти?

Я чувствую, что во мне закипает ярость. В жилах течет расплавленный гнев.

Я смотрю в глаза бога акул, так же изможденного, как и я. Он машет мне рукой – так футболисты подбадривают друг друга после особенно тяжелого матча. Он машет мне рукой с видом спортсмена, расстроенного плохой игрой.

Мне кажется, что все происходит как в замедленной съемке. Я целюсь в него из анкха и стреляю. Но мое оружие разряжено... Тогда я бросаюсь на него и со всей силы бью кулаком по лицу. Я слышу, как хрустнул его нос, летят брызги крови, и вторым кулаком с удесытеренной силой бью его в подбородок. Я сломал ему челюсть, его зубы крошатся, словно они из стекла.

Дюпюи пытается закрыть лицо руками, но я бью его коленом в пах. Он падает на колени, и получает яростный удар в висок. Валится на бок, я бью его по ребрам.

Кентавры пытаются меня остановить, но я хватаю анкх бога акул. Он заряжен! Я направляю оружие на кентавров, они останавливаются, потом отступают. Должно быть, я выгляжу сейчас устрашающе.

Я оборачиваюсь и направляю анкх на Рауля Разорбака. Зрители раздражаются криками. Я чувствую, что «глава окончена», мне нечего терять, а значит, я могу дать выход своим чувствам. Губы Рауля движутся медленно, раздается низкий голос, с подвыванием произносящий:

– Э-ЭЯЙ! Я-ЭЯ-АС! ЭЗ-ЕЯ-ЫЫ-ОИ.

Вдруг замедленная съемка исчезает, звуки становятся нормальными. Пленка в моем мозгу прокручивается обратно, и я понимаю, что Рауль сказал:

– Не стреляй! Я тебя спас! Без меня ты бы погиб. Я сглатываю.

– Ты позволил акулам истреблять мой народ! Ты слишком долго медлил с высадкой. Ты сделал это специально, чтобы я не представлял для тебя угрозы.

Я снова поднимаю анкх.

– Я спас часть твоих людей. Только в моей стране твои ученые чувствовали себя в безопасности, в то время как весь мир убивал их.

– Почему ты так долго не вмешивался?

– Я был не готов, – отвечает Руль. – Если бы я начал высадку слишком рано, то потерпел бы поражение и Дюпюи выиграл бы. Согласись, что моя высадка его добила.

Никто не осмеливается прервать нас. Зрители с удивлением слушают наш спор.

– То, что произошло, ужасно, но все могло бы быть еще хуже. Мишель, Акулы могли победить.

Я не опускаю оружие, держу палец на спусковом колесике. Рауль продолжает защищать свои позиции:

– Вспомни, что говорил Ганди: «Иногда кажется, что злодеи победят, потому что одерживают верх насилием и ложью, но нужно помнить, что добрые все равно победят».

– Это всего лишь слова.

– Нет, это историческая правда. И знаешь почему? Потому что твоя доброта – это самая сильная форма разума. Злые никогда не побеждают. Моя новая империя орлов будет защищать дело мира и свободы, которые так дороги нам с тобой, Мишель.

– И сколько это продлится?

– Мишель, я не враг тебе. Я твой друг. Ты тоже мог бы выиграть, но ты идеалист. У меня лучше получилось установить новый мировой порядок – прочный и стабильный. Сначала сила, потом разум. Человечество прежде всего должно быть сильным. Разум – это роскошь.

– Я бы создал мир-утопию...

– «Утопия» в переводе означает «место, которого не существует». Само слово, которое ты выбрал, уже о многом говорит.

– Я бы заставил его существовать, – упрямо отвечаю я.

– Если бы ты выиграл, Земля-18 оказалась бы в руках прекрасногодушного мечтателя. Это не разумно. Сначала надежность и сила, потом мечты.

Я теряю уверенность в своей правоте. Рука, сжимающая анкх, еле заметно опускается.

– Ты прекрасно знаешь, что выиграть сражение невозможно, вооружившись одними лишь прекрасными намерениями. Даже три твои пророка не подходили тому времени. Твою революцию прибрал к рукам диктатор, научную революцию – военные, которым нужно было новое оружие. А твой Аналитик появился слишком рано, и его идеи использовали разные спекулянты.

Я снова поднимаю анкх, но Рауль продолжает.

– Ты отлично играл, но ты совсем не чувствуешь реальность.

Смертные на Земле-18 пока всего лишь... обезьяны. Одними идеями их не отвлечешь от страсти к разрушению. Страх перед солдатами и полицией пока гораздо эффективнее.

Я отчаянно думаю, что ответить ему, но не нахожу. И еле слышно признаю:

– Я устал быть добрым.

Я бросаю анкх на землю и поворачиваюсь к нему спиной. Со всех сторон бегут кентавры, чтобы схватить меня. Обращаясь к богам-олимпийцам, я успеваю крикнуть:

– Требую...

Кентавры не дают мне закончить и бросают на землю. Афина приказывает поднять меня на ноги. Она разрешает мне говорить.

– Требую, чтобы мы переиграли Финальную игру. Богиня справедливости с изумлением смотрит на меня, потом начинает смеяться. Весь Амфитеатр хохочет.

И в этот момент происходит нечто удивительное. Один из зрителей, альбинос с красными глазами, начинает стремительно расти и превращается в пятиметрового гиганта.

Царь Олимпа смешался с толпой на трибунах, чтобы увидеть Финальную игру.

Все поражены, многие падают ниц. Сияние вокруг Зевса становится ослепительным, никто не может смотреть на него, все отводят глаза. Зевс поднимает руку, призывая к тишине. Все присутствующие не могут оправиться от изумления. Для тех, кто никогда не видел Зевса, это потрясающее зрелище.

Зевс начинает говорить. От его глубокого гулко-го голоса все вокруг дрожит.

– Пусть Мишель Пэнсон получит то, что он просит. Афина, прикрывая глаза рукой, бормочет:

– Конечно, Зевс... Но как это сделать? Зевс нахмуривается.

– Вы что, забыли, где мы? И кто мы? Вы забыли, кто я?

Повелитель Олимпа потрясает своим огромным анкхом как скипетром и направляет его на Землю-18. Он нажимает несколько кнопок, и на экранах, водруженных над Амфитеатром мы видим совершенно невероятное зрелище.

Словно фильм прокручивается обратно с невероятной скоростью. Флаг, воткнутый в землю неизвестной планеты, выдергивается, астронавты пятятся к ракете, которая возвращается назад. Солнце крутится в обратную сторону.

Дождь отрывается от земли и исчезает в тучах. Черный дым, вырывающийся из труб заводов смерти, становится голыми людьми, которые одеваются, садятся в поезда и возвращаются домой. Земля над ямами, куда сбрасывали трупы, поднимается, мертвецы, спавшие вечным сном, просыпаются.

Солдаты-орлы, совершавшие высадку, бегут спиной назад к морю, поднимаются на корабли, пули вылетают из их тел и летят обратно к пулеметам.

Раны зарастают, все возвращается домой.

Мертвые поднимаются из могил на трясущихся ногах.

Служащие похоронных бюро отвозят их в больницы, приюты или семьи, откуда когда-то забрали их.

Они становятся все здоровее и моложе.

Их спины распрямляются. Зубы вырастают. Морщины исчезают. На лысых головах отрастают волосы темные, светлые или рыжие. Седина исчезает.

Старики молодеют.

Взрослые становятся юными.

Подростки превращаются в детей, только что научившихся ползать.

Дети – в новорожденных младенцев.

Младенцы возвращаются в животы матерей.

Животы матерей исчезают.

Эмбрионы становятся яйцеклетками, от которых отрываются сперматозоиды.

Сперматозоиды возвращаются в члены отцов.

Все идет вспять.

Куры становятся цыплятами.

Цыплята – яйцами.

Одежда превращается в коробочки хлопка и овечью шерсть.

Ботинки превращаются в крокодилов и ланей.

Гамбургеры – в коров.

Сосиски – в свиней..

Металлические предметы превращаются в куски РУДЫ.

Деревья – в семена.

Фрукты – в цветы.

Какое это дивное зрелище – возвращение назад.

Как прекрасно видеть, как все и вся возвращается к своим истокам.

Наконец все замирает.

– Финальная игра будет сыграна заново, – объявляет Зевс.

Никто не решается спорить с царем олимпийских богов.

24. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЦАРЬ НИМРОД

В Библии рассказывается о том, как Ной спас человечество от потопа. Он построил ковчег и, проплавав на нем сорок дней и ночей, высадился на горе Арарат. Его потомки вновь заселили землю.

Их становилось все больше, и они заселяли все более обширные территории. Один из них, искусный зверолов Нимрод, стал великим правителем. Он объединил людей в племена, а потом научил их жить в городах. Нимрод построил Ниневию и Вавилон и основал первое после потопа царство, и которого была армия и полиция.

Иудейско-римский историк Иосиф Флавий в своей книге «Иудейские древности» рассказывает, что царь-охотник Нимрод стал тираном и полагал, что единственный способ избавить человека от страха перед Богом – запугать его еще сильнее здесь, на земле. Нимрод пообещал своему народу защитить его от Бога, грозившего новым потопом, и затеял головокружительное предприятие: строительство Вавилонской башни. Она должна была быть выше горы Арарат. Иосиф Флавий пишет: «Толпа единодушно выразила желание последовать предложениям Нимрода и стала считать повиновение Господу Богу [позорным] рабством. И вот они начали строить башню, не щадя рвения и усилий. Вследствие множества рабочих рук, башня росла скорее, чем можно было бы раньше предполагать».

Когда башня стала достаточно высокой, царь Нимрод поднялся на ее вершину и воскликнул: «Посмотрим, можно ли отсюда дотянуться до Бога». Он пустил стрелу в облака, но она упала к его ногам. Тогда Нимрод приказал: «Башня недостаточно высока, продолжайте строительство». Однако, как написано в десятой главе книге Бытия, Бог, рассерженный подобной дерзостью, сделал так, что все, кто возводил и прежде говорил на одном языке, перестали понимать друг друга, стали строить как попало, и башня рухнула.

Царь Нимрод также был ужасно наказан. В нос ему влетел комар, у царя начались сильные головные боли. Он просил всех вокруг бить его по голове, надеясь, что это поможет избавиться от комара, который причинял ему страшные мучения.

Так, тот, кто пытался поразить Бога стрелой, сам погиб от жала самого слабого и жалкого из созданий – комара.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания,

том VI

25. НОВАЯ ИГРА

Итак, то, что было сделано, может быть разрушено.

А то, что было разрушено, может быть переделано. Сделано иначе.

Меня одолевают противоречивые чувства.

Если Зевс может повернуть время вспять, значит ли это, что он может и оживить мою любовь, мою Мату Хари?

Но я понимаю, что это возможно только на Земле-18, в этом искусственно созданном мире, на черновике.

Это как в компьютерной игре. На Земле-1 я увлекался стратегиями или военными симуляторами, и всегда мог остановиться, если чувствовал, что проигрываю. Вернуться в меню и запустить сохраненную версию игры. И я возвращался в то время и место, когда игра начинала идти не так, как мне было нужно.

Рауль прав, я принимаю игру слишком близко к сердцу. Я забыл, что это всего лишь игра, как, например, шахматы. И можно, как на шахматной доске, переиграть отдельные фрагменты партии.

Зевс уменьшается, теперь он чуть выше других богов-олимпийцев. Он садится среди преподавателей, в руках у него попкорн. Зевс ясно показывает, что он пришел развлечься, посмотреть фильм о новой версии истории Земли-18.

Рауль Разорбак, лишенный лавров победителя, шепчет: «Но я же выиграл!» Он не решается сказать это громко, чтобы не навлечь на себя гнев царя богов.

Хариты помогают Ксавье Дюпюи подняться. Он сплевывает кровь. Его лицо представляет собой одну зияющую, кровоточащую рану. Дюпюи стонет, хариты хлопочут вокруг него. Он не смотрит на меня.

Он боится меня.

Когда я был смертным, никто и никогда не боялся меня. Но когда-нибудь все происходит впервые. Появляется насилие, страх. Возможно, с их помощью можно решить часть проблем. Должен признать, что вид мучителя моего народа в окровавленной тоге, с лицом, распухшим вдвое, доставляет мне странное удовольствие, которое отвратительно мне самому.

Так вот, что такое месть.

– Вы можете играть, Ксавье? – спрашивает Афина.

Дюпюи кивает. Его голова перевязана окровавленными бинтами. Хариты несут его на руках к стеклянной сфере, в которую заключена наша

планета. Жан де Лафонтен пожимает плечами, его все это развлекает. Эдит Пиаф, Рабле, Симона Синьоре, Жорж Мельес, Тулуз-Лотрек, Бруно Баллар и Густав Эйфель надеются, что возможность сыграть еще раз дает им шанс выиграть.

Я окидываю взором те территории Земли-18, на которые почти не обращал внимания в первой игре. Я вижу, что Тулуз-Лотрек, бывший покровитель людей-коз, подобрал народ медведей, оставшихся без своего бога.

Жан де Лафонтен, бог людей-чаек, поступил так же: он занял земли людей-лисиц и помог одержать им победу над акулами.

Бруно Баллар, бог людей-коршунов, контролирует огромную территорию. Он добился этого, осуществив жестокий захват южных народов.

Рабле, бог свиней, правит очень маленькой страной.

Жорж Мельес, бог тигров, и Густав Эйфель, бог термитов, покровительствуют перенаселенным странам, где живут народы с утонченной культурой.

Следуя указаниям Афины, три Оры раздают нам заряженные анкхи и бутерброды. Рабле требует стакан вина, чтобы расслабиться. Эдит Пиаф просит сигарету, Дюпюи – обезболивающее, Бруно Баллар – кокаину. Я прошу принести кофе, чтобы взбодриться.

Афина не хочет заставлять Зевса ждать, и нам дают на отдых очень мало времени. Оры забирают у нас стаканы и салфетки. Кентавры заново расставляют лестницы и табуреты вокруг сферы.

Удар гонга.

Мы занимаем свои места. Хариты помогают Дюпюи подняться на возвышение, поддерживая его под руки.

– Игра начинается, – объявляет Афина.

Удар гонга.

Помня о своем недавнем провале, я отказываюсь от идеи совершить переворот в сознании людей, и сосредотачиваюсь на создании подпольной армии дельфинов, которая сможет защитить мой народ. Я больше не распыляюсь на искусство и науку, и отдаю все силы наращиванию военной мощи. Если люди-акулы вновь задумают уничтожить мой народ, они встретят жестокое сопротивление, а не философов, стремящихся жить в мире, уважающих жизнь и достоинство другого человека, что в прошлый раз мешало им убивать, а значит, защищаться.

Теперь мои люди-дельфины в совершенстве осваивают производство нового оружия, небольших автоматов. Их удобно прятать и у них слабая

отдача.

Я отказываюсь от изобретения утопизма, и, как следствие, люди-медведи не совершают утопистской революции, в Урсии по-прежнему монархия, царская династия благополучно остается на троне.

Но конфликт снова назревает. Все начинается с приграничных инцидентов, споров о цене на импортные товары и о небольших анклавах, существующих в соседних странах. Дипломатам не удается достигнуть договоренности.

Я знаю, к чему это может привести. Зародыш войны надо душить в самом начале. И я снова съезжаю на проторенную колею – прекращаю попытки вооружить мой народ и возвращаюсь к своему великому проекту об установлении мира во всем мире. Для этого мой народ предпринимает попытку создать Союз народов. Если я хочу спасти мой народ, то должен спасти весь мир. Только мир на всей планете поможет избежать кровавой бойни, которая началась во время прошлой игры.

Люди-дельфины с восторгом воспринимают эту идею, они создают благотворительные организации, прекрасные шпионки соблазняют политиков всех стран, в том числе и диктаторов, и заставляют их отказаться от захватнических планов. Сексуальность побеждает даже самых воинственных из них. У меня появляется надежда действительно установить мир на всей Земле-18.

Затишье длится около двадцати лет. Мне кажется, что я выиграл, и я снова возвращаюсь к своим идеям об Утопии, Связи и Анализе.

Но внезапно на планете начинает происходить что-то странное – повсюду начинаются антидельфиньи настроения. Ползут слухи, что дельфины отдают столько сил защите мира потому, что видят в этом личную выгоду. Журналисты твердят о «мирном заговоре». Политики заговорили о том, что «нужно иметь мужество для того, чтобы воевать» и «защищать свою родину». Людей-дельфинов обвиняли в том, что они ведут попустительскую политику и усыпляют бдительность, в том, что они слабаки и продались иностранцам.

Похоже, что каждое поколение хочет воевать, чтобы выпустить пар, забывая о цене, которую придется за это заплатить и о страданиях, которые пережили их родители.

Демагогия военных пробуждает в массах энтузиазм. Любые слова о мире освистываются, а тех, кто пытается выступить против войны, называют трусами.

У людей-акул снова появляется харизматический лидер. Теперь его называют Истребитель. У него не борода, а заостренные усы. Флаг, под

которым он выступает, не зеленый как у Чистильщика, а черный. У песен, которые распевает его приспешники, другие слова, но они полны такой же ненависти, как гимны времен Чистильщика.

Истребитель устраивает государственный переворот и захватывает власть. В Урсии происходит то же самое, и к власти приходит один генерал.

Диктаторы акул и медведей заключают союз и объявляют о том, что раскрыт «всемирный дельфиний заговор». Начинается кампания травли и клеветы, людей-дельфинов называют предателями, наемниками иностранных держав.

Объединившись, люди-акулы и люди-медведи преследуют мой народ. Мне кажется, что акулы испытывают такую ненависть к дельфинам потому, что их бог Ксавье Дюпюи зол на меня за разбитую челюсть и сломанный нос.

Игра продолжается, моих людей снова истребляют, акулы процветают, Ксавье Дюпюи торжествует.

На этот раз Рауль Разорбак и его люди-орлы вступает в игру раньше, чем в прошлый раз, вероятно опасаясь, что я снова буду обвинять его в бездействии. Высадка его солдат происходит гораздо оперативнее, но люди-акулы дают ему отпор, и в результате в глубь материка Рауль продвигается так же медленно, как в предыдущей партии. Я думаю о том, что когда-то сказал мне Эдмонд Уэллс: «А что, если мы обречены без конца проживать одну и ту же историю, потому что это только эта история суждена человечеству?»

Я говорю себе, что, возможно, Эдем и нужен только для того, чтобы, выпуск за выпуском, проверять, можно ли улучшить или исправить версию событий, происходивших на Земле-1.

Я напряженно играю свою партию. Стараюсь спасти все, что может быть спасено. Немного, по правде говоря. Рауль снова побеждает в мировой войне, и ученые-дельфины снова помогают ему завоевать космос.

Остальным ученикам тоже не удалось изменить ход игры. Космический корабль людей-орлов садится на соседнюю планету, астронавт произносит исторические слова: «Отныне границы нашей территории пролегают здесь».

Раздается удар гонга, возвещающий окончание игры и победу Рауля Разорбака. Зрители аплодируют гораздо более сдержанно, чем в первый раз. Все смотрят на Зевса, чтобы узнать его мнение. Зевс сидит неподвижно, не хлопает. Он погружен в глубокую задумчивость.

– Я хочу переиграть еще раз, – говорю я.

В толпе, сидящей на скамьях Амфитеатра, пробегает недовольный

ропот. Раздаются выкрики «никудышный игрок», «слабак». Я вижу, что и боги-преподаватели возмущены моим упрямством. Однако они почтительно ждут решения Зевса. Наконец глава олимпийских богов медленно встает и жестом приказывает всем замолчать. Рауль Разорбак шепчет: «Нет, хватит! Я же выиграл!» Другие ученики ошеломлены моей дерзостью.

– Пусть будет так, как он хочет! – решительно говорит царь Олимпа.

Оры и хариты снова раздают нам заряженные анкхи, разносят бутерброды и горячие напитки в термосах. Темнеет, и кентавры повсюду зажигают факелы.

Я вспоминаю, что Зевс, когда я встретил его впервые, сказал, что его любимый фильм – «День сурка», история о человеке, который без конца проживает один и тот же день, добиваясь совершенства во всех своих поступках. Возможно, поэтому он разрешает мне переиграть те пятьдесят лет, которые занимает последняя, финальная партия. Пятьдесят лет, соответствующие промежутку с 1920 по 1970 годы на Земле-1. 1920 год – подъем националистических настроений в Европе. Июль 1969 года – «Аполлон» достигает Луны. Вот только представления о совершенстве у каждого игрока свои. Все происходит как в парадоксе о Черной королеве: ты совершенствуешься, но и другие игроки совершенствуются, в итоге все остается по-прежнему.

Снова волшебство. Снова история поворачивает вспять.

На экранах флаг людей-орлов выдергивается из лунного грунта. Ракета возвращается на Землю.

Мертвые встают из могил.

Младенцы исчезают в животах матерей.

Все актеры снова на сцене, расставлены перед началом игры, как куклы, как манекены. Готовы к съемкам новой версии того же фильма. Мне никогда не надоест это зрелище.

Быть может, так я освобождаюсь от страха перед уходящим временем, перед невозможностью исправить прошлое.

Третий удар гонга: мы в третий раз переписываем историю Земли-18.

Я играю.

Теперь я, не стеснясь, спорю с другими игроками. Советую Раулю Разорбаку как можно быстрее выступить против Ксавье Дюпюи.

Начинай высадку вон там, я отвлеку войска акул грозой и молниями.

Мы используем опыт, полученный в предыдущих партиях, но и наши противники поступают так же, и наш сценарий почти не отличается от предыдущих.

Светает, я словно в трансе. Вижу, что Эдит Пиаф очень устала. Анкх то и дело выскальзывает у нее из рук, и она спускается с лестницы, чтобы подобрать его.

Знамя орлов снова водружено на Луне. Жидкие аплодисменты зрителей. Я требую опять переиграть партию. Зевс разрешает. Хариты приносят бутерброды и перезаряженные анкхи. Разносят зрителям корзины с едой.

На Земле-18 восстанавливается то, что было разрушено. Мертвецы воскресают. Фигуры вновь расставлены на доске, раздается удар гонга. Борьба начинается.

Снова наступает ночь. Зрители утомленные, мы тоже. На скамьях многие клюют носом, некоторые храпят. Но мы, боги, снова и снова продолжаем воссоздавать последнюю, несовершенную половину столетия. Моему народу удастся избежать массовых истреблений, но общий итог игры все тот же. Рауль Разорбак побеждает.

Во время очередной, кажется, седьмой, партии мне удастся создать независимое дельфинье государство, с надежно защищенными границами. Но и этого мало. Рауль опять выигрывает.

Я пробую разные стратегии, создаю новую религию, придумываю мессию, которому внимает весь мир. Но Рауль вновь присваивает себе его революционные слова и использует для того, чтобы возвеличить людей-орлов. Он отправляет космический корабль к ближайшей планете «во имя вести, принесенной Мессией».

Я пытаюсь понять, что же мешает мне выиграть. Может быть, моим людям-дельфинам не хватает воинственности? Но если им приходится воевать, они становятся отличными солдатами, хотя они и не грабят побежденных и не пытаются пленных, потому что это запрещено законами их предков.

Я заканчиваю эту партию почти так же удачно, как Рауль.

Во время другой партии дельфин становится президентом государства акул.

Затем я создаю дельфинье государство на острове посреди океана, вдали от любых опасностей.

Но всякий раз Рауль так или иначе одерживает победу. Удар гонга раздается, когда тринадцатая ракета людей-орлов садится на незнакомую планету, и астронавты, водружая там флаг с изображением хищной птицы с изогнутым клювом, произносят на весь мир: «Мы лучшие».

Никаких аплодисментов. Большинство зрителей спит.

Зевс встает. Он обращается ко мне:

– Мишель, ты хотел знать, и теперь ты знаешь. История повторяется. Меняются только детали, а результат всегда один.

– Но можно ведь как-то прекратить это хождение по кругу! Должен быть способ!

Зевс грустно качает головой.

– Значит, что бы мы ни делали, ничего нельзя изменить? – настаиваю я.

Зевс кивает.

– Ты должен смириться, – говорит царь Олимпа. – Смертные жители Земли таковы, и ты не можешь изменить их судьбу.

С этими словами Зевс превращается в величественного лебедя и улетает в сторону горы. Я слежу за ним, пока он не скрывается из глаз.

– Партия окончена! На этот раз действительно окончена, – объявляет богиня справедливости, с неприязнью глядя на меня.

Зрители с облегчением вздыхают.

Бог людей-акул смотрит на меня. Его глаза пылают ненавистью, он показывает мне неприличный жест. Не раздумывая, я поднимаю анкх и прицеливаюсь в него, держу на мушке его обмотанную окровавленными бинтами голову. Рауль, который первым понял, что я собираюсь сделать, пытается меня остановить. Ксавье Дюпюи, все еще показывающий мне фак, едва успевает удивиться, когда я поражаю его молнией. Голова бога людей-акул отрывается от шеи, взлетает в воздух и падает на землю, подсакивая, как футбольный мяч. Она катится к нижним ступеням Амфитеатра. Тело Ксавье Дюпюи неподвижно стоит, и через некоторое время падает на колени и застывает. Кровь фонтаном брызжет из отрубленной шеи. Потом тело обрушивается навзничь.

На лицах зрителей появляются гримасы ужаса.

Кентавры пытаются помешать мне. Я убиваю первого из тех, кто набрасывается на меня, другие останавливаются, разгневанно фыркая, бьют на месте копытами. Моя решимость пугает их. Я, как в вестерне, сдуваю невидимый пороховой дым с анкха и бросаю оружие на землю.

Афина заставляет кентавров схватить меня, пока я еще чего-нибудь не натворил, и я сдаюсь без сопротивления. Кентавры уносят части тела того, кто недавно еще был богом людей-акул.

Итак, все кончено.

С запавшими глазами, осунувшимися лицами, в запыленных тогах Эдит Пиаф, Жан де Лафонтен, Густав Эйфель, Жорж Мельес, Симона Синьоре, Тулуз-Лотрек, Франсуа Рабле, Бруно Баллар и Рауль Разор-бак удивленно смотрят на меня. Высоко над ступенями Амфитеатра астронавты

людей-орлов радостно прыгают на незнакомой планете, где сила притяжения слабее, чем на Земле. Здесь, на Эдеме начинается рассвет, небо становится розовым и лиловым.

Афина ударяет копьем о землю и торжественно объявляет:

– Победителем в игре объявляется... Рауль Разорбак. Аплодисменты.

– Теперь, разберем игру. Снова раздается гонг.

На экранах в ускоренном темпе проносится вся история Земли-18. Океан, покрывающий планету после таяния ледников, которое устроил Кронос, наш первый преподаватель. Появление бактерий, водных растений, инфузорий-туфелек, рыб. Первые материки появляются из воды. Рыбы превращаются в ящериц, ящерицы – в динозавров. Млекопитающие от самых маленьких до самых больших вылезают из своих логовищ, разноцветные птицы порхают над гнездами. Появляются первые люди. Толпы кочевников. Первые города, окруженные полями. Люди укрощают лошадь, приручают собаку, начинают хоронить покойников, соблюдая особые ритуалы, занимаются сельским хозяйством и ткачеством, изобретают колесо, кузницу, гончарный круг. Строят жилища из камня. Начинаются первые войны. Появляются древние города, обнесенные каменными стенами. Рынки, дороги, акведуки, школы, замки, мастерские, паровой двигатель, бензиновый двигатель, электромотор, заводы, ружья, машины, самолеты, телевидение. Все растет, увеличивается, изменяется, развивается, чтобы привести к запуску ракеты людей-орлов, охваченной ярким пламенем.

Рауль низко кланяется, благодаря зрителей, которые громко скандируют его имя:

– Рауль Разорбак! Рауль Разорбак!

Ему бросают цветы, увенчивают лавровым венком, лентами.

– А этого – в тюрьму, – приказывает богиня справедливости, указывая на меня пальцем. – Завтра мы будем судить его, и он ответит за все свои преступления.

Все смотрят на меня. Афродита потрясена, но не решается вступить и отводит глаза.

Я шепчу:

– Прости меня, Мата Хари. Я проиграл...

26. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: АПОПТОЗ

Апоптоз – это явление программируемой клеточной смерти. Например, появление пальцев у человеческого зародыша – это тоже апоптоз.

На начальной стадии рука похожа на плавник рыбы или тюленя. Затем клетки, которые находятся между пальцами, отмирают. «Самоубийство» клеток необходимо для того, чтобы в конце концов получилась человеческая рука. Заканчивается «рыбья» стадия развития эмбриона.

Точно так же происходит исчезновение хвостика у зародыша. Саморазрушение этого хвостика означает завершение стадии «примитивного животного» в нашем развитии. Формируется позвоночник без хвостового отдела, характерный для человека.

В растительном мире апоптоз проявляется в осеннем листопаде. Каждый год дерево создает клетки, которые необходимы ему, но должны будут исчезнуть, чтобы дерево могло развиваться дальше.

В человеческом теле клетки постоянно обращаются к мозгу с вопросом – в чем их задача, зачем они нужны? Мозг указывает клеткам, как им расти и развиваться, а некоторым приказывает умереть.

Понимание феномена апоптоза открывает новые горизонты для ученых, в частности для исследователей раковых заболеваний. Рак появляется в результате того, что некоторые клетки отказываются выполнять приказ самоуничтожиться. Они продолжают расти, несмотря на сигналы, которые им посылает мозг. Некоторые ученые считают, что это происходит потому, что клетки эгоистично стремятся к бессмертию, и размножаются, хотя в результате этого погибнет весь организм.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

27. ТЮРЬМА

Дверь захлопывается. Гремят многочисленные засовы. Кентавры грубо обращаются со мной, ведь я убил одного из них. Камера довольно просторная. В ней даже есть вполне удобная кровать. Через зарешеченное окно я вижу окутанную туманом вершину первой Горы Эдема.

Я ложусь на постель. В моем мозгу всплывает вопрос, который я нередко задаю себе: «Что я тут делаю?» Что я делаю в тюрьме Олимпии, на краю вселенной, так далеко от Земли, где я родился?

Я пытаюсь заснуть. Но сон ведет себя как кошка, которая была у меня когда-то: его нет, когда он нужен, а когда не нужен тут как тут, и только мешает. В моей голове проносятся события последнего дня. Я неподвижно лежу с открытыми глазами и прерывисто дышу.

Итак, теперь я знаю: ничего нельзя изменить. Люди обречены повторять одни и те же ошибки, так как это записано в программе, согласно которой они действуют.

A.D.N.^[4]

Возможно, не случайно в середине, в самом центре – D, разрушение.^[5]

Зевс оказал мне милость, позволил сыграть эту партию столько раз, сколько было нужно, чтобы я понял: историю смертных изменить невозможно.

У людей своя судьба.

У народов своя судьба.

Даже у животных.

Это напомнило мне два фокуса, которые показывал Жорж Мельес: какую бы цифру я ни выбрал вначале, отгадкой оказывалось слово «киви».

^[6] То же самое и с картами: сколько бы я ни взял карт, и как бы их ни раскладывал, в итоге все короли, дамы, валеты и тузы были разложены по отдельности. «Ты думаешь, что выбираешь, а на самом деле это совсем не так. Ты просто-напросто играешь по заранее написанному сценарию».

Эдмонд Уэллс говорил: «У Природы свои планы. Если у нее не получается добиться того, что ей нужно одним путем, она идет другим».

Я кружу по своей камере.

В одном углу я нахожу амфору и открываю ее. Снизу на пробке надпись: «Урожай Диониса». Бог пьяниц не забыл обо мне.

Я нюхаю содержимое, делаю глоток. Медовое вино ударяет в голову. Мысли начинают путаться.

Вдруг у дверей раздается какой-то шум. Кто-то пытается открыть замок. На пороге появляется какая-то женщина. Свет падает на нее так, что я не могу различить ее черты.

– Вон отсюда! Я никого не хочу видеть! Убирайтесь! – восклицаю я.

– Завтра боги-преподаватели соберутся, чтобы выбрать тебе наказание. Знай, что многие на твоей стороне. Они считают, что ты не перешел границ необходимой самообороны. Я пожимаю плечами.

– Я буду защищать тебя, – говорит богиня любви.

Меня окутывает ее запах. Но это уже не оказывает на меня того магического действия, как раньше. Я вспоминаю, что когда в первый раз почувствовал этот аромат, то просто лишился воли. Теперь же это просто информация.

Оставаясь в тени, богиня любви продолжила:

– Я твоя сторонница, даже если ты не веришь мне. Я люблю тебя, Мишель.

– Чего стоит любовь богини, расточавшей ее столь многим?

Афродита подходит ближе. Лунный свет падает на ее губы, освещает нижнюю часть лица.

– Любовь богини не меньше любви женщины. Я обещала любить тебя. Ты проиграл, но от этого не стал менее желанным для меня. Я всегда искренне любила тебя, хотя ты и не доверял мне. Страх мешает тебе увидеть истину.

– Уходи, Афродита. Ты всегда хотела затмить Мату Хари, единственную любовь моей жизни. Я боюсь, что не смогу удержаться от желания причинить тебе зло. Убить богиню любви – вполне логичное завершение списка моих злодеяний.

Я доведен до крайности. Мне уже нечего терять. Афродита подходит еще ближе. Луна освещает ее изумрудные глаза.

– Я не боюсь тебя, Мишель. Я вижу, что передо мной просто растерянный ребенок. Мой долг помогать детям. Даже агрессивным.

Теперь она всего в двух шагах от меня.

– Кроме того, у тебя просто нет выбора.

– Нет, выбор у меня есть. Всегда есть выбор. И я его уже сделал.

Я хватаю амфору с медовым вином и пью, пью, пью. В голове становится щекотно, кажется, что кровь, бегущая по венам, становится горячей.

– Мата Хари сделала тебя другим. Она была никто. Забудь о ней.

– Никогда не произноси ее имени! – удается произнести мне в перерывах между икотой. Я снова поднимаю амфору. – Я не люблю тебя,

Афродита. Ты только манипулируешь всеми. Ты не способна любить по-настоящему. И никогда, никогда не будешь стоять даже мизинца Маты Хари.

– Воспоминание о любви к этой женщине, которое ты хранишь, достойно уважение. Мне даже завидно.

– Прекрати жаловаться. Тебя любят все.

– Меня все желают. Испытывают желание при виде моего тела, моего обаяния. Но настоящая любовь не между телами, а между душами.

Я снова пожимаю плечами.

– Твой сын Гермафродит рассказал о том, как ты жила, когда была смертной, о том, как стала мстить мужчинам. Ты соблазняешь их только для того, чтобы причинять страдания. Он сказал, что ты стала богиней любви так, как некоторые люди становятся врачами, специализируясь на собственном заболевании. Они думают, что леча других, смогут вылечить и себя.

Я презрительно смотрю на нее.

– Ты способна любить меньше, чем кто-либо из всех, кого я знаю.

Афродита отшатывается, словно я ударил ее. Я чувствую, что она задета.

– Все, что ты говоришь – неправда. Я была такой, но я изменилась. Эдмонд Уэллс, твой учитель, как-то написал: «Сначала страх, потом вопросы, потом любовь». Мне кажется, я уже прошла все эти этапы. И я советую тебе тоже попытаться измениться, вырасти над собой, даже если тебе тяжело.

Она берет меня за руку. Другой рукой я держу амфору. Я без остановки пью вино.

– Неужели ты так презираешь меня, Мишель?

– Да, – отвечаю я, выдергивая руку. – Я вас презираю.

– А я тебя люблю, – говорит Афродита. – Действительно люблю. За то, какой ты в глубине души. Ты хороший. Хороший.

Я жадно допиваю остатки медового вина. Бросаю амфору, и она с грохотом разбивается о стену.

– Вы не понимаете? Я больше ни во что не верю. Если бы я мог сжечь Эдем, я сделал бы это. Я хочу, чтобы этот остров, эта планета, эта школа исчезли навсегда.

– Возможно, это и есть любовь. Я люблю тебя так сильно, что готова последовать за тобой, даже если ты одержим манией разрушения.

Я отталкиваю ее.

– Вы отвратительны мне, Афродита.

– Ты сам себе отвратителен. Я чувствую, как ты себя презираешь. Я должна помочь тебе снова подняться. Ты необыкновенный человек, но ты забыл об этом, потому что ослеплен гневом.

Ее жесты медленны и плавны, словно она боится спугнуть животное, которое приручает.

– У тебя все получится. Все кончено, страдать больше не из-за чего. Все кончено, твое сердце может успокоиться, отдохнуть. Ты такой же, как все, Мишель. Все дело в том, что тебя мало любили...

Она берет меня за руку, которой я оттолкнул ее, и гладит ее.

– Раньше меня тоже переполняла эта нелюбовь. А потом, во время последней игры, что-то произошло. Несправедливость по отношению к тебе и твоему народу пробудила меня. Я хочу тебе помочь. Я думаю над словами, которые Эдмонд Уэллс написал в своей книге: «Ты понимаешь, чем владеешь, только в тот момент, когда даришь это». Я могу подарить тебе искренность.

Афродита прижимается ко мне грудью. Мне хочется оттолкнуть ее, но я не могу. Она обнимает меня своими гибкими сильными руками. Ее тело словно горит, и я впитываю это тепло. Вдруг что-то начинает жечь мне глаза. Слезы текут по щекам, будто все напряжение последних дней превращается в соленую влагу.

– Все хорошо, – шепчет она и целует меня в лоб, в щеки. Ее губы ищут мои.

– Я обещала, что буду любить тебя, если ты отгадаешь загадку Сфинкса. Я хочу сдержать свое слово.

Афродита приникает к моим губам. Я закрываю глаза. Мне кажется, что я поддаюсь какому-то злу, но алкоголь и чувство вины парализовали меня, и я не в силах отказаться от единственного утешения, которое выпало мне.

– Забудь, забудь на мгновение, – шепчет она мне на ухо.

Я закрываю глаза.

Я чувствую себя опустошенным. Распавшимся на части. Я ничком падаю на кровать. Афродита разворачивает меня к себе.

– Будем любить друг друга, Мишель, прошу тебя.

То, что происходит затем, находится за пределами того, что может пережить человек в своей телесной оболочке. Я узнал, что такое Ничто. Теперь я познал, что такое Все. Я коснулся дна, и поднимаюсь на поверхность. Краски, тепло, свет вспыхивают в моей голове. Потоки жидкого золота текут в моих венах.

Все мое тело, захваченное ликующими эндорфинами, превратилось в

одушевленное наслаждение.

Я больше не знаю, кто я.

Я утратил всякое представление о прошлом и будущем. Я весь только в настоящем, восхитительном миге. Тело богини растворяется в моем, заставляет его содрогаться, как волшебный музыкальный инструмент, оживший от ее поцелуев и ласк. Я произношу ее имя:

– Афродита...

– Мишель.

«Во время линьки змея становится слепой».

А также теряет память.

Мы снова и снова занимаемся любовью, словно движемся в священном танце. Никогда моя плоть не испытывала подобного наслаждения.

Истомленный и улыбающийся, я засыпаю в объятиях богини.

Я хочу жить долго.

28. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЭКРАН И ЯСНОСТЬ МЫСЛИ

В документальном фильме «Кинескоп» (2001) швейцарский режиссер Питер Энтелл показывает, как влияют на нас зрительные образы.

Был проведен эксперимент, чтобы выявить разницу между телезрителем и человеком, который смотрит кино.

На полотняном экране показывали фильм; половина зрителей сидела так, что проектор находился у них за спиной, как в кино, другой половине зрителей проектор был обращен в лицо, как при просмотре телефильма. По окончании просмотра зрителям были заданы вопросы, которые показали, что те, кто сидел спиной к проектору, сохранили способность анализировать и критично смотреть на вещи, а у тех, кто сидел к проектору лицом, так и не сложилось никакого внятного мнения о фильме. Кроме того, во время сеанса у них была снижена мыслительная активность.

Питер Энтелл называет телевидение «оскотиниванием разума». Мы находимся внутри света, который светит нам в лицо, и теряем способность дистанцироваться от того, что нам показывают. В кино, напротив, мы продолжаем мыслить самостоятельно, так как видим только отражение света.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

29. СУД

Мне снится, что я умер.

Жизнь – это линия, состоящая из точек.

Сны – и есть эти точки.

Смерть – точка в самом конце.

Меня хоронят, и длинная процессия несет гроб на поднятых руках, петляя между холмами, между крытыми лиловыми склонами.

Это мой народ, люди-дельфины. Они несут мои останки. Все в черных смокингах, некоторые в цилиндрах. Женщины в шляпках с вуалями. Приблизившись, я вижу, что у них нет лиц. У них головы, как у шахматных фигур.

У тех, что поменьше, головы пешек, круглые и гладкие. У тех, что крупнее, головы Коней, с открытыми ртами и изящно вырезанными ноздрями, остроконечные головы Слонов. У самых больших – головы Королей, увенчанные коронами с крестом. Ферзи-королевы в зубчатых коронах одеты в пышные платья. Ни глаз, ни кожи... Только светлое дерево, гладкое, блестящее, покрытое лаком.

Их тысячи, они медленно и молча идут вперед, на кладбище.

Я лежу в гробу. На мне тога, в скрещенных на груди руках – анкх. Лицо как у глубоко заснувшего человека, веки тяжело опущены. Катафалк катится вперед, ее везут фигуры Коней с головами, украшенными черным плюмажем. На верху катафалка флаги с изображением дельфина, эмблемой, которая вела мою цивилизацию вперед.

Процессия останавливается посреди аллеи.

Несколько Королей снимают мой гроб с катафалка. Они несут его несколько метров и передают Королевам, те – Слонам. Слоны несут меня к могиле, опускают вниз на черных веревках.

Поодаль пешки в черных фартуках выбивают на голубом мраморе эпитафию:

Он пытался. Но не сумел.

От его народа.

Без обиды.

Звонят колокола.

Мне совсем не хочется открывать глаза. Я не могу оторваться от созерцания собственной могилы и чудовищной эпитафии:

Без обиды.

Они даже не сердятся на меня. Во сне, который я пытаюсь смотреть дальше, невзирая на колокольный звон, шахматные фигуры по очереди бросают цветы на мой гроб. Если присмотреться, за фигурами в смокингах стоят совсем тощие фигурки в арестантских робах, в кольчугах эпохи Возрождения, в шкурах зверей, как первобытные люди.

Один Слон в сутане произносит надгробную речь.

– Мы не выбирали себе бога. Не выбирали пророков. Не выбирали пастырей. Не выбирали войны, в которых нам пришлось участвовать. Мы не выбирали себе беды и несчастья. Тот, кого мы сегодня хороним, решал за нас. Мы не выбирали свою судьбу. Не по своей воле мы были мирными. Тот, кого мы хороним сегодня, решил, что так будет лучше для нас. Теперь, когда он умер, мы можем увидеть все, что он создал, и можем судить об этом. Он во всем ошибся. Он потерпел фиаско. Поражение. Он пытался, но не сумел. От его народа. Без обиды.

Тяжелый камень опускается на мою могилу. Колокола звонят все громче.

– Проснись!

Я открываю глаза и вижу потолок камеры. Я тут же зажимаюсь.

Он пытался. Но не сумел. От его народа. Без обиды.

Хочется спать. Долго спать. Сон вполне может стать смыслом моей жизни. Спать и видеть сны.

Мне снится, что моя душа только спит. Как Спящая красавица в заколдованном лесу. Я заснул бы как только родился. Меня кормили бы через капельницу. Я бы медленно старел, без болезней, увечий, побед, поражений, выбора, а значит, риска совершить ошибку.

Без чувства вины.

Я бы ничего никогда не делал.

Это была бы жизнь, в которой я закрыл бы глаза и летал в вымышленных мирах, где любой мой поступок остался бы без последствий.

Легкий поцелуй. Попытка разбудить меня.

Второй. Более глубокий.

Я приоткрываю глаза.

Запах.

Это не Мата Хари.

Губы.

Это не Мата Хари.

– Ты очень беспокойно спал. Ты пинался во сне, – говорит кто-то. Лицо напротив меня круглое, розовое, улыбающееся.

– Я хотела быть с тобой в последней главе, – сказала она, целуя меня в лоб. – Хочу, чтобы ты знал, что я всегда была с тобой и буду еще долго.

Афродита спрыгивает с кровати, и я вижу ее великолепное нагое тело. Она быстро одевается, пританцовывая.

– Мне пора уходить, Мишель. Но я все сделаю, чтобы спасти тебя. Сделаю что угодно.

Едва она выскальзывает за дверь, как в камеру с шумом входят кентавры. Они хватают меня, заставляют одеться.

Я покорно выполняю их требования.

Кентавры ведут меня в Амфитеатр, в котором на этот раз устроили зал суда.

Двенадцать богов-преподавателей сидят за длинным столом. Зрители заняли свои места. Для них это просто продолжение вчерашнего спектакля.

Афина встает и ударяет в гонг.

– Обвиняемый Мишель Пэнсон, встаньте!

Я медленно поднимаюсь. Боги-преподаватели начинают обсуждать процедуру суда, спорить о том, как вести это необычное дело. Наконец они достигают согласия. Если я правильно понял, моим адвокатом будет Дионис. Аполлон выступит от обвинения.

Афина, назначенная председателем суда, ударяет молотком по столу, призывая присутствующих к порядку.

– Слово предоставляется обвинителю.

Аполлон называет меня циничным убийцей-рецидивистом. Напоминает, что я убил двоих конкурентов в игре – Люсьена Дюпре и Ксавье Дюпюи, а также одного кентавра. Подчеркивает, что я плохо играл, жульничал и не желал признать поражения. Он оглашает законы Олимпии и утверждает, что я нарушил их все. Говорит, что с самого начала я был «нарушителем спокойствия». Даже играя свою партию на Земле-18, я злоупотреблял чудесами, создавал слишком много пророков, потому что не мог держаться в указанных рамках.

Атлант, которого вызвали как свидетеля, заявил, что я жульничал, тайно проникнув в его дом и вмешавшись в игру во время перерыва, а именно: послал своему народу мессию, которого называли Просвещенным.

Свидетель Гермафродит указал, что я разгромил его лабораторию, освободил химер, многие из которых до сих пор скрываются в голубом лесу, в связи с чем существует опасность возникновения множества непредсказуемых гибридов.

Сирены, которых в зал суда доставили в переносном бассейне, исполнили песню о том, что, желая переправиться через реку на плоту, я

бил их палкой.

Я задумчиво улыбался.

Не гражданин Эдема, а настоящее чудовище.

Дальше все продолжалось в том же духе. Трехголовая химера рассказала, что я едва не свел ее с ума при помощи зеркала. Медуза Горгона заявила, что я учинил беспорядки не ее скульптурных полях.

Не хватает, только чтобы они пригласили огромного кита, который проглотил нас с Сент-Экзюпери. Он мог бы пожаловаться на то, что из-за меня у него несварение желудка.

Слова просит Рауль Разорбак. Он требует, чтобы его вызвали как свидетеля. Афина разрешает ему выступить.

Мой старый друг говорит, что как бог-ученик я выполнял свою работу безупречно. Что через своего пророка Просвещенного я распространил в мире смертных согласие, толерантность, стремление к знаниям. Он также говорит, что если иногда я и был неловок, то это происходило не по злему умыслу, а от моей наивности и веры в то, что в мире существуют только добро и зло.

Судьи явно раздражены тем, что победитель защищает проигравшего. Рауль напоминает, что мои люди-дельфины никогда не захватывали соседние страны, никого не обращали насильно в свою веру. Они всегда способствовали прогрессу и развитию стран, дававших им убежище, и подвергались гонениям со стороны завистников.

– Любому игроку такое положение может показаться несправедливым, кто угодно может потерять терпение и самообладание, – говорит Рауль в заключение. – Я сам на его месте в подобных обстоятельствах скорее всего поступил бы так же.

Несколько человек аплодируют, Афина стучит молотком, требуя тишины.

Дионис, мой защитник, берет слово после Рауля. Он снова напоминает о вкладе моего народа в развитие цивилизации на Земле-18. Утверждает, что я поднялся на Гору, чтобы встретить Зевса, движимый тягой к знаниям. Он говорит, что я убил богоубийцу, который доставил нам так много проблем, и все только и мечтали, как бы от него избавиться.

– Это так называемое преступление – на самом деле общественно полезный поступок! Мы все должны были бы поблагодарить Мишеля Пэнсона, как благодарили бы полицейского, который ликвидировал серийного убийцу.

Зрители свистят, улюлюкают, хохочут. Раздаются крики: «Смерть Пэнсону! Смерть Пэнсону!» Афине приходится отчаянно колотить

молотком по столу, чтобы успокоить разбушевавшуюся толпу.

Начинаются дебаты о том, «является ли преступлением убийство убийцы». У каждого бога свое мнение по этому поводу.

Я устал.

Слева раздается тихий шорох крыльев, это прилетела сморкмуха. Крошечная девушка с крыльями бабочки садится мне на палец и улыбается.

– Похоже, я тебя знаю, – шепчу я ей.

Она покачивает головой и встряхивает рыжими волосами.

– Я знал тебя на Земле-1? Мы были друзьями?

Кажется, это выражение сильно ее насмешило, но она кивает.

– Мы любили друг друга?

Она снова кивает, взъерошивает свои волосы, кусает мой ноготь и взлетает. Теперь она порхает вокруг.

Слова требует Посейдон. Стоя перед Афиной, бог морей выражает свое глубокое уважение богу людей-дельфинов, которые сумели внести оживление в мир, погрязший в рутине и обыденности.

– Да, ученики шестнадцатого и семнадцатого выпусков не нарушали правил и не убивали, но, вспомните, господа преподаватели, как мы отчаянно скучали, наблюдая за их абсолютно предсказуемыми действиями.

Еще один свидетель, Арес, считает, что меня обрекло на провал то, что мой народ лишен воинственности. Бог войны говорит, что я трус. По его мнению, я должен был собрать огромную армию, захватывать и поработать, потому что именно в этом и состоит задача богов. Он говорит, что я вел себя как шахматист, который отказался бы есть фигуры противника. То, что я делал, было антиигрой, а это всегда оказывается жалким зрелищем. В заключение он заявляет:

– Очевидно, господин Пэнсон во имя примитивных моральных принципов хотел, чтобы все народы жили в мире и согласии. Он, кстати, создал несколько международных организаций, которые занимались демилитаризацией планеты. Это вообще ни в какие ворота не лезет! Все равно как если бы гладиаторы договорились бы не драться на арене!

Новый взрыв эмоций среди зрителей: топот, аплодисменты, свист, выкрики.

Богиня охоты Артемида напоминает, что я достаточно хорошо играл, раз продержался до финала, что само по себе довольно трудно.

Я смотрю на Афродиту, которая, несмотря на свое обещание спасти меня, не раскрывает рта. Она молчит и ей, похоже, совершенно безразлично, что со мной будет. Она даже не смотрит в мою сторону и

кажется погруженной в свои мысли.

Боги-преподаватели снова начинают спорить – на этот раз о том, что считать самообороной, о необходимости защищать свои народы, о морали цивилизаций и этике богов.

Все они сходятся в том, что, защищая свой народ, я был ярым приверженцем морали, но в то же самое время был совершенно аморален по отношению к своим противникам.

Афина объявляет, что судьи удаляются на совещание.

Двенадцать богов-преподавателей Олимпа оставляют меня один на один с толпой зрителей, с жителями Эдема, которые, перешептываясь, разглядывают меня.

Я закрываю глаза и снова пытаюсь уснуть, чтобы сбежать из реальности, которая мне не нравится.

Мне хочется снова увидеть утренний сон, с того места, где он оборвался. Эдмонд Уэллс рассказывал мне об «управляемом сне».

Нужно заснуть, держа в голове начало истории. Как только тебе это удастся, сон продолжится так легко, как поезд катится по рельсам. Эдмонд Уэллс утверждал даже, что в лесах Малайзии есть племя, семуа, которое три четверти жизни проводит во сне.

Я попытался.

Я могу спать и в то же время действовать.

Действовать во сне.

Я должен победить.

Лежа в воображаемом гробу, придавленный надгробным камнем, заваленный землей, под заколоченной деревянной крышкой, я открыл глаза. Темно, пахнет нафталином. Я ворочаюсь, пытаюсь схватить анкх.

Нажимаю на пуск и взрываю дубовую крышку. Вкапываюсь из-под земли наверх, на воздух. Раскалываю надгробный камень. Вылезаю на поверхность. Отряхиваюсь.

Сажусь на катафалк, над которым все еще развеваются флаги с дельфинами. Я вижу процессию шахматных фигур, мужчин и женщин, и обращаюсь к ним.

Так, словно после того как меня судили боги Олимпа, я предстал на суд своего народа.

– Я здесь, я вернулся и готов говорить с вами, – объявляю я.

Мое возвращение из гроба, из-под земли преображает мой народ. Деревянные лица становятся человеческими. Я даже узнаю нескольких вождей людей-дельфинов: первую старую женщину, плававшую с дельфинами, толстого медиума, бежавшего на корабле, увозившем людей-

дельфинов к Островам Спокойствия, Просвещенного, Связующего, Утописта, Аналитика.

– Бог, бог, почему ты нас оставил? – восклицают они.

– Я не покидал вас. Я старался как мог, стараясь оставить вам свободу выбора. Другие боги оказались лучше меня. Вы видите и понимаете это.

– Почему ты не вооружил нас, чтобы мы могли защититься от наших гонителей? – спрашивает очень худой человек, отделившись от группы выживших после репрессий Чистильщика.

– Насилием нельзя победить насилие.

– Но и отказом от насилия его тоже не победишь, – отвечает мне смертный. – Если все, что ты можешь нам предложить – это покорно идти на бойню, то у нашей культуры нет никаких шансов выжить.

– Существуют промежуточные варианты между «идти на бойню» и «чинить насилие».

– Бежать? – спрашивает женщина, волосы которой заплетены в косу, уложенную вокруг головы.

– Путешествовать, изобретать новые способы мыслить.

– Наши «новые способы мыслить», как ты это называешь, были отняты у нас нашими гонителями, искажены и обращены против нас, – добавляет Просвещенный. – Всю светлую энергию, которую мы производим, наши враги превращают в темную энергию.

– Мы изобретаем молоток, – поясняет Утопист, – и думаем, что он нужен для того, чтобы забивать гвозди, строить жилье. Мы даем человечеству молоток, а оно начинает крушить им черепа.

– И наши – в первую очередь, – добавляет высокий нескладный человек, напоминавший птицу.

– Это совершенно понятно! Ведь мы знаем, зачем на самом деле нужен молоток, а они хотят, чтобы все об этом забыли, – объясняет какой-то старик.

– Они крадут наши идеи и убивают нас, чтобы мы не могли обвинить их в краже, – говорит женщина с косой.

Гневный шепот пробегает в толпе людей-дельфинов.

Они забыли, кто я. Они говорят со мной так, словно я один из них.

– Я не могу отвечать за то, что другие народы одержимы стремлением все уничтожать, – сварливо отвечаю я.

– Ты отвечаешь за нас, как отец – за своих детей. Ты плохо воспитал нас. Ты дал нам неправильные ценности, – отвечает священник в сутане.

– Я дал вам искусство, науку, мудрость...

– Которые совершенно бессильны перед лицом агрессии, глупости,

ненависти, – отвечает мне женщина с косой.

Остальные поддерживают ее.

– Я скорее умру, как святой, чем буду жить, как мерзавец, – говорит Связующий.

– Но не я! – возражает ему женщина с косой. – Мертвый всегда в проигрыше. Пока есть жизнь, есть надежда. Если мы умрем, все пропало. Культура жертвенности – культура вырождения.

– Тем более если наш бог предлагает нам принести себя в жертву не только ради нашего народа, но ради всего человечества! – добавляет Аналитик.

В толпе, явившейся на мои похороны, разгораются жаркие споры. Я и забыл, что у моих людей-дельфинов настолько развито критическое мировоззрение. Они спорят всегда и обо всем. Достаточно, чтобы кто-то высказал одну точку зрения, как тут же найдется другой, чтобы оспорить ее. Из чисто спортивного интереса.

Пользуясь тем, что во сне я мог делать что хочу, я слезаю с катафалка и становлюсь двух, трех метров в высоту. Это производит на моих подданных достаточное впечатление, и они наконец начинают меня слушать.

– Я бог и не собираюсь перед вами оправдываться, – говорю я им. – Я всегда хотел вам только добра. И насколько мне известно, когда я вышел из игры, вы еще были живы.

– Больше трети нашего народа было убито людьми-акулами, и никто не пришел нам на помощь.

– Теперь у вас есть ваша страна.

– Такая маленькая, что ее едва видно на карте, – говорит женщина с косой.

– А соседние страны не признают ее и хотят завоевать.

– Они, не таясь, призывают уничтожить нас, – говорит Законник.

Я вырастаю еще и еще и не даю сбить себя с толку.

– Вы продолжаете развивать искусство и науку. Ваши ученые – одни из лучших в мире. Ваши артисты широко известны.

– Наших ученых обманывают, воруют их изобретения. Нашим артистам и художникам завидуют и клеветают на них.

Мои смертные начинают раздражать меня.

– У вас просто паранойя, – заявляю я.

– И кто виноват? – спрашивает Аналитик, который знает, о чем говорит.

Наступает тяжелое молчание. Я еще вырастаю и делаю успокаивающий жест.

Я не безупречный бог. Вы должны меня понять. Я дал вам праздник, который называется праздник Прощения. Думайте в этот день и обо мне. Простите вашего бога за то, что он не всегда может спасти вас. Вы помните все кровопролития, в которых погибали ваши близкие, но знайте, что их было бы еще больше, если бы я не вмешался.

Похоже, мои слова их не слишком впечатлили. Я же, что странно, чувствую себя все лучше и лучше. Словно говоря правду, избавляюсь от груза вины.

Они смотрят на меня, и в глазах их нет прощения.

– Ты оставил нас, – повторила женщина с косой.

Я чувствую, что должен что-то сделать, реабилитироваться. Бог должен подтвердить свой авторитет. Я вырос еще – должно быть, во мне уже пять метров росту. Хоть ростом я должен подавить этих маленьких неблагодарных смертных.

– Я всегда поддерживал вас. Маленький мальчик поднимает руку.

– Почему ты сейчас просишь у нас прощения?

– Я не прошу прощения. Я не хочу, чтобы вы похоронили меня и забыли. Я хотел с вами поговорить.

– Пока ты молчал, мы могли выдумывать твои слова, – ответил мальчик.

– Пока мы не видели тебя, мы могли выдумывать, как ты выглядишь, – поддержала его женщина с косой.

– Пока тебя не было, мы могли верить, что все это не по твоей вине, – добавил священник в сутане.

– Мы сами находили объяснения твоим поступкам, – сказал Аналитик.

– И находили тебе больше оправданий, чем ты сам мог бы придумать, – сказал Просвещенный.

– Мы думали, что в последний момент ты откроешь нам, зачем все это было нужно, и, словно в последнем акте спектакля, все встанет на свои места, все несправедливости будут исправлены, – крикнул Связующий.

– А теперь ты, как какой-нибудь неудачник, заявляешь, что сделал все, что мог! И хочешь, чтобы мы тебя простили!

В толпе поднялся ропот.

– Лучше бы ты остался в гробу, – сказал священник. – Слово имеет великую силу, но богу подобает оставаться втайне от своих подданных.

Люди-дельфины кивали тому, что он говорил.

– Лучше мы будем задумываться, существуешь ты или нет, чем видеть тебя таким, какой ты есть, – сказал мальчик.

А ведь Эдмонд Уэллс говорил мне: «Никогда не объясняйся. Никогда

не оправдывайся. Как только ты попытаешься объяснить свои поступки, тебя тут же сочтут виноватым».

Я внезапно понимаю, что бог не должен являться своему народу.

Люди-дельфины молча смотрят на меня, и я не вижу в них ни малейшего уважения, ни малейшего почтения к себе. Ловлю на себе взгляды, которые словно говорят: «Если бы мы могли выбирать, то никогда не выбрали бы тебя».

Кто-то бесцеремонно трясет меня. Но на этот раз ничьи пухлые губы меня не целуют.

Передо мной грубое бородатое лицо кентавра, из его рта вырывается зловонное дыхание. Уж не знаю почему, но никогда еще я не был так рад вернуться в реальность.

Это был всего лишь сон.

Чтобы не происходило здесь, в Эдеме, все это не имеет никакого отношения к этому кошмару, самому страшному кошмару, который только может привидеться богу-ученику.

Явиться на суд своих смертных.

Трубят трубы. Судьи возвращаются. Рассаживаются, избегая смотреть на меня.

Я совершенно спокоен. Что могут они мне сделать? Превратить меня в кентавра? Заставить вечно катить камень на вершину горы, как Сизифа? Осудить на выклевание печени, как Прометея? Убить меня? Даже если моя душа никогда больше не возродится и эта телесная оболочка станет последней и превратится в груды гниющей плоти, которую пожирают черви, все это не пугает меня. Лучше столетия вечного покоя, чем минута божественной вины.

Афина огласила приговор.

– Виновен ли Мишель Пэнсон в убийстве, совершенном в Эдеме? Виновен.

Шум среди зрителей.

– Виновен ли Мишель Пэнсон в том, что нарушал правила игры на Земле-18? Виновен.

Скорее бы.

– Какое наказание он получит за свои преступления? Судьи решили, что Мишель заслужил высшую меру наказания.

Я затаил дыхание. Шум в зале.

Кажется, что я, как боксер, измотанный матчем, уже ничего не чувствую. Не отдаю себе отчета в том, что со мной происходит.

– Обвиняемый Пэнсон, хотите ли вы что-нибудь сказать по поводу

наказания, к которому вы приговорены? Что-нибудь, что объяснило бы нам ваше преступное поведение?

Не раздумывая, я произношу слово, на поиски которого, потратил столько сил:

– Ничего.

Афина довольна, зрители тоже.

Тех, кто ошибается, много, но это не значит, что они правы.

Кентавры хватают меня. Я не сопротивляюсь. Я совершенно без сил.

Быть богом утомительно. Пусть живут как хотят, без меня. Я слагаю тогу и анкх.

Прежде чем закрыть глаза и обрести вечный покой, я вижу искаженное горем лицо Афродиты. Остальные боги-преподаватели явно удовлетворены происходящим.

Осудив меня, они обрели покой.

30. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: САМООЦЕНКА

Был проведен эксперимент, выявляющий механизм самооценки. Сначала социологи предлагают группе молодых людей пройти несколько очень простых тестов на общее развитие. Испытуемые легко справляются с заданием, после чего их приглашают в комнату, где находятся молодые женщины. Успешно прошедшие тест, то есть все участники эксперимента спокойно знакомятся с самыми красивыми девушками.

Следующей группе молодых людей также предлагают тесты, но на этот раз повышенной сложности. Никто из них не справляется с заданием. Встречаясь с девушками, они решаются заговаривать только с наименее привлекательными из них.

Этот же эксперимент дает обратный результат, если в нем участвуют девушки. Если они успешно проходят легкие тесты, то, не смущаясь, знакомятся с самыми привлекательными юношами и с презрением относятся к тем, кого считают недостойными своего внимания.

Так, с помощью простого опыта можно управлять самооценкой. Каждый человек постоянно получает хорошие или плохие оценки от общества, в котором живет. Его самооценка то поднимается, то снижается в зависимости от похвал или порицаний. Целью того, кто стремится стать по-настоящему свободным, – избавиться от зависимости от «кнутов и пряников» и самому выставить себе баллы. Тогда для того, чтобы поднять свою самооценку, можно использовать риск, пытаться сделать нечто по-настоящему сложное, чтобы понять, на что вы способны. Но не следует сильно расстраиваться, если вы потерпите неудачу. Победа зависит от многих факторов, помимо вашего таланта. Следует торжествовать не в случае победы, а тогда, когда вы рискуете.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

ТВОРЕНИЕ В ЗЕЛЕНОМ СРЕДИ СМЕРТНЫХ

31. БОГ В ССЫЛКЕ

Я глубоко сплю.

Мне снится, что я бог и веду удивительную жизнь.

Я нахожусь в Эдеме и могу управлять народами – для этого достаточно повернуть колесико на специальном инструменте – кресте с кольцом наверху, который называется анкх. Я занимаюсь любовью с богиней любви Афродитой. Живу среди богов-олимпийцев. По улицам Олимпии, главного города Эдема, разгуливают кентавры, великаны, сатиры. В реках плещутся сирены. В небе порхают херувимы с крылышками бабочек, грфионы с крыльями летучей мыши. Потрясающий мир, в котором... – счет 5:3 в пользу нашей команды, в пользу Петуший. Эта победа поможет нам выйти в четверть финала чемпионата мира по футболу, который в следующем месяце будет проходить в Термитии.

Новости из-за рубежа. Сегодня утром прогремел новый взрыв в метро в столице Орландии. Теракт произошел в час пик. По предварительным подсчетам более двадцати убитых, около ста тяжело раненных. В ближайшие часы эти цифры будут уточнены.

Новости медицины. Министерство здравоохранения просит граждан сделать прививки от гриппа. Новый мутировавший вирус может вызвать эпидемии и...

Я машинально нажимаю на радио-будильник, чтобы выключить его. Замечаю, что на часах 8 часов 8 минут.

Жизнь пунктиром?

Я открываю глаза.

Современная комната с синими стенами, на которых висят фотографии закатов. Оранжевое на синем. Моя кровать из черного дерева, белые простыни. По потолку прогуливается таракан.

Будильник снова включается и продолжает бормотать. – ...за убийство тринадцати человек, трупы которых были обнаружены у него в огороде, под грядкой с помидорами.

И о погоде. В этом году в ноябре удивительно тепло и солнечно. По мнению специалистов, это вызвано расширением дыр в озоновом слое в районе полюсов, которые...

Я выдергиваю шнур из розетки.

Из окна доносится шум автомобилей, воркование голубей.

Корпус будильника прозрачный, и я вижу внутри разноцветные

проводки и детали, шестеренки, приводящие в движение минутную стрелку.

Я вылезаю из кровати и встаю перед зеркалом.

На мне синяя шелковая пижама. Лицо усталое, на щеках появилась колючая щетина. Во рту пересохло.

Я подхожу к окну, смотрю на город. Отсюда открывается широкий вид на проспекты, забитые странными машинами с тремя фарами впереди и одной сзади. Я вижу крыши и дымящие трубы. Полицейских в красной форме, выписывающих штраф водителям за неправильную парковку. Справа возвышается какой-то памятник. Это красная башня, которую венчает огромная голова петуха. Из глаз его льется свет, гребень, сделанный из такни, хлопает на ветру, как флаг.

В новостях упоминали Петушию. «5:3 в пользу Петушии...» Петушия? Страна людей-петухов?

Я замираю. Я вспомнил все.

Я был смертным.

Я был ангелом.

Я стал богом-учеником.

Я играл.

Я проиграл.

Я убил.

Я был приговорен.

И теперь...

Я снова смертный!

В окно я вижу поле, на котором недавно играл сам.

Я внутри игры. На Земле-18.

Я чувствую, что меня вот-вот вырвет. Я едва успеваю добежать до ванной комнаты.

До самого конца я не верил в это.

Наверное, меня усыпили и уменьшили, чтобы поместить в эту крошечную кровать в этом крошечном мире.

Я смертный на Земле-18!

Я падаю в кресло. А что, если ущипнуть себя? Ничего. Я не просыпаюсь. Меня наказали так же, как и Прудона: я стал простым смертным, но сохранил воспоминания том, что был богом-учеником.

Они сказали: «Знание заставляет страдать. Пока не знаешь, жить можно». Теперь, когда я знаю, что находится там, высоко над головой, мое представление о мире смертных стало совсем другим.

Снова стать богом, после того, как был богом, это все равно что стать

обезьяной после того, как был человеком, или землеройкой после того, как был обезьяной. Регресс в развитии сознания.

Действительно, это высшая мера наказания.

Знать и не иметь возможности поделиться этими знаниями со своими слишком примитивными сородичами.

Знать и быть уверенным, что тебя не поймут, даже если тебе удастся выразить свою мысль. Я понимаю, что единственная возможность не сойти с ума – это забыть.

Забыть, что я был богом.

Я снова поворачиваюсь к окну, смотрю на город и вдруг понимаю слова: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Чтобы быть счастливым, нужно ничего не знать. Груз моих знаний вовсе не помогает мне, наоборот, он лишает меня всякой возможности вести безмятежную жизнь.

Нужно забыть Мату Хари, Афродиту, Рауля, Афины, Зевса.

Я совершаю обход своей квартиры на Земле-18.

Она похожа на те, в которых я жил прежде, когда был Мишелем Пэнсоном, врачом-анестезиологом в Париже. Только больше и современнее.

Белая кухня со множеством рабочих поверхностей, холодильник, большие шкафы. В холодильнике почти все продукты с просроченным сроком годности.

В гостиной огромная коллекция шахмат из всех стран и эпох.

Коридор, увешанный затейливыми карнавальными масками, ведет в большой кабинет. Три письменных стола составлены вместе буквой П, на них несколько ноутбуков, компьютер с большим плоским монитором. Везде разбросаны наушники.

На стене напротив окна большая коллекция марионеток. Вдоль других стен стоят стеллажи, набитые книгами. В толстых папках с этикетками «Обзор прессы» я обнаруживаю множество вырезок, в которых говорится о нем... То есть обо мне.

Лицо на фотографиях очень похоже на то, что несколько минут назад я видел в зеркале.

Вот теперь самое время задать себе мой фирменный вопрос: «Что я здесь делаю?» Ладно, для начала нужно выяснить, как меня зовут на Земле-18.

К счастью, перед отправкой сюда, они позаботились о том, чтобы я свободно понимал письменную и устную речь этой страны. Я спокойно слушал новости по радио и могу читать газеты.

Чаще других в газетных вырезках упоминался Габриель Асколейн. Если кто-нибудь на улице окликнет меня этим именем, нужно будет обернуться.

Я ищу другую информацию: кто я? чем занимаюсь? В газетах пишут: «романы». Значит, я писатель. Надо же, как Жак Немрод, один из моих клиентов, когда я был ангелом.

Сколько мне лет?

Я рассматриваю свои руки, касаюсь кожи лица. Морщин нет. Значит, мне между тридцатью пятью и сорока.

Я роюсь в ящиках и, наконец, нахожу паспорт. Мне сорок шесть лет! А выгляжу я гораздо моложе. Значит, я веду здоровый образ жизни и слежу за собой. Я внимательно рассматриваю себя в зеркале.

Габриель Асколейн выглядит так же, как Мишель Пэнсон.

Ну и хорошо, так будет проще.

В графе «семейное положение» указано: холост. Не женат в сорок шесть лет? Это кажется мне подозрительным. Значит, я или плейбой и бабник, или отшельник. Нужно выяснить, в чем тут дело.

Я изучаю содержимое ящиков и обнаруживаю альбом, а в нем фотографии десятка улыбающихся женщин. На некоторых снимках я запечатлен с ними в обнимку.

Я изучаю список номеров и вижу, что некоторые помечены, как любимые. Значит, у меня есть друзья, родственники, коллеги.

Нужно позвонить им и узнать, кто они. Странно будет задавать им вопросы, выяснять, расспрашивать, стараясь, чтобы они ничего не заподозрили.

Я выбираю женское имя. Солена. Нажимаю на кнопку автодозвона. Гудок, и в трубке раздается голос.

– А! Ну наконец ты мне позвонил!..

– Э-э-э...

– Я думала, ты сердишься из-за вчерашнего. Ну вот. То, чего я и боялся. Габриель Асколейн на Земле-18 и я, Мишель Пэнсон в Эдеме, жили в параллельном времени. С точки зрения обитателей Эдема, время на Земле-18 идет очень быстро – так удобнее играть. Но, оказавшись в телесной оболочке, носившей имя Габриель Асколейн, я заметил, что время идет с «нормальной» скоростью.

– Прости, я был совершенно пьян.

– Габриель, ты что, шутишь? Ты же вообще не пьешь.

– Да? Тогда напомни, пожалуйста, что было вчера?

– Ты сам отлично знаешь. Вы играли в шахматы с моим отцом, ты

выиграл, и он рассердился. Припомнил все гадости, что пишут о твоих книгах, и ты ушел.

– А, да-да... конечно. Я немного обидчив...

Продолжая разговор, я беру альбом с фотографиями и начинаю вытаскивать снимки, чтобы посмотреть, нет ли подписей на обороте. К счастью, подписи есть. Кто из этих девушек Солена? Я перебираю самые последние фотографии и, наконец, нахожу то, что искал. Солена – красивая темноволосая девушка с довольно романтической внешностью.

– Ну, что сказать... Вчерашняя история несколько выбила меня из колеи. Мне хочется некоторое время побыть одному, чтобы прийти в себя.

– Я рада, что ты позвонил. В прошлый раз ты дулся две недели, и не звонил мне. Помнишь, что было потом?

– Ну, в тот раз все по-другому, – уклончиво ответил я, гадая, что же тогда произошло.

– Ладно, скажи, мы завтра увидимся? Я бы очень этого хотела.

– М-м-м... Думаю, нет. Завтра – нет.

– В прошлый раз, когда ты так говорил, ты встречался с кем-то из твоих бывших девиц!

Я начинаю лучше представлять себе, что за человек эта Солена. Мне хочется побыстрее закончить разговор, но я все-таки спрашиваю:

– Да ладно, и с кем же?

– Вот только не надо делать из меня дурочку! Ты встречался с этой шлюхой Жюли!

Я рассеянно перебираю фотографии, разыскивая Жюли. У нее тоже темные волосы, она похожа на Солену, но выглядит более уверенной в себе. И более раскованной.

– Жюли – это давняя история. Это осталось в прошлом.

– Тогда давай увидимся завтра вечером!

– Завтра вечером я собираюсь заняться своей книгой.

– Вечером? А разве не ты говорил: «Мое правило – писать каждое утро, и только утром»?

– Э-э... Я задержался со сдачей последней рукописи, и должен работать больше. Придется отложить все остальное.

– И поэтому ты не хочешь видеть меня завтра? Я для тебя уже стала «все остальное»?

Почему эта девушка так цепляется за меня? Ах да, я и забыл. Смертные девушки панически боятся, что их бросят. Им постоянно нужно получать подтверждения любви.

– Сегодня вечером я все равно тебя увижу, – говорит Солена вместо

прощания.

Я вешаю трубку. Что это значит? Телефон звонит. На маленьком экране появляется имя: Робер. Я беру трубку.

– Алло! Габриель?

Голос в трубке хриплый, но приятный. – Да?

– Это Робер. Вы готовы к сегодняшнему вечеру? Я поеду с вами, чтобы поддержать вас. Съёмки будут нелегкими.

– Да? Спасибо.

Что ж, тем хуже. Но я не могу бесконечно оставаться в полном неведении.

– У меня только два вопроса. Куда мы едем сегодня вечером? И кто вы такой?

Робер смеется.

– Вы шутите? Это я, Робер, ваш издатель. Сегодня вечером вы приглашены на передачу «Осколки вдохновения и куски жизни по порядку», чтобы рассказать о вашем последнем романе.

«Осколки вдохновения и куски жизни». Ну-ну. На телевидении любят такие штуки.

– О каком именно?

– Да что с вами, в самом деле? Это ваша последняя книга «Посуда в слоновьей лавке».

Робер снова смеется.

Мне хочется узнать, о чем этот роман, но я подозреваю, что если спрошу, то Робер почувствует неладное. «Посуда в слоновьей лавке». Я ищу книгу на полках, плечом прижимая трубку к уху.

– Вы, случаем, не паникуете?

Наконец я нахожу книгу. На обложке изображена девочка в розовом платье, а вокруг бородатые бомжи в лохмотьях.

Маски. Шахматы. Марионетки. А теперь еще и это.

С обратной стороны обложки моя фотография. Взгляд устремлен куда-то вдаль. Внизу подпись: «Тех, кто ошибается, много, но это не значит, что они правы».

Опять бунтарь? Нужно найти биографию этого Габриеля Асколейна. Может, в Интернете? И нужно прочитать книгу. Но я не успею. И еще... кажется, я не люблю читать. Я чувствую огромное желание писать, и очень слабое – читать. Нормально ли это для писателя? Я вспоминаю слов Виктора Гюго: «Коровы не пьют молока».

Голос в трубке становится нервным.

– И еще будет разговор о вашей следующей книге. Вы говорили, что

уже семь лет работаете над сагой. Это будет огромная книга. Полторы тысячи страниц! Вы собираетесь издать ее в трех томах, но больше я ничего не знаю... Теперь, когда вышел ваш роман, я должен знать! Расскажите мне о вашей саге, которую вы держите в таком секрете. Я больше не могу ждать.

Нужно быстро придумать, что делать. О чем я мог бы написать полторы тысячи страниц?

– Это книга... о богах. О школе богов, которая находится на далекой планете. Боги-ученики учатся управлять народами в параллельных мирах, которые являются точной копией нашего мира.

– Это бред.

– Нет. Это нечто совершенно новое. Не с чем сравнить, поэтому это и кажется бредом. Но кто-то ведь должен сделать что-то в первый раз. Иначе ничего нового никогда не появится.

– Я немного разочарован. Почему бы вам не написать детектив или триллер? Книгу, в основе которой лежит загадка, тайна, ведь вы так хорошо это умеете.

– Таких книг уже тысячи.

– Вот именно! А почему? Потому что читателю это нравится. А о школе богов никто не писал, потому что это никому не интересно.

– Все когда-то бывает в первый раз. Лучший способ узнать, нужно это или нет, – предложить книгу людям.

Я чувствую, что Робер разочарован.

– Меня все это не особо вдохновляет, но, если хотите, мы можем поговорить об этом в другой раз. Не забудьте, сегодня вечером вы должны быть на месте в половине десятого. Вас будет ждать визажист. Пожалуйста, не опаздывайте. Я знаю, за вами это водится.

Нет, сделаем по-другому. Проще всего будет, если я заеду за вами ровно в девять. Хорошо?

– Отлично.

Я вешаю трубку. Подумав немного, я нажимаю кнопку, чтобы вызвать последний номер. Снова слышу голос моего издателя.

– Прошу прощения, но мне бы хотелось задать вам один вопрос. Просто, чтобы хоть как-то начать обсуждение этой свежей темы. Если бы вы встретили бога вашего народа, что бы вы попросили у него?

– Ну... У меня камни в почках. И когда случается приступ, я испытываю адскую боль. Даже лекарства не помогают. Я бы попросил избавить меня от этого.

– А что бы вы попросили для всего человечества?

– Для человечества? М-м-м... Понятия не имею. Хотя, нет. Пожалуй, вот что – снизить налоги. Ну, до вечера.

Я принимаю душ. Переодеваюсь. Все это случилось со мной в наказание за то, что я был богом-убийцей, богом-жуликом. Но если я возьму себя в руки, то жизнь смертного тоже может стать сносной. Прежде всего, мне необходимо сырье. Идеи.

Я сажусь за компьютер и пишу. «Материалы к роману о богах. Вспомнить мою жизнь на Эдеме». Удивительно, но мои пальцы так и летают над клавиатурой.

Парень, в чьем теле я оказался, должно быть, ходил на курсы машинисток.

Мне даже не приходится смотреть на клавиши. Как только в моей голове появляется мысль, пальцы тут же вихрем проносятся по клавиатуре, и на экране появляется текст. Очень удобно.

Я пишу, и напряжение, в котором я находился все это время, постепенно уходит.

Тревога, мучившая меня с самого утра, ничего не значит по сравнению с желанием писать. Я чувствую себя хорошо, только когда я пишу.

Чем дальше я пишу, тем легче мне становится, словно я избавляюсь от огромного груза. Так я нахожу себя.

Возможно ли, что у Габриеля Асколейна «желание писать по утрам» было в крови?

Нет, скорее тут дело в привычке. Должно быть, он давно пишет по утрам, и с восходом солнца его тело уже готово к этому занятию. Это как рефлекс собаки Павлова. Первые лучи солнца вызывают желание писать.

Я вижу смысл в этом занятии. Понимаю, зачем все это нужно. Я должен записать все, чтобы не забыть. В воспоминаниях о том, что я пережил в царстве богов, таится решение проблемы: как не сойти с ума. Мои пальцы двигаются без остановки.

Я записываю имена: Эдмонд Уэллс, Жорж Мельес, Дионис, Афродита, Мата Хари, Рауль Разорбак. И останавливаюсь.

Рауль...

Окончится ли игра после его победы? Или продолжится? Скорее всего Земля-18, как и Земля-17, станет учебным пособием для следующего выпуска. Что на самом деле означает одно: будет предоставлена сама себе.

Я чувствую себя пешкой на доске, которую бросили игроки.

Этот мир, Земля-18, оставлен богами, которые в эту минуту скорее всего празднуют на Елисейских Полях победу Рауля.

Этот мир оставлен на произвол судьбы. Так же как это бывало, когда

мы спали в промежутке между лекциями.

Человечеству ничего об этом неизвестно, но по независящим от него причинам, оно обрело полную свободу действий. До тех пор, пока на Эдеме не появятся следующие ученики. А до этого еще может пройти две тысячи лет – учитывая разницу в скорости, с какой время идет тут и на Эдеме. Если за нами никто не наблюдает, я могу делать что захочу. Как пешка на шахматной доске, получившая свободу выбора и действий в отсутствие игроков.

Я хожу в гостиной из угла в угол. Как обратить мое поражение в победу?

Раздается звонок в дверь.

32. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: АСТРОНОМИЯ ИНДЕЙЦЕВ МАЙЯ

Индейцы майя считали, что мир состоит из трех частей: подземного мира, земли и небес.

Вселенная состоит из тринадцати небес и девяти подземных миров. В центре земли находится зеленое дерево, которое проходит сквозь все небесные сферы. На каждой из четырех сторон земли стоит еще по одному дереву, символизируя стороны света – востоку соответствовало красное дерево, югу – желтое, западу – черное и северу – белое.

Земля плоская и квадратная, каждый из ее углов того же цвета, что и растущее там дерево. Эта плита лежит на спине гигантского крокодила, который плавает в огромном бассейне, заросшем кувшинками.

Согласно майя, каждое из тринадцати небес и девяти подземных миров охраняет особое божество. У каждого бога две ипостаси: одна для подземного мира, другая – для небесного.

Майя верили, что душа умершего следовала дорогой солнца, то есть спускалась в подземный мир, как солнце на закате, чтобы высоко взойти утром, к небесным божествам.

Индейцы майя были великолепными математиками. Они открыли ноль и очень удобную двадцатеричную систему счета, то есть счет двадцатками (мы используем десятичную систему, счет десятками). Кроме того, майя были выдающимися астрономами. Они построили обсерватории, сумели найти большинство планет и гораздо раньше европейцев составить удивительно точные лунные и солнечные календари, в том числе календарь из трехсот шестидесяти пяти дней, «кааб». Жрецы майя использовали этот календарь, чтобы узнавать как будущее, так и прошлое. Они предвещали затмения и предупреждали о катастрофах.

Майя считали, что мир рождается и погибает, следуя определенным циклам. Согласно их священной книге «Пополь-Вух», мир рождается и погибнет четыре раза. Первая эпоха принадлежала глиняным людям. Они были настолько мягки и глупы, что боги уничтожили их всех. Наступила Вторая эпоха – время деревянных людей. Им не доставало сердца и ума, и боги погубили их потопом. Затем пришли двое героев Хун-Ахпу и Шбаланке, чтобы биться с земными чудовищами; они породили кукурузных людей, которые, наконец, догадались поклониться небесным молниям.

Майя назвали дату, когда окончится следующая эпоха и мир окончательно погибнет. В западном календаре она соответствует 2012 году.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

33. ХРАМ И ВЕРА

В глазок я вижу невысокого толстого мужчину с узкой полоской усов под носом, в жилете бутылочного цвета и клетчатой рубашке.

Это мой сосед по лестничной площадке. Он просит меня подписать письмо с просьбой выселить другого нашего соседа, который постоянно устраивает шумные гулянки и не дает спать всему дому.

Я с любопытством смотрю на соседа.

– Вы ведь согласны, что это безобразие нужно прекратить?

Я совсем забыл, какие смертные.

– Простите, как вас зовут? – спрашиваю я.

– Вы же прекрасно знаете... Мишель. Мишель Одуэн.

– Да-да, конечно.

– А еще у нас проблема с лифтом. Не знаю, как им это удастся... Должно быть, это мальчишки с третьего этажа балуются с кнопкой «стоп». Нужно сделать эту кнопку повыше, чтобы они не дотягивались.

Я с сочувствием смотрю на соседа. Эдмонд Уэллс говорил: «Они хотят меньше страдать, а не становиться счастливее».

Что ему ответить? Кажется, все это очень важно для него. Жизнь, наполненная проблемами с лифтом и борьбой с соседями.

– Действительно, все это очень досадно, – говорю я.

Сосед с подозрением смотрит на меня.

– Месье Асколейн, с вами все в порядке? Вы выглядите очень усталым.

Внимание. Опасность. Я кажусь не таким, как они. Быстро! Немедленно собраться и стать нормальным смертным, иначе вот-вот взвоят сирены. Что они говорили о Прудоне? «Если он попытается поделиться своими знаниями, его примут за колдуна».

Я беру себя в руки.

– Где подписать? Вы совершенно правы, пора навести порядок в доме.

Мне даже удастся нахмуриться, словно я сдерживаю праведный гнев. Придется вспомнить все привычки смертного. Маленькие желания, мелкие недовольства. Привыкнуть к плоской, монотонной жизни. Быть похожим на них. Иначе они отторгнут меня. Или затопчут.

«Посуда в слоновьей лавке».

– Как ваша следующая книга, продвигается?

– Да, в целом... – неопределенно отвечаю я.

– И о чем она будет, если не секрет?

Мне хочется ответить: «о богах, которые управляют нами», но я сдерживаюсь.

– Об инопланетянах. Такие, знаете, зеленые остроухие человечки с лазерными пушками. Все будет как на Диком Западе, только вместо индейцев – инопланетяне, а вместо стрел – смертельные лучи. Ба-бах!

– Очень интересно, – вежливо отвечает сосед.

Я понимаю, что зашел слишком далеко. Не стоило прикидываться полным идиотом. Я чувствую, что сосед обеспокоен моим поведением.

– На самом деле я пишу, чтобы успокоить людей. Ведь проблема-то заключается в том, существуют ли инопланетяне на самом деле? А что, если мы одни во вселенной? Тогда, если представить, что человечество рано или поздно уничтожит свою планету, все пропало. Нигде во вселенной больше ничего не будет. Никогда. Только вечные холод, мрак и тишина.

Эта фраза, отрывок из «Энциклопедии», сама всплыла у меня в голове. Сосед с тревогой смотрит на меня. Его брови нахмурены. Я должен вести себя нормально.

– Не волнуйтесь, я просто пошутил.

– Мой сын обожает ваши книги. Постоянно о них говорит. Раньше он вообще не читал. Благодаря вам у него появилась тяга к чтению. Мы с женой не очень любим такую литературу. Нам нравятся книги... посерьезнее.

– Я понимаю.

– Жена обожает Арчибальда Густена. Ну, вы знаете, член Академии... Ей нравится, как он пишет. А я больше люблю автобиографии. Я считаю, что писатель должен писать только о том, что хорошо знает, а единственной настоящей темой для него может быть только его жизнь.

– Разумеется. Романы, которые авторы пишут «из головы» – это для детей, – поддакиваю я.

Или для тех, кто в душе остался ребенком. Сосед смотрит на меня, словно пытается понять, не смеюсь ли я над ним. Я улыбаюсь ему.

– Итак, где мне расписаться?

Он протягивает листок, и я ставлю закорючку.

– Ответьте мне на один вопрос. Если бы вы встретили Бога, что бы вы у него попросили?

– А! Отличный вопрос! Я бы хотел выиграть в лотерею!

Сосед очень доволен своим ответом. Он улыбается и пожимает мне руку.

– Сегодня вечером я буду смотреть передачу с вами.

Он уходит. Я возвращаюсь к себе в кабинет. На этот раз любопытство

оказывается сильнее, чем желание работать. Я больше не хочу писать. Не хочу читать книгу, о которой должен говорить сегодня вечером. Я что-нибудь придумаю, найду способ выкрутиться.

Я быстро обуваюсь и решаю осмотреть столицу Петушии, страны людей-петухов на Земле-18. Хочу понять, чем она отличается от Парижа, столицы Франции на Земле-1.

Я иду по улице. Люди вокруг похожи на тех, кого я видел в своем мире. Машины, правда, выглядят иначе, номера и названия у них странные. Одежда тоже другая. Женщины носят просторные платья бледных тонов.

Я гуляю по проспектам. Подхожу к памятнику, стоящему на месте Эйфелевой башни. Это та самая башня с петушиной головой, которую я видел из окна. Внушительное сооружение. Интересно, у орлов есть что-то подобное с орлиной головой на вершине?

Замечаю, что движение тут левостороннее, как в Англии. Захожу в большой супермаркет. Люди кишат здесь, как муравьи в муравейнике. Кажется, словно я опять смотрю на Землю-18 с Эдема. Но только теперь я вижу смертных вблизи. Ого, тут оказывается есть синие фрукты.

Я иду, куда глаза глядят, и вдруг оказываюсь перед зданием, которое поражает меня. Посреди большой площади возвышается орлиный собор – со статуями, горгульями, башнями и башенками, а на самом верху огромной скульптурой орла с крючковатым клювом.

И я вспоминаю все.

Я послал пророка, который проповедовал мир и любовь. Его звали Просвещенный. Он говорил: «Я пришел не создать новую религию, но напомнить исконные законы дельфинов тем, кто забыл о них или исказил их». Его схватили и посадили на кол.

Через несколько лет начальник полиции, который арестовал Просвещенного, заявил, что ему было откровение. Он стал называться Преемником и создал «Всемирную религию», основанную на проповеди Просвещенного. Преемник заменил символ рыбы, слишком тесно связанный с культурой дельфинов, символом страданий Просвещенного – колом, на котором его казнили.

Затем он объявил, что спутники Просвещенного ничего не поняли в его проповеди, и только он, Преемник, проник в истинный смысл того, о чем говорил пророк. Его последователи начали гнать и притеснять друзей Просвещенного и начали преследовать людей-дельфинов.

И вот я вижу то, к чему все это привело. Огромный роскошный собор Всемирной Религии.

Я вхожу в храм и вижу нечто чудовищное – изображение

Просвещенного, голого, посаженного на кол. Гигантскую, двухметровую скульптуру. Витражи с изображениями событий, по версии Преемника: дельфины казнят Просвещенного.

Мир, вывернутый наизнанку.

Слышна музыка. Это играет орган с сотнями позолоченных труб. Множество людей вокруг молятся, преклонив колени. Я спрашиваю, где можно увидеть священника. Ко мне подходит человек в ярко-красной сутане, поверх которой повязан белый фартук с нагрудником, на котором вышито лицо Просвещенного со ртом, открытым в предсмертной муке.

Я стараюсь не смотреть на это страшное изображение.

– Здравствуйте, мой...

– Называйте меня «отец мой».

– Здравствуйте, отец мой. Могу ли я поговорить с вами о вашей религии? Из чистого любопытства. Я иностранец.

– А! Откуда же вы?

Так, нужно выбрать самую удаленную страну.

– Из Тигрии.

Если я ничего не напутал, это соответствует Китаю.

– Чудесно. Но у вас совершенно нет акцента, вы прекрасно говорите на нашем языке. Что же вы хотите узнать?

– Вот, ваша Всемирная религия... Культ, символом которой является замученный человек. Не слишком ли это ужасный образ? Если я правильно помню, Просвещенный говорил только о мире и любви.

– Это изображение страданий Просвещенного. Своей жертвой он показал нам путь.

– Но он не говорил о страданиях. Он говорил о тихой, мирной жизни, а не о боли...

Священник смотрит на меня с подозрением. Потом назидательно говорит:

– Просвещенный пал от рук людей-дельфинов. – Но он сам был из них! – восклицаю я, не сдержавшись.

Священник не находит, что ответить мне, и я продолжаю.

– Он проповедовал ценности людей-дельфинов, он обращался к своему народу. Мне кажется, что в то время, когда он жил, его страна была захвачена орлами. И мне кажется, что его схватила полиция орлов, и на кол его посадили тоже орлы. И мне кажется, что...

– Вам слишком много всего кажется, сын мой. Не богохульствуйте! Вы говорите так, словно сами были там при этом.

Самонадеянный болван, я действительно был там! Я все видел. Мы,

боги, знаем, как все было на самом деле. Знаем настоящую историю, а не ту, которую выдумали ваши историки по заказу тиранов, не ту, которую всем впиливают ваши идеологи, чтобы манипулировать толпой!

– Я думаю, что вы не понимаете истинного смысла религии, которую исповедуете, – говорю я.

Люди вокруг шикают, призывают нас к тишине. Священник не сдается.

– А я думаю, что должен выслушать вашу исповедь. Идемте, сын мой.

Он ведет меня в маленькую деревянную кабинку, которая стоит в глубине собора. Он приглашает меня сесть, и мы говорим через решетку, которая разделяет нас.

– Что случилось, сын мой? – спрашивает он меня.

Готовы ли вы услышать правду, отец мой? Готов. «Ваша» правда мне интересна.

– Вашу религию придумал я.

Я вижу, как он кивает с понимающим видом, прикрыв глаза, сосредоточенно слушает меня, чтобы лучше понять.

– Продолжайте, сын мой. Я слушаю вас.

Я отчетливо произношу:

– Я послал вам Просвещенного. Того, кого вы называете Мессией.

Священник снова кивает. Он очень терпелив. А я? Я собирался оставаться в тени, ничем не выдавать себя, чтобы меня не приняли за сумасшедшего. И вот, пожалуйста, я на грани срыва.

– Я слушаю вас, сын мой. Продолжайте.

Как объяснить это смертному, который считает, что все знает о планете, на которой живет?

– Вы ничего не поняли из того послания, которое сейчас проповедуете. Преемник предал Просвещенного. Вся ваша религия основана на недоразумении.

Священник сцепляет руки, опирается на них подбородком. Это означает, что он думает.

– Сын мой, я боюсь, что вы перевозбуждены из-за вашей работы. Я узнал вас. Вы известный писатель-фантаст. Фантастика – это то, что очень сильно действует на мозг. Она говорит обо всем и ни о чем конкретно. Но у каждого слова есть свое значение. Некоторые священные слова нельзя использовать как попало. Это называется богохульством. Если вы пришли сюда, значит, вы скорее всего ищете примирения с нами. Вы должны взять свечу и зажечь ее, бросить монету в ящик для пожертвований и на коленях молить Бога простить вас за то, что вы заблуждались. Только здесь, в этом

храме, ваша душа обретет мир.

Как сказать этому напыщенному всезнайке, что боги, его бог и другие, общаются со смертными когда, где и как угодно? Что им не нужны для этого храмы и священники?

Как объяснить ему, что боги, и его, и другие, не любят богомольцев?

Как объяснить, что мы, боги, предпочитаем атеистов или агностиков, разум которых способен воспринимать наши послания, в то время как набожные и верующие, закосневшие и в своей непробиваемой самоуверенности, не дают никакой возможности общаться с ними?

– Отец мой, я думаю, вы ошибаетесь. Фантастика сильнее религии. Она открывает дорогу разуму в то время как вы закрываете.

– Сын мой, я думаю, что пора прекратить этот спор. Я оставлю вас, чтобы вы могли спокойно помолиться, как я вам только что посоветовал.

Он встает и, помедлив, уходит. Я вскакиваю на алтарь и хватаю микрофон.

– Идите домой! На этой планете не осталось ни одного бога!

Разъяренный священник набрасывается на меня, вырывает у меня микрофон и кричит, чтобы я убирался, пока он не вызвал полицию.

Я спускаюсь с алтаря и медленно иду по проходу между скамьями. Я слышу за своей спиной голоса:

– Безбожник!

– Сумасшедший!

– Анархист!

– За кого он себя принимает?

– Я узнал его. Я видел его по телевизору. Это писатель Габриель Асколейн.

– Мой сын читает его. Просто обожает его книги.

Я вижу, что священник достал мобильник. Он держит его около уха и смотрит на меня.

Он звонит в полицию.

Ну вот. Ничего не изменилось. Но я знал это: любое деяние света вызывает ответ тьмы.

Если мой пророк Просвещенный пришел бы сюда и увидел, что сделали с его Словом, он бы испугался. Он бы увидел себя навсегда, во мраке времени, застывшего в мучениях, и ужаснулся бы. Если бы он услышал, что говорит священник от его имени, он рассмеялся бы. Я останавливаюсь около одного из прихожан, старичка, которого, похоже, возмутил мой поступок.

– Месье, – шепчу я, – я уйду. Ответьте мне на один вопрос: если бы

вы встретили Бога, что бы вы у него попросили?

– Ну... Я... Я бы попросил, чтобы он наказал моего босса, который уволил меня после того, как я сорок лет верой и правдой прослужил ему. Я считал его своим другом. Я хотел бы, чтобы он сгнил, чтобы его пожрали черви. Вот чего бы я попросил у Бога.

Их счастье – в несчастье других.

– Что он спросил у тебя, Янник?

– Не говорите с ним, это атеист!

– Он странно выглядит.

– Да он чокнутый!

– Не говорите с ним!

– Он опасен.

– Это провокатор!

– Еретик!

– Он не такой, как мы.

Я кланяюсь присутствующим.

– Благодарю за внимание. Однажды вы поймете то, что я сказал вам.

По крайней мере, я надеюсь на это.

Все дело в том, что ложь гораздо привлекательнее правды.

Нужно действовать. И быстро.

Я напишу книгу о богах.

Да. Сначала это.

Дальше. Я должен воспользоваться тем, что теперь я смертный в мире, покинутом богами. Нужно действовать, начиная с основ. Разве Эдмонд Уэллс не говорил: «Капля воды может переполнить океан».

Я иду по широким проспектам столицы в поисках идеи, которая поможет мне найти выход.

Вдруг я замечаю рекламный плакат. Кажется, это тот самый знак, которого я так долго ждал. Я подхожу ближе и внимательно читаю, чтобы запомнить каждое слово.

34. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ПАПЕССА ИОАННА, ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

Иоанна родилась в 822 году в германском городе Ингельгейм, недалеко от Майнца. Она была дочерью немецкого монаха-евангелиста, которого звали Герберт. Он отправился миссионером в Англию, чтобы проповедовать саксам. Стремясь получить образование, она переделалась в мужское платье и выдавала себя за Иоанна Английского, монаха-переписчика.

Она странствовала из монастыря в монастырь. В Константинополе она встречалась с императрицей Феодорой. В Афинах изучала медицину под руководством раввина Исаака Исраэли. В Германии беседовала с королем Карлом Лысым. Наконец, в 848 году она получила кафедру преподавателя эkkлезиастики^[7] в Риме.

Скрывая, что она женщина, Иоанна поднималась все выше благодаря своей образованности и дипломатичности. Она была представлена папе Льву IV и сумела стать для него незаменимым помощником, а затем и советником по иностранным делам. Когда в 855 году Лев IV умер, кардиналы избрали Иоанну; она стала папой Иоанном VIII. Через два года Иоанна забеременела. Она носила широкие одежды, скрывая свое положение.

Трагедия произошла в праздник Вознесения, у церкви Святого Климента. Папа Иоанн VIII приветствовал верующих, восседа на муле, как вдруг скорчился от боли и упал на землю. Люди, бросившиеся к нему на помощь, нашли в его одеждах новорожденного младенца. Все были потрясены. Согласно Жану де Мейи, растерявшаяся толпа через несколько мгновений была объята гневом и побила камнями папессу Иоанну и ее ребенка.

Тогда и была установлена процедура определения пола будущего понтифика. Кандидат должен сесть на кресло с дыркой в сиденье, так чтобы его половые органы свисали в это отверстие. Проверяющий пол будущего папы римского произносит ритуальную фразу: «Habe dios testiculos et bene pendentes», что означает (У него две тес-тику лы, и обе отлично свисают).

Папессе Иоанне посвящен второй аркан из колоды Марсельского Таро. Она изображена в одеждах римского папы и в тиаре, и держит на коленях

раскрытую книгу. Это символ первого этапа посвящения – готовности к получению знаний из книг.

Почти никто не обращает внимания на маленькую деталь: справа от папессы изображено яйцо.

Эдмонд Уэлс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

35. СИНЯЯ БАБОЧКА

На плакате крупными буквами написано:

Вы устали от этого тусклого и грустного мира, где все кажется не таким, как надо?

Откройте для себя новое удивительное измерение – 5-й мир!

Ниже я вижу знакомый текст:

1-й мир: Реальность

2-й мир: Сон

3-й мир: Роман

4-й мир: Кино

5-й мир: Компьютерная игра

Еще ниже читаю:

5-й мир. В продаже во всех крупных и специализированных магазинах. Для игровых приставок и игры по сети.

И я снова вспоминаю... Когда я был на Олимпиаде, в гостиной моей виллы стоял телевизор. Я следил за жизнью трех смертных на Земле-1. Из чувства ностальгии. Или, может, быть для того, чтобы получить более масштабное представление о жизни людей.

Среди трех моих подопечных была одна гениальная кореянка, Юн Би. Вместе со своим другом по кличке Корейский Лис они придумали компьютерную игру нового поколения.

Эта игра копировала настоящий мир. Необыкновенная графика удивительно точно передавала реальный мир. Игроки выбирали себе персонаж-аватар, который проживал в игре настоящую жизнь. Оригинальность игры заключалась в том, что аватары, созданные на основе фотографии и заданных параметров, были не только внешне копиями живых людей, но и обладали интеллектом, созданным на основе анкеты, состоявшей из множества вопросов. Это позволяло выявить и использовать сильные и слабые стороны любого игрока, его страхи, надежды, фобии, «пунктики», психологические травмы, полученные в детстве, опыт, полученный в молодости.

Таким образом, создав себе виртуального двойника, игрок мог вести параллельное существование в мире, удивительно похожем на реальный. Мог безо всякого для себя риска проигрывать там различные ситуации, прежде чем решить, как поступить в настоящей жизни. Мог даже просто стать зрителем, наблюдая, как аватар сам принимает решения вместо него. А потом воспользоваться в реальной жизни опытом своего виртуального двойника.

Сначала Корейский Лис задумал 5-й мир как возможность не расставаться с близким человеком в случае его смерти. Но очень быстро его проект стал популярным среди тех, кому не хватало романтики. Различные приложения к проекту находили все новых и новых поклонников. Некоторые начинали играть ради того, чтобы и после того, как они умрут, их аватар продолжал жить в 5-м мире.

Mise en abyme.^[8]

Стоя перед афишей, я удивляюсь тому, что здесь, на Земле-18, эта игра называется точно так же, как на Земле-1.

Это невозможно. Корейский Лис и Юн Бин могут перемещаться с одной планеты на другую. Значит... Значит, между мирами перемещаются идеи, а не их авторы.

Я вспоминаю ужасные слова Эдмонда Уэллса: «Идеи принадлежат тем, кто их развивает». Эта его знаменитая теория о ноосфере, коллективном сознании, образованном сознаниями всех людей. Творческие люди могли бы во сне черпать оттуда идеи и не забывать, просыпаясь. Таким образом, разные люди могли бы использовать эти идеи, находясь не только в разных местах, но и в разных измерениях. Многомерная ноосфера.

Мой учитель говорил еще: «Обещаниям политиков верят только те, кто слушает их».

Мне хочется узнать, кто стоит за всем этим?

Если это не Корейский Лис и Юн Би, то кто?

В углу плаката я вижу логотип. СГБ. Студия «Синяя бабочка». 22, рю дю Мулен.

Я проверяю, сколько у меня с собой денег, и ловлю такси.

Машина останавливается у невысокого здания, выкрашенного бежевой краской. Над входом вывеска, сияющая бирюзовым неоновым светом: Студия «Синяя бабочка».

Я вхожу.

В холле плакаты с видами пляжей, закатами, девушками в купальниках, парочками, которые держатся за руки, целуются.

На стенах лозунги: «5-й мир: испытайте новое наслаждение, станьте

другим, оставаясь собой».

Дальше галерея портретов: фотография и рядом аватар. «5-й мир: Ваш лучший друг – вы сами».

Под фотографией мужчины, окруженного тремя красотками в бикини, надпись: «5-й мир: там вы позволите себе то, на что не решаетесь здесь»!

Похоже, что рекламное агентство заказало слоганы всем своим сотрудникам, а потом не смогло выбрать лучший, и решило оставить, все, что были придуманы.

В глубине холла замученная секретарша спрашивает меня о цели визита, записывает ответ, звонит куда-то и просит меня подождать. И я жду, рассматривая плакаты на стенах.

Наконец появляется похожий на викинга высокий бородатый мужчина в свитере. У него длинные светлые волосы.

Черт побери! Я понял! Единственным человеком на оздеме, видевшим то, что показывал телевизор у меня на вилле, была Мата Хари. Пока я лазил на гору к Зевсу, она, наверное, переключала каналы, и увидела мою подопечную Юн Би. Она следила за тем, как развиваются ее отношения с Корейским Лисом, который занимался созданием виртуальных миров. Вдохновившись их идеями, она передала их своему народу. Люди-волки Маты Хари соответствовали северным народам, населявшим Скандинавию. В их стране Волчии не было бы спроса на игру, придуманную Юн Би и Корейским Лисом, и Мата Хари решила, что выходцы из ее страны создадут эту игру в Петушии. Викинг разглядывает меня.

– Что вы хотели?

– Я писатель, и хотел предложить сюжет компьютерной игры, связанный с одним из моих будущих произведений.

К викингу подходит еще один человек, альбинос, и говорит:

– Элиот, ты что, не узнал его? Это Габриель Асколейн, писатель-фантаст.

– Тот самый Габриель Асколейн?

Через несколько минут я уже сижу в кабинете вместе с викингом, альбиносом и жизнерадостным лысым типом. Это три руководителя Студии «Синяя бабочка». По моей просьбе, они описывают свое главное детище – программу «5-й мир». Проект Корейского Лиса.

Я выдвигаю новую идею. Сейчас игроки ищут в виртуальной реальности равных себе. Я же предлагаю, чтобы они искали себе «подопечных». Каждый игрок сможет создать свой народ и станет для него богом.

Это предложение очень удивляет моих собеседников.

– Хотя в нашей игре пока действуют только «равные» персонажи, у нас и так полно проблем, о которых мы предпочитаем молчать, – говорит альбинос.

– Что за проблемы?

– Во-первых, экономические. Доступ к «5-му миру» бесплатный. Мы продаем только дома, виртуальную территорию и предметы: одежду, оружие, мебель. Однако у нас начались... кражи.

– Люди используют специальные программы, чтобы присваивать чужое имущество, – добавляет викинг.

– Также происходит и нарушение авторских прав. Кое-кто пишет программы, при помощи которых умудряется продавать дома и территории, не имея на это права, и по более низкой цене. В результате на одной и той же территории живут два человека, нередко даже не подозревая об этом.

Я вспоминаю слова Эдмонда Уэллса: «Если вы думаете, что создавать миры просто, попробуйте сотворить хоть один. Создать его, контролировать, помещать его разрушению так же сложно, как приготовить творожное суфле. Каждый мир с момента своего создания стремится к гибели, и требуется немало сил, чтобы поддерживать его и наполнять его смыслом».

– Но кражи, совершаемые в «5-м мире», – это виртуальные преступления, – замечаю я.

Мои собеседники оживляются.

– Не только, – отвечает лысый.

– Дело в том, что валюта, действующая на территории «5-го мира», может конвертироваться в настоящие деньги, – объясняет викинг.

– Это было сделано для того, чтобы участники могли играть в казино, делая настоящие ставки, – подает голос альбинос.

– А еще есть проститутки. Не знаю почему, но люди получают больше удовольствия, когда платят по-настоящему, – говорит викинг.

Половой акт становится настоящим, только когда сопровождается жертвой, – отвечает ему альбинос.

Во всяком случае, территория нашего проекта привлекла разные преступные группы, которые начали грабить виртуальные банки и казино, – мрачно говорит лысый.

– Но есть кое-что посерьезнее. Некоторые игроки разработали программу, разрушающую чужие аватары.

– Они убивают друг друга в виртуальном мире.

– Грабят друг друга.

– Происходят даже изнасилования!

– Изнасилования? Как можно изнасиловать аватар? Это же просто набор чисел в компьютере, выстроенных в определенной последовательности? – восклицаю я.

– Цифры способны на это. Цифра порождает существо, Ряды единиц и нулей превращаются в виртуальный объект, в виртуальную сущность, которую вполне могут ограбить, изнасиловать, покалечить, убить... другие ряды единиц и нулей.

– Мы задумывали «5-й мир» как территорию для всестороннего развития личности, на деле же он превратился в зону, где подавленные желания вырываются на волю. Где можно все, что запрещено в реальном мире.

– Вместо того чтобы развивать свое умение любить и сосуществовать в мире, игроки вкушают все запретные плоды.

Я вижу, что создатели «5-го мира» всерьез озабочены сложившейся ситуацией.

– В реальном мире идут судебные разбирательства по поводу грабежей, изнасилований и убийств, совершенных в виртуальном мире, – говорит альбинос.

– Извращенцы распространяют в «5-м мире» новые болезни.

– Там свирепствуют эпидемии гриппа, бубонной чумы, холеры.

– Врачам, участвующим в игре, с трудом удастся найти вакцину.

– Случаются и эпидемии совершенно неизвестных заболеваний.

Аватары сходят с ума, некоторые вырываются из-под контроля своих реальных хозяев.

У руководителей студии «Синяя бабочка» усталый вид. Я думаю.

– Но это же доказательство успеха. Люди, которые так стараются вам повредить, заставляют ваш мир существовать. Вы существуете благодаря своим врагам.

Мои собеседники не понимают, что я хочу сказать.

– Сколько человек участвует в игре? – спрашиваю я.

– Невероятно, но количество игроков превзошло все наши ожидания. За шесть месяцев популярность «5-го мира» превзошла все ожидания. Мы рассчитывали на полмиллиона игроков, а их стало восемь миллионов.

– Не скроем, что «5-й мир» выходит из-под контроля именно потому, что мы не были готовы к такому успеху.

– Ни к тому, с какой энергией некоторые игроки попытаются взломать его изнутри, – добавляет альбинос.

– Честно признаться, мы не справляемся с тем, что сами создали. Вы говорите, что мы должны предложить игрокам возможность испытать себя

практически безграничной властью, но я думаю, что вы не отдаете себе отчета, с какой скоростью там развиваются низменные инстинкты.

Особенно когда игроки избавлены от ответственности за свои поступки.

Некоторые участвуют в игре только для того, чтобы убивать и разрушать.

Это как в случае с кино или Интернетом. В первую очередь привлекает порнография и насилие, – говорит викинг.

Все трое кивают. Но я не хочу так легко сдаваться.

– То, что я предлагаю, это не «мир подобных», а «мир подопечных», в котором игроки отвечают за толпы своих созданий. Если они убийцы, жулики или садисты, другие игроки накажут их. Это произойдет автоматически.

– Это снова будет хаос, только другого масштаба, – ворчит альбинос.

Викинг и лысый разделяют его точку зрения.

– Нет. Вы, студия «Синяя бабочка», будете наблюдать за наблюдающими. Контролировать контролеров. А контролировать богов гораздо легче, чем смертных.

Эти слова вырвались сами собой, словно я разговаривал с Матой Хари. Эдмонд Уэллс предупреждал меня: «Ты можешь сказать им правду, но они ее не поймут. Они даже не услышат ее. Они толкуют сказанное так, что слова лишаются смысла».

Я смотрю на руководителей студии и думаю, как сказать им то, что я хочу, не напугав их.

– Я собираюсь написать роман, который будет называться «Царство богов». Это будет история о богах, которые играют маленькими живыми существами, похожими на них, в маленьком мире, похожим на тот, в котором они когда-то жили.

Собеседники пристально смотрят на меня.

– Забавно, – наконец говорит высокий парень, которого я называю викингом.

– Это похоже на огромную шахматную партию, с миллионами, даже миллиардами фигур, – продолжаю я. – У каждого бога будет свой народ, и он будет соревноваться с народами других богов-игроков.

– А что происходит, когда какой-то народ проигрывает?

– Его бог теряет баллы.

– А когда народ погибает?

– Бог покидает игру. Game over.^[9] Альбиносу и лысому все это не очень нравится, но викинг, кажется, заинтересовался.

– В литературе это называют «mise en abyme». Словно нашим собственным миром управляют боги, стоящие над нами.

Я умолкаю. Нельзя забегать вперед.

– Это похоже на этих урских кукол, мир снаружи, другой мир внутри, и так до бесконечности.

– Что ты об этом думаешь, Элиот? – спрашивает альбинос у викинга.

– Это полная чушь, никуда не годится, – раздается голос у меня за спиной.

Я оборачиваюсь. Она стоит на пороге. Невысокая женщина с темными глазами. Пронзительный взгляд. Черные прямые волосы собраны в хвост и перевязаны лиловой лентой. На ней джинсы и белая рубашка.

– А, Дельфина... Ты была тут? – удивляется лысый.

– Мне очень жаль, но я против этого проекта.

– Почему же? – спрашивает Элиот.

– Потому что это богохульство. Мы не должны считать себя богами. Кстати, в моей религии произносить имя бога уже считается грехом.

Лысый поворачивается ко мне и говорит на ухо:

– Это наш арт-директор. Она из народа дельфинов... Не ослышался ли я?

Альбинос говорит:

– Ох уж эти мне дельфины! Вечно считают себя умнее других!..

Элиот встает.

– Ты будешь делать то, что тебе скажут Дельфина. Хозяин здесь я. Нам нравится проект Габриеля. Мы беремся за это «Царство богов». Игроки смогут почувствовать себя «наверху», им будет казаться, что все в их руках. Возможность стать демиургом. Я уже придумал слоган: «Станьте богом, пусть только на время игры». Может быть, таким образом игроки лучше поймут, как боги управляют нами. И потом, мне до смерти надоел этот «5-й мир». Да здравствует 6-й! Элиот дружески хлопает меня по плечу и предлагает назначить встречу, чтобы обсудить проект.

Темноволосая Дельфина окидывает меня ледяным взглядом и выходит из комнаты, хлопнув дверью.

36. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТАИТЯНСКАЯ КОСМОГОНИЯ

На Таити верят, что в начале всего был Таароа, Единственный. Он жил в яйце, которое плавало в пустоте. Таароа очень скучал. Тогда он вылупился и вылез из скорлупы.

Но снаружи ничего не было, тогда он взял скорлупу и из верхней ее части сделал небесный купол, а из нижней – землю, покрытую песком. Из своего позвоночника он сделал горы, из слез – океаны, озера и реки, из ногтей – рыбу чешую и панцири для черепах, из перьев – деревья и кусты, а кровью раскрасил радугу.

Потом он призвал мастеров, чтобы они сделали Тано, первого бога. Тано наполнил небеса звездами, чтобы те стали еще прекраснее, поместил на небо солнце, чтобы оно освещало землю днем, и луну, чтобы светила ночью. Затем Таароа создал других богов – Оро, Ину, Мауи и прочих. В завершение своих трудов Таароа создал человека.

Мир, созданный Таароа, состоял из семи платформ, стоявших одна на другой. На самой нижней находился человек, и, когда первый этаж совершенно заполнился людьми, животными и растениями, Таароа пришел в восторг, но подумал, что надо бы сделать отверстие, чтобы все они залезли выше. Теперь на каждом из этажей мира есть дыра, сквозь которую храбрецы могли подниматься к знаниям...

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

37. ДЕЛЬФИНА

Она входит в прозрачную кабину лифта. Я иду вслед за ней по лестнице. Она выходит. Я стараюсь держаться на некотором расстоянии позади.

Она быстро и нервно идет вперед. Теряется в толпе.

Я приближаюсь к ней.

Он идет вперед, никуда не сворачивая.

Ее волосы, собранные в хвост, раскачиваются, словно существуют отдельно от нее.

Она переходит улицу.

Вдруг меня чуть не сбивает машина. Я забыл, что здесь левостороннее движение. Водитель осыпает меня ругательствами, но я невредим. Погоня продолжается.

Навстречу нам попадает что-то вроде небольшого карнавала. Шумная толпа с оркестром, мажоретками, людьми в маскарадных костюмах.

Карнавал – явление общее для многих культур. Людям необходимо сбрасывать гнет условностей хотя бы раз в году.

Она вот-вот растворится в толпе, и мне приходится расталкивать праздничную толпу, чтобы не потерять ее из виду.

Она смотрит на часы и прибавляет шаг.

Я вот-вот отстану, толпа не дает мне идти быстрее, ее невысокая фигура то и дело теряется среди пестро наряженных участников карнавала.

Я продираюсь сквозь толпу и вижу ее.

Она поворачивает и... я больше не вижу ее.

Я бегу сначала в одну сторону, потом в другую. И вдруг замечаю ее – она у самого входа в метро. Я бросаюсь вслед за ней.

Она торопливо спускается на платформу. У меня нет ни билета, ни времени купить его, и я перепрыгиваю через ограждение, рискуя быть остановленным полицией.

В лабиринте подземных коридоров толпы перемещаются в разных направлениях, но теперь я знаю, как не потерять ее. Подходит поезд. Я запрыгиваю в вагон за секунду до того, как двери закроются. Она смотрит в мою сторону, и я опускаю голову, чтобы она не узнала меня.

Люди вокруг выглядят грустными и усталыми. Поезд несется вперед с грохотом, так же как и на Земле-1. В вагонах на телеэкранах без конца

крутят новости. Я разбираю слова:

«...этот процесс. Он утверждает, что всего лишь винтик в сети педофилов, функционирующей на всем континенте. Полицейские обнаружили около сотни детских трупов, захороненных в его саду. Эксперты установят личности погибших по отпечаткам зубов. На суде он рассказал, что вначале действовал с большой осторожностью, но потом, обнаружив, как легко похитить ребенка, он начал орудовать, не скрываясь, среди бела дня, порой на глазах у многих свидетелей. Вероятно, он творил свои преступления на протяжении более десяти лет, а жена, жившая с ним все это время, заявила, что ничего не подозревала. Когда его арестовали, она, не желая иметь ничего общего с „параллельной“ жизнью мужа, оставила запертых в подвале детей умирать от голода. Она заткнула себе уши, чтобы не слышать криков детей, которые звали на помощь...».

Поезд летит по тоннелю.

Я вижу, что Дельфина не слушает диктора. Она погружена в чтение. Словно окружила себя непроницаемым пузырем.

Звонок. Дверь открывается, волна пассажиров выплескивается на платформу, другая волна вливается в вагон.

Вскоре мне придется встать. Я стиснут между людьми с потухшим взглядом. Чудовищный запах пота и человеческого дыхания. Как удалось цивилизации докатиться в своем развитии до того, что теперь считается нормальным давиться вместе с сотнями себе подобных в металлических ящиках площадью всего в несколько квадратных метров?

И снова новости:

«...по его словам, главной проблемой планеты является суверенность государств. Он заявил, что в мире больше нет голода, а если где-то еще умирают от недоедания, то ответственность за это лежит на правительствах отдельных стран, не способных накормить свой народ. Он предложил создать всепланетную полицию, которая будет уполномочена действовать в случае любых нарушений. Эта полиция будет также следить за нарушителями, загрязняющими окружающую среду. Действительно, не исключено, что некоторые государства захотят загрязнять истоки рек, протекающих по чужим территориям».

Люди вокруг остаются безучастными. На их лицах нет ни внимания, ни злости, чудовищные новости, звучащие из динамика, стекают по ним, как серая каша.

Диктор продолжает:

«...Самым удивительным оказалось то, что эти школы, больше напоминающие секты, получали финансирование от нашего министерства образования, действовавшего согласно закону о свободе вероисповедания. Чтобы заставить детей мечтать о мученической смерти, им было запрещено рисовать, петь, танцевать и смеяться. С шести часов утра они были должны молиться и повторять лозунги, укрепляющие их в ненависти к „неверным“. Их единственным развлечением были тренировки, по образцу армейских. Им постоянно промывали мозги и подвергали телесным наказаниям. Любое общение с семьями пресекалось, звонки по телефону были запрещены. Несмотря на многочисленные жалобы и свидетельства учеников, которым удалось бежать из этих заведений, посольство страны, организовавшее эти школы в Петушии и частично спонсировавшее их, заявило, государство людей-петухов не имеет права вмешиваться в работу этих „традиционных“ заведений, в противном случае это будет считаться нарушением свободы вероисповедания...»

Пассажиры рядом со мной ошарашенно смотрят на экран. Мелькают кадры: удары хлыста, обрушивающиеся на спины сбежавших детей, залы для наказаний в религиозной школе, которую полицейские обнаружили в ходе расследования.

Поезд снова тормозит и останавливается на станции. Дельфина встает и выходит.

Я иду за ней и снова вынужден бороться с напирющей толпой.

Мы поднимаемся на поверхность, и погоня продолжается. Улица. Поворот. Дельфина оборачивается, но я успеваю пригнуться.

Волосы, собранные в хвост, раскачиваются, перевязанные лиловой лентой.

Дельфина...

Родители дали ей самое «дельфинье» имя. Напоминающее о Дельфах, о храме, посвященном «дельфиниусу», то есть дельфину. Я вспоминаю то, что говорила мне Гера: Адольф Гитлер на Земле-1 – это А-Дольфус,

Антидельфин.

Если это имя преодолело пространство, значит, между параллельными Землями существует связь.

Она идет все быстрее. Останавливается перед самым обычным домом. Никакой вывески. Только надпись на стене: «Смерть дельфинам» и рисунок рыбьего скелета.

Перед домом стоит полицейский. Он кивает Дельфине так, словно знает ее. Когда я подхожу, он подозрительно смотрит на меня, но все-таки пропускает.

Я оказываюсь в храме. Снаружи даже нельзя предположить, что находится внутри. Я догадываюсь, что это сделано из опасения перед преследователями дельфиньей религии.

Этот храм раз в десять меньше, чем собор орлов. Здесь пусто. Несколько подсвечников освещают просторное помещение, в котором нет ни одного окна. На потолке я вижу те символы, что когда-то сам передал своим смертным.

На стенах росписи: исход в море, бегство от людей-крыс, цунами, обрушившееся на остров Спокойствия, установление закона о ненасилии.

И ни одного изображения Просвещенного.

У них украли их пророка, они не знают его.

Дельфина рисует в воздухе знак рыбы, направляется к скамье и начинает молиться, сложив руки так, как я никогда еще не видел, – прижав три пальца ко лбу. Я слышу, как она произносит:

– Отец наш, сущий на небе, сделай так, чтобы война в моей стране прекратилась, пусть моих братьев больше не убивают.

Она закрывает глаза и замирает. Я подхожу и тихо спрашиваю:

Вы верите, что кто-то слышит ваши молитвы?

Она медленно открывает глаза и смотрит на меня. На ее лице ни малейшего удивления.

– Что вы здесь делаете? Вы дельфин?

– Скажем так, я очень интересуюсь этой исчезнувшей религией.

– Почему исчезнувшей? Посмотрите, здесь вокруг вас есть люди.

Тут она замечает, что в храме никого больше нет, и поправляется:

– Сейчас не время молитвы, но скоро здесь будет много наших. Да, я верю, что кто-то слышит меня. Начать хотя бы с вас. Вы ведь слышали меня? Вы шли за мной, правда?

– Я же сказал, я очень интересуюсь вашей религией.

– А к какой религии принадлежите вы?

– Я... генотеист.

– Никогда не слышала. Что это значит?

– Я верю, что у каждого народа есть свой бог. Не существует одного бога, но есть много отдельных, локальных богов, существующих бок о бок. Я думаю даже, что эти боги соперничают и воюют между собой.

Она сидит отвернувшись, лицом к алтарю. Священник раскладывает там книги, потом уходит.

– Все, как в вашей игре, да? – шепчет она.

– Забавно выдавать за выдумку то, что существует на самом деле.

– Зачем же это нужно?

– Чтобы, играя с истиной, люди были готовы однажды встретиться с ней.

Наконец она оборачивается и смотрит мне в глаза.

– Вы издеваетесь?

– Я никогда не осмелился бы так шутить.

– У вас есть вера?

– Когда как.

– Вы верите в Бога?

– Когда случается что-то хорошее, я думаю, что кто-то захотел, чтобы так было. Тогда я говорю «спасибо», подняв голову к небу. Когда случается несчастье, я думаю, что сам виноват.

– Вы верите в Бога только в эти минуты?

– Нет, еще когда нахожу место для парковки в центре города или... когда встречаю удивительную женщину.

Она не подхватывает шутку.

– У меня есть вера. Я верю, что мой Бог всегда рядом со мной. С ним я ничего не боюсь. Даже умереть.

– А... А что бы вы ему сказали, если бы встретили? Она задумывается и отвечает.

– Я бы устроила ему выволочку. Большая часть моей семьи погибла в концлагерях людей-акул.

Как в моем сне. Смертные осыпают бога упреками.

– Вот видите, не так уж вы любите своего бога.

– Я не договорила. Я закатила бы ему скандал, а потом я бы его выслушала. Я хотела бы, чтобы он объяснил мне, почему так долго длился весь этот ужас. Я сказала бы ему, что всегда была его преданной слугой, желавшей выполнить любое его желание.

Я смотрю на нее во все глаза. Она красива редкой, античной красотой. Как будто появилась из самых недр дельфиньего народа.

– А если бы ваш бог ответил бы вам, что все сделал для того, чтобы

предотвратить это, но столкнулся с тем, что было сильнее его?

Она странно смотрит не меня.

Тогда я бы сказала: «те, у кого не получается, всегда находят оправдания, а те, кто справляется, находят способы сделать это».

Ну что ж, я получаю по полной программе.

Я уверена, что бог был в силах спасти всех невинных, которые погибли, всех убитых детей, – продолжает она.

– А если бы бог на это сказал, что он старался изо всех сил, но действительно не мог помешать этому?

– Я сказала бы, что когда по-настоящему хочешь чего-нибудь, то добиваешься этого.

– Вы говорите, что верите, но вы очень суровы по отношению к богу.

– Я отношусь к богу, как к отцу. Можно быть суровым к своему отцу, если он ошибается, но он все равно остается отцом. Тем, кому ты всем обязан. Тем, кого ты уважаешь и почитаешь.

Она смотрит на меня.

– Во всяком случае, господин Асколейн, если вы придумали эту странную компьютерную игру и решили написать роман о богах, это значит, что вы тоже задаете себе вопросы о духовной жизни.

– Я тот, кто всегда ищет. Я, как и все, хотел бы повысить свой уровень сознания, чтобы понять, что же стоит надо мной.

– Что касается меня, то я могу подняться над собой и смотреть на вещи с другой точки зрения, – говорит она.

В храм входит пожилая женщина и начинает молиться.

– И как вы считаете, что же там, над нами?

– Знаете, я передумала. Я помогу вам с вашим «Царством богов».

– Спасибо.

– Не благодарите меня. Уж лучше я буду контролировать этот безбожный проект изнутри.

– Я уверен, что вы прекрасный арт-директор, и графика у нас будет потрясающая.

– Я не читала ни одной из ваших книг, господин Асколейн. Честно говоря, я слышала о них больше плохого, чем хорошего. Похоже, вы пишете полный бред.

– Это мой стиль.

– Честно говоря, теперь, когда мы познакомились, мне еще меньше хочется читать то, что вы сочинили.

– По крайней мере, это честно.

– Мы, дельфины, как правило, говорим то, что думаем. Это вас не

смущает? Возможно, вы, как большинство, в глубине души расист-антидельфин?

– Я – расист-антидельфин? Это самое смешное, что я слышал за последнее время.

– Многие говорят, что они не расисты, а потом от них слышишь что-нибудь вроде: «лично я ничего не имею против дельфинов, но они ведь действительно все делают не так, как мы» или еще «дельфины сами виноваты в том, что с ними случилось». Многие так думают.

– Тех, кто ошибается, много, но это не значит, что они правы.

– Звучит забавно.

– Я считаю, что цивилизация дельфинов, даже тогда, когда от них почти ничего не осталось, даже тогда, когда их обвиняли во всех смертных грехах, хранила такие ценности, как толерантность и незашоренность мышления. Именно поэтому другие народы пытались уничтожить дельфинов, в первую очередь те, которые особенно легко идут на поводу у диктаторов разного толка.

Она с удивлением смотрит на меня.

– Откуда вы это знаете?

– Я... Ну, я много читал об истории дельфиньего народа. Я даже думал принять его религию.

– И почему вы этого не сделали?

– Не было времени.

С нашим богом непросто. Некоторые всю жизнь тратят, чтобы хоть приблизительно понять его замысел. В храм то и дело входят люди. На скамьях перед алтарем уже около десятка человек.

– Да? Я представляю себе бога... Вы будете смеяться. Я представляю его себе обычным парнем. Он делает, что может, но он не всемогущ.

– Однако...

– Я отношусь к нему не как к существу, которому мы должны поклоняться, а скорее как к другу. Как настоящий друг всегда готов помочь и ничего не требует взамен. И если бы я встретил его, то спросил бы его как друга: чем я могу тебе помочь? А вовсе не «что ты можешь для меня сделать?» Чтобы эти мысли принесли плоды, нужно вложить их в головы как можно большего числа людей.

– Если это бог, у него не должно быть проблем, – говорит она. – Он по определению совершенен и всемогущ.

– У любого мыслящего существа есть желания и страхи. У него есть предел возможностей и противники, враги, соперники. Я уверен, что смертный может помочь богу. Достаточно, чтобы просто захотеть.

Она молчит.

– Неправильно спрашивать, должен ли человек верить в бога, – говорю я.

– А как же правильно?

– Должен ли бог верить в человека. Она фыркает от смеха.

– Должен ли бог верить в человека! Это самое смешное, что я слышала за последнее время.

Раздается сердитое «тсс!». Нас возмущенно призывают к порядку.

В этот момент в храм врываются трое подростков лет шестнадцати. Один из них что-то бросает к алтарю. Это бомба со слезоточивым газом.

– Сдохните, дельфины! – выкрикивает он. Густой дым наполняет помещение. Задышавшись, мы выбегаем из храма. Полицейского на улице нет. Он возвращается бегом, в руках у него сэндвич. Понятно.

Он оставил пост, чтобы купить себе бутерброд на завтрак, и хулиганы воспользовались его отсутствием.

Сотрясаясь от кашля, с покрасневшими глазами, Дельфина бросает мне:

– Убирайтесь!

– Нет. Так не пойдет. Я не виноват в том, что случилось. Если другие нападают на вас, это не значит, что вы должны гнать меня прочь.

– Я ничего не имею против вас, но сейчас хочу остаться одна. На нас нападают, и никто не защищает нас. Даже если этих засранцев поймают, их тут же отпустят. Нападение на дельфинов – подумаешь, какая важность. Все очень терпимо относятся к этому.

– Только не я.

Слезы катятся из ее опухших глаз. Из моих тоже. Я обнимаю ее, пытаюсь утешить. Она не сопротивляется и шепчет:

– Почему мир так несправедлив?

– Нет, он просто сложен. Если бы все было просто, не было бы никакой заслуги в том, чтобы верить в бога. Только в испытаниях можно проявить свое мужество.

Она мягко выскальзывает из моих рук и долго смотрит на меня.

– Вы ни в чем не виноваты. Я знаю. Простите меня.

– Я хотел бы снова увидеться с вами, – говорю я.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– В любом случае, если я правильно понял, мы будем вместе работать над «Царством богов».

После некоторого раздумья она протягивает мне визитную карточку. Ее зовут Дельфина Камерер.

Только если вам что-нибудь срочно понадобится... И уходит.

Я вытираю глаза тыльной стороной руки. Не хватало только влюбиться в смертную Я смотрю на часы. Передача начнется в 20.00.

38. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: НИКОЛА ТЕСЛА

Забытый гений, малоизвестный ученый, Никола Тесла может считаться соавтором множества современных изобретений. Тесла, серб, эмигрировавший в Соединенные Штаты Америки, сделал множество открытий, связанных с электричеством. Он открыл переменный ток (до тех пор электроприборы работали только на постоянном токе), теорию радиоактивности, беспроводную передачу энергии, дистанционное управление, генератор переменного тока, асинхронный двигатель, лампу, работающую на высокочастотном токе (более экономную, чем неоновые), катушку Теслы для использования в телевизорах с электронно-лучевой трубкой.

В 1893 году, задолго до Маркони, он разработал систему беспроводной передачи телеграфных сообщений, используя электромагнитное излучение. В 1900 году он открыл принцип отражения волн и опубликовал работы, которые впоследствии способствовали изобретению первых радаров. Всего Тесла запатентовал более 900 изобретений, большинство из которых было выкуплено Томасом Эдисоном.

У Теслы были идеалистичные представления о науке, он считал, что человечество должно пользоваться научными открытиями безвозмездно. Этим он заслужил враждебное отношение современников-финансистов. Так, например, Тесла работал над проектом, согласно которому Эйфелеву башню должны были использовать для создания столь мощного электрического поля, что все парижане могли бы пользоваться бесплатным электричеством. В 1898 году Тесла изобрел резонансное орудие, которое благодаря множеству повторяющихся мелких ударов, могло сотрясать целое здание. Он предложил несколько моделей кораблей, оснащенных радиоуправляемыми торпедами, один из которых даже мог превращаться в подводную лодку.

В конце жизни, обеднев, Никола Тесла работал над «лучом смерти» для воздушных вооруженных сил США. Он мечтал открыть «свободную энергию», неисчерпаемый и бесплатный источник энергии, и это окончательно дискредитировало Теслу в глазах его ученых коллег. Никола Тесла умер 7 января 1943 года. ФБР изъяло все его записи и макеты его изобретений.

Имя этого ученого осталось в науке как название единицы магнитной индукции – 1 тесла.

*Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания,
том VI*

39. ТЕЛЕПЕРЕДАЧА

Следовало хотя бы поинтересоваться, что написал Габриель Асколейн. Теперь я попался. Робер рядом со мной. Мне хочется попросить его наскоро пересказать мне содержание моей книги или подсказать несколько фраз, которые помогли бы продержаться на съемках. Чувствую себя как перед экзаменом, но на этот раз я вообще ничего не учил.

Почему я не потратил хотя бы часа, чтобы узнать, автором чего я являюсь? Вместо этого я писал, придумывал игру и догонял девушку, идущую в храм.

Робер спрашивает:

– Вы нервничаете?

– Да.

– Вы боитесь?

– Да.

Подумать только, я вел войны, изобретал науки, строил города, а теперь трясусь перед интервью на телевидении. К нам выходит ведущий.

– Невероятный успех, не правда ли? Ваша книга сразу стала суперпопулярной. Bravo! Уже в списке бестселлеров.

– М-м-м... Да...

Он пытается запудрить мне мозги комплиментами.

Я смотрю на Робера. Я даже не знаю, какова судьба моей книги.

– Все эти злобные статьи, где прохаживаются на ваш счет... Не обращайтесь внимания, это они от зависти. Те, кто вас критикует, все они как на подбор – несостоявшиеся писатели. «Получить дурной отзыв от посредственности – разновидность похвалы, правда?» – спрашивает ведущий.

– Разумеется, конечно, – бормочу я, теряясь в догадках, что же такого могли написать обо мне и моих книгах.

– Мой сын в восторге от того, что вы пишете, – уверяет меня ведущий. – Раньше он вообще не читал. При виде книги он просто цепенел. Вы открыли ему горизонты. Теперь он не только начал читать, но и заинтересовался историей, философией, наукой.

– А вам как, нравится?

– Сожалею, но, по правде говоря, я не успеваю читать книги всех, кого мы приглашаем на передачу.

– Спасибо за откровенность.

– Надеюсь, вы сами представите вашу книгу, правда?

Итак, мой издатель – единственный человек, которые знает, о чем моя книга. Я смотрю на него, и меня одолевают сомнения. А может, и он тоже не читал ее? Кто тогда знает, о чем она? Читатели. Те, кто потруился купить ее, как только она вышла. Те, кто залпом прочитал ее в тот же вечер.

Через несколько минут девушка прицепила мне микрофон, камеры включились одна за другой. Пятеро других писателей сели рядом, не глядя на меня, не поздоровавшись. Какой-то тип в полосатом костюме, похожий на потрепанного плейбоя, другой, постарше с моноклем и седыми усами, вызывающе одетая девушка, молодой человек с челкой, завесившей глаза, и толстый одышливый мужчина.

– Добро пожаловать на нашу передачу «Осколки вдохновения и куски жизни по порядку». Сегодня мы пригласили к нам несколько знаменитостей. В первую очередь, мы познакомимся с... с...

Только не меня! Только не меня!

– С Габриелем Асколейном, автором, которого так любит молодежь. Он известен во всем мире, его произведения изучают в школе. Итак, господин Асколейн, только что вышла ваша последняя книга «Посуда в слоновьей лавке». Довольно длинное название, правда?

– Согласен.

– Напомните нам в двух словах, о чем там идет речь.

– Это история о человеке, который чувствует себя потерянным в этом мире, где все ему чуждо и непонятно.

Ведущий кивает безупречной стрижкой и заглядывает в свои бумаги. Я вижу, что книгу, лежащую у него на столе, никто даже не открывал. Это бросается в глаза. Если бы у меня еще оставались какие-нибудь иллюзии насчет того, что он хоть сколько-нибудь интересуется моим произведением, в этот момент они бы точно рассеялись.

Воспользовавшись тем, что камера теперь направлена на меня, он спокойно читает краткий пересказ, который подготовил для него тот, кто эту книгу прочел. Если бы я только мог заглянуть в эту шпаргалку! О! Очень интересно! Значит, ваш персонаж достаточно яркий...

Я молчу, что на телевидении строжайше запрещено.

Воспользовавшись смятением, в которое мое молчание повергло всех на съемочной площадке, я бросаюсь в атаку:

– Возможно, я удивлю вас, но этот роман я написал два года назад, а вышел он только сейчас. Так было запланировано издательством. Для меня это уже достаточно старая книга. Ну, я надеюсь, что один раз не в счет. А сегодня я хотел бы рассказать вам о своей следующей книге. Я работал над

ней сегодня утром. Именно этот роман целиком и полностью занимает меня сейчас.

Ведущий поднимает брови. Остальные приглашенные явно в восторге, оттого что я сам себя топлю.

– Но сегодня мы пригласили вас как автора «Посуды в слоновьей лавке», и...

– И я нарушаю ваши порядки. Но позвольте мне рассказать сюжет новой книги. Я думаю, вам будет интересно.

Замешательство в студии. Мой издатель, сидящий среди зрителей, подает мне отчаянные знаки, пытаюсь заставить отказаться от этой провальной идеи.

Я чувствую общий враждебный настрой, но ведущий решает, что такие отступления от намеченного плана случаются довольно редко, и не стоит беспокоиться, что из-за этого поднимется шумиха. Кроме того, он не читал книги, ради которой пригласил меня. Наконец он решается:

– Отлично, господин Асколейн. Рискнем. О чем же ваша новая книга, над которой вы работали сегодня утром?

– Она о том, что находится над нами. Выше нас. Она о богах, которые управляют нами и развлекаются, глядя на нас. От тех, кто манипулирует людьми, как шахматами на гигантской доске. Свой новый роман я назвал «Царство богов».

– А какой там сюжет?

– Герой ищет бога. Но вместо того чтобы выбрать традиционный путь, который предлагают религии, он решает, что лучше всего сможет понять божественное провидение, если представит себя богом и задумается, а как бы он сам поступил на его месте.

– Предлагаете поставить себя на место бога?

– Да. Взяв на себя божественную ответственность и впрягаясь в божественные труды, мой герой сможет понять бога, и научится больше любить его.

– Любить?

– Во всяком случае, не бояться. Мы боимся того, чего не понимаем. Любить можно только то, что ты понимаешь.

– И как же понять бога?

– Встав на его место. Разделив с ним его опыт. Понять что-либо можно, только испытав это на собственной шкуре.

Один из приглашенных поднимает руку.

– Да, Арчибальд?

А, так вот он, академик Арчибальд Густен. Он в полосатом костюме,

черной рубашке, на шее у него зеленый шелковый платок. Он курит, жестикулируя мундштуком из слоновой кости, и, хищно улыбаясь, выпускает маленькие облачка дыма.

– Думаю, что никто не имеет права так говорить о боге. Я думаю, господин Асколейн, что вы не имеете никакого представления о теологии.

– Я горжусь этим.

Насколько мне известно, вы и писательском делу нигде не учились.

– И также горжусь этим.

Я считаю, что о божественном могут писать или говорить только специалисты – священники или доктора богословия, – которые посвятили этому всю свою жизнь.

– Я надеюсь, что мой разум достаточно свободен, чтобы касаться подобных тем.

– Но ведь молодежь, которая вас читает, может поверить вам! – возмущается академик.

Шум в зале. Мне кажется, что я снова на суде. Ведущий вместо Афины, приглашенные писатели вместо обвинителей.

– Напротив, молодежь, которая прочитает мои книги, научится свободе выбора, научится иметь собственное мнение, отличное от тех штампов, которые навязывают ей автоматы по продаже истины. Духовность – это долгий путь, а не застывшая догма.

– Но существуют обряды, которые необходимо уважать...

– Все они были выдуманы человеком. Это просто договоренность, существующая между людьми, которые установили правила, согласно которым только некоторые из них имеют право говорить с богом. Эти люди кичатся тем, что имеют исключительное право говорить о смерти или рае. Не слишком ли много чести. Говорить о Боге, смерти, рае может любой, кто этим интересуется. То есть все.

Снова шум на съемочной площадке. Я чувствую, что все настроены против меня. Ведущий в восторге от скандала, и умело подливает масла в огонь. Он знает, как поднять рейтинг программы.

– Итак, если я правильно понял, дорогой Габриэль Асколейн, вы предлагаете читателям пережить незабываемые мгновения в шкуре... Бога?

– Да. А для того чтобы опыт получился нагляднее, я предлагаю параллельно играть в компьютерную игру, которая позволяет создавать в виртуальном мире целые народы и управлять ими. Читатель сможет стать на время демиургом. И понять его.

Ведущий решает, что снял все сливки с моей своеобразности. Теперь он начинает опасаться, что может пострадать имидж серьезной передачи, и

передает слово «хорошим парням». Арчибальд Густен, отпустив напоследок еще одну остроту в адрес моего «наивного» проекта, рассказывает о своей книге. Он откладывает на время мундштук и объясняет, что речь идет о сборнике рассказов, воспоминании детства, в частности о его матери, которая тоже была писательницей и членом Литературной Академии. Именно она привила Арчибальду вкус к книгам. Он уточняет, что это будет первый том серии, и далее он планирует описать свое отрочество и бурную взрослую жизнь.

После того как я поднял в студии целую бурю, его размеренная речь успокаивает аудиторию. Некоторые зрители даже аплодируют, услышав, что скоро выйдет новая книга Густена.

После академика выступает девушка, которая написала книгу о том, как боролась с булимией. Она рассказывает, как каждый вечер вызывала у себя рвоту, засунув пальцы в горло, как сидела, скорчившись, над унитазом. Она утверждает, что через это проходят все красивые девушки. Чтобы оставаться стройными, они вынуждены или искусственно вызывать у себя рвоту, или принимать слабительное.

Ведущий осыпает ее комплиментами и просит рассказать о том, как у нее обстоят дела с сексуальной жизнью. Девушка объясняет, что получает удовольствие только подчиняясь. Любимый мужчина обязательно должен подавлять ее. Нежность она считает проявлением лени.

Она закидывает одну на другую длинные ноги, затянутые в чулки. Ведущему все труднее скрывать возбуждение. Он быстро переходит к следующему гостю – писателю с седыми усами и моноклем, который только что опубликовал «Историю дельфиньего народа».

В этом произведении рассказывается знаменитая история о том, как последние дельфины спаслись на корабле, пересекли океан и основали на далеком острове новую цивилизацию. Историк говорит резким запелляционным тоном. Он «знает», как именно это все происходило. Никаких гипотез, только утверждения.

Если бы он знал, что это я управлял всем, что произошло! Что все это случилось по моей воле и под моим руководством. Я внушил мысль о бегстве группе уцелевших дельфинов, научил их, какую форму правления избрать.

На самом деле права на его книгу принадлежат мне. Ведь это я замыслил и осуществил то, о чем он пишет.

Историк продолжает рассказывать эпизоды дельфиньей истории, а я замечаю, что он все сильнее погружается в вопиющих противоречиях и ошибках. Он путает героев и трусов, палачей и жертв. Защищенный, как

броней, своими учеными степенями, он даже утверждает, что бегство было давно задумано дельфинами, что существовал план и что впереди корабля с беженцами плыла группа дельфинов-разведчиков. Он говорит, что переселение на остров Спокойствия было всего лишь переходным периодом. По его словам, дельфины хотели уплыть как можно дальше, чтобы лучше подготовить свое возвращение и захват собственной страны, оккупированной крысами.

Я больше не могу это терпеть.

– Нет, все было совсем не так. Поселившись на острове Спокойствия, дельфины никого больше не хотели захватывать. Они просто хотели спокойной жизни, об этом говорит само название острова!

– Они готовили мировой заговор! Это известно совершенно точно, – заявляет усатый историк.

– Из каких источников? – спрашиваю я его.

– «Мы» знаем! Все свидетельства того времени подтверждают это. Все историки согласны с этим!

Я снова говорю слова, которые сегодня не раз оказывались к месту:

– Тех, кто ошибается, много, но это не значит, что они правы.

Историк багровеет.

– Послушайте, уважаемый, – продолжаю я. – С высоты вашего университетского образования вы говорите одни глупости. Мои люди-дельфины хотели только мира и чтобы их оставили в покое. Если бы не потоп, они никогда не покинули бы остров Спокойствия, и вы о них даже не знали бы. Все случилось из-за Афродиты, которой приспичило...

Я обрываю себя на полуслове. Все как-то странно смотрят на меня. Что я такого сказал?

О черт! «Мои» люди-дельфины.

– По какому праву вы оспариваете исторические факты? – восклицает историк, обращаясь ко мне, словно я один из его учеников.

– По праву, которое есть у мертвых: ученые ослы не смеют прочить их память! По праву жертв: псевдоученые, которые черпают знания из пропаганды диктаторов и слухов, не смеют оправдывать палачей!

Историка вот-вот хватит удар. Он хрипит, задыхаясь:

– За кого он себя принимает?! За кого он себя принимает?!.. Зачем его пригласили?

Ведущий не знает, что делать. Наконец, он решает не обращать на меня внимания и, сделав изящный пируэт, как ни в чем не бывало представляет следующего участника передачи. Молодой человек с непокорными светлыми волосами делится впечатлениями о своих

похождениях в клубах свингеров. Эта тема сразу помогает аудитории расслабиться. Особенно когда блондин упоминает знаменитостей и политиков, которых встречал там на вечеринках. Всеобщий восторг, когда парень рассказывает, что как-то раз встретил в «Развратной Сове» даже ведущего сегодняшней передачи. Ведущий честно признается, что да, было дело, он заходил в этот клуб по приглашению друзей.

Наконец, когда все совершенно успокоились, слово дают последнему гостю – толстяку, который оказался шеф-поваром. Он, по крайней мере, рассказывает о том, что узнал на собственном опыте, опираясь на собственные чувства – вкус, обоняние, зрение. Он представляет новую книгу, в которой описывает свои кулинарные изобретения, гастрономические открытия, секреты сервировки. Я чувствую в нем родственную душу.

После съемок мы выходим на улицу. Я вижу, что Робер раздражен.

– Что на вас нашло? С этим вашим «Царством богов» вы рискуете навлечь недовольство тех, кто ни в чем не сомневается. То есть почти всех.

– Это стоит того. Если это хоть несколько поможет поднять голову и задуматься...

– Вы завоевали особую любовь Арчибальда Густена, теперь он съест вас под тысячей соусов. Это достаточно влиятельный человек, у него очень много связей.

– Мои читатели не читают его книг. А его читатели скорее всего не читают моих.

– Многие критики мечтают попасть в Литературную Академию. Они разорвут вас на клочки, просто ради того, чтобы доставить Густену удовольствие.

– Я думаю, что и критики не читают моих книг.

– Чтобы прикончить вас им совершенно необязательно читать, что вы написали. Они будут судить вас по этой передаче. Распустят слухи, наводнят все ложью. Этого будет вполне достаточно. Когда много лет спустя какой-нибудь историк захочет о вас написать, он найдет только их клевету.

– У меня есть мои читатели. Они знают меня, они знают правду.

– Берегитесь, Габриель. Поддержки читателей, как бы много их ни было, недостаточно, чтобы построить прочную карьеру. Хорошая репутация важнее таланта.

– Мой разум свободен.

– Остерегайтесь: сначала вы свободны, потом... одиноки. Я вас предупредил, – бросил Робер на прощание.

Я поклонился и дальше пошел один, в темноте, вдоль длинных проспектов столицы. Я думал о передаче.

Не может быть! Те же косные умы, с которыми в свое время столкнулся Жак Немрод... Неужели то, что происходит, то, что творится в литературе Петушии на Земле-18, так похоже на мир французской словесности Земли-1?

Я снова думаю о Дельфине.

Она волшебная.

Думаю о людях из студии «Синяя бабочка».

Ну вот, у меня появились первые воспоминания на Земле-18. Я веду здесь автономную жизнь, отключенную от событий Эдема.

Это похоже на каникулы, когда забываешь обо всех старых проблемах и живешь только новыми.

Я больше не отношусь к этим людям как к пешкам. Они впечатляют меня, приводят в восторг, беспокоят. Как равные.

Я всматриваюсь в лица. Полицейский, объясняющий кому-то дорогу. Пожилая женщина, медленно произносящая слова. Девушка с заплаканными глазами. Дети, взрывающие пистоны на краю тротуара, влюбленные, держащиеся за руки, останавливающиеся, чтобы поцеловаться. Нищий на коленях, с протянутой рукой, рядом табличка: «Помогите! Я голоден».

Вот что такое миллиарды смертных на Земле-18, которых прежде я видел с высоты небес.

Некоторым не нравится, когда я в упор смотрю на них. Я вижу плакаты с рекламой «5-го мира». Да, в рекламу этого проекта вложено немало. Как и в рекламу сигарет, машин, духов или фильмов.

Начинается дождь.

Я то и дело вспоминаю разные фразы, которые слышал в течение дня. «Тех, кто ошибается, много, но это не значит, что они правы». «Сначала вы свободны, потом... одиноки». Название моей книги: «Посуда в слоновьей лавке». Что это? Предупреждение?

Было бы забавно, если бы в этой книге говорилось о боге, попавшем в мир смертных, которые учат его жизни. Круг замкнулся бы. Я улыбаюсь своим мыслям.

В кармане я обнаруживаю пачку сигарет, закуриваю. Вдыхаю дым со смешанным чувством – это отравы, но она доставляет удовольствие.

Ноги несут меня сами, и я оказываюсь на темной улочке, где кишат подозрительные типы. Я замедляю шаг, пытаюсь отыскать какой-нибудь бар, чтобы наконец сесть и пропустить стаканчик, но вдруг замечаю в

витрине магазина «смешных ужасов» человека в бежевом плаще и черной шляпе. Он издали наблюдает за мной.

Я сворачиваю то в одну, то в другую улочку, чтобы проверить, следит он за мной или нет. Все это время человек в черной шляпе идет за мной по пятам.

Читатель, который хочет попросить автограф?

Религиозный фанатик?

Я останавливаюсь перед витриной магазина игрушек. Теперь этот человек может подойти поближе. Но он не делает этого. Он держится на довольно большом расстоянии от меня. Никаких сомнений, он преследует меня, и нужен ему вовсе не автограф. Он хочет убить меня.

Я бегу. Он бежит за мной.

40. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: АРТУР КОНАН-ДОЙЛЬ

Сэр Артур Конан-Дойль родился в 1859 году в Шотландии, в городе Эдинбурге. Совсем юным он создал в школе, где учился, газету, и публиковал там свои рассказы. Окончив учебу, А. Конан-Дойль стал врачом и должен был поддерживать семью, оказавшуюся в крайне бедственном положении из-за пристрастия его отца к алкоголю. Он начинает работать офтальмологом в Портсмуте, в двадцать шесть лет женится на сестре одного из своих пациентов. У него было двое детей.

Занятия медициной не могли заставить А. Конан-Дойля забыть о страсти к сочинительству, и в 1886 году он пишет «Этюд в багровых тонах», первую историю, главным действующим лицом которой становится некий Шерлок Холмс. Прототипом этого персонажа был один из преподавателей А. Конан-Дойля, доктор Джозеф Белл, хирург медицинского факультета Эдинбургского университета, который, прежде чем поставить диагноз, проводил настоящее расследование, пользуясь дедуктивным методом.

Журнал «Стрэнд мэгэзин» напечатал шесть рассказов А. Конан-Дойля и требовал новых. Чтобы отбить у журнала интерес к Шерлоку Холмсу, писатель запрашивает пятьдесят ливров, – чудовищный по тем временам гонорар, – и к своему великому изумлению, получает его. Так А. Конан-Дойль попадает в расставленную им самим ловушку: ему приходится оставить медицину ради литературы. Теперь он пишет исключительно о приключениях Шерлока Холмса, отводя себе роль доктора Ватсона, второстепенного участника блистательных расследований знаменитого сыщика, рассказчика, на которого похож даже внешне.

Однако Холмс начинает занимать слишком много места в жизни А. Конан-Дойля. Писатель начинает ненавидеть своего персонажа. Во время поездки в Швейцарию, куда А. Конан-Дойль повез жену лечиться от туберкулеза, он решает убить Холмса и пишет рассказ «Последнее дело Холмса». Герой погибает в Райхенбахском водопаде от руки своего заклятого врага, зловещего профессора Мориарти. Читатели немедленно отреагировали на смерть своего кумира. Они завалили А. Конан-Дойля письмами, умоляя воскресить Холмса. Даже мать писателя умоляла его спасти сыщика с Бейкер-стрит. На лондонских улицах появилось множество прохожих с черной повязкой на рукаве – почитатели Холмса носили траур. Вслед за просьбами посыпались оскорбления и угрозы, но А.

Конан-Дойль не сдавался.

Он написал пьесу «Ватерлоо» и несколько исторических романов. Участвовал в местных выборах в Эдинбурге и не был избран. Он путешествует, работает врачом в Судане, в качестве хирурга военно-полевого госпиталя принимает участие в англо-бурской войне в Южной Африке. В 1902 году неожиданно для всех А. Конан-Дойль пишет новый рассказ о Холмсе, «Собака Баскервиль», действие которого происходит до гибели сыщика. И лишь через три года он наконец соглашается официально воскресить его в рассказе «Возвращение Шерлока Холмса» – писателю понадобились деньги на строительство нового дома. Успех был немедленным и оглушительным, что совершенно взбесило А. Конан-Дойля. Более того, он начинает получать письма, адресованные Шерлоку Холмсу. Писатель пытается мстить персонажу, делая образ Холмса все более мрачным, рассказывая о его пристрастии к наркотикам (морфию и кокаину). Сыщик становится все большим мизантропом.

В 1912 году А. Конан-Дойль создал нового персонажа, конкурента Холмсу – это профессор Челленджер, герой романа «Затерянный мир». Однако Челленджер так и не стал популярнее Холмса.

Потрясенный ужасами Первой мировой войны, А. Конан-Дойль увлекся спиритизмом (как и Виктор Гюго). В 1927 году он опубликовал последний рассказ о Холмсе «Загадка поместья Шоскомб». А. Конан-Дойль умер в 1930 году от сердечного приступа. После смерти писателя, его сын Адриан Дойль написал «Новые приключения Шерлока Холмса».

Истории о знаменитом сыщике, курившем трубку, без конца переиздаются и попадают на киноэкран, клубов поклонников Холмса не счесть. Группа английских почитателей великого детектива утверждает, что у них имеются доказательства того, что Шерлок Холмс действительно существовал, а вот жил ли когда-нибудь на свете писатель А. Конан-Дойль, – это, по их мнению, довольно спорный вопрос.

Эдмонд Уэлс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

41. ДЕЛЬФИНА

Я бегу все быстрее. Он не отстает. Я сворачиваю в переулки и, наконец, прячусь в каком-то подъезде. Человек в бежевом плаще и черной шляпе пронесется мимо.

Сейчас не время умирать от руки убийцы.

Я не уверен, что это не повредит мне. Думаю, боги, сослав меня сюда, сделали меня совершенно смертным.

Земля-18 – это конечная остановка моей души?

Чем я стану – обычным трупом, грудой остывающей плоти, гниющей и не способной к реинкарнации? Я выжидаю некоторое время, потом выбираюсь из укрытия. Кажется, путь свободен.

Сегодня вечером я не хочу оставаться один.

С кем же мне встретиться? Солена уж точно ждет меня. Но ее видеть я не хочу. Ищу карточку с адресом Дельфины и останавливаю такси.

Я нажимаю на кнопку домофона рядом с фамилией Камерер.

– Кто там?

– Это Габриель.

– Кто?

– Габриель Асколейн, «надоедливый писатель, который считает себя богом».

Мой честный ответ рассмешил ее.

– Вы знаете, который час? Даже бог не имеет права беспокоить смертных, когда они спят. Чего вы хотите?

– Откройте! После сегодняшней передачи меня преследует какой-то религиозный фанатик.

Она колеблется.

– Ну и прекрасно. Побегаете от него, разомнетесь.

– У меня действительно проблемы.

– Вы снова богохульствовали?

– Я просто говорил о «свободе иметь собственное мнение» в мире, где все думают одинаково.

Она все еще отказывается впустить меня.

– Я видела передачу. Вы выступили храбро. Мне не нравится ваше языческое отношение к богу, но в наших дельфиньих генах записано, что нельзя бросать человека в беде.

Раздается щелчок. Кодовый замок открывается. Я проверяю, не следит

ли кто за мной, и проскальзываю в здание. Поднимаюсь на 33-й этаж. Дверь 103-й квартиры приоткрыта. Я вхожу.

Передо мной Дельфина Камерер в красном купальном халате, на голове красное полотенце. Похоже, она только что принимала душ.

– Я не мог оставаться один сегодня вечером. И еще мне кажется, что какие-то люди хотят убить меня. Скорее всего они поджидают меня около моего дома.

– Вы ужинали?

– Нет.

Она оставляет меня в гостиной. Здесь много книг, и все они об одном и том же – о дельфиньей религии. Одна, в роскошном переплете, похожа на Библию. На первой странице я читаю:

«Вначале было только море.

В море жили дельфины.

Когда появилась суша, дельфины выбрались на землю, ползали, а потом поднялись на ноги и стали ходить.

Так появились люди-дельфины.

Но некоторые из них тосковали по воде, и вернулись обратно в море.

С тех пор два дельфиньих народа – земной и водный – помогают друг другу.

Дельфины-дельфины, хранители тайн Океана, делятся с людьми-дельфинами мудростью.

Многие люди-дельфины забыли о том, что вышли из моря. Они стали людьми, и поклонились другим животным. Некоторые из них даже стали убивать дельфинов и осквернять море.

Первым человеком, который снова установил связь между народами моря и народами суши, была та, кого мы называем Матерью.

Эта женщина получила откровение о существовании древней священной связи между этими народами. Она вновь научила людей моря и людей суши разговаривать друг с другом».

Вот, значит, как люди на Земле-18 восприняли мое учение. Все отполировано, объяснено, сведено воедино так, чтобы и младенцу было понятно. Я прекрасно помню, как встретились дельфины-дельфины и люди-дельфины. Им, действительно, помогла женщина.

Но не так-то просто было вдохновить ее на это. Я вспоминаю первые партии игры Игрек, когда меня осеяло в последнюю минуту, и я выкручивался как умел, чтобы спасти нескольких выживших. Вспоминаю, как посылал сны медиумам, которые, как мне казалось, были способны вспомнить их, проснувшись. Но они забывали, понимали неправильно,

истолковывали по-своему.

И все это, чтобы в конце концов появилась «Дельфинья Библия» – рассказ пешек о моей партии в божественной игре!

Дельфина возвращается. Теперь на ней синий свитер. Пока я читал, она разогревала еду на кухне. Она быстро накрывает стол скатертью, расставляет приборы, ставит передо мной тарелку с зелеными и желтыми овощами. Дельфина говорит, что она вегетарианка.

Я пробую. Все очень вкусно.

– Вы не можете остаться здесь на ночь, – предупреждает она. – Если вы боитесь возвращаться к себе, вам придется отправиться в гостиницу.

– Я думал, что дельфиньи гены велют вам предоставить кров тому, кто в беде.

– Гены генами, но у меня есть и собственные правила. Вы мужчина, я одинокая женщина. Я бы не хотела, чтобы кто-нибудь, пусть даже соседи, могли хоть в чем-то упрекнуть меня.

– Соседи следят за вами?

– Женщина, которая живет напротив, целыми днями торчит у дверного глазка. Можно подумать, что ее любимое занятие – наблюдать за всеми, кто проходит по коридору. Потом она подробно рассказывает соседям о том, кто во сколько пришел и ушел. У нас тут в основном живут пенсионеры.

Она передает мне специи, чтобы я мог приправить еду. Это не черный и не красный перец. Это желтый и оранжевый порошок. Я пробую. Вкус напоминает карри, который я ел на Земле-1.

– А если бы я решил соблазнить вас?

– Вы должны быть очень убедительным.

– Я изобрел вашу религию. Ну как, достаточно?

– Опять ваша мания величия. Я скоро начну верить тому, что о вас говорят.

– Перестаньте верить... Просто проверьте. Не каждый день смертному случается встречать бога.

Дельфина приносит с кухни прозрачное блюдо, которое держит толстой вилкой. Это похоже на лазанью с брокколи и соусом бешамель.

– Это не убедительно. Но я согласна подыграть вам. Продолжайте, а я буду говорить, набираете вы баллы или теряете.

– Баллы? Хорошо. Что, если я скажу вам, что мне очень нравится ваше ревностное отношение к моей религии?

– Это не «ваша» религия. Ноль баллов.

– Мне очень нравится философия дельфинов.

– Вот это уже проще. В качестве поощрения вы получаете один балл.

– А сколько нужно набрать, чтобы остаться здесь на ночь?

– Двадцать.

– Я хочу заняться с вами любовью.

– Это я уже поняла. Ноль баллов.

– Сами видите, за откровенность я ничего не получаю.

Она наливает мне вина. Смотрит на меня.

Вы говорите, что вы – «мой бог», и говорите только о себе. Или же говорите, что вы хотите меня.

Почему же вы ни на секунду не заинтересовались мной? Не задумались о том, кто такая Дельфина Камерер? Вы производите впечатление эгоцентрика, одержимого манией величия. Я и мания величия?!

– Вы же считаете себя богом? Да-да, у вас мания величия. Комплекс превосходства. Ваши родители, наверное, боготворили вас и баловали или же, напротив, совершенно подавляли, и вы теперь наверстываете упущенное, сами себя вознося на пьедестал.

– Послушайте, я не хотел вас...

– Мания величия – это заболевание, психбольницы набиты людьми, которые принимают себя за...

За меня.

– За нашего Господа.

Я пью вино. Дельфина пьет только воду. Она кажется мне все более привлекательной. А ведь вначале она даже не казалась мне красивой. Но время идет, час за часом, и мое представление о ней меняется.

– Так кто же вы, Дельфина Камерер?

– Прежде всего, вы должны знать, что моя вера имеет очень древние корни. Почти вся моя семья погибла во время Мировой войны. Меня взяла к себе тетка, которая долго скрывала от меня, кто я и какова моя религия. Когда же я все узнала, я погрузилась в дельфинью культуру, как другие ныряют в море. Я бросила свою прежнюю жизнь, оставила изучение информатики, и три года жила в дельфиньем монастыре.

– Однако...

– Я жила там согласно религиозным обычаям моего народа, основанным на уважении к природе, уважении к другим и, особенно, на уважении к себе.

Она снова наливает мне вина, но мне больше не хочется. Я пью чистую воду.

– И как же живут в дельфиньем монастыре?

– Мы встаем вместе с солнцем, как правило в шесть утра. Затем

гимнастика для того, чтобы стать более гибким.

Я учил их йоге.

– Затем мы поем хором, так, чтобы воздух наполнился вибрацией наших голосов. Это молитва за всю нашу землю, за всю планету. Затем мы обсуждаем тексты дельфиньих мудрецов. Затем общий завтрак. Никакого мяса и алкоголя. Никакого никотина и кофе.

– И секса нет?

– Секс разрешен и даже поощряется как дополнительный источник энергии. Но в том монастыре были только женщины, а меня не привлекают лица одного со мной пола. Это не имеет никакого отношения к религии, просто мне кажется, что для единства тел необходимо единство душ. А это приходит только со временем, постепенно. Мать говорила: «То, что выстроено наспех, не выдержит натиска времени».

Я понял. Никакого шанса на секс сегодня ночью.

– Мать обучала нас также боевым искусствам, учила дышать, осознавать настоящее, познавать природу. Один из ее девизов: «Нет желания, нет и страдания».

Я рассматриваю картину, которая висит в комнате, и замечаю, что она подписана буквами Д.К. Дельфина Камерер. Значит, она не только арт-директор студии «Синяя бабочка», но и художник. На картине изображена пара, слившаяся в объятии, тела растворяются друг в друге, превращаются в облако. Краски очень нежные, лица чистые, отрешенные.

– А что, если я хочу вас?

– Это значит, что вы будете страдать.

Я переключаюсь с воды обратно на вино.

Ничего себе! Неужели я буду учиться духовности и мудрости у простой смертной, которая узнала о них от тех, кого я сам учил?!

– Чему вы улыбаетесь, господин «Мания величия»?

– Я подумал, что мне многому придется научиться у вас.

– Вы постоянно нервничаете, тревожитесь, сгораете от нетерпения. Пора, наверное, немного успокоиться. Хотите, я научу вас нескольким простым упражнениям?

– С удовольствием.

– Сядьте прямо.

Я слушаюсь и прижимаюсь спиной к спинке стула, положив руки на колени.

– Дышите глубоко. Я делаю вдох.

– Постарайтесь осознать настоящее. Живите только этой минутой. Мы используем все пять чувств. Опишите, что вы видите перед собой. Особое

внимание обратите на цвет.

– Я вижу темноволосую женщину с черными глазами. Она очень красива. Красная кухня. Белые кастрюли. Оранжевый стол. Белое блюдо. Синяя картина с парой, превращающейся в облако.

– Хорошо. Теперь закройте глаза. Скажите, что вы слышите.

– Я слышу, как булькает еда в кастрюльке. Слышу голоса соседей, которые ссорятся за стенкой. Слышу, как ветер бьется в стекло.

– Не открывайте глаза. Какие запахи вы чувствуете?

– Запах хлеба, тмина и шалфея, соли, вина, масла. Чувствую запах ваших духов – бергамот и еще какой-то цветочный оттенок, лилия или сирень. Нет, скорее это запах дерева – сандал.

– Какой вкус во рту?

– Лазанья с брокколи.

– Что осязаете?

– Стул, на котором сижу, пол, на котором стоят мои ноги. Руки лежат на столе. Еще я ощущаю тяжесть одежды.

– Хорошо. Теперь откройте глаза и соедините вместе всю информацию, полученную при помощи ваших органов чувств.

Я так и делаю, и ощущаю все, что чувствовал до сих пор, но гораздо интенсивнее. Дельфина берет меня за руку и ко всему остальному добавляется ощущение ее кожи.

– Вы действительно тут – здесь, сейчас, со мной. Она дает мне самый главный урок. Узнав, каково быть богом, сейчас я снова учусь быть смертным.

Это напоминает мне время, когда у меня был велосипед, а я мечтал о машине. Мне казалось, что это откроет мне дверь в новое измерение. И я получил машину. Однажды, зажатый в пробке, вынужденный тащиться медленно, как улитка, я увидел велосипедиста, который обогнал меня. И я понял, что велосипед может быть лучше машины. о Быть смертным может оказаться интереснее, полезнее для моей души, чем быть богом. В таком случае все прекрасно. Ссылка на Землю-18 окажется не наказанием, а возможностью, которая моя душа получила, чтобы совершенствоваться. Спуск перед подъемом.

– Я хочу, чтобы вы научили меня всему, что знаете, – говорю я.

Дельфина приносит фруктовый десерт.

– Начните говорить «я бы хотел» вместо «я хочу». Это урок номер один.

– Я бы хотел, чтобы вы стали моим учителем.

– Урок номер два. Успокойтесь. Перестаньте трястись и нервничать.

Все, что с нами происходит, случается именно тогда, когда нужно.

– Но все это очень, очень важно...

Даже конец света может подождать до завтра.

– Хорошо. Я попытаюсь.

За это благое намерение вы получаете еще один балл. У вас 2 из 20. Вам пора уходить.

– Когда будет следующий урок?

– Учитель приходит, когда ученик готов.

Еще того не легче. Это фраза Эдмонда Уэллса, которую я когда-то внушил дельфину-медиуму.

Она встает, протягивает мою крутку и указывает на дверь.

И вот я снова на улице, иду вдоль пустынных проспектов. Час ночи.

Я возвращаюсь домой и падаю в кресло. Звонит телефон. В трубке раздается голос.

– Нет, Солена, извини. Завтра я тоже не приду. Я думаю, нам не стоит больше встречаться.

– У тебя появилась другая? – Да.

Я смотрю на фотографию Солены, невесты Габриеля, и задаюсь вопросом, что «мой предшественник» в ней нашел. «Любовь – это победа воображения над разумом», – говорил Эдмонд Уэллс. Моего воображения не хватит, чтобы сделать эту девушку привлекательной. В трубке раздаются рыдания.

– Солена, не плачь. Я думаю, что ты заслуживаешь кого-то лучше, чем я.

– Сволочь!

И она бросает трубку. Вот так. Теперь в моей личной жизни нет никого, кроме Дельфины. Партия будет трудной, но стратегия ясна. 2 из 20...

Я иду в библиотеку и беру книгу «Посуда в слоновьей лавке». Открываю на первой странице: «Солене, без которой я был бы так одинок в этом низком мире».

Да, придется признать, что я разбил кое-что в посудной лавке Габриеля Асколейна. Но мы с ним все-таки разные люди, и я ему ничем не обязан.

Я переворачиваю еще несколько страниц и начинаю читать первую главу.

«Иногда эта планета кажется мне чужой, а населяющие ее существа, которых принято называть сородичами или соплеменниками, представляются мне странными животными, которых я никогда не пойму, точно так же, как они не поймут меня. Я вижу в них слишком много страха.

И чувствую, что одним из способов, которые они избрали для борьбы с этим страхом, – самым превратиться в хищников. Пугая других, они становятся смелее».

Только бы это не было автобиографией! Терпеть не могу авторов, которые считают, что они пуп земли.

Я читаю.

Постепенно вырисовывается сюжет. У героя, которого зовут Жиль, есть брат близнец, прекрасно вписывающийся в современную жизнь. Сам Жиль чувствует себя чужим в этом мире. Его брат работает в страховой компании, а Жиль занимается изготовлением, росписью и реставрацией фарфора.

Есть в романе и любовная история: оба брата любят одну и ту же толстую женщину, которую зовут Элефанта.^[10] Есть там и детективная линия – брат Жили застраховал их отца, а когда проигрывает в покер, убивает его, чтобы получить страховку. Жиль пытается выяснить, кто убил отца.

В конце концов Жиль создает свой шедевр: огромную фарфоровую слониху. На ее боку он изобразил брата, убивающего отца. Так он зафиксировал результат своего расследования. Фарфоровую слониху привозят на выставку, но брат Жили, боясь того, что все узнают о его преступлении, разбивает ее.

В конце книги автор пишет, какую музыку слушал, когда писал книгу. Список альбомов, которые популярны на этой планете. Разумеется, ни одного знакомого. Я беру другую книгу. Это «Планета женщин». В ней рассказывается о мире, откуда исчезли все мужчины. Остались только женщины. Подзаголовок гласит: «Однажды на Земле останутся только женщины, а мужчины станут легендой». Эта книга посвящена некой Карине.

Похоже, у автора для каждого романа была своя муза. В конце – опять список музыкальных произведений. Я понимаю теперь, почему рядом с клавиатурой лежат наушники. Музыка помогает ему писать. Может быть, задает ему ритм.

Третья книга. Детектив, в котором единственным свидетелем преступления оказалось дерево. История рассказана от лица разумного дерева.

Очевидно, голова этого Габриеля Асколейна, типа, место которого я занял, была набита самыми разными идеями. Похоже, что его мысль металась во всех направлениях, не сдерживаемая никакими границами.

Кажется, ему очень нравилось писать. Поэтому и читать его приятно.

Мне становится не по себе в его шкуре. Писатель. Это труд одиночек, зато своим временем можно распоряжаться по своему усмотрению. А теперь, когда у Габриелия Асколейна намечается роман с Дельфиной Камерер, я чувствую, что в нем зарождается что-то новое. Новая муза – новая книга. Я ощущаю, что в нем снова запускается творческий проект. Мне остается только слушать ту же музыку, что и он, сесть за стол и писать, как он. Завтра и начну. На столе я вижу блокноты, рабочие тетради.

В них есть рисунки, карты, описания персонажей, схемы сюжетов со стрелками. Я читаю записи Асколейна и нахожу что-то вроде раздела «Советы писателю». Он объясняет технику создания параллельных историй. Автор развивает одновременно несколько сюжетных линий, разрезает и монтирует заново, как киноленту.

Он говорит, что некоторые сцены нужно разбить на кадры, чтобы лучше представить себе, как все происходит, а затем подробно описать эти кадры, чтобы и читатель увидел то же, что видит автор. Он упоминает прием, который для него очень важен. Это «mise en abyme».

Я читаю книги Асколейна до тех пор, пока мои глаза не закрываются от усталости. И проваливаюсь в пропасть сна.

42. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: MISE EN ABYME

«Mise en abyme»^[11] – это художественный прием, заключающийся в том, что одно произведение помещают внутрь другого. Речь здесь может идти об истории, рассказанной внутри другой истории, картине внутри картины, фильме, музыке.

В литературе мы можем привести в пример «Рукопись, найденную в Сарагосе» Яна Потоцкого. Этот роман, написанный в XVIII веке, состоит из нескольких историй, включенных в многоуровневое повествование.

В живописи: фламандский живописец Ян ван Эйк в 1434 году помещает в центр картины «Портрет четы Арнольфини» зеркало, отражение в котором представляет собой еще одну картину: автопортрет художника за работой. Супруги Арнольфини стоят спиной к зрителю, художник – лицом. Этот прием встречается и у Диего Веласкеса, в картине «Менины», где художник написал самого себя, работающим над портретом, и у Сальвадора Дали, большого любителя головокружительных живописных приемов.

В рекламе: вспомним упаковку сыра «Смеющаяся корова». У коровы, изображенной на крышке коробки, в ушах серьги в виде таких же коробок сыра, на которых изображена корова, у которой в ушах...

В кино: фильмы «Жизнь в забвении»,^[12] «Дьявол в коробке»,^[13] «Игрок»,^[14] в которых рассказывается о людях, которые снимают кино.

В науке: мысль о том, что существует маленькая геометрическая фигура, подобная такой же глобальной фигуре, позволила математику Бенуа Мандельброту в 1974 году сформулировать теорию фракталов.

Как бы ни применялся прием «mise en abyme», он всегда оставляет ощущение головокружения, создавая одну или несколько второстепенных систем, спрятанных в основной.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

43. СНОВА ДЕЛЬФИНА

Я сплю.

И мне снится, что я писатель. Раздаю автографы и встречаю читательницу, которая хочет обсудить со мной один сюжет.

Она заявляет, что ей нужно поговорить со мной о том, что она вынесла из моих книг. По мере того как она говорит, я замечаю, что она понимает мои книги лучше, чем я. Как это может быть?

Я задаю ей вопросы, и она рассказывает мне кучу всего о моей работе.

– В вашей последней книге вы пишете, что $1 + 1 = 3$, а затем математически доказываете это. Но ваше доказательство невозможно принять, потому что приходится делить на ноль, а это невозможно. Однако в этом и заключается ваше открытие. Почему математики запрещают делить на ноль? Потому что в результате этого действия мы получаем... бесконечность. А бесконечность – понятие, недопустимое в математике, так же как и в философии. Но вы-то свободный мыслитель, и вам можно выйти за установленные рамки. Таким образом, ваше $1 + 1$ равно не только 3, но и бесконечности, а значит, вселенской бесконечной любви.

Я начинаю записывать. Прошу повторить помедленнее, чтобы убедиться, что правильно все понял. Чувствую я себя при этом довольно неприятно. Как художник, создающий нечто полезное для других, но не для себя.

В этом сне мне хочется быть читателем, который понял больше, чем писатель. Я бы хотел так же наивно пользоваться результатом своего труда, не испытывать страха перед провалом, не знать имени убийцы, жить в ожидании, когда раскроется великая тайна, следить за тем, как сюжет постепенно разворачивается перед глазами. Я бы хотел, чтобы книги помогли мне изменить взгляд на мир, пережить то же, что и читательница, которая утверждает, что мои книги изменили ее точку зрения.

Я пчела. Мое природное призвание – делать мед. Мне нравится это, но я не знаю, хорош ли он. Мне нужен кто-то, кто скажет, что у меня получилось. Я делаю мед, но я о нем ничего не знаю. Я не ем его. Я бы хотел узнать, каков он на вкус?

Читательница говорит. Ощущение неудобства и несправедливости растет.

Во сне, как это ни странно, нет никаких чудовищ, ярких, неожиданных красок, персонажей с неадекватным поведением. Мой сон настолько

неотличим от реальности, что в один прекрасный момент я во сне ложусь спать и засыпаю.

Я просыпаюсь. Во сне.

Тот, кто проснулся во сне, просыпается еще раз. И еще. И снова. Это «mise en abyme» в мире сновидений. Дурная бесконечность. Как отражение человека в зеркалах, стоящих напротив друг друга.

К счастью, тот, кто просыпается последним в мире, который кажется ему нормальным, ущипнул себя.

Я открываю глаза. В комнате писателя Габриеля Асколейна ничего не изменилось. Кровать. Потолок. Окно. Я по-прежнему на Земле-18, и, судя по отражению в зеркале, в которое я смотрю в ванной комнате, я все еще он, писатель Асколейн.

Нужно побрить-«ся»? Умыть-«ся»?

Я читаю статьи в журналах, читаю интервью, чтобы узнать, чем еще он занимался. Асколейн рассказывает, что по утрам спускается с ноутбуком в кафе, которое находится внизу его дома. Он читает там газеты, заказывает флан, большую чашку кофе с молоком, пьет много воды.

Я поступаю точно так же, и замечаю, что мое тело при этом словно совершает давно знакомый ритуал. Официанты в кафе, кажется, хорошо меня знают. Они здороваются со мной и, еще до того, как я успеваю, что-то заказать, приносят большую чашку кофе с высокой шапкой взбитых сливок, графин холодной воды и газету.

Официант обсуждает со мной новости. Очень многое приводит его в ярость. От погоды до заявлений политиков.

– Можно вопрос? Сколько времени я прихожу сюда работать по утрам?

Он странно смотрит на меня.

– Ну, с тех пор, как вы сюда переехали. Значит, уже семь лет.

– А где я жил раньше, – спрашиваю я и делаю вид, что шучу, чтобы успокоить его. Официант качает головой и отходит.

Я читаю газеты.

Ничего нового. Войны, убийства, насилие, забастовки, захват заложников, терроризм, педофилия, загрязнение окружающей среды. Культура: самолюбование и абстракция. Политика: обещания, демагогия, пустые слова, которые можно наполнить любым смыслом. Только в разделе спорт я вижу веселые лица юнцов-миллиардеров, с ног до головы покрытых эмблемами компаний-спонсоров, и толпы поклонников, восхищающихся ими за то, что они умеют забить мяч в ворота или в корзину. Повсюду триумф лжи, похвала глупости, циники, побеждающие последних борцов за разум с тем большей легкостью, что те сражаются в

одиночку. Тупое стадо, жующее безвкусное сено, с энтузиазмом требует добавки.

Я понимаю, на каком топливе работал Габриель Асколейн. Во мне поднимается гнев — главный источник вдохновения любого живого существа, восприимчивого к тому, что происходит вокруг. Адреналин заставляет кровь кипеть.

Отлично. Я готов.

Включаю ноутбук и начинаю писать. Дробный стук клавиш. Все окружающее меня становится размытым. Воздух нагревается.

Я набрасываю фон. Описываю декорации. Олимпия. Эдем. Царапаю на скатерти карту острова, чтобы лучше ориентироваться.

Начинаю расставлять фигуры. Боги-ученики, боги-преподаватели. Монстры. Силуэты проступают все четче, окружают меня.

Еще декораций! Мебель, ковры. Полы. Газон. Лес.

Второстепенные действующие лица. Статисты. Миллиарды смертных.

Добавляю цвет, шумы, фразы, запахи. Слова помогают мне вспомнить ощущения.

Писать — это действительно захватывает. Мысли мчатся на всех парах. Пальцы носятся по клавиатуре, и через некоторое время я замечаю, что улыбаюсь. Я обливаюсь потом. Я теряю вес, как во время занятий спортом.

Возбуждение нарастает. Персонажи мечутся в повествовании кто куда. Одни умирают, другие рождаются. Я ищу в себе источники доброты, чтобы создать добрых персонажей. Ищу месторождения тьмы, чтобы породить злых.

В четверть одиннадцатого я застопорился, потому что один из героев не может разобраться с проблемой, которая мешает ему идти вперед. Я вспоминаю анекдот, который рассказывал Жак Немрод.

Дело происходит на Земле-1 в 1860 году. Писатель Пьер Понсон дю Террайль, автор рассказов для ежедневных газет, каждый день отправлял в редакцию очередную историю о Рокамболе. Однажды он поместил своего героя, закованного в цепи, в гроб, набитый камнями. Шайка негодяев сбрасывает гроб в Атлантический океан в одном из самых глубоких мест, где вдобавок кишмя кишат акулы. После этого Понсон дю Террайль отправился к владельцу газеты и потребовал увеличения гонорара. Газетчик отказал, заявив, что приключенческие романы может писать кто угодно и заказывает другим авторам продолжение историй о Рокамболе. Но никто не может найти правдоподобный способ спасти героя, которого писатель поместил в столь затруднительные обстоятельства. Тогда владельцу газеты волей-неволей приходится снова обратиться к Понсону

дю Террайлю. Он повышает писателю гонорар и просит спасти Рокамболя. На следующий день читатели увидели в газете рассказ, начинавшийся словами: «Решив свои проблемы в Атлантике, Рокамболь шагнул в Нью-Йорке по 5-й авеню».

Я улыбаюсь. Отличный выход.

Не заниматься решением всех проблем. Обходить их.

Во что бы то ни стало идти вперед.

Итак, мой герой обходит проблему, оставив ее без решения, и начинает заниматься другими делами. Я чувствую себя еще могущественнее, чем раньше. С рыси перехожу на галоп. 11.30. Я в творческом экстазе. Пальцы барабанят по клавишам с сумасшедшей скоростью. Я забываю, кто я и что делаю. Я весь там, с моими персонажами. Я снова на Эдеме.

Люди издали смотрят на меня, но никто не приближается. Какой-то человек протягивает мне книгу для автографа, я подписываю ее, не отрываясь от целиком поглотивших меня событий. 12.30. Я начинаю кашлять. Посетители кафе курят, над нашими головами уже висит плотное сизое облако. Дым раздражает глаза и нос.

Здесь не запрещается курить в кафе, и чужой табачный дым заставляет меня прекратить работу.

Я все лучше понимаю Габриеля Асколейна. «Он» говорит в интервью, что после работы отправляется заниматься спортом в ближайший городской сад.

Я иду в сад, замечаю группу, которая медленно выполняет упражнения на растяжку, и присоединяюсь к ним. Кажется, они знают меня и сдержанно приветствуют. Я повторяю упражнения за ними. 13.00. Возвращаюсь домой. Звоню Дельфине. Она соглашается встретиться, и я еду к ней в студию «Синяя бабочка».

По дороге я замечаю, что человек в бежевом плаще и черной шляпе снова следует за мной. Мне вовсе не хочется вести его к Дельфине, и я прикладываю немало усилий, чтобы оторваться от него.

Наконец мне попадается универмаг, в котором с этажа на этаж бродят толпы покупателей. Мне удастся спрятаться, и я вижу, что мой преследователь уходит в другую сторону. Тогда я отправляюсь к Дельфине, которая спокойно ждет меня, сидя у себя в кабинете.

Сегодня на ней ярко-синее платье, которое еще сильнее подчеркивает черный цвет ее глаз. В длинных темных волосах, рассыпавшихся по плечам, розовый цветок, похожий на цветок вишни, и она выглядит совсем по-восточному.

– Какую кухню вы предпочитаете?

– Китайскую... Я хотел сказать, тигриную.

В тигрином ресторане нам подают острые блюда, больше напоминающие тайские. Стены ресторана увешаны золотыми блюдами с изображениями тигров.

Дельфина говорит, что не спала и всю ночь читала мою книгу «Посуда в слоновьей лавке».

Я польщен тем, что она так быстро решила познакомиться с моим творчеством.

– Сначала один вопрос. То, что о вас говорят, правда?

И она пересказывает мне с десятков нелестных отзывов о моей персоне.

– И что вы об этом думаете? Дельфина смотрит куда-то мимо меня.

– Я думаю, что успех ваших книг навлек на вас ненависть тех, кто вам завидует и мечтает хоть как-то бросить тень на ваше имя и ваши книги. Свет привлекает тьму. Любое действие вызывает противодействие.

– В таком случае...

– Но вот что удивительно – как только кто-то добивается успеха, вокруг него тотчас же появляется множество критиков и совсем немного почитателей.

Я не нашла ни одной хвалебной статьи о вас, ни одной, где о вас говорилось хотя бы «нормально».

– То, что я пишу, слишком «другое», чтобы нравиться тем, кто держит бразды правления в петушьей литературе. И они стремятся уничтожить то, чего не понимают.

– А что скажете вы сами? – спрашивает Дельфина.

– Я, наверное, разочарую вас, но, хоть я и мало себя знаю, все-таки у меня самая обычная жизнь и обычная работа, которой я каждый день посвящаю свое время. Ничего особенного.

Она пристально смотрит на меня, словно хочет убедиться, что все, что она читала обо мне, – ложь.

– Я все-таки должна кое-что сказать вам о ваших книгах. Вы пишете по принципу: в поступках героев раскрывается их внутренний мир.

– Это верно. Я думаю, что понять, кто ты есть на самом деле, можно только столкнувшись с каким-нибудь препятствием. Действие позволяет описать характер гораздо нагляднее, дать более сильные образы. Я думаю и пишу образами.

– Вы должны попробовать обратное: внутренний мир героев определяет их поступки.

– То есть, вы хотите сказать, что я должен, например, описать маньяка и только потом – его поступки?

Она кивает. Ее замечание кажется мне занятным.

– Я не писатель, но думаю, что, если очень подробно, очень точно описать характер персонажа, его психологические особенности, внешность, прошлое, надежды, страхи, чувства... Словом, тогда он однажды освобождается от власти своего создателя.

– А что дальше?

– Персонажи могут существовать самостоятельно, и вы не должны будете указывать им, как поступить или когда выйти на сцену. Если вы полно и подробно опишете героя, рано или поздно должно произойти маленькое чудо: ваш персонаж удивит вас, он будет вести сюжет к таким поворотам, о которых вы даже и не задумывались. Но чтобы это произошло, вы должны продумать все до мелочей. Вы должны знать все особенности его личности. Знать, как он воспринимает мир, даже если он делает это шиворот-навыворот, знать все его мании, фобии, печали, радости. Знать, что причиняет ему боль, о чем он лжет, что предчувствует.

– Как в «5-м мире»? Чем подробнее описан персонаж, тем дальше он может отойти в своем развитии от исходной модели?

– «5-й мир» – всего лишь бледное подобие той великолепно оснащенной лаборатории, какой является роман.

В прошлый раз эта смертная учила бога духовности, теперь она учит писателя писать романы.

– Герой должен быть полон противоречий. Например, ему наносят рану, и он учится держать удар, становится сильнее. Он должен добиться успеха потому, что потерпел поражение. Это сложная личность, о многих сторонах своего характера он и сам не догадывается. Он будет удивлять неожиданными поступками. Таковы люди. – Она особо подчеркивает эти слова. – Если это женщина, то она будет истеричкой, но с отлично развитой интуицией.

– А не слишком ли карикатурный образ получился?

– Нет. Вы ведь сами можете определить, насколько взбалмошной ей быть. И насколько сильна ее интуиция. Но тут следует соблюдать осторожность: интуиция может оказаться ее слабым местом, недостатком, а истерики – сильным. Персонажей нужно без конца описывать. Постоянно их рисовать. Вспоминать их прошлое, испытания, выпавшие на их долю, боль, которую они пережили. И противоречия! Чем больше противоречий, тем лучше. Как в майонезе. И тогда вы получите удивительное преимущество: создавать из ничего живое самостоятельное существо. Вам не нужно будет придумывать сюжет. Ваши герои придумают его за вас.

Она умолкает. Ждет моей реакции.

– Знаете, я вовсе не стремлюсь написать идеальный роман.
– Ах, вот как, – разочарованно произносит она. – К чему же тогда вы стремитесь?

К Великому Богу. Я маленький бог, который ищет Великого Бога. Но если я скажу ей об этом, она снова обвинит меня в богохульстве. Или решит, что меня пора определить в буйное отделение.

– К тому, чтобы самому стать лучше. Разобраться со своими собственными противоречиями. Любить. Любить вас.

– Но вы, даже как персонаж реальной жизни, не очень правдоподобны.

– Что я опять сделал не так?

– Если вы хотите любить меня, что я, в общем-то, могу понять, нужно...

– Попытаться по-настоящему понять персонажа, за которого играете вы, да?

– Нет. Если вы хотите понравиться мне, не стоит действовать так, как вы это делаете. Я объявила вам, сколько пунктов вы должны набрать. Не топчитесь на месте. Это игра. Играйте со мной.

– Что за игра?

– Игра в соблазнение.

– Не понимаю. Мои чувства к вам совершенно искренни.

– Вот именно. Перестаньте быть искренним. Станьте манипулятором. Женщины обожают играть. Мы кошки, а вы собаки. Все кошки – игроки. Удивляйте меня.

С Матой Хари и Афродитой было проще. Разве я мог предположить, что соблазнить смертную будет сложнее, чем саму богиню любви?! Внезапно я понимаю страсть Зевса к смертным и презрение, с каким он относился к обительницам Олимпа.

– Нет, – отказываюсь я. Она смотрит мне в глаза.

– Браво. Плюс один балл. 3 из 20.

– Я опять не понял.

– Отказываясь соблазнить меня, вы показываете, что поняли один из пунктов дельфиньей морали: ослабить хватку. Получить что-то можно, только перестав за это цепляться. Вы становитесь мне интересны.

– Вы смеетесь надо мной.

– Я тоже полна противоречий. Когда вы преследуете меня, я думаю: еще один охотник за девочками, который считает меня дичью, хочет поймать и сделать чучело, которым можно будет украсить свою гостиную. Когда же вы отказываетесь от своих намерений, я думаю: я что, недостаточно хороша для него? И начинаю проводить спешный смотр

своей внешности и умения соблазнять. Я думаю: он заметил, что у меня недостаточно большая грудь, зато слишком широкие бедра. Я думаю: в его окружении есть женщины лучше меня. Вот так одной простой фразой вы снова пробуждаете интерес к себе.

– Но я думал, что вы интересуетесь только мистикой. Нет желаний, нет и страданий...

– У меня есть гормоны. И потом, вы когда-нибудь встречали женщину, которой не хочется быть желанной?

– Спасибо за этот урок.

– Неплохо. Еще один балл.

– За что?

– Вы сказали спасибо. Значит, вы понимаете, что я желаю вам добра. Многие мужчины неблагодарны, они считают, что им и так все полагается. Искренняя благодарность – хороший подарок. Я принимаю его. 4 из 20. Так, а теперь скажите: вы умеете готовить?

– Нет.

– Он называет себя богом, но не умеет готовить! – смеется она. – Ну что ж, я вас научу. Это лежит в основе любой профессии. Особенно в основе писательской. Так, с чего бы начать... Нужно что-то простое и типично дельфинье.

И она рассказывает мне рецепт, который по ее словам, пришел из глубины дельфиньей цивилизации. Она узнала его от своей матери.

44. РЕЦЕПТ ДЕЛЬФИНЫ: ВАТРУШКА

Для теста: 250 г муки 100 г растительного масла 100 г сахара 1 яйцо 2 щепотки сухих дрожжей Тесто как следует вымесить и выложить в квадратную форму на пергаментную бумагу.

Теперь начинка. Положить 800 г творога в дуршлаг и дать стечь.

Вылить в миску 4 желтка.

Добавить 180 г сахара, 20 мл сметаны, 2 пакетика ванильного сахара, горсть изюма. Смешать с творогом. Взбивать миксером 10 минут. Попробовать – не слишком ли кисло, не слишком ли сладко?

Отдельно взбить 4 белка в плотную пену, осторожно добавить в творог.

Выложить все на тесто.

Выставить температуру духовки на 4 уровень, на 10 минут. Когда духовка достаточно нагреется, поставить туда пирог на среднюю высоту. Оставить на 45 минут. Выключить духовку; не вынимать пирог примерно в течение получаса, чтобы не осел.

Когда пирог остынет, подавать на стол.

Энциклопедия относительного и абсолютного знания (глава, написанная Мишелем), том VI

45. УКСУС

В течение следующих дней я путешествую по Земле-18.

Пользуясь тем, что я писатель, я просил организовать мне доступ в самые удивительные места, где я не бывал, когда был простым смертным.

Я посещаю ясли, где полно плачущих детей, которые требуют еды или ласки. Там звучит целый концерт плача. Я узнаю, что в родильных домах медсестры собирают плаценту, остающуюся после родов. Я расспрашиваю их, и они рассказывают, что на основе плаценты изготавливают очень дорогие кремы для капризных потребительниц.

Круг замыкается. Пользуясь кремом, сделанным из отбросов после родов, женщины будут соблазнять мужчин, чтобы найти того, от кого можно будет родить детей. И так далее.

Я посещаю лицей, где дети молча слушают преподавателей, которые объясняют им, что Солнце вращается вокруг Земли. Я не решаюсь спорить с ними. Дети расспрашивают меня о том, каково это – быть писателем, и мне очень нравится с ними разговаривать.

– Вы все можете стать писателями, у всех вас есть талант, нужно только осмелиться и позволить ему проявиться. Не оценивайте себя. Забудьте придирки родителей и нотации преподавателей. Позвольте вашему воображению вырваться наружу. Начните с небольших историй, рассказывайте их вашим друзьям, постепенно переходите к более крупным вещам.

Преподаватели упрекают меня за то, что я подталкиваю детей к бунту, советую им творить, не боясь осуждения. Я и преподавателям советую писать, чтобы дать выход порывам души. Не боясь осуждения.

Я посещаю завод, и ощущаю почти материальное облако напряжения, царящего тут из-за постоянной конкуренции и надзора начальников. Повсюду полно маленьких боссов, которые требуют повиновения от подчиненных, которые в свою очередь командуют теми, кто стоит ниже.

Я посещаю спортивный центр, где тренеры орут на спортсменов, хотя тем время от времени случается пережить моменты восторга, когда побит очередной рекорд.

Я посещаю казармы. Все военные помешаны на футболе и говорят только о любимых командах. Или играют в карты. Мне кажется, что я вижу толпы бездельников, которые ждут войны, чтобы продемонстрировать все, чему их научили.

Я посещаю тюрьму. Мне разрешают поговорить с несколькими заключенными, которых считают тут самыми умными, потому что они время от времени заглядывают в библиотеку. Они рассказывают об ужасных испытаниях, которые пережили, и я чувствую, что другим от них досталось гораздо сильнее. Все они говорят, что сидят за торговлю наркотиками, но от директора тюрьмы я узнаю, что все несколько сложнее. Маленький веселый, постоянно улыбающийся старичок руководил международной сетью наркодилеров. Его укрепленный замок посреди джунглей защищала целая частная армия. Высокий унылый тип похищал детей. Спокойный толстяк был киллером на службе у мафии. Невысокий парень с тяжелым взглядом зарубил мачете всю свою семью и соседей. Молчун оказался рецидивистом, с особой жестокостью насилувавший и убивавший своих жертв.

Я посещаю сумасшедший дом. Узнаю, что здесь внутренней валютой является табак. Душевнобольные избрали себе королеву, высокую властную женщину, которая распределяет сигареты между больными в зависимости от того, в каком она настроении.

Я разговариваю с врачом, и в этот момент один больной втыкает вилку в глаз санитару. Раздается вой сирены, а большинство тех, кто меня окружает, отпускают шутки о том, что только что произошло. К моему огромному удивлению, пациенты этого заведения могут спокойно входить и выходить из здания больницы, просто расписываясь в журнале. Если больные слишком возбуждены, санитары раздают им снотворное.

Я посещаю дом престарелых. Большинство жильцов сидят в столовой и, не отрываясь, смотрят в крошечное мутное оконце телевизора. По утрам их рассаживают лицом к телевизору, а вечером развозят по комнатам и раздают лекарства.

Я посещаю хоспис, где ухаживают за умирающими. Там я встречаю удивительных людей, которые посвящают свою жизнь тому, чтобы облегчать другим последние дни жизни. Удивительно, что здесь столько людей, горящих желанием помогать другим, в то время как в яслях видел совершенно равнодушный персонал.

Вот каковы люди Земли-18.

Узнать мой мир, чтобы рассказать о нем, — это кажется мне необходимым условием писательского труда.

Я посещаю храмы дельфинов, тигров, термитов, коршунов, волков, медведей...

Разговариваю с их священнослужителями, слушаю их, стараясь оставаться непредвзятым и забыть, что лично знаком с их богами. Одни из

них говорят сухо, держатся надменно. Они словно замурованы в свои одежды и сознание собственного превосходства, другие открыты к общению, доброжелательно относятся к моему экуменическому настрою.

Все эти встречи я завершаю вопросом: «Что бы вы попросили у вашего бога, если бы встретили его?» Моим коллегам, богам-ученикам из 18-го выпуска, следовало бы хоть раз побывать здесь. Они бы увидели, как их мысли извращали, толковали, обрезали, чтобы в итоге получилось нечто совершенно противоположное тому, что они хотели сказать.

Я посещаю обсерваторию, беседую с ее директором. Это мужчина с длинными седыми волосами.

– Как по-вашему, что там, наверху?

– Я полагаю, там сферы, заключенные в другие, большие по размеру.

Я не решаюсь сказать ему, что скорее всего он прав.

– А что за самой большой сферой?

– Другая, которая еще больше.

Во второй половине дня я веду свое расследование, а по утрам пишу «Царство богов». Я работаю в кафе до тех пор, пока курильщиков не станет слишком много и мои глаза не начнут слезиться от дыма. Тогда я поднимаюсь к себе в квартиру и пишу там, под музыку, в окружении масок, марионеток и шахматных досок.

Не меньше трех раз в неделю, я встречаюсь с Дельфиной. Она учит меня готовить, дает советы о том, как писать романы (с точки зрения «читательницы, задающей себе вопросы»), дает мне уроки духовности (основанной на ортодоксальных дельфиньих принципах, так как она считает, что некоторые дельфины чересчур увлеклись модернизированной версией своей религии).

По вечерам мы ходим в кино, в театр или в оперу. Мы смотрим выступления комиков или фокусников, потом ужинаем.

Я люблю ее темными блестящими волосами и огромными черными глазами. Она все больше привлекает меня. Я показываю ей несколько фокусов, которым меня научил Жорж Мельес. В частности, тот, с цифрами, где в отгадке слово «киви». И другой, с картами, когда перемешанные короли, дамы, валеты и тузы оказываются аккуратно разложенными в отдельные кучки.

– Это фокусы с «неизбежным выбором». Ты думаешь, что можешь выбрать тот или другой вариант, а на самом деле все идет по заданному сценарию.

После обеда я гуляю по городу и открываю для себя планету, которую прежде видел только в увеличительное стекло анкха.

Робер, получив от меня первые страницы «Царства богов», прислал мне письмо, написанное удивительно изящным почерком: «Любопытный, неожиданный проект. Он не похож ни на что из того, с чем я имел дело раньше. Эта книга дает возможность по-новому говорить о том, что мы до сих пор считаем священным или запретным. Я много думал и в конце концов решил ввязаться в эту авантюру».

Иногда Дельфина приходит ко мне, и мы вместе завтракаем. Я готовлю что-нибудь по ее рецептам. Даже если блюдо не удастся и совершенно несъедобно, она всегда оставляет свою тарелку пустой. Просто добавляет в то, что я приготовил, соль, перец и какие-нибудь специи.

Иногда она остается и смотрит, как я работаю. Может быть, ей нравится наблюдать, как мои пальцы порхают над клавиатурой, или она просто хочет убедиться, что я пишу так быстро, как ей рассказывал.

Мы говорим об искусстве писать книги. Она хочет узнать мои «рецепты».

– В любом хорошем романе есть видимая и невидимая части. Невидимая состоит из «скрытых ингредиентов», которые исподволь питают сюжет. Всего их три:

1. волшебство,
2. хорошая шутка,
3. инициация.

– А что происходит в видимой части?

– Там тоже три составляющих:

1. загадка,
2. любовная история,
3. малоизвестное научное открытие.

– Не слишком ли это механистично?

– Все зависит от мастерства. Это как с рецептом какого-нибудь блюда, или нет, как с рецептом создания живого существа. У каждого есть сердце, мозг, половые органы, но все при этом не похожи друг на друга. Так же и у видимой части романа есть голова, тело, ноги, но все это может выглядеть по-разному. Разный цвет кожи, разный рост и вес, узкие глаза или пухлые губы и так далее...

– Значит, для вас написать роман – все равно что создать живое существо?

– Конечно.

Когда я говорю об этом, мне кажется, что в меня вселяется кто-то другой – писатель Габриель Асколейн.

Он знает, о чем говорит, потому что за его плечами несколько десятков

лет писательского опыта.

– Сначала появляется скелет. Намечается сюжет, его развитие, интрига, неожиданная развязка. Это грубый набросок, он не всегда выглядит привлекательно, но в нем уже все заложено. Именно это позволит истории, которую вы собираетесь рассказать, твердо стоять на ногах. Затем формируются внутренние органы – нужно написать несколько главных, захватывающих сцен.

– А волшебство, шутка, инициация? Обязательно, так же, как и характеры героев.

Все это позволит истории не топтаться на месте. Итак, органы: это и внезапные повороты сюжета, любовные сцены, неожиданные признания.

– А потом?

– Потом мышцы. Это уже не такие яркие сцены, но они необходимы для развития сюжета. Дальше – кожа, которая покрывает все. Когда вы читаете, вы видите только кожу, так же, как, глядя на вас, я вижу только кожу лица, но если бы у вас не было скелета, вы бы валялись на земле бесформенной кучей.

– Мне нравится увлеченность, с какой вы рассказываете о своей работе. Я понимаю теперь коллег, которые вам завидуют, – говорит Дельфина. – У вашей жизни есть смысл. Каким несчастными себя чувствуют те, кто так и не понял, зачем появился на свет.

– У вашей жизни тоже есть смысл, Дельфина. Рисование и духовность. Это то, что помогает нам понять самих себя. Мы оба движемся вперед с равной скоростью.

В течение недели мы вместе работаем над интернет-проектом «Царство богов», Дельфина разрабатывает графику. У нее удивительное чувство цвета. Персонажи искусственного Олимпа выходят из ее рук поразительно живыми: потрясающие грифоны, симпатичные херувимы с кукольными, бледными личиками. Трехголовая Химера даже страшнее, чем на самом деле.

У этой молодой женщины настоящий талант – декорации для будущего спектакля у нее выходят гораздо живописнее, чем те, что я видел на Эдеме. Все, что она делает, получается лучше, сложнее, идеально.

Я понимаю, что у нее есть то, что я подсознательно всегда искал в женщине: у нее есть собственный мир, который я могу сравнивать со своим.

Любой, кто что-то создает, самым этим актом творения становится богом.

Глядя на фантастические рисунки Дельфины, я стараюсь превзойти

самого себя, работая над романом «Царство богов». Мой сюжет должен соответствовать ее произведениям.

Она говорит мне:

– Иди как можно дальше в поисках, не бойся рисковать, не ставь себе ограничений. Только так ты станешь особенным, неподражаемым. Придумывай невероятные ситуации, необыкновенных, оригинальных персонажей. Не бойся, что получится «слишком», не бойся шокировать. Все, что сегодня критики называют «отвечающим духу времени», они сами же завтра назовут старомодным. Прокладывай свою собственную дорогу, не похожую на другие. Не старайся быть модным. Диктуй свою моду.

Я пишу как сумасшедший. Довожу в романе ситуации до абсурда, до смешного. До экстравагантного. Когда я захожу слишком далеко, сюжет разваливается, как картонный домик, построенный наспех.

Мои Вавилонские башни.

Тогда я начинаю снова, и снова, и снова.

Пытаюсь применять правило: внутренний мир персонажей определяет их поступки, а не наоборот. И чувствую, что стал писать по-другому. Более медленно и тяжело, но текст получается более глубоким.

Дельфина читает то, что я написал, и сурово критикует. Она заставляет меня сильнее углубляться в психологические нюансы. Считает, что Мата Хари недостаточно изящна, что Зевс слишком очеловечен. Единственный персонаж, который ей кажется интересным, – это Рауль.

– У него есть темная сторона, и это привлекает. Он выглядит суровым, но в то же время понимаешь, что он не плохой. Вот настоящий герой твоего «Царства богов». Пусть он выиграет.

Я с трудом сглатываю. Настоящий Рауль выиграл в Большой Игре на Эдеме, ладно, но пусть он не лезет в мою жизнь в этом мире.

Я мрачнею.

– Автор романа – я, и я буду решать, кто хороший парень и кто выиграет. Увидишь, что я сделаю с твоим Раулем.

– Опомнись. Не надо мне ничего доказывать. Если ты назло попытаешься сделать Рауля антипатичным персонажем, это будет очень заметно, и ты добьешься совершенно обратного эффекта. Точно так же, если ты попытаешься спасти этого трусливого Мишеля, это будет выглядеть натянуто. У тебя нет выбора. Ты должен предоставить своим персонажам свободу. Они уже стали слишком живыми, чтобы ты вертел ими как хочешь.

Мы проводим выходные вместе, и она учит меня дельфиной йогой. Я не очень спортивен, мне не хватает гибкости и мне трудно повторять ее

движения. Дельфина говорит, что я должен делать вдох, потягиваясь, чтобы расслабить все тело.

Мы идем в кино на приключенческий фильм, и она говорит, чтобы я следил за всеми деталями и анализировал.

– Что не так в этом фильме?

– Актеры какие-то вялые.

– Нет, дело не в актерах. Дело в сценарии. Они показались тебе вялыми, потому что их персонажи были никакими, словно брикеты замороженных овощей. Все было ясно с самого начала. Я могла бы точно сказать, что будет в каждой следующей сцене. Быть непредсказуемым – это минимум вежливости, которой читатель вправе ожидать от автора. В этом фильме было совершенно очевидно, что главный герой победит. Найдет сокровище и поцелует принцессу. В нем не было ничего противоречивого. На протяжении всего фильма он оставался совершенно одинаковым. Настоящий, хороший персонаж романа меняется, сам сюжет заставляет его меняться. Это как маятник. Эгоист становится щедрым. Трус становится храбрецом. Скромный и тихий поднимается на царский трон. Он меняется. Именно поэтому рассказанная история оказывает терапевтический эффект на зрителя или читателя. Она показывает, что и он может измениться. Его недостатки тут не помеха. Они даже могут стать преимуществами.

Мне нравится, когда она так рассуждает.

– Настоящий герой не должен быть однозначным, мы всегда должны предполагать, что он может потерпеть неудачу или перейти на сторону негодяев. Пусть принцесса откажет ему, пусть его близкие подозревают его в преступлении. Все как в жизни. Ведь принцессы не соглашаются спать с первым встречным.

– Да, я уже заметил.

Дельфина делает вид, что не слышала этих слов.

– Те, кто рядом с героем, не только не помогают ему, они из зависти создают массу препятствий у него на пути.

– Это мне тоже знакомо.

Она умолкает и презрительно смотрит на меня.

– А знаешь почему? Потому что ты герой своего собственного произведения, и в нем полно противоречий.

– Как это?

– Ты бог, а жизни тебя учит смертная, религию которой ты сам выдумал. Ты ведь это говорил, да? – И она начинает смеяться. – Кроме того, ты и сам не понимаешь того, чему учил других!

Иногда мы с ней заходим в дельфиний храм. Она говорит мне:

– Сделай хотя бы вид, что ты молишься.

И о чем мне думать, пока я тут теряю время?

О том, что ты делал накануне. Обдумывай все поступки, которые ты совершил вчера. На прошлой неделе. Месяц назад. И старайся понять смысл того, что с тобой происходит.

Иногда мы ходим ужинать в ресторан, пробуем разную иностранную кухню и традиционные блюда Петушии. Дельфина учит меня искусству понимать вкус. Существует четыре основных вкуса: горький, кислый, сладкий, соленый. Семь основных запахов: мятный, камфароподобный, цветочный, мускусный, цветочный, гнилостный, эфирный, острый.

Все вкусы и запахи, которые мы чувствуем, – это сочетания четырех основных вкусов и семи основных запахов. Но сочетаний этих бесчисленное множество, говорит она.

Однажды утром, как обычно спустившись в кафе, я вижу за одним из столиков Арчибальда Густена. Он завтракает в окружении веселой компании. Все они в костюмах и галстуках. У самого Густена на шее этот его вечный зеленый платок, в руке он держит мундштук из слоновой кости.

Академик узнает меня и тут же выдает:

– О, друзья мои! Прошу вас поприветствовать Габриеля Асколейна, великого автора бестселлеров.

Его приятели издают какие-то звуки, которые больше похожи на издевательство, чем на приветствие.

Я здороваюсь в ответ и собираюсь сесть подальше от них, чтобы спокойно приступить к работе. Но академик встает и подходит ко мне.

– Да ладно, Габриель, расслабься. Что, опять строчишь очередной бред?

Теперь я вижу, что он слегка навеселе, взгляд его мутен. Он смотрит на меня в упор и вдруг хватается за руку, наклоняется ко мне и шепчет на ухо.

– Я должен сказать тебе одну вещь, Габриель. Я завидую тебе.

От него разит вином.

– Вы завидуете мне?

Он тащит меня за свой столик, подзывает официанта и требует, чтобы тот немедленно принес мне выпить.

– Разумеется, завидую. Ты думаешь, я идиот? Думаешь, что все эти прекрасные люди – писатели, мои друзья, – не чувствуют в глубине души, что такое Истина? Печальная Истина?

Его компания смотрит на меня с интересом.

– Габриель, ты – это будущее, – шепчет Арчибальд. – А мы – прошлое.

Тут он разражается хохотом и, подняв стакан, провозглашает:

– За прошлое!

Все радостно подхватывают:

– За прошлое!

– Я считаю, что вы просто великолепны, если не пытаетесь тут же разбить мне лицо, – говорит один из тех, кто сидит за столиком Густена. – Я ведь столько гадостей написал о вас, хотя не читал ни одной вашей книги!

Все хохочут. Вдруг Арчибальд становится серьезным.

– Действительно, мы все тебя ненавидим и презираем, и постараемся навредить как можно сильнее. Молчанием, оскорблениями, клеветой... Но ты должен знать... Ты должен быть нам благодарен. Мы поступаем так, потому что... потому что, даже не читая твоих книг, мы знаем, что ты... Ты создаешь миры.

Всеобщее веселье. Арчибальд снова обращается ко мне.

– Знаешь, почему лично я ненавижу тебя? Из-за моей дочери. Раньше она не читала. К тринадцати годам она не прочитала ни одного романа. И вдруг в один прекрасный день она наткнулась на одну из твоих книг. Кто-то из ее школьных приятелей ей подсунул твой роман. Она открыла его и прочитала за одну ночь. Затем второй. За месяц она прочитала все, что ты написал. Все четырнадцать книг. И тогда она стала говорить с нами о философии и истории. Она стала читать философские и исторические книги, чтобы узнать больше о том, о чем она прочитала в твоих сочинениях. Ты научил ее любить чтение.

– Тем лучше, – отвечаю я. – В чем проблема? Его взгляд становится все суровее.

– У нее отец – писатель. Это я. И она не читала ни одной моей книги. Ни одной книги ни одного из великих писателей, сидящих за этим столом.

Арчибальд Густен смотрит на меня и заключает:

– Габриель, тебя понимают дети, но не их родители. Хочешь знать, в чем твоя настоящая проблема? Ты стоишь на уровне номер 3, а все остальные (он указывает на своих приятелей) на уровне номер 2. И, видя, что ты не на 2-м уровне, они считают, что ты на 1-м.

Я не знаю, как реагировать на эти слова. Густен широко улыбается, словно только что обнародовал истину, о которой никто не подозревал. Его приятели насмешливо смотрят на меня.

– Благодарю за честность, – говорю я. – Теперь я лучше понимаю вас.

Я ухожу и отправляюсь за Дельфиной в студию «Синяя бабочка». Мне хочется посмотреть на ее новые рисунки. Так странно описывать то, что ты пережил на самом деле, помещая это в новые декорации. Когда я набираю 5

баллов, Дельфина решает «поощрить» меня и приглашает к себе. Она делает мне массаж – от пальцев на ногах до головы. Она натирает меня маслами и медленно разминает все точки, описанные в традиционной тайной медицине дельфинов.

Я думал, что поднялся с Афродитой на вершину экстаза, но теперь испытываю нечто совершенно новое. Усиливая мое желание, Дельфина заходит гораздо дальше, чем Афродита. Наслаждение усиливается воображением. Вместе с Дельфиной мы создаем новый мир «Царство богов», но ведь можно сказать, что мы вместе создаем мир-дитя.

1 + 1 = 3?

1 + 1 = бесконечность, как говорила девушка в моем сне.

Я восхищаюсь Дельфиной. Она мой учитель в новой жизни. Она преподает мне дельфинью науку о точках.

– Наши отношения будут развиваться согласно этим точкам.

– Что за точки?

– Это нервные узлы, перекрестки энергии в наших телах, расположенные вдоль позвоночника. 1: копчик. Это точка связи с нашей планетой. То, что связывает нас с землей и природой. 2: поясничный позвонок, расположенный на уровне половых органов. Это точка сексуальности. Наша животная составляющая, связь с воспроизводством, с будущим. Ее мы коснемся в последнюю очередь. 3: позвонки, расположенные выше, за пупком. Это точка связи с материальным миром. То, чем двое владеют вместе. Дом, деньги, планы, связанные с имуществом. 4: позвонки, находящиеся за сердцем. Это точка эмоций. То, благодаря чему мы чувствуем себя любимыми, принадлежащими одной семье. Узнавание своего племени. Мы понимаем, что любим, когда единственная мысль о любимом существе заставляет наше сердце биться сильнее. 5: шейные позвонки. Это точка общения. Всегда есть то, чему мы можем научить друг друга, слова, которые говорим друг другу, мысли, которыми обмениваемся. 6: точка на лбу, между бровями. Точка культуры. Возможность разделить общие ценности. Любить ту же музыку, те же фильмы, книги. Иметь общие интересы.

– А 7?

– Эта точка расположена на макушке. Точка духовности. Там находится дверь, ведущая в верхний мир. Это возможность разделить одну веру, одинаково воспринимать мир по ту сторону жизни. – 7 точек... 7 точек соприкосновения двух существ. И они либо работают, либо нет.

– Мы сами должны включить их, создать между ними связи.

Я смотрю на Дельфину. Она совершенно невероятная.

Как она и хотела, наши отношения развиваются постепенно.

Когда я набрал 15 баллов, мы стали спать рядом, в одной постели. Обычно она ложится обнаженной, прижимаясь ко мне, подвергая меня мучениям и восторгам желания.

Наши медитации становятся все более длинными, и она все больше времени проводит у меня.

Роман и игра «Царство богов» идут вперед семимильными шагами. Мы тестируем первые варианты игры, и, к своему изумлению, я вновь переживаю то, что чувствовал на Эдеме. Анкх. Народы, которые появляются в его увеличительном стекле. Сны, которые боги посылают пророкам. Молнии, которые вспыхивают во время сражений.

Я говорю Элиоту, что нужно, чтобы игроки могли строить здания.

– Здания, памятники будут оказывать сильное впечатление на народы противника, вызывая у них желание примкнуть к чужой культуре.

Я предлагаю ограничить количество участников 144 игроками. Наименее успешные будут выбывать по ходу игры.

– В самом конце победитель сможет встретить Царя игры. Это и будет высшей наградой.

– И что это будет за Царь, ты уже придумал? – спрашивает Элиот.

– Это Зевс.

Он непонимающе смотрит на меня. Я все время забываю, что здесь другие реалии.

– Высокий бородатый мужчина в белой тоге и короне. Некто вроде мудрого и могущественного деда. Это очень значительный персонаж, властный, обладающий харизмой.

– Он и будет Великим Богом?

– Нет, всего лишь царем Эдема. Когда игрок, наконец, встретится, с ним, то, к своему удивлению, обнаружит, что вершина, которой он достиг, не последняя, и существует еще одна. Над владыкой Царства богов стоит другое, более могущественное существо.

Они смотрят на меня так, словно я говорю на иностранном языке. Дельфина лихорадочно рисует деда в тоге и ниточки, идущие вверх от его рук: он всего лишь марионетка, которой управляет рука, явившаяся из небытия.

– И кто тогда этот Великий Бог, который стоит над царем Эдема?

– Еще не придумал, но скоро я вам скажу, кто это. Кажется, на этот раз они думают, что я сам зашел в тупик, и обещаю то, чего не смогу сделать.

– Габриель, у тебя усталый вид. У всех есть предел возможностей, а ты слишком высоко поднял себе планку, – говорит Элиот.

– Хочешь, мы можем тебе помочь и придумать, кто стоит над царем Эдема? – спрашивает лысый.

– Может, это большой компьютер? – вторит ему альбинос. – Компьютер, который управляет миром.

– Свет, – предлагает Дельфина. – Существо, которое является чистым светом и не имеет материальной формы.

– А если мы отправим победителя в другую игру? – подсказывает Элиот. – Тогда мы сможем сделать продолжение, если эта хорошо пойдет.

– Нет, – отвечаю я. – Не нужно придумывать, что попало. Я узнаю, кто стоит над царем Эдема, и тогда мы закончим игру.

Альбиноса мой ответ не устраивает.

– Слушай, Элиот, у нас проблемы с движком, который обеспечивает перемещение персонажей Олимпии. Есть проблемы. Персонажи исчезают сами собой. Похоже нужно все переделывать.

– Мы тестировали игру с анкетами, как и было указано в техзадании. Это не очень удобно. Честно говоря, это и выглядит по-дурацки, – жалуется лысый.

– Нам не хватает программистов для того, чтобы написать основной движок.

– А ведь понадобится еще переделать несколько дополнительных, – подхватывает альбинос.

– Да еще эта статья... – напоминает Элиот. Повисает тяжелое молчание.

– Какая статья? – спрашиваю я.

– В газете. После твоего выступления на телевидении Арчибальд Густен разразился огромной статьей. Накинулся с удивительной злобой.

– Ну и пусть, – говорю я.

– Ты ошибаешься. Это плохо для имиджа «нашей» игры.

Я прошу показать мне статью. Она сопровождается фотографией, которую сделали в телестудии. Сама статья – нагромождение клеветы. Густен поносит мою работу, моих читателей, самого меня. Он утверждает, что фантастика – второстепенный литературный жанр, в котором все дозволено и нет ничего достойного. В завершение он издевается над моей манерой одеваться.

– Это все от зависти, – говорю я.

– Проблема в том, что вслед за этой статьей появились другие. Это очень плохо для твоего имиджа.

– Мне наплевать на имидж. Я знаю, что честно работаю и не стараюсь понравиться кучке неудачников.

Ребята из студии «Синей бабочки» качают головами.

– Это помешает продвижению игры, – морщится Элиот.

На моей планете, на Земле-1, Джонатан Свифт говорил: «Рождение нового таланта замечаешь, когда против него возникает заговор глупцов».

– Честно говоря, Габриель, после того, как вышла эта статья, в нашей команде начались разногласия... И даже среди некоторых наших спонсоров. Они не хотят, чтобы их имя было связано с тобой.

– Может, мне подать на Густена в суд за клевету?

– Ни в коем случае. Они только этого и ждут. Тем самым ты спустишься на их уровень. А потом, чего ты хочешь? Оправдать фантастику? Поставить ее на одну ступень с почтенными литературными жанрами? То, что приходится объяснять, зачем существует этот жанр, само по себе уже означает, что он нуждается в защите.

Через несколько минут Элиот приглашает меня к себе в кабинет.

– Все это нормально, и не вызывает у меня беспокойства. Вы видели рисунки Дельфины? Я никогда еще не видел, чтобы она работала с таким вдохновением... Но я должен рассказать вам о семи этапах, которые проходит любой проект.

И он указывает на лист бумаги, приколотый к стене над его столом.

Этап 1: энтузиазм Этап 2: начинаются трудности Этап 3: неразбериха
Этап 4: ответственные лица исчезают Этап 5: поиск виноватых Этап 6:
наказание невиновных Этап 7: в случае успеха, награда тем, кто явился в
последний момент и в проекте толком и не участвовал.

Викинг подмигивает мне.

Будет трудно, но я люблю трудности. Иногда, когда вы говорите о нашем «Царстве богов», мне кажется, что вы только что оттуда, – говорит он.

И, провожая, дружески хлопает меня по плечу.

Вечером, когда я ужинаю с Дельфиной, я чувствую, что мои нервы на пределе. Мне кажется, что «Царство богов» может рухнуть, что идиоты могут победить, и роман, как и игру, ожидает провал.

Дельфина упрекает меня за то, что я не спорил с ее коллегами, не объяснил свою точку зрения.

– Твоя проблема, Габриель, в том, что тебе не хватает уверенности. Ты постоянно спасаешься бегством. Ты похож на рыцаря, который скачет, чтобы сразиться с драконом, но, как только дракон разевает пасть, ты бежишь... чтобы некоторое время спустя отправиться на поиски другого.

– Я видел многих храбрецов, которых этот дракон сожрал.

– Ну и что? Поражение – это тоже опыт.

– Я не люблю проигрывать.

– Научись проигрывать. Возможно, это следующий урок, который тебе придется усвоить. Научись не убегать, встретив дракона. То, что не убивает нас, делает нас сильнее.

Внезапно она кажется мне не такой уж привлекательной. То, что она говорит, раздражает меня. Я встаю.

– Я всегда считал эту фразу идиотской. Объясни-ка тому, кого сбила машина, и теперь он навсегда остался калекой, что авария, в которой он не погиб, сделала его сильнее! Объясни девушке, изнасилованной бандой негодяев, что это сделало ее сильнее. Объясни тем, кто безвинно пострадал на войне, что это сделало их сильнее! Иногда нужно остановиться, отказаться от красивых фраз! Все эти слова нужны только для того, чтобы люди смирились с тем, с чем смириться нельзя. Для того чтобы мы думали, будто в этом несправедливом мире есть какой-то скрытый смысл. Нет никакого скрытого смысла! Мы не в романе. Всем жестокостям, которые тут творятся, нет никакого тайного объяснения, которое все расставит по местам!

– Да что с тобой такое?

– Просто мне надоело быть милым и разумным!

Я подаю на Густена в суд за клевету!

– Габриель!..

– Даже ты меня раздражаешь.

Я хватаю свой плащ и вылетаю из дома, хлопнув дверью, пока не наговорил чего-нибудь еще.

Я шагаю по улице.

Эта планета так же несовершенна, как и Земля-1. Люди здесь так же тупы, ограничены, самодовольны, а уровень развития у них, как у шимпанзе. Даже Дельфина, которая раньше казалась мне иной, не лучше других.

Хорошо, что мой 7-й уровень позволяет мне свысока видеть человечество, застрявшее на 4-м, если не на 3-м.

Я слышу позади голос Дельфины:

– Габриель!

Я не оборачиваюсь. Подзываю такси и сажусь в машину, хлопая дверцей. Мы проезжаем мимо Дельфины, и я отворачиваюсь.

– Габриель!

– Девушка не едет с нами?

– Нет.

– Ладно. А куда вас везти?

– В грязный кабак, где полно грязных девок и плохих парней.

Уж лучше упасть на самое дно, чем барахтаться в посредственности.

Через несколько минут я оказываюсь в одном из сомнительных кварталов города. Улицы ярко освещены. Я захожу в шумный прокуренный бар и заказываю местное пойло. Какой-то тип садится за пианино в углу, посетители начинают громко распевать. Я пою вместе с ними и пью.

Эта планета не заслуживает того, чтобы существовать дальше. Одного выстрела из моего анкха хватило бы, чтобы разнести этот город на куски. Содом и Гоморра, дубль два.

Не стоит злить богов.

– Эй, красавчик, не хочешь прогуляться со мной?

Перед самым носом у меня декольте какой-то девицы. Кожаный бюстгальтер. Шея обвитая несколькими рядами жемчуга. Губы в ярко-красной блестящей помаде.

– Сожалею, но с меня пока хватит.

Она неодобрительно смотрит на меня. К ней подходит другая столь же вульгарная девица.

– Брось, это же тот тип из телевизора, Габриель Асколейн, писатель.

– Эта развалина – писатель?

– Фантаст, – уточняет ее подруга.

– Пошли, фантаст, – говорит девица. – Слетаем в мою галактику. Увидишь, там полно звезд.

– Ага, и вшей лобковых, – фыркает другая. Они уходят, хихикая.

Ко мне подходит другая девушка. Она очень худая, у нее угловатое выразительное лицо, глаза, как у испуганной мыши. На ней мини-юбка, туфли на высоком каблуке, чулки и футболка, на которой написано «Я ангел». Еще одно напоминание, которое бесит меня, ведь я знаю, о чем идет речь.

– Вы писатель? Я хотела бы написать книгу.

Ее манера снимать клиента кажется мне забавной, и я позволяю ей взять меня за руку. Она тянет меня за собой. Я думаю, что пока был смертным Мишелем Пэнсоном, ни разу не пользовался услугами проституток, и что, возможно, именно этого опыта мне как раз и не хватает.

Девушка ведет меня в подвал бара. Красные буквы неоновой вывески мигают как бешеные: «Ад». Девушка шепчет:

– Это частный клуб.

Косой тип открывает нам дверь и пристально разглядывает. Кажется, я ему не нравлюсь. Он морщится и мотает головой. Не так-то легко попасть в этот ад. Но девушка настаивает, и он пропускает нас. Дверь, обитая

розовым шелком, со скрипом открывается. Итак, сейчас я познаю изнанку жизни, самые разнuzданные человеческие нравы.

При входе сосуды с красными и черными конфетами, очевидно, для придания сил тем, кто ослабел. Девушка тянет меня все дальше.

– Тебе понравится, – говорит она.

– Какая связь между этим местом и твоим желанием написать книгу?

Она смотрит на меня, гладит по лицу.

– Ты такой глупый. Мой роман пишется здесь. Это история о безбашенной девчонке, которая похищает писателей в урагане страсти. Ее зовут Эсмеральда.

– Привет, Эсмеральда. На моей планете так звали героиню одного романа.

– Молчи и следуй за мной.

Коридор приводит нас в шумный зал. Девушки танцуют у барной стойки, где сидят разряженные мужчины. Они выглядят как мясники, приглашенные на сельскую свадьбу. На нас они смотрят, словно на скот, только что привезенный на ферму.

Кое-кто из них положил глаз на Эсмеральду и начинает пробираться к нам, но девушка быстро увлекает меня в другой зал. Там обнаженные пары занимаются любовью, а другие, одетые, смотрят на них. Мы идем дальше, словно в подземном музее. Скульптуры из плоти дышат, двигаются, стонут.

Женщина на четвереньках, которую имеет сзади мужчина, стоящий на коленях, замечает в углу одетую женщину, которая перешептывается со своим спутником.

– Эй, если ты пришла сюда трепаться, то проваливай!

– Не смей так со мной разговаривать, шлюха!

– Я буду разговаривать, как мне нравится, а ты проваливай, грязная извращенка!

– Похотливая сучка!

Так странно видеть, как женщина, которая занимается сексом, в то же время переругивается с другой посетительницей клуба.

Я замечаю среди зрителей светловолосого писателя с челкой, которого видел на телевидении. На нем черные очки, его лицо покраснело, он лихорадочно ласкает себя.

Вот, где он черпает свое вдохновение.

– Привет, коллега! – бросаю я ему.

Он оборачивается и скрывается в зале с баром.

Дальше мы попадаем в маленькую квадратную комнату, в которой на полу в несколько слоев, как в лазанье, лежит около двадцати голых человек.

Эта живая скульптура ритмично извивается. Пот течет вместо масла. Жар тел вместо жара духовки. Какому-то мужчине в лицо упирается туфля. Он просит ее владелицу убрать ногу.

– Я бы рада, но не могу пошевелиться.

– Говорили же вначале, что нужно разуваться! – раздается голос из середины трепещущих тел.

– Поцелуй меня, – просит Эсмеральда.

Она тянется ко мне, и я замечаю деталь, на которую раньше не обратил внимания. На шее у нее на цепочке висит маленькая рыбка.

– Ты из дельфинов?

– По матери. Тебя это смущает? Ты расист? Мне хочется ей сказать, что я разочарован. Что думал, будто все девушки-дельфины добродетельны или, по крайней мере, живут духовной жизнью.

– Пошли отсюда, – говорю я.

– Куда ты хочешь идти?

Мы поднимемся по лестнице, и я веду ее в шикарный пивной бар, где готовят традиционную кухню Петушии.

– Я хочу посмотреть, как ты ешь. Меня интересует только это, – говорю я ей.

– Ты любишь смотреть, как люди едят?

– Да, особенно такие худые, как ты.

– Мое тело такое, как ты видишь. Я не страдаю анорексией, я не больна. Просто я такая. А ты ничего не будешь есть?

– Нет, спасибо. Я не хочу. Мне и так хорошо.

Я не могу оторвать взгляда от маленькой рыбки, которая сияет у нее на шее, отражая свет ламп.

– Ты веришь в Бога? – спрашиваю я.

– Конечно.

– А как ты думаешь, чем он занят?

– Он смотрит на нас и помогает нам.

– А если бы ты его встретила, что бы ты у него попросила?

– Ха. То же, что и другие!

– Что же это?

– Денег. Хотя бы полсотни! – И она фыркает от смеха.

Кажется, эта девушка занятнее, чем я думал.

– Ну что, пошли? У меня других дел полно!

Но я не слушаю ее. Я только что заметил в зеркале фигуру, при виде которой так и прирос к месту.

Человек в бежевом плаще и черной шляпе сидит в этом же зале далеко

позади меня.

Не спастись бегством. Идти навстречу дракону.

Я вижу, что отсюда только один выход. Я показываю девушке полтысячи.

За такие деньги я выполню любой твой каприз, даже с риском для жизни, – говорит она.

– Я попрошу тебя сделать одну странную вещь. Поймай того типа в бежевом пальто, когда он попытается выйти в дверь.

– Ты хочешь развлечься втроем?

– В каком-то смысле, да. Но он довольно упрям, и нам придется его уговаривать. Я очень на тебя рассчитываю.

Эсмеральда пробирается к выходу. Я оплачиваю счет. В зеркало я наблюдаю за всем, что делает мой преследователь.

Внезапно я бросаюсь к выходу и прячусь за первой дверью. Через стекло мне видно, как он встает и пытается выйти на улицу. Эсмеральда подставляет ему ножку, и он летит через порог, вытянувшись во весь рост. Находчивая малышка! Я тут же прыгаю ему на спину, чтобы не дать ему подняться. Но Эсмеральда прекрасно обходится без моей помощи. Из кобуры на бедре она выхватывает крошечный револьвер и приставляет к голове, с которой уже слетела черная шляпа.

Вокруг начинают собираться зеваки, но я рывком поднимаю своего преследователя на ноги, объясняю зрителям, что все в порядке, и мы втроем выходим на улицу.

– Зачем вы преследуете меня? – спрашиваю я. Вдруг я узнаю его. Это мой сосед.

– Господин Одуэн, какая неожиданная встреча!

– Я все вам объясню.

– Что такое, опять нужно подписать жалобу?

– Я не могу говорить в присутствии этой женщины. Я расплачиваюсь с Эсмеральдой и благодарю ее.

Она недовольна.

– Ты так и не помог мне написать книгу...

– Я только что подарил тебе первую главу. Писатель приходит в пивную, напивается, встречает потрясающую худую проститутку и отправляется с ней в клуб свингеров. Они не занимаются сексом и уходят. Писатель решает накормить девушку потому, что она кажется ему слишком тощей. Он говорит с ней о Боге. Она остроумно отвечает ему, и в конце истории они ловят загадочного типа, который преследует их. Для того чтобы написать классный роман, нет ничего лучше правды.

– Мне не нравится конец. Я бы предпочла, чтобы они занялись любовью.

– Ну, эту историю сочиняешь ты, и можешь придумать любой конец.

– В моей истории писатель говорит: «Давай оставим этот сумасшедший мир, я покажу тебе другой». Так девушка становится писательницей, они вместе путешествуют, переживают удивительные приключения, о которых и пишут свои романы.

Сосед, воспользовавшись тем, что мы отвлеклись, пытается удрать, но Эсмеральда невозмутимо бьет его в пах, и он, скорчившись, падает на колени. – ...И девушка победит всех негодяев, – говорит она, словно комментируя свои действия.

Мой сосед, похоже, в нокауте. Она подходит ко мне и прижимает к стене. Я замечаю, что, несмотря на худобу, она довольно сильная.

– А потом героиня целует героя, который теряет сознание от наслаждения.

– Но герой, видя, как решительно настроена эта великолепная женщина, признается, что любит другую.

Эсмеральда делает кислую мину. Мой сосед, хватая воздух ртом, пытается подняться на ноги.

Что такого есть у этой другой? Уж не богиня ли она любви? – спрашивает девушка.

Нет. Роман героя с богиней любви уже позади. Это просто женщина из народа дельфинов, у которой есть свой мир.

Но наша героиня тоже дельфин, и, возможно, у нее тоже есть мир, который стоит того, чтобы его узнали получше.

Увидев, что сосед встал на ноги, Эсмеральда наносит ему новый удар, и он опять падает на колени.

– В конце концов проститутка, которую бесит поведение героя, докажет ему, что может писать лучше, чем он. Вот такой хэппи-энд.

– Извините, что прерываю вас в разгар семейной сцены, – вмешивается мой сосед, морщась от боли. – Если вы собираетесь беседовать о литературе, я, пожалуй, пойду. Мне нужно кое-что сделать.

Эсмеральда странно смотрит на деньги, которые я ей протягиваю. Потом разрывает купюру на мелкие кусочки.

– Ваших советов о том, как писать роман, мне вполне достаточно, – говорит она. – Если захотите увидеться, я в «Аду» каждый вечер.

Проститутка с рыбкой на шее посылает мне воздушный поцелуй и уходит.

– Итак, вот мы и одни, – говорю я соседу. – Так зачем же вы за мной

следили?

Вместо ответа сосед достает мобильник просит разрешения сделать звонок.

– Алло? Он вычислил меня и поймал, – сообщает он в трубку.

Собеседник что-то долго отвечает ему, сосед кивает.

– ОН готов встретиться с вами. Сейчас пришет за нами машину, – говорит мне сосед.

– ОН? Кто это ОН?

– ОН говорит, что вы уже знаете все, что нужно. Я смотрю на моего соседа с щеточкой усов под носом. Я ни слова не понял из того, что он сказал.

– Скажите, хотя бы, как ЕГО зовут!

– Мы зовем его просто Пророк.

За нами приезжает шикарный позолоченный лимузин с шофером в ливрее. Мишель Одуэн приглашает меня внутрь.

– Кто такой этот ваш Пророк?

– Я сам никогда его не видел, – признается он.

Мы долго едем, наконец сворачиваем на маленькую дорожку, ведущую к кованой железной решетке, облепленной видеокамерами.

У входа два охранника с трудом удерживают рвущихся с поводков лающих собак. Ворота открываются, мы въезжаем внутрь. Едем через парк, за которым, видимо, ухаживает целая армия садовников. Лимузин проезжает сквозь рощу, и я наконец вижу роскошный замок, уменьшенную копию Версаля с Земли-1.

Я видел заключенных, солдат, проституток, священников. Настала пора познакомиться с богачами.

Здесь снова охранники с собаками и рациями. Дворец. Армия. Кто же король?

– Это какой-нибудь миллиардер? – спрашиваю я соседа.

– Пророк занимается экономической деятельностью, если вы об этом спрашиваете. Ему принадлежат «Горячие новости».

– «Горячие новости»? Но ведь это совершенно скандальная пресса!

– Этот издательский дом известен своими изданиями, ориентированными на широкие читательские массы, но ей также принадлежат несколько телевизионных и музыкальных передач.

– Какая связь может быть между пророком, жизнь которого целиком должна быть посвящена духовности, и издательским домом, которые публикует в своих изданиях фотографии из частной жизни знаменитостей?

Ответ приходит мне в голову сам собой, раньше, чем я успеваю

закончить вопрос.

Влияние. Власть.

Машина останавливается, и человек в ливрее открывает дверцу.

Мы проходим в шикарную гостиную. Здесь щебечет целая толпа женщин в роскошных вечерних платьях. Они безупречны, как манекены в магазине. Все они накрашены и обвешаны драгоценностями. Они ждут, томясь от скуки, как наложницы в гареме.

Слуга подает мне печенье на подносе. Я отказываюсь. Ко мне подходит мужчина в смокинге.

– Подождите здесь. Хозяин примет вас.

Мишель Одуэн ободряюще машет мне рукой. Я жду.

Я думаю о Дельфине. Мне ее не хватает. Благодаря ей мне не понадобились другие учителя. Меня научила всему и спасла женщина.

В моей душе Дельфина затмевает остальных. Как только выберусь отсюда, нужно будет ей позвонить и попросить прощения.

– Он ждет вас.

Вслед за дворецким в темно-зеленой ливрее я иду по длинной анфиладе комнат. Мраморный пол, стены обшиты панелями, увешаны картинами в тяжелых позолоченных рамах. На них изображен свет, пробивающийся сквозь облака.

Наконец, постучав, дворецкий распахивает передо мной массивную дверь, украшенную фигурками ангелочков. Я оказываюсь в кабинете, набитом безделушками и драпировками. За широким столом спиной ко мне в кресле сидит человек. Он смотрит фильм. На экране я и Дельфина. Я понимаю, что Мишель Одуэн не только крался за мной по улицам. Он еще и снимал меня тайком. Теперь на экране одна Дельфина. Ее снимали из окна.

Кто этот богач? Зачем он следил за нами? Я вижу только его спину и ухо. Он бородат и в очках.

Я прерываю молчание.

– Вам нравится следить за другими?

Он не реагирует и продолжает смотреть на экран. Мелькают кадры. Вот я в яслях, в приюте для душевнобольных, в тюрьме, в разных храмах. В «Аду».

– Для того, кто построил свою карьеру на подсматривании, вполне естественно вмешиваться в чужую жизнь.

Он поворачивается, и я не могу опомниться от изумления.

46. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: КИТАЙСКИЙ ДРАКОН

«Китайский дракон» – это стратегия, направленная на то, чтобы убедить присутствующих в непроверенной гипотезе. Иногда ее применяют в науке, чтоб продвинуть какую-нибудь сомнительную идею.

Вот как выглядят действия ученого, который использует «китайского дракона». Он выдвигает теорию и тут же выдумывает собеседника, который якобы отстаивает противоположную идею. Разоблачая вымышленного оппонента (это тем проще сделать, что наш ученый сам выдумал его аргументы), он тем самым убеждает всех в том, что его собственная теория верна.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

47. ПРОРОК

Он приходит в восторг, видя, как я изумлен.

– Как там говорили на Земле-1? А, вот, вспомнил: мир тесен!

– Но я думал, что ты...

Умер? Да, вы же меня приговорили. Отправили на Землю-18, как в сточную канаву. К крысам.

Я пытаюсь взять себя в руки.

– Люди-крысы пережили свой звездный час, достигли апогея, а потом для их цивилизации, как и для любой другой, пришло время упадка. Это происходит со всеми живыми организмами. Они рождаются, растут, умирают.

Он сложил ладони.

– По правде говоря, империя крыс, как и вавилонское царство на Земле-1, была уже совершенно нежизнеспособна, когда я приземлился в своей бывшей столице, которую в то время уже оккупировали иноземцы. Тогда я начал путешествовать. Отсюда, снизу, я следил за историей, которую вы сочиняли там, наверху.

Он сплетает и расплетает пальцы с идеально ровными и гладкими ногтями.

– При каждом ударе молнии, землетрясении, сне я спрашивал себя: зачем они это делают? Каждый день я смотрел новости и знал, что все, что происходит в нашем мире, – результат вашего противостояния, в котором вы манипулируете смертными.

Он смотрит на меня тяжелым взглядом, полным упреков. Закуривает сигару. Предлагает и мне, но я отказываюсь.

– Я воевал в Мировой войне на Земле-18, – говорит он, усмехаясь. – Как странно быть бессмертным в мире, где все только и делают, что умирают. Меня окружали груды мертвых тел, я был в полной растерянности. Если бы ты знал... Я видел столько смертей. Столько раз должен был умереть сам. Вокруг меня все взрывалось, бушевали эпидемии, голод, но я каждый раз оставался в живых. Один среди трупов тех, кто был мне дорог. Это и было моим наказанием. Таким же, как у Сизифа, который все время катит камень на гору, или у Прометея, печень которого вырастает снова и снова. Я молился «другому воображаемому богу», чтобы он положил конец вашей игре. Какое страшное несчастье – зависеть от богов-неумех.

– От богов-учеников. Ученики должны набираться опыта. Когда я учился, мы вырезали аппендицит тем больным, которым это и не было нужно, просто для тренировки. Но именно благодаря этому опыту мы научились делать другие, гораздо более сложные операции.

Он не обращает никакого внимания на мои слова.

– Ну что ж, как видишь, я все еще здесь и все еще жив. И все это из-за тебя... Мишель, бог дельфинов, народа, который выжил, несмотря на все гонения.

Теперь я слышу в его голосе неприкрытую злобу.

– Я не хотел, чтобы тебя осудили, – говорю я.

– Ты был главным свидетелем обвинения. Твой пресловутый выстрел в мое плечо на суде стал решающим аргументом.

– Хочу напомнить, что я до последнего пытался убедить судей, что твоя вина не доказана. Ты был ранен не в то плечо.

Он не отвечает. Я понимаю, что меня-то сам он осудил уже давно. Я смотрю на Жозефа Прудона, ^[15] бывшего бога крыс, великого теоретика анархии, идеолога общественных движений XIX века на Земле-1. Он ничуть не изменился: те же блестящие глаза, очки, густая борода, длинные волосы.

– Я больше не сержусь на тебя, Мишель. Вначале, когда я только попал сюда, я был страшно зол, и на тебя в первую очередь. И по мере своих слабых сил способствовал уничтожению твоего народа. Так сказать, на свой манер...

Я не понимаю, что ты хочешь сказать. Он выпускает табачный дым и, довольно улыбаясь, говорит:

Здесь, на Земле-18, я сумел вдохновить одного смертного. Моего друга. Он был нищим, бродягой. Я накормил его, дал ему кров, я с ним разговаривал.

Я сказал ему, что даже один человек может изменить ход истории. Я внушил ему идеи, которые он потом стал считать своими. Я убеждал его не сдаваться. Сначала он был нерешительным, готовым идти на компромиссы. Боялся грядущих трудностей. Он не понимал, что можно зайти как угодно далеко, и никто тебя не остановит. Тогда я объяснил ему принцип коллективной слепоты.

– Коллективной слепоты?

– Да. Нужно прямо идти к цели. Чем чудовищней ложь, тем скорее люди поверят в нее. Так, кролик сидит как вкопанный, когда его внезапно освещают фары летящей на него машины.

Я вздрагиваю.

– Чистильщик!

– Точно. Именно так стали называть моего друга. Сначала я сделал себе капитал на газетах. Люди любят даже мелкое вранье, а я за ту же цену продавал им крупное. В то время я жил в стране акул. Там уже само собой зрело народное недовольство. Смертные всегда считают себя жертвами несправедливости и ищут виноватых. Лучше всего на эту роль подходят слабые. Я думаю, что там, наверху, бог акул Ксавье делал все возможное, чтобы создать захватническую армию. Я же трудился здесь, внизу, прямо на месте событий, внося свой вклад: я дал им повод. Направил созревшую ненависть в нужное русло: на уничтожение дельфинов. Это я создал движение «Анти-Дельфин».

Я бросаюсь на него, но он успевает нажать кнопку под столом. Я бросаю его на пол, мы катаемся по ковру.

Врываются охранники и хватают меня. Прудон приказывает им:

– Отпустите его!

Охранникам кажется, что они не поняли приказ.

– Это один мой приятель. Мы отдыхали на соседних виллах на одном острове, и он до сих пор сердится на меня за одну партию в... в шахматы. Он несколько злопамятен. Весь сыр-бор из-за того, что я слопал несколько его пешек. Сколько именно? Ну, что-то около нескольких миллионов. Это произошло по инерции. Стоит начать, и уже не можешь остановиться.

Я пытаюсь вырваться из рук охранников.

– Ты заплатишь за это! – рычу я.

– Разумеется. Опять эта неистребимая уверенность, что за добрые дела мы получаем награду, а за злые – наказание. Но мы уже здесь, мы получили высшую меру. Так что хуже этого может случиться со мной?

Жозеф Прудон приказывает охранникам уйти и произносит, словно закрывая неприятную тему:

– Ох уж эти смертные! Они так... преданны.

– Я ненавижу тебя.

– Знаю, знаю, сначала я тоже чувствовал то же самое. Но, насколько мне известно из достоверных источников, ты несколько раз пытался переиграть эти последние пятьдесят лет. И понял, что мой Чистильщик появляется каждый раз, почти без изменений. Он был всего лишь катализатором ненависти, которая уже существовала до того, как он вышел на сцену.

– Я презираю тебя.

– Ты забываешь одну вещь. Не я его придумал. Вспомни о другом «Анти-Дельфине», который существовал на Земле-1. О Гитлере. Он

существовал до того, как мы начали Большую Игру на Земле-18.

Но ты создал такого же Гитлера для этой планеты.

Я сам был полон гнева. Признаюсь, я мечтал, что ненависть станет новым мировым законом. А почему бы и нет? Смертных так легко подтолкнуть ко злу, они просто следуют своим природным склонностям.

Жозеф Прудон раскурил свою потухшую сигару и начал выпускать колечки дыма.

– Знаешь, Мишель, я один здесь понимал, что история останавливается, а потом начинается сначала. И каждый раз я извлекал уроки из прошлых ошибок и совершенствовал свой жизненный путь. Как артиллерист, который целится все лучше, глядя, куда упал предыдущий снаряд.

– И наконец создал финансовую империю?

– Едва явившись на Землю-18, я открыл салон ясновидения. Можешь себе представить? «Маг Прудон»! Все виды гадания. Я знал всю изнанку Эдема и никогда не ошибался. Это принесло мне небольшой капитал. Но это еще не все. Я стал политиком. Это было гораздо лучше. Потом я переквалифицировался в журналисты. Я думал: что принесет максимум выгоды при минимальных затратах? И я основал... религию. На самом деле даже несколько. Я искал свой стиль. И наконец нашел лучший вариант из возможных.

– Какой же?

– Наполовину журналистика, наполовину религия.

– Для анархиста это как-то чересчур...

– Ну да, я был анархистом на Земле-1. Проповедовал анархию, когда был богом-учеником на Эдеме, но здесь, на Земле-18, мне нечего ни терять, ни выигрывать.

– Прудон, зачем ты хотел меня видеть?

– Называй меня Жозеф. Я же называю тебя Мишель... Зачем я хотел тебя видеть? Потому что я слишком долго один храню все эти тайны. Мне нужно с кем-то поделиться. Я так давно мечтал, что кто-нибудь сможет меня понять и разделить со мной мою боль. Я так одинок здесь, на этой жалкой планетке. Мне нужно немного сострадания. Как всем.

– Я думал, ты зол на меня...

– Между возможностью убить тебя и преимуществами, который даст наш союз, я выбираю второе. Помнишь главу из «Энциклопедии»: «Сотрудничество. Взаимный обмен. Прощение»? Я прощаю тебя.

И заранее предупреждаю, что если ты что-нибудь задумаешь против меня, я также стану вредить тебе. Итак, я предлагаю тебе сотрудничество.

Видишь, я стал гораздо разумнее.

– Почему мне?

– Потому что ты единственный бессмертный на этой планете, кроме меня.

– Ты в этом уверен? Если ты бессмертен, это не значит, что и я тоже.

– Лучший способ узнать это – проверить.

Он достает из ящика стола большой револьвер девятого калибра и хладнокровно прицеливается в меня.

– Я считаю до пяти. Если до тех пор ты не примешь мое предложение, я выстрелю.

– Я не понял, чего ты хочешь? – 1... 2... 3... 4... 5...

Он нажимает на курок. Я вытягиваю руку вперед. Все происходит, как в замедленной съемке. Пуля вылетает из ствола револьвера вместе с огненной вспышкой и медленно летит ко мне. Я знаю, что не успею пошевелиться. Пуля проходит сквозь мою рубашку, обжигает кожу, разрывает мускулы, разбивает ребро, словно сухую ветку, проникает сквозь плотную, влажную мякоть моего сердца и разрывает его, разрывает спинные мускулы, ломает позвоночник и застревает в стене позади меня.

Я падаю на спину, раскинув руки, с открытыми глазами.

На этот раз все кончено.

Гаснущим взором я вижу потолок и Жозефа Прудона, склоняющегося над моим трупом.

– Хр-р-р... я умираю...

– Тс-с-с... Молчи, маловерный. Я слышу, как он кладет револьвер на стол, снова берет сигару, щелкает зажигалкой. Он снова наклоняется надо мной, выпуская клубы дыма. Я с трудом пытаюсь произнести:

– Скажите Дельфине Камерер, что, умирая, я думал о ней.

Я закрываю глаза и чувствую, что истекаю кровью.

Проходит много времени.

Я все еще не умер?

Открываю глаза. Сначала один, потом другой.

Я все еще жив!

Поднимаюсь, опираясь на локоть.

Ошеломленно смотрю на дыру в своем пиджаке, на кровь, текущую ручьем. Пытаюсь зажать рану рукой. Прудон сидит, развалившись в своем кресле.

– Ты что, действительно ничего не помнишь? Не помнишь, что меня приговорили «оставаться бессмертным и понимающим все среди смертных и ничего не понимающих?» Тебя ведь приговорили к тому же самому.

Я вижу, как моя рана начинает зарастать. Чувствую, как проходит боль.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – говорит Прудон. – Я тоже сначала думал о том, что быть бессмертным неплохо. Я нырял в вулканы, прыгал с самолета без парашюта, играл на деньги в русскую рулетку, на войне всегда шел в атаку в первых рядах, иногда даже говорил другим: «Идите за мной! Это не страшно». Каким азартным становишься, когда понимаешь, что не можешь умереть... А потом я понял, что по большому счету это ничего не меняет. Мы приговорены к вечной скуке.

Он вставляет диск в видеоплеер. На экране снова появляется лицо Дельфины. Она оборачивается, ее черные волосы медленно летят вокруг лица.

– Ты любишь ее? Тогда готовься страдать, потому что она состарится, а ты всегда будешь таким, как сегодня.

Я встаю и сажусь напротив Прудона. Я начинаю его понимать.

– Это часть нашего наказания. Я и сам любил здесь многих женщин и пережил ужасные страдания, видя, как они превращаются в дряхлых, беззубых старух с трясущимися руками. И я принял единственно возможное решение: пользоваться, а не страдать. Как ты заметил, я постоянно обновляю ассортимент, чтобы у меня под рукой всегда было «свежее мясо». Я больше не трачу на это свою душу. Только любовницы, и ни одной любимой. Симпатичные девушки у меня в гостинной, правда? Можешь выбрать себе любую. Я люблю делиться.

Моя рана затянулась. Только пятна крови на рубашке и моих руках напоминают о том, что только что произошло.

– Мы боги. Осознаешь ли ты, наконец, какой властью обладаешь? Ну, и что ты теперь скажешь о союзе, который два ссыльных бога могут заключить на этой планете?

– Сожалею, но меня это не интересует.

Он раздраженно сминает сигару в пепельнице.

– Ах да, я и забыл... Дельфина! Твоя «великая земная любовь»! Это достойно уважения.

Я рассматриваю стол Прудона. Вижу знакомые изображения. Фигурки крыс.

– Они называют тебя Пророком. Значит, ты действительно создал религию, хотя раньше, в царстве богов, говорил «ни бога, ни господина»?

Сначала власть, потом разберемся. Все, кто меня знают, поклоняются мне. Новая религия, которую я создал, хороша тем, что дает разумные, обоснованные объяснения того, о чем остальные только бессвязно мямлят. Великий парадокс: лучший способ Доказать, что религия ведет в тупик, –

создать собственную. Единственную, которая точно знает о том, что творится там, наверху. Ты же не станешь этого отрицать. Мы-то точно знаем, как там все устроено.

– Ты создал не религию, а секту!

– Пожалуйста, без оскорблений, Мишель. А потом, разве секта – это не та же религия, просто у нее пока не так много последователей, которые могли бы заставить остальных признать ее? Используя ненависть к дельфинам, я сумел объединить немало политических движений во многих странах. Даже черные, красные и зеленые флаги иногда выступали вместе во имя уничтожения дельфинов. Мало кому нравится твой народ. Самое забавное, что все их не любят по разным причинам. В бедных странах их считают слишком богатыми, в богатых – революционерами, которые хотят все поделить. Весь мир завидует им. Антидельфинье движение есть даже в странах, где нет дельфинов!

– Я думал, что анархия стремится освободить человека!

– Чтобы освободить его, сначала нужно обуздать его. Ты что-нибудь слышал о «народной диктатуре»? Красивый парадокс, не правда ли?

– Эдмонд Уэллс говорил: «большинство людей по своей природе великодушны, только мерзавцы устроены по-другому».

– А, старина Уэллс... Он был прав. Но я думаю, что последнее слово остается как раз за мерзавцами. Просто потому, что они более решительно настроены. Нужно быть реалистом. Ложь интереснее правды. Диктатура эффективнее демократии. Мир скучнее насилия. Все они кричат: свобода! Мы хотим свободу! Но на самом деле они не хотят ее. Если дать им эту свободу, они постараются как можно скорее отдать ее тирану. Вспомни русскую революцию на Земле-1: во имя освобождения народа они убили царя и на его место посадили супергероя Сталина, который заставил их голодать, ссылал в Сибирь, запрещал свободу слова.

– Это просто стечение обстоятельств.

– Мишель, смотри на вещи трезво. Это было предопределено. Народу нужен сильный лидер. Это вселяет в них уверенность, а свобода – тревогу.

Я вспоминаю, что Прудон и его люди-крысы нашли способ успокоить любое волнение в племени: нужно, во-первых, найти козла отпущения, а во-вторых, постоянно поддерживать страх перед вождем. Этот страх отвлекает от любых других.

– Поверь словам того, кто видел, как история бесконечно повторяется. Смертные выбирают пути мрака и насилия, хотя и не любят в этом признаваться. Это дикари. И с ними нужно говорить на их языке. Тех, кто ненавидит, больше. Ими проще управлять. И кроме того, они самые

активные. Чем разрушительнее цель, тем с большим энтузиазмом пойдут они к ней. Именно их руками я устрою всемирную революцию.

– Революцию?

– Я создал политическую партию, которая постепенно получает все больше власти и вскоре открыто выйдет на сцену. Вот так я развлекаюсь.

С этими словами Прудон взял пульт и промотал пленку вперед. Теперь на экране были я и сотрудники студии «Синяя бабочка».

– Тебе тоже мало быть просто писателем. Ты хочешь чего-то большего, правда? Это нормально. Тяжело быть богом в ссылке на Земле-18. Я знаю, что ты затеял мощный проект. Игру. «Царство богов». Итак, ты тоже используешь свои знания об Истине, чтобы возвыситься над другими.

Я предлагаю смертным разделить со мной мой опыт. Я делаю это не для того, чтобы подавить их. Эдмонд Уэллс говорил: «Хорош не тот учитель, чьи ученики становятся его последователями. Хорош тот, чьи Ученики становятся учителями». Это относится и к нам: хорош тот бог, который делает других богами. Прудон аплодирует.

– Неплохо! Сильно сказано!

Он достает папку, в которой собраны газетные вырезки.

– Тип, в которого ты воплотился, этот Габриель Асколейн... Не очень-то он сейчас популярен.

– Мое благословение – изобретать невероятные миры, которые открывают новые возможности. Мое проклятие – оставаться непонятым.

– Ты говоришь о нем так, будто это ты сам.

– Я Габриель Асколейн. Его тело и мозг словно знали, что я появлюсь. Когда я свалился сюда, он был таким как я!

– Естественно, а ты чего хотел?

– Мне нравится то, чем я занимаюсь. Мне кажется, что в этом есть смысл, что я приношу пользу. Я открываю другим новые горизонты.

– Вспомни, как было на Земле-1. Настоящих пионеров, первопроходцев никогда не понимали. Лавры пожинали их подражатели. Это нормально. Смертные боятся всего нового, особенно если это заставит измениться их самих. Оригинальность подобна ереси. Они не хотят никаких новых горизонтов. Они хотят бесконечного повторения того, с чем они хорошо знакомы.

– Рано или поздно они поймут то, что я пытаюсь сказать.

– Никогда и никто не поможет тебе и не признает твоих заслуг. Но если ты присоединишься ко мне, ты получишь мощную поддержку всей прессы, которая принадлежит мне. Твое творчество будет понято, объяснено, растиражировано. Ты даже сможешь растоптать твоих

обидчиков.

Он протягивает мне стакан с каким-то зеленым вином, но я отказываюсь.

– Я все еще не убедил тебя, что ты должен поддержать меня? Тогда придется использовать другие аргументы.

Он берет пульт и отматывает пленку назад, пока не появляется лицо Дельфины.

– Похоже, эта девушка смертная. Жаль, если с ней что-нибудь случится... В моей секте много фанатиков, ненавидящих дельфинов. Их не придется упрашивать, чтобы они заинтересовались ею или твоими друзьями из компьютерной студии. Это снова игра. Каждый имеет право двигать вперед свои фигуры. Ты выступил против меня на Эдеме, и меня осудили. Я создал Чистильщика. И ты проиграл. Мы оба устраивали друг другу подлянки. Можем устроить и еще. Это отнимет у нас много сил. Но если ты согласишься сотрудничать, все, что было, можно забыть. Поверь, смертные не стоят того, чтобы страдать из-за них.

Я раздумываю, потом говорю:

– Ладно. Ты меня убедил. Я ошибался, а ты прав. Я всегда мечтал сказать эту фразу: «Я ошибался, а ты прав». В спорах каждый приводит свои аргументы, не слушая другого, а в конце все расходятся, оставаясь при своем мнении. И все надеются хоть раз услышать: «Ты меня убедил. Я ошибался, а ты прав».

– Что? – растерянно переспрашивает Прудон. – Ты серьезно?

– Я слишком привязан к Дельфине и моему народу. Кроме того, у тебя большой опыт бога, жившего в ссылке на Земле-18. Значит, ты лучше меня знаешь, что делать. С моей стороны было бы глупо не слушать тебя. А потом, ты же сам сказал: «Лучше делать ставку на дураков. Их больше».

Прудон кладет сигару в пепельницу и снова протягивает мне стакан. Я залпом глотаю алкоголь, который неожиданно бодрит меня.

– Ну что, подпишем бумаги или просто пожмем друг другу руки? – спрашиваю я.

Мне достаточно твоего слова, – говорит он. Я смотрю на револьвер, который лежит на столе. Чтобы все было по справедливости, я бы должен сделать с тобой то же, что ты сделал со мной. Как ты считаешь?

Прудон протягивает мне револьвер.

– Если тебе так хочется, убей меня, и мы будем квиты.

Я приставляю оружие к его лбу.

– Если я выстрелю тебе в голову, ты действительно останешься жив?

Он криво улыбается.

– Иногда, когда у меня сильная мигрень, я сам так делаю. Я называю это «проветрить мозги». Помогает лучше, чем таблетки.

Он по-прежнему насмешливо улыбается и снова берет сигару. Он спокойно курит, не обращая внимания на то, что мой палец вот-вот нажмет на курок.

– Я выстрелю на счет пять. 1... 2... 3...

Пуля пробивает дыру в его лбу, верхушка черепа разлетается на белые осколки, словно ореховая скорлупа. Уцелели только подбородок и рот. Губы по-прежнему сжимают сигару.

Кости тут же начинают быстро срастаться, но глаз и ушей пока нет. Я хватаю револьвер и выпрыгиваю в окно, которое выходит в парк. Правильно ли я рассчитал? Мне понадобилось около минуты, чтобы оправиться после выстрела в сердце. Значит, и у меня есть не меньше минуты, чтобы убежать.

На стоянке у замка стоит спортивная машина. Дверца открыта. Ключи в замке зажигания. Я прыгаю в машину и срываюсь с места. К счастью, окна тонированные. У меня всего несколько секунд, чтобы выбраться из парка. Я мчусь по аллеям, посыпанным гравием.

Я готов к тому, что, когда окажусь у решетки, вззоет сирена, охранники спустят собак и кинутся наперерез, но ничего подобного не происходит.

Речевые центры в мозгу Прудона еще не восстановились.

Я мчусь по проселочным дорогам. Погони нет, однако нельзя терять ни минуты.

48. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЦАРИЦА КАХИНА

Кахина была царицей берберов и правила на землях, которые, по легенде, принадлежали амазигам^[16] (в области вокруг горного массива Аврасий, который теперь называется Джебель-Орес, на территории современного Алжира). Историки писали, что царица Кахина была очень красива и носила только красные одежды. Она выдвинулась благодаря своей привлекательности и таланту дипломата. Избранная советом старейшин, она сумела примирить враждовавшие племена, вступил в союз с Карфагеном, находившимся под влиянием византийской культуры, и противостояла попыткам арабо-исламского завоевания с 695 по 704 год. Против нее выступал Хасан ибн Нуман, действовавший по заказу дамасского калифа Марвана. Берберо-карфагенский союз (берберы были анимистами, карфагеняне – христианами) в первое время успешно давал отпор мусульманам, пытавшимся взять Карфаген. Царица Кахина была отличным стратегом. При городе Константина она разгромила войска Хасана ибн Нумана, в десять раз превосходившие численностью ее армию, и оттеснила арабов в Триполитанию.

Униженный Хасан ибн Нуман обратился за помощью к калифу Марвану, который дал ему сорок тысяч испытанных воинов, но предупредил: «Или ты принесешь мне голову Кахины, или я получу твою». С таким войском Хасан ибн Нуман легко взял Карфаген. Теперь берберы в одиночку противостояли врагу.

Царица Кахина применяла тактику выжженной земли, пытаясь вынудить арабов отступить.

В 702 году она с войском в двадцать раз меньшим, чем у Хасана ибн Нумана, напала на него при Табарке. Царица едва не победила, но пала жертвой предательства. Ее предал Халид, юный воин-араб, которого Кахина пощадила и усыновила согласно берберскому обычаю «анайя», требующему защищать слабых. Царицу захватили в плен. Ее отрубленную голову послали калифу Марвану. Говорят, что когда он открыл мешок и посмотрел на мертвое лицо Кахины, то сказал: «В конце концов, это была всего лишь женщина».

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

49. ДЕЛЬФИНА ВСЕГДА ВСЕГДА

На небе собираются тучи. Они принимают форму ртов, раскрытых в гневном крике, и яростных лиц.

Я мчусь вперед.

Молния разрывает небо. Раздается гром.

Чтобы не слушать шум, который вызвал не я, включаю проигрыватель дисков. Мощная музыка наполняет салон. К своему великому изумлению, я слышу «Dias irae» Моцарта.

Прудону как-то удалось раздобыть музыку Земли-1! Как это возможно? Гитлер. Моцарт.

Мысли и мелодия сплетаются в моей голове.

Значит, между параллельными мирами существует связь!

Музыка не успокаивает меня, напротив, она меня заводит. Латинские слова, перекликающиеся баритоны и сопрано действуют на меня как наркотик.

«Dias irae» означает «Гнев божий».

Я нашариваю коробку диска. На ней, разумеется, другое название, другое имя композитора. Прудон не мог скопировать все.

Начинается сильный дождь. Потоки воды текут по лобовому стеклу. Из-под колес поднимаются целые фонтаны. Впереди молния попадает в дерево, которое тут же начинает пылать.

Я не боюсь другого бога. Тем более я бессмертен.

Я выезжаю на шоссе и увеличиваю скорость. Меня не оставляет чувство, что нужно торопиться.

Другие машины замедляют ход, я же прибавляю до 250 километров в час. Молнии освещают мокрый асфальт. Вспышка радара. Я бы удивился, если бы они сумели меня сфотографировать на такой скорости. В любом случае штраф выпишут Прудону.

Мне нравится ощущение собственной силы, и я снова нажимаю на газ. На приборной доске вспыхивает огонек – включился турбодвигатель. Я как бешеный перестраиваюсь из ряда в ряд между легковыми автомобилями и грузовиками, обгоняю мотоциклы. Когда-то я перемещался со скоростью мысли в космическом пространстве, но уже забыл, какое это наслаждение – рассекать воздух и чувствовать сцепление шин с дорогой. 280 километров в час. Я лечу вперед, как ракета. Только на въезде в столицу пробки вынуждают меня сбросить скорость и тащиться в потоке машин,

продвигающихся вперед не быстрее пешехода.

Миновав пробки, я несусь через город, не обращая внимания на светофоры. Никто не может обогнать меня. Какая-то большая машина не уступает мне дорогу, когда я пролетаю очередной перекресток на красный свет, и я опрокидываю ее. Я забыл, что здесь левостороннее движение.

Мне снова кажется, что все происходит, как в замедленной съемке. Обе машины медленно вдавливаются одна в другую, я чувствую, как от удара сминается салон. Подушка безопасности не сработала, и Руль пробивает мне грудь. Головой я пробиваю лобовое стекло. Дождь заливает мое лицо, усыпанное осколками стекла.

Другая машина превратилась в груды дымящегося металла. Жаль, действительно, очень жаль, но в этой игре на карту поставлено слишком многое, чтобы что-то еще имело для меня значение.

Я вылезаю из машины через дыру в лобовом стекле. Прохожие, видевшие аварию, кричат от ужаса. Странно, но проигрыватель не сломался. «Dies irae» продолжает звучать.

Я делаю жест, который должен одновременно означать «извините» и «не беспокойтесь, со мной все в порядке». Моя одежда мокра от крови, но меня это не волнует. Отдам потом в химчистку.

Отойдя подальше от места аварии, я моюсь в фонтане и пытаюсь поймать такси. Никто не хочет останавливаться, так дико я выгляжу. Один водитель так резко сворачивает в сторону, что его даже заносит. Наконец передо мной останавливается машина «скорой помощи». Врачи предлагают доставить меня в больницу.

Я согласен, но сначала должен заехать к своей девушке. Врачи соглашаются, видя мою решимость и револьвер.

Открыв дверь, Дельфина в ужасе отшатывается.

– На разговоры нет времени. Мы в большой опасности. Собирайся. Мы уходим.

Мгновение Дельфина стоит как оглушенная. Но что-то в ней реагирует на мои слова. Эту фразу столько раз слышали ее предки, что она намертво запечатлелась в ее генах. Как скважина, ожидающая подходящий ключ.

Среди дельфинов выжили самые большие параноики. Они быстрее соображали и действовали. Все оптимисты вымерли.

Дельфина Камерер не спорит. Она указывает мне на ванную. И тут же начинает собираться.

В зеркале, висящем над раковиной, я вижу свое лицо. Некоторые раны еще не затянулись.

Я принимаю горячий душ и надеваю одежду, которая осталась у

Дельфины от ее бывшего жениха. Она достала три больших чемодана на колесиках и методично заполняет их необходимыми вещами. Ноутбук, дорожный несессер. Одежда для жаркой и холодной погоды.

Мы садимся в ее машину. Я трогаю с места, поминутно бросая взгляд в зеркало заднего вида.

– Теперь ты можешь мне объяснить, что происходит?

– Зло. Все силы зла проснулись. «Чрево зверя еще способно порождать чудовищ», говорил Бертольд Брехт, писатель одного из моих прошлых миров. Зверь вот-вот породит чудовище. Я видел его лицом к лицу.

– И кто это?

– Мой бывший коллега с Эдема. Он стал главой издательского дома, главой секты, а скоро станет и политическим лидером. Он следит за нами. Твоя жизнь в опасности.

Дельфина выглядит удивленной, но тут за нами появляется машина, в которой полно типов, похожих на тех, которых я видел в замке Прудона. Я жму на газ, сожалея о том, что спортивная машина разбита.

Я не обращаю внимания на светофоры. Еду по встречной полосе. Обгоняю другие машины. Я помню, что Дельфина, в отличие от меня, смертна, и поэтому стараюсь не очень рисковать. Преследователи не отстают, и мне приходится достать револьвер и стрелять по колесам. Их машина переворачивается и сносит фонарный столб.

Бензин почти на нуле и я останавливаюсь на заправочной станции. Все вокруг кажутся мне подозрительными. Водитель грузовика, который пьет пиво, время от времени поглядывая на меня. Молчаливый бездомный. Ребенок, который перебирает свои игрушки. Я не могу забыть слова Прудона: «Ненавидящие повсюду. Их большинство, ими проще всего управлять. Они не колеблются. Ты даже не можешь представить, с каким рвением они берутся за любую разрушительную деятельность. И следовательно, именно их руками я совершу всемирную революцию».

Кассир с густыми усами хмурится, он смотрит на меня так, словно узнал.

Неужели все смертные – просто трусливые обезьяны?

Неужели все смертные опасны?

– Простите, вы писатель Габриель Асколейн? – спрашивает меня невысокая женщина. – Моя дочь обожает ваши книги. Я не читала, но, кажется...

Я ищу мелочь в кошельке. Дельфина расплачивается за меня, и мы снова пускаемся в путь.

Какая-то машина преследует нас. Я прикладываю массу усилий, и нам

удается оторваться. Я постоянно слежу, не едет ли кто за нами.

Дельфина говорит:

– Габриель Асколейн, объясни мне, наконец, кто же ты на самом деле.

Могу ли доверять этой смертной? То, что она исповедует религию, которую я изобрел, еще ни о чем не говорит.

– Я хотел бы тебе все рассказать. Вопрос в том, действительно ли ты хочешь знать?

– Теперь да, хочу.

И тогда, пока мы едем, я рассказываю ей историю моей души.

Свою обычную жизнь на Земле-1.

О том, как я боялся умереть.

О том, что ничего не знал о мирах, которых великое множество вокруг нас.

О том, как встретил Рауля Разорбака.

О нашей сумасшедшей эпопее, когда мы стали танатонавтами и отправились завоевывать рай, покидая свои тела и путешествуя в пространстве.

О том, как попал в верхний мир. О своей жизни в Империи ангелов.

О том, как оказался на Эдеме.

О том, как был богом-учеником в Олимпии.

Я подробно рассказал о том, как создал людей-дельфинов. О старухе, которая впервые заговорила с дельфинами.

О нашествии людей-крыс.

О бегстве на кораблях на остров Спокойствия.

О потопе. О том, как корабли, на которых спасались выжившие, уплыли к разным континентам.

– Я не знаю, ты ли все это создал, – говорит она, – но это очень похоже на то, что написано в наших книгах.

Я рассказываю ей, как научил свой народ создать совет старейшин и установить дни отдыха, внушил им правила гигиены, интерес к мореплаванию, астрономии, торговле, исследованию новых земель. Потом рассказал об испытаниях, которые им пришлось пережить: о проигранных войнах, вынужденном бегстве, преследованиях, клевете, третьем рассеянии.

Я рассказываю ей об уроках двенадцати богов-преподавателей. О наших экспедициях, чтобы узнать, что за свет сияет на вершине горы. О сиренах, драконе, Левиафане. О Медузе Горгоне, которая превратила меня в каменную статую. О богоубийце, который убивал учеников по ночам. Об аресте Прудона, суде над ним и приговоре.

Рассказываю, как я сжульничал в игре и послал мессию, чтобы спасти свой народ, которому угрожала опасность.

– Преемника?

– Нет, Просвещенного.

– Значит, Просвещенный был дельфином?

– Да. Он родился на дельфиньей земле и проповедовал религию дельфинов. А потом Преемник, созданный моим бывшим другом и соперником Раулем Разорбаком, присвоил себе его слова и истолковал их так, как ему было нужно, чтобы подчинить себе другие страны.

Она хмурится.

– Я всегда чувствовала, что Просвещенный был из наших и что его обокрали, – говорит она. – Но думаю так: хорошо, даже его послание, пусть даже украденное и извращенное, распространилось среди других народов. Пусть даже это и сделали люди-орлы.

Я удивлен, что Дельфина так спокойно приняла это откровение. Ведь ей должно быть известно, что последователи Преемника сделали с дельфинами, прикрываясь именем Просвещенного.

Эта смертная умеет прощать лучше, чем ее бог.

Я рассказываю ей, как избил Рауля и бежал на Пегасе, крылатом коне Афины. Она, конечно, ничего не знает о греческой мифологии. Я рассказываю о восхождении на Олимп, о битве с титанами, о встрече с самим Зевсом, царем богов, о возвращении и участии в Финальной игре и своем поражении в битве с Чистильщиком.

– Вы сражались внизу, а я – наверху.

Я рассказываю о том, как снова и снова переигрывал свою партию и раз за разом терпел поражение. О том, как был полностью разгромлен и в отчаянии убил бога людей-акул.

О том, как был приговорен к ссылке на Землю-18.

Потом рассказываю о своем соседе в бежевом плаще и черной шляпе, который следил за мной, о встрече со ссыльным богом крыс, Жозефом Прудон. Я объясняю ей, что он задумал мировой заговор, который он называет революцией ненавидящих.

– Эта затея настолько чудовищна и в то же время проста, что у него вполне может получиться то, что он задумал. Прудон во многом прав: поощряя самые низменные инстинкты – страх, зависть, ненависть, – можно быстро добиться фантастических результатов. Кроме того, он мечтает захватить власть над всей планетой. Ему это нужно по двум причинам: во-первых, он скучает, а во-вторых, мечтает отомстить.

Дельфина кивает, словно вдруг поняла смысл происходящего.

– Значит, все мы, дельфины, обречены?
– Вы в большой опасности.
– Я должна предупредить тех, кто исповедует мою религию.
– Никто не станет тебя слушать. Правда никогда не выглядит правдоподобно.

– Но что же делать? Сидеть и ждать, когда нас истребят?
– Чтобы остановить мировой заговор, нужно организовать другой мировой заговор. Будем использовать то же оружие, что и наши противники. Нужно основать влиятельный издательский дом, внедриться в экстремистские политические группировки, со всех сторон наносить приспешникам Прудона неожиданные удары. Организуем забастовки на его издательском предприятии. Дискредитируем его секту. Остановим насилие насилием. Воспитаем фанатиков антифанатиков. Проникнем в другие религии. Будем терроризировать террористов. Создадим свою политическую партию.

Дельфина задумывается.

Не выйдет. Тебе хорошо известно, что культура дельфинов – это культура мира и толерантности. Из нас получатся плохие фанатики и плохие террористы. У нас другое отношение к жизни, мы не сможем победить свою совесть и уважение к человеку. Даже политиками мы будем никудышными. Это не наш стиль. Ты должен это знать, раз ты нас создал, как ты говоришь.

В этот минуту я жалею о «стиле», который выбрал в игре. Я никак не могу отказаться от мысли, что одной разрушительной силе следует противопоставлять другую, более могущественную. Чтобы остановить нацизм на Земле-1, пришлось создать армию союзников, которая сражалась с ним и победила его.

– Мы должны победить нашим собственным оружием, – утверждает Дельфина.

– Каким?

– Любовью. Юмором. Искусством.

Это что-то напоминает мне. Неужели она снова учит меня тому, чему я учил ее народ?

– Один из наших дельфиньих философов сказал как-то: «Любовь – как меч, юмор – как щит», – добавляет она.

Вот она, сила идеи, которую я послал им 6000 лет назад. Ее передают из поколения в поколение, и она до сих пор не выдохлась.

За окнами мелькают пейзажи.

– Если один человек приходит к другому с ножом, а этот другой просто

любит его, то первый убьет его. И больше никакой любви. Только смерть.

– Твоя игра «Царство богов» может стать первым оружием сил света. Действуя как боги, люди поймут, о чем идет речь.

– Теперь, когда Прудон знает, что и я знаю, он начнет реализовывать свой план ускоренными темпами. И уж он-то безо всяких колебаний будет использовать самые грязные методы. Бомба, заложенная в школе, принесет больше вреда, чем компьютерный игрок, задумывающийся над вопросами мироздания.

Мы едем, пока не наступает ночь. Вокруг ни одной машины. Запахло морем, мы слышим крики чаек. Мы на самом западе страны. Дальше начинается океан.

Дельфина замечает небольшую уединенную гостиницу со скромным названием: «Прибрежная». Мы надеваем темные очки и шляпы, называемся чужими именами. В холле гостиницы несколько пенсионеров обсуждают футбол.

– Нужно выяснить, где здесь видеокамеры и отворачиваться проходя мимо.

Мы вносим в номер наш скромный багаж. Это простая комната в деревенском стиле. Деревянная мебель, посреди огромная кровать под балдахином. В окно видно луну, ее серебристый отсвет на волнах. Мы задергиваем занавески, запираем дверь на два оборота. Дельфина отправляется в душ, возвращается в халате с тюрбаном из полотенца на голове.

– Ты зарабатываешь новые баллы, – объявляет она.

– За что?

– За храбрость. Ты сражался с драконом и спас принцессу.

– И сколько же я заработал? – 5 баллов. Итого: 20. Счет закрыт. Я готова заняться с тобой любовью.

Она говорит это совершенно просто и начинает сушить волосы феном.

– Я не понимаю.

– Теперь мы на войне, а один из наших девизов – «Любовь – как меч».

Она спокойно встряхивает длинными волосами. Честно говоря, я смотрю гораздо дальше в будущее. Я думаю, что мы должны завести ребенка.

И, не глядя на меня, она спокойно продолжает: Ребенок плоти, крови и разума. Этого у тебя не могло быть ни на Эдеме, ни в Империи ангелов. Зато это возможно здесь, на Земле-18, как ты ее называешь. Вот преимущество смертных, живущих в нижнем мире: мы можем создавать жизнь. Настоящих детей. Это гораздо лучше, чем шахматы, марионетки,

куклы, киноактеры, которые изображают вымышленных персонажей. Это настоящая жизнь.

– Завести маленького дельфина для будущего жертвоприношения? – горько усмехаюсь я.

– Нет. Новое существо, которое я воспитаю согласно дельфиньим ценностям.

Я ласкаю ее шею, глажу плечи.

– Я в них больше не верю.

Я тону в ее черных глазах, в запахе ее темных волос. Она целует меня и прижимается ко мне. Невероятные ощущения.

– Любовь сильнее всего, – шепчет она мне на ухо. – Если ты, бог, защищающий благородное дело, не веришь в это, то кто же поверит?

Мы целуемся, обнимаемся, растворяемся друг в друге, и в этом нет ничего необычного. Все просто и очевидно. Но некое чувство свыше осеняет союз наших тел. Чувство, что мы создаем новую жизнь. Нечто подобное я пережил во время первой партии в божественной игре, когда создавал народ дельфинов.

Нет ничего, и вдруг что-то появляется.

Сила мысли. Сила чувства.

В начале всего – мысль.

Простое желание.

Наши тела двигаются, а я думаю о том, что в начале всего любовь, и любовь в самом конце.

И это напоминает мне одну главу из «Энциклопедии». Одну из самых главных.

50. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: СОТРУДНИЧЕСТВО, ВЗАИМНЫЙ ОБМЕН, ПРОЩЕНИЕ

В 1974 году философ и психолог Анатолий Рапапорт из Торонтского университета высказывает мысль о том, что самая эффективная манера общения людей заключается: 1) в сотрудничестве; 2) в обмене; 3) в прощении.

Другими словами, если индивид, структура или группа сталкивается с другими индивидами, структурами или группами, им выгоднее всего искать союза. Затем важно, по закону взаимного обмена, отплатить партнеру тем, что получаешь от него. Если он вам помогает, помогите, если он нападает на вас, нападите в ответ, таким же образом и с той же интенсивностью. И наконец, надо простить и снова предложить сотрудничество.

В 1979 году математик Роберт Аксельрод организовал конкурс между автономными компьютерными программами, способными реагировать подобно живым существам. Единственным условием было: каждая программа должна быть обеспечена средством коммуникации и иметь возможность дискутировать с соседями.

Роберт Аксельрод получил четырнадцать дискет с программами, которые прислали его коллеги из разных университетов. Каждая программа предлагала разные модели поведения (в самых простых – два варианта образа действий, в самых сложных – сотня). Победитель должен был набрать наибольшее количество баллов.

Некоторые программы пытались как можно быстрее начать эксплуатировать соседа, украсть у него баллы и сменить партнера. Другие старались действовать в одиночку, ревниво охраняя свои достижения и избегая контакта с теми, кто способен их украсть. Были программы с такими правилами поведения: «Если кто-то проявляет враждебность, нужно попросить его изменить свое отношение, затем наказать». Или: «Сотрудничать, а затем неожиданно предать».

Каждая из программ двести раз вступала в борьбу с каждой из конкуренток. Программа Анатолия Рапапорта, вооруженная моделью поведения СВОП (Сотрудничество, Взаимный Обмен, Прощение) вышла победительницей.

Более того, программа СВОП, помещенная наугад в гущу других программ и сначала проигрывавшая агрессивным соседкам, не только одержала победу, но и «заразила» остальных, как только ей дали немного

времени. Соперницы поняли, что ее тактика наиболее эффективна для зарабатывания очков, и подстроились под нее.

Сами того не зная, Рапапорт и Аксельрод нашли научное обоснование знаменитых слов: «Любите друг друга». Просто потому, что это в наших собственных интересах.

*Эдмонд Уэлс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания
(из тома III)*

51. ВЕЛИКИЙ ИСХОД

(музыка группы «Deacon`s Speech») Я чувствую себя не таким одиноким. Мы с Дельфиной зарылись в постель, как две испуганные лисы, которым страшно выйти наружу и встретиться нос к носу с волками. Шум прибоя за окном теперь слышен более отчетливо.

У Дельфины ледяные ноги, но я уже привык. Наши тела идеально подходят друг другу, сердца бьются в унисон.

Я все рассказал ей, и теперь я свободен. Теперь, что бы ни случилось, мы союзники. Этой ночью мне не снятся сны. Возможно, потому, что реальность и так вполне фантастична.

Когда я просыпаюсь, у меня перед глазами темные волосы Дельфины.

– Мне приснился сон, – говорит она. – Я была маленькой птичкой и сидела на ветке. Я не могла летать. Внизу были гиены, они ждали, когда я свалюсь. Я пыталась прыгать с ветки на ветку, но мои крылья были слишком малы, они совсем не держали меня, и я могла упасть вниз. Тогда я сделала удивительную вещь. Я вспыхнула, мое тело превратилось в огонь, дым, облако. Ветер унес меня в море, и я оказалась на острове. Там облако разразилось дождем. Теперь я стала водой. Вода стала льдом, лед – перьями, и я снова превратилась в птицу. На этом острове мне уже не нужно было летать, потому что там мне ничто не угрожало.

– Феникс... Это миф о фениксе. Ты гений! Кажется, ты нашла решение нашей проблемы. Нужно умереть, чтобы возродиться.

Мы заказываем завтрак в номер и с аппетитом съедаем его. Нашему мозгу нужен сахар, нам придется много думать. Кровать под балдахином похожа на квадратный корабль. Идеи рождаются одна за другой, дополняя первую. Мы записываем их, набрасываем план действий, обдумываем детали.

– Художница Дельфина Камерер и писатель Габриель Асколейн погибли в автокатастрофе. Машина не впишется в поворот и сорвется со скалы в океан. Там будет так глубоко, что никто не станет искать наши тела, – предлагаю я.

– Хорошо быть писателем, всегда знаешь, как придумать отличную инсценировку.

Люди Жозефа Прудона перестанут искать нас и преследовать. Насколько мне известно, он бессмертен, но не вездесущ.

Мы официально будем считаться погибшими...

И вернемся к жизни в другом месте. Осталось только придумать, где.

Она встает, отдергивает занавески. За окном спокойный океан. Чайки с криками кружат над гостиницей.

Мне было двенадцать, – рассказывает Дельфина. – Мой дядя увлекался плаванием на парусных судах, и однажды он взял меня с собой в большое путешествие. Мы долго плыли и наконец бросили якорь посреди океана у маленького необитаемого острова. До любой другой земли оттуда было очень далеко. Посреди острова была гора, еще там текла река. Дядя объяснил, что здесь слишком много болот, чтобы можно затеять какое-нибудь строительство, а для того чтобы осушить эти болота, потребуется вложить слишком много денег, поэтому ни одна туристическая компания не заинтересовалась островом. Остров окружен рифами и бурными течениями, и к нему трудно приблизиться. Дядя сказал: «Если когда-нибудь ты решишь скрыться от всего мира, этот остров станет твоим убежищем. Никто никогда не захочет приплыть сюда». Он показал мне секретный пролив, мы бросили якорь и высадились на берег. Подниматься на гору было трудно, но оттуда было видно и реку и лес. Дядя умер, но я не забыла о нашем путешествии.

– Потрясающе! Ты сможешь найти этот остров?

– Думаю, да. Он находится к юго-западу от другого острова – острова Бакланов.

Я набрасываюсь на круассаны, пью кофе и апельсиновый сок.

– Он большой?

– Несколько квадратных километров. Меня охватывает давно забытый энтузиазм.

– Как остров Спокойствия... Проблема в том, что, оказавшись там, мы будем оторваны от остального мира. А мы ведь должны противостоять заговору Прудона.

– У меня есть ноутбук. Через спутниковую антенну мы сможем подключаться к Интернету.

– А как быть с электричеством?

– Мы возьмем солнечный теплоуловитель и сменные батареи.

Я и забыл, что моя подруга увлекается новыми технологиями.

– А как мы будем поддерживать связь с континентом?

– Через Элиота, главу студии «Синяя бабочка».

Он отличный парень, мы можем полностью доверять ему. Мы сможем работать на острове и даже продолжить разработку игры. Я буду посылать ему рисунки, а ты – сценарий игры. Ты отправишь рукопись романа издателю. К счастью, у нас обоих творческие профессии, и мы можем

работать удаленно.

Я попросил, чтобы в нашем номере включили Интернет. Мы заходим на сайт, на котором можно увидеть Землю-18 из космоса. Я задаю поиск острова Бакланов, курсор перемещается на запад, в океан, и наконец обнаруживает остров, о котором говорила Дельфина.

– Вот он, – восклицает она, указывая на то, что я сначала принял за шапки пены на волнах. Вблизи остров похож на зуб, торчащий из океана.

Максимально увеличив изображение, я различаю реку, отвесные берега и даже рифы. Дельфина указывает мне:

– Мы с дядей высаживались на этой стороне острова.

Остров называется Фитусси. Видимо, по имени того, кто его открыл.

– Остров очень зеленый, – замечаю я. – Значит, нам будет, что есть. Там, наверное, растут фрукты, да и дичь какая-нибудь водится.

И мелкая, и крупная. Дядя говорил, что там нужно остерегаться хищников.

Думаю, они не так опасны, как люди. Одевшись как туристы, мы выходим в город. Я снимаю все деньги со счета в банке. У нас есть несколько дней, пока Прудон не найдет нас и не пустит по нашему следу своих ищеек. Потом, снова назвавшись вымышленными именами, мы покупаем парусник, пять ноутбуков, спутниковые антенны, фотоаппараты, планшеты для рисования, солнечные теплоуловители, батареи. Лекарства, еду, альпинистское снаряжение, крем, защищающий от солнечных лучей, ножи, секаторы, молотки, самые разные инструменты и строительные материалы. Семена овощей, злаков, фруктовых деревьев. Два ружья и патроны на случай, если на острове действительно много хищников.

Мы грузим все это на парусник.

Дельфина работает методично, быстро, с большим рвением. Проходят дни. Мы много едим, занимаемся любовью, работаем и слушаем музыку.

Наконец сборы перед большим путешествием окончены.

В назначенный день, в 4 часа 44 минуты утра, пока все спят, мы мчимся по дороге к тому месту, где установлен радар. На этот раз я превышаю скорость всего на двадцать километров в час, так, чтобы нас успели сфотографировать. Вспышка.

Мы приезжаем на берег, к тому месту, которое заранее выбрали, у самой глубокой части залива. Разбиваем ограждение, оставляем следы шин на земле. Кладем большой камень на акселератор и сбрасываем машину в океан.

Пешком возвращаемся к паруснику, не заходя в гостиницу. Дельфина звонит Элиоту по частной линии, и они договариваются о том, как будут

выходить на связь друг с другом. Она обо всем рассказывает ему. После некоторых колебаний он соглашается ввязаться в это дело и по нашей просьбе вызывает полицию. Объясняет, что говорил с нами по мобильному телефону, когда мы ехали в машине, потом услышал визг тормозов, звуки удара, крики и грохот. Называет место, где следует нас искать.

В это время мы с Дельфиной отчаливаем. Мы стараемся отплыть как можно тише. Ставим паруса. Вскоре береговые огни исчезают вдаль.

– Ну что ж, – говорю я, – дело сделано. И мы хохочем.

– Мы сделали это!

Мы обнимаемся. Благодаря тому, что у нас есть доступ к Интернету, мы можем из кабины нашего парусника следить за тем, как продвигается расследование. Час за часом. Наш фокус удался.

Выходит даже огромная статья-некролог, подписанная... Арчибалдом Густеном. Он пишет о том, как дочь познакомила его с моими книгами, хотя до тех пор он с предубеждением относился к фантастике.

Он пишет, что имел честь неоднократно встречаться со мной и обсуждать наше отношение к литературе, которое «во многом совпадало». Для него большее значение имела форма произведения, для меня – содержание. Он защищал стиль, а я – сюжет. Наконец он признал, что мне нередко удавалось удачно сочетать и то и другое. Он сравнивал «Посуду в слоновьей лавке» с одним из его собственных сочинений, которое выйдет в ближайшие месяцы.

– Ну, дает! Он умудрился сделать себе рекламу даже в некрологе!

Но статья на этом еще не заканчивается. Арчибалд Густен пишет, что я был «новатором, который, возможно, слишком увлекся новаторством». Писателем, опередившим свою эпоху, и потому непонятым. Меня игнорировали благонамеренные современники, которые не осознали, что я писал литературу будущего. Пользуясь случаем, он цитирует себя самого: «Асколейн находился на уровне 3, в то время как широкая публика ценит только уровень 2 и считает, что все остальное, не подходящее под эти критерии, находится на уровне 1».

Какое-то извращенное удовольствие – получать комплименты от противника. Густен занял удивительно выгодную позицию. Даже его родная дочь будет теперь гордиться отцом, который «мужественно воздал должное» ее любимому автору.

– Это просто люди с гипертрофированным эго, они пользуются любым случаем, чтобы возвысить самих себя, – комментирует Дельфина, заметив, что эта статья несколько меня не впечатлила.

Я обнаруживаю, что статья Густена напечатана в газете,

принадлежащей «Горячим новостям» Прудона. В Интернете я нахожу и другие публикации о себе, по большей части хвалебные. Критики с запоздалым изумлением обращают на меня внимание.

Оказывается, нужно умереть, чтобы тобой заинтересовались. Хотя, может быть, все дело в том, что критики составляют мнение о чьем-либо творчестве, только когда автор умрет и можно представить себе все его наследие в целом.

Мой издатель тоже разражается статьей, в которой рассказывает о том, как открыл меня, когда я был еще неизвестным писателем, и как до конца оказывал мне поддержку. Он называет меня «загадочной и многогранной творческой личностью». Элиот написал статью памяти талантливой Дельфины Камерер, в которой высоко оценил все, созданное ею. Он упомянул, что игра, созданная двумя погибшими авторами, скоро выйдет.

Фотографии сломанного ограждения и следов шин находится на первой странице многих изданий, а также фото команды ныряльщиков, которые заявили, что найти тела можно, только воспользовавшись батискафом, так как они находятся на слишком большой глубине, на которую нельзя опуститься с аквалангом.

– Итак, – объявляю я, – Дельфины Камерер и Габриеля Асколейна больше нет.

Я приношу бутылку рома, и мы празднуем собственную смерть.

– Теперь курс на остров Фитусси!

Мы спускаем фок и грот, ставим спинакер, и наш парусник летит вперед как стрела. Мы долго сидим на палубе в молчании.

Держа руки на штурвале, Дельфина не отрываясь смотрит на горизонт. Из колонок, которые мы установили на паруснике, звучит симфоническая музыка.

У людей-дельфинов всегда были особые отношения с морем и парусами, которые во все времена были их главными спасателями.

Дельфина учит меня вести судно. Я управлял несколькими поколениями мореплавателей, и теперь сам узнаю, какое ни с чем не сравнимое наслаждение плыть под парусами, скользить по воде на судне, подгоняемом ветром, не загрязняя окружающую среду, в полной тишине.

Мы занимаемся любовью в каюте или на палубе, едим, пьем ром, слушаем классическую музыку, говорим о литературе, о фокусах, без конца возвращаемся к вопросам, которые занимают нас обоих: неужели все предопределено? Неужели все, что с нами происходит, уже предначертано?

Я показываю Дельфине фокус, которому меня научил Жорж Мельес. Я пишу на листке бумаги слово и спрашиваю:

– Ты знаешь, что здесь написано?

– Нет.

Тогда я показываю ей листок, на котором написано: «нет».

Она смеется и показывает мне на звезды.

Я думаю, что кто-то там наверху смотрит на нас и заранее пишет ответы на вопросы, которые мы когда-нибудь зададим.

Нет, этим кем-то был я, а теперь партия закончена, боги-ученики покинули эту планету. Тут больше никого нет. Я обнимаю ее.

– Смотри, – говорит она. – Кажется, я вижу какой-то свет там, наверху.

– Мне все равно, есть ли там свет. Мне все равно, предначертаны наши судьбы или нет. Для меня имеет значение только эта минута. Только здесь и сейчас. Поцелуй меня.

Поднимается ветер, мы начинаем плыть все быстрее. Я смотрю на звезды. Что же такое человек?

52. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: СПОР В ВАЛЬЯДОЛИДЕ

Вальядолидский спор стал первым процессом о правах человека.

В 1492 году Христофор Колумб открыл Америку. Европейцы поработили индейцев и заставили их работать в рудниках. Некоторых из них привозили в Европу и показывали на ярмарках. Однако Церковь не знала, как относиться к этим «человекообразным» существам. Можно ли их считать потомками Адама и Евы? Есть ли у них душа? Нужно ли обратить их в христианство? Чтобы найти ответ на все эти вопросы, в 1550 году император Карл V собрал в колледже Святого Григория «экспертов», которые должны были решить, кого можно считать человеком, а кого нет.

Адвокатом индейцев был доминиканский монах Бартоломео Лас Касас, отец которого принимал участие в экспедиции Колумба. Лас Касас основал на Карибских островах христианскую колонию, члены которой – испанцы и индейцы – вместе занимались сельским хозяйством.

Его противником был Хинес де Сепульведа, священник, богослов и личный исповедник Карла V, знаток древнегреческой культуры, переводчик Аристотеля и ярый противник Лютера.

Пятнадцать судей, четверо монахов и одиннадцать законоведов должны были определить, на чьей стороне правда.

От исхода дискуссии во многом зависело дальнейшее экономическое развитие Европы, ведь до тех пор индейцы, которых не считали людьми, представляли собой неисчерпаемый ресурс бесплатной рабочей силы. Конкистадоры не обращали их в христианство, а просто отнимали у них богатства, разрушали поселения и превращали в рабов. Если индейцев признают людьми, придется сделать их христианами и платить за работу. Возникал еще один вопрос: как именно насаждать христианство среди индейцев? Убеждать или запугивать?

Дискуссия длилась с сентября 1550 года по май 1551 года, и на это время колонизация Нового Света была приостановлена. Сепульведа считал, что цивилизованные люди не только имеют право, но и должны взять на себя «заботу» об индейцах, ведь у них процветает каннибализм, они совершают человеческие жертвоприношения, предаются содомии и другим сексуальным извращениям, которые осуждает Церковь. Он утверждал, что индейцы – «рабы по природе» и не в состоянии самостоятельно избавиться от своих правителей-тиранов. Следовательно, необходимо вооруженное вмешательство.

Лас Касас полагал, что индейцы совершают человеческие жертвоприношения потому, что глубоко чтят Бога и считают животных или молитвы слишком ничтожной жертвой.

Сепульведа выступал за единые ценности для всех. Он утверждал: один закон для всех. Варварам следует привить христианскую мораль.

Лас Касас отстаивал избирательный подход и предлагал внимательно изучить все народы и культуры Америки, чтобы в каждом конкретном случае избрать соответствующий подход. Он проиграл.

Конкиста возобновилась. Но теперь согласно принципам, провозглашенным Сепульведой, испанцы совершали насилие, грабежи и бессмысленные убийства «по праву». Толковать это расплывчатое «право» предоставлялось самим конкистадорам.

Эдмонд Уэлс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

53. ОСТРОВ СПОКОЙСТВИЯ

Вокруг бушует буря. Волны вздымаются, как горы, увенчанные пенными шапками. Провалы между ними похожи на ущелья. Дельфина ремнем привязала себя к штурвалу и пытается удержать корабль, чтобы он не сбился с курса. Молния ударяет в кабельтоне ^[17] от парусника.

Хватит во всем видеть руку богов. Игра окончена. Этот мир предоставлен сам себе.

Шторм продолжается несколько часов, и вдруг прекращается. Море снова спокойно. Мы плавно приближаемся к острову Фитусси.

На седьмой день я замечаю в бинокль стаю птиц. Значит, где-то рядом земля. Я собираюсь сказать об этом Дельфине, но она опережает меня и говорит, что плыть осталось три часа. Радар обнаружил впереди сушу. Я думаю о том, что теперь со всей этой современной техникой заблудиться невозможно. На этой планете уже не осталось белых пятен. Ничего не стоит обнаружить любой, даже самый маленький островок. По мере того как мы приближаемся, мы замечаем полное отсутствие здесь следов человека. Нет ни дыма, ни кораблей, не слышен шум моторов.

– Все так и должно оставаться, – говорит Дельфина. – Если мимо пройдет какое-нибудь судно, никто не должен заметить нашего присутствия на острове.

Издали Фитусси похож на круглый пирог, над которым возвышается конус.

Радары и гидролокаторы помогают нам пробраться сквозь рифы. Остров выглядит крайне негостеприимно. Ни пляжей, ни бухт, никакого прохода в гранитной толще берегов. Мы плывем вокруг острова. Где-то на его западной стороне шумит река. Мы не будем испытывать недостатка в пресной воде.

Дельфина указывает на скалистый склон.

– Это здесь.

Мы выключаем мотор и бросаем якорь. Пускаемся вплавь, чтобы добраться до ущелья, вбиваем в землю нечто вроде сваи и привязываем канат. Теперь мы сможем подтащить сюда наш парусник.

Теперь нам придется заниматься скалолазанием. Связавшись веревкой, обувшись в ботинки с шипами, мы взбираемся, нащупывая точку опоры.

– Ты уверена, что это самый удобный путь? – спрашиваю я, пытаюсь восстановить дыхание.

– Эту дорогу показал мне дядя. Если ты здесь сорвешься, то упадешь в воду, а не на камни.

Наконец мы выбираемся наверх. Остров представляет собой настоящую крепость, созданную самой природой. Ни один корабль не рискнет приблизиться к его берегам. Густой лес, покрывающий весь остров, не даст сесть ни одному самолету или вертолету. Тайна богов, как природа, здесь совершенно не тронута. Разноцветные птицы и бабочки кружат над островом. Птицы откладывают яйца прямо на землю.

Вокруг меня начинает виться комар, за ним является целое облако его собратьев. Я прихлопываю целый десяток негодяев и спрашиваю Дельфину:

– Ты случайно не захватила с собой что-нибудь от комаров?

– Крем и москитные сетки.

Она протягивает мне тюбик, и я поспешно намазываю кремом лицо и все открытые участки кожи.

Вот оно, неудобство обладать телом, думаю я. Ни в Империи ангелов, ни на Эдеме не было ни комаров, ни других кусачих насекомых.

Я полной грудью вдыхаю свежий воздух. Мы садимся на вершине скалы.

– Хочешь есть?

– Дельфина достает из сумки два больших бутерброда и термос с горячим кофе.

Мы молча едим. Никогда еще еда и питье не казались мне такими вкусными.

– Ладно, с этим покончено, – говорит Дельфина.

Мы целуемся, и она предлагает мне повторить упражнение, способствующее усилению работы всех пяти чувств. Мы любимся видом, вдыхаем воздух и наполняющие его ароматы, прислушиваемся к звукам, чувствуем каменистую почву под ногами, ощущаем вкус кофе во рту. Наши руки соприкасаются.

Парусник внизу похож на игрушку.

– Предлагаю дать этому острову новое название. Пусть это будет Второй остров Спокойствия, – шепчу я.

– Предлагаю отдохнуть часок, а потом установим блок с веревкой. Я спущусь вниз и буду прицеплять ящики, а ты будешь поднимать их наверх.

– Это лучше, чем то, чем пришлось заниматься Робинзону Крузо, – говорю я.

– Робинзону Крузо?

– Извини, это опять воспоминания с другой Земли. С моей родной

планеты. Робинзон потерпел кораблекрушение, и ему пришлось научиться жить на необитаемом острове.

– Расскажешь мне о нем как-нибудь. Это интересно. А сейчас нам есть чем заняться.

Все утро мы поднимаем наверх ящики. После полудня расчищаем поляну в лесу и устанавливаем палатку.

– Нужно следить, чтобы ничего не было видно сверху. Мы не должны разводить огонь, – напоминает Дельфина.

Мы устанавливаем солнечные батареи и спутниковые антенны на деревьях, пытаемся наладить связь. Наконец Дельфине это удается, и она выходит на связь с Элиотом.

На экране появляется его лицо.

– Канал зашифрован?

– Зашифрован.

– Теперь никто не сможет нас слышать и видеть, – говорит Дельфина.

– Я тебе верю, – отвечаю я, снова намазываясь кремом от комаров.

В течение следующих дней мы строим жилье, более просторное и прочное, чем наша палатка. Рубим деревья и настилаем полы. У нас получается довольно просторный дом с потолками высотой два с половиной метра и спальней, в которой стоит кровать шириной три метра, с кухней, столовой, гостиной, двумя отдельными кабинетами, которые находятся в разных частях дома (чтобы каждый из нас мог работать, не мешая другому).

В числе других строительных материалов Дельфина предусмотрительно закупила трубы, и мы провели в дом воду из реки. Теперь можно принимать душ, хотя вода совершенно ледяная.

В лесу я обнаружил немало съедобных животных: диких кур, которые больше напоминают индеек, кроликов, крупных енотов-полоскунов, куропаток. Но мы с Дельфиной больше едим овощи, которые сами сажаем, фрукты, рыбу, которую сами ловим, бросая со скалы в море леску с крючком.

Комары по-прежнему остаются большой проблемой. Что касается хищников, то я прихожу к выводу, что это миф. Мы совершили несколько вылазок довольно далеко от дома, но не видели ни одного обглоданного скелета травоядного.

Итак, моя душа выйдет на пенсию здесь, на этом пустынном острове...

На лоне природы, рядом с женщиной, которую я люблю. Разве это не прекрасное завершение пути, который я проделал? Как говорилось в «Энциклопедии», сначала страхи, потом вопросы, потом любовь. Еще одна

интерпретация знаменитого закона A.D.N..

Во время ужина я зажигаю факелы. Со временем мы отказались от некоторых правил безопасности, чтобы не лишать себя всех удовольствий. Например, готовить еду на углях.

Человеку трудно жить без огня.

Огонь, вода, воздух, земля – человеку необходимы все четыре стихии.

Я готовлю Дельфине маринованную рыбу, вареные корни, травы и фрукты. Ей все это очень нравится.

– Как продвигается работа над рисунками?

– Скоро покажу. А как твоя книга?

– Если хочешь, дам почитать.

– Что там в новостях? Я сегодня утром не успела посмотреть.

Я кладу себе еще рыбы. В лесу вокруг нас стрекочут и жужжат миллионы насекомых.

– Опять теракт. – Где?

– В дельфиньем храме. Девятилетний ребенок -камикадзе взорвал себя в храме, когда там было полно народа. Кажется, это был какой-то праздник.

– День Прощения.

И она сердито добавляет:

– Ты должен был бы знать, потому что этот праздник установил ты. Сколько человек погибло?

– Много.

Я предпочитаю не называть цифру. Мы заканчиваем ужин в молчании. Вдруг Дельфина встает и говорит, глядя на звезды:

– Это место должно стать убежищем не только для нас. Другие тоже должны укрыться здесь. Все люди имеют право жить свободными и равными, не опасаясь погибнуть из-за того, что они принадлежат к своей расе и исповедуют свою религию.

Я ничего не отвечаю.

– Мы должны позвать их всех сюда. На остров Спокойствия. Здесь должна быть не вилла, которой мы эгоистично пользуемся для собственного удовольствия, а настоящее убежище.

– Всех людей-дельфинов?

– Не только. Людей-дельфинов и всех, кому дороги терпимость и противно насилие.

– Художников?

– Всех, кто согласен честно трудиться, чтобы мир стал лучше.

Я скептически замечая:

– И в первую очередь тех, кто согласен жить на острове без пляжа, где

полно комаров.

– Если такова цена, которую нужно заплатить за счастье грядущих поколений, оно того стоит. Мы согласились на это, так почему ты думаешь, что они не согласятся? В наших силах превратить этот негостеприимный остров в райский уголок.

Я вздрагиваю каждый раз, когда слышу слово рай.

Дельфина настроена очень решительно.

– Все они должны прибыть сюда и получить шанс.

– Я думаю, что это ошибка.

– А я думаю, что это необходимо.

– Когда они окажутся здесь, все пойдет по старой схеме: эксплуататоры, эксплуатируемые, козел отпущения, одиночка.

– Что это значит?

– Это было в «Энциклопедии» Уэллса. Он утверждает, что если собрать вместе шесть человек, то в этой группе тут же появляются двое эксплуататоров, двое эксплуатируемых, один козел отпущения и одиночка. Это наше «видовое проклятие».

– Да, а еще «больше двух – шайка идиотов».

– Вот именно.

– Ну, с этим ничего не поделать. Мы должны их позвать, – настаивает она.

– А риск, что нас обнаружит Жозеф Прудон? Его шпионы, журналисты, убийцы?

– Я предпочитаю рискнуть, чем всю оставшуюся жизнь сожалеть, что не попыталась ему противостоять.

– Неужели мы столько вынесли только для того, чтобы дать убежище другим?

– Единственный способ узнать, чем владеешь, – поделиться с другими. Я молчу.

– Ладно. Я согласен, ты права, а я ошибаюсь. Она растерянно смотрит на меня.

– Да?

– Ты убедила меня. Я ошибался, а ты права.

Кажется, в айкидо есть такой прием: заставить нападающего потерять равновесие. – Так ты согласен со мной?

– Да.

Она изучающее смотрит на меня, подозревая, что где-то тут ловушка, подвох, но я просто получаю новое удовольствие, оттого что перестаю упираться и могу принять точку зрения другого человека.

В течение следующих дней с помощью Элиота и через созданный нами сайт мы начинаем получать первые заявки. Элиот предлагает тестировать кандидатов, способны ли они жить на острове, вдали от цивилизации, чтобы избежать проблем. Нам помогает его директор по кадрам. У нее, по словам Элиота, настоящий талант: она сразу видит, что за человек перед ней, и понимает, с кем будут сложности.

Я вспоминаю старую фантастическую книжку, которую читал на Земле-1. Это «Звездная бабочка». Автор взял за основу историю о Ноевом ковчеге. Он рассказывает о спасении человечества на огромном космическом корабле, который летит к новой солнечной системе. Главной проблемой было выбрать лучших кандидатов, чтобы человечество не повторяло одни и те же ошибки.

Восемнадцать первых переселенцев прибывают в пятницу. Мы вместе строим дома, стараясь, чтобы постройки не было видно сверху. Вновь прибывшие привезли новые строительные материалы, и у нас появилось больше возможностей. Вечером мы, как обычно, смотрим новости, которые транслируются через компьютер на большой полотняный экран.

С тех пор как встретился с Прудоном, я смотрю их с новой точки зрения.

Силы зла повсюду одерживают победу, отвоевывая все новые позиции, как в игре го. Жозеф Прудон расставляет свои фишки, собираясь объединить их перед решающей атакой. К счастью, это требует довольно много времени. Вялый мир демократии все-таки обладает достаточно сопротивляемостью, чтобы не позволить силам зла идти вперед слишком быстро. Я вижу, что люди не замечают связи, существующей между разными экстремистскими партиями. Они все еще считают, что черные флаги воюют с красными, а зеленые с черными.

На Земле-18 начались процессы планетарного масштаба. В странах, где экстремистские партии получают все больше веса, они ставят у власти своих лидеров, чтобы не допустить сдачи позиций. Тираны постепенно расширяют зону своего влияния, подавляя немногочисленную оппозицию. Они поощряют рождаемость, детей в школах делают фанатиками, промывают им мозги, и они выходят оттуда, готовые принять мученическую смерть за священное дело, мечтая о воображаемом рае.

Эта скрытая война подрывает мир изнутри, заражая его медленным гниением. Это как гангрена.

Я вижу руку Прудона за каждой победой сил зла. Он действует спокойно, ведь ему некуда спешить. Он может тайно и медленно подрывать основы цивилизации. Никто пока не знает о замыслах Прудона. Никто не

подозревает его. Прудона считают главой популярного издательского дома. Он ловко переправляет продажным правительствам деньги, предназначенные на благотворительность, что вызовет разочарование и ненависть людей. И в ответ эти же самые тираны начнут террористическую деятельность, а потом их назовут революционерами, защитниками угнетенных.

Я теперь лучше понимаю, какую партию разыгрывает Прудон. Он катит шар с вершины. В некоторых странах его партия называется Партией справедливости, в других – Партией истины. Отличный метод распространения лжи.

– Увидят ли люди наконец, что стоит за всем этим? – вздыхает Дельфина.

– Нет. Они ничего не увидят, потому что не готовы видеть. Даже ученые и философы слепы. На Земле-1 рассказывают, что когда корабли Христофора Колумба появились у берегов Америки, индейцы, смотревшие на море, не увидели их.

– Христофор Колумб?

– Путешественник, который переплыл океан в поисках нового континента.

– А почему же индейцы не видели его кораблей?

– Они никогда не смотрели в море, чтобы увидеть нечто подобное. Они даже не знали, что такое парусные суда. Ни их форма, ни само наличие не находило себе места в их сознании. И когда три огромных корабля появились на горизонте, они просто не смогли этого понять.

– Но корабли все-таки были...

– Шаманы индейцев, которым полагалось толковать все «сверхъестественные» явления, не знали, как сказать о том, что происходит что-то новое. Когда шаманы нашли слова, чтобы говорить о кораблях, индейцы обратили внимание на три корабля Христофора Колумба.

– Ты хочешь сказать, что если люди не готовы получить информацию, она просто «не проходит» в их сознание?

– Она для них не существует. Они не видят Прудона, не пользуются тем, что знают, чтобы понять происходящее.

– Дельфинья пословица гласит: «Когда мудрец указывает на Луну, глупец видит лишь палец».

– Я знаю. Это я внушил ее вашим медиумам. Это китайская пословица нашей Земли-1.

– Забавно...

– Этот тот самый уровень 3, которого не понимают те, кто гордится

своим уровнем 2. И кто считает, что все, что не 2, – это 1.

Дельфина берет меня за руку и смотрит на меня своими черными глазами.

– Я думаю, ты недооцениваешь разумность людей. Многие понимают, но они не пишут в газетах, не являются членами политических партий.

На острове Спокойствия мы работаем все быстрее. Каждый новый теракт заставляет нас торопиться с обустройством острова. Закончив строительство деревни, мы засыпаем болота песком. Это тяжелый труд, никакие технологии тут не помогут. У нас нет тракторов, мы пользуемся лопатами и ведрами.

По вечерам мы ужинаем вместе, и нас не оставляет чувство, что мы строим что-то очень хрупкое. Дельфина сохраняет спокойствие.

– Научи меня еще каким-нибудь способам медитации, – прошу я.

– Мы уже научились слушать свои чувства, включать семь точек, а теперь я научу тебя выходить из тела, чтобы узнать нечто интересное.

– Это тоже часть «моей религии»?

– Конечно. Я узнала об этой практике из книг одного твоего мистика.

Мы садимся на поляне в позу лотоса, держа спину прямо. Следуя указаниям Дельфины, я замедляю дыхание, а потом и ритм сердца. Когда мое тело начинает казаться растением, мое сознание раздваивается, а потом отделяется от тела. Я становлюсь прозрачной эктоплазмой, свободной от уз плоти. Это похоже на то, что происходило, когда я был танатонавтом. Ностальгия. Мой дух парит в небе.

В воздухе, на границе с космосом, полным звезд, ее эктоплазма говорит мне:

– Мы водрузим здесь воображаемое знамя. Достаточно просто подумать об этом. Оно будет означать Здесь и Сейчас. То, что позади, – это прошлое, впереди – будущее. Представь себе рельс, по которому катится твоя жизнь. А рядом, параллельно, тот, по которому катится моя.

И я вижу две линии – красную и синюю. И знамя «Здесь и Сейчас».

– Вперед, теперь мы увидим будущее. Куда ты хочешь отправиться?

– Не знаю. К какому-нибудь важному моменту.

– Понятие «важно» относительно, но ты что-нибудь все-таки найдешь.

Идем же.

Наши эктоплазмы держатся за руки, мы летим над моим синим рельсом. Мы видим, как внизу мелькают кадры моего будущего. Мы видим только смутные образы, но я знаю, что стоит спуститься, и они станут четче. Я фокусирую зрение на одной зоне. Мы спускаемся ниже, проступают детали. Я описываю:

– «Я-в-будущем» лечу в туннеле из зеленого полупрозрачного камня. По бокам на стенах туннеля изображены какие-то фигуры.

– Кто все эти люди вокруг тебя?

– Я плохо вижу. Двое, нет четверо... Женщина и трое мужчин. Блондинка. И я.

– Они говорят с тобой?

– Да. Я слышу: «Я узнаю это место. Нужно идти прямо, потом повернуть налево».

– А что ты отвечаешь?

– Я говорю: «У меня кружится голова».

– Но там не высоко. Это же замкнутое пространство, если я правильно поняла. Почему же у тебя кружится голова?

– Не знаю. Это странно. Голова кружится, но это не из-за высоты.

– Ты знаешь, куда ведет этот туннель?

– Нет... Все, что я знаю, это то, что я рад: я нашел свет.

– Поставим здесь еще одно знамя. И давай возвращаться к «Здесь и Сейчас».

Мы поворачиваем обратно и возвращаемся обратно по ее красному рельсу.

– Теперь твоя очередь. Куда ты хочешь отправиться?

– В будущее.

Дельфина выбирает момент, когда ей придет время родить ребенка.

– Я счастлива. Но я не понимаю... Тебя там нет. Мы возвращаемся к знамени «Здесь и Сейчас», спускаемся на землю, унося с собой два воспоминания о будущем. Я в туннеле, Дельфина во время родов. Я открываю глаза.

– Я буду там, – говорю я.

– Будущее подвижно. Мы видели только один из его вариантов.

– Как ты думаешь, почему мы можем видеть будущее? – спрашиваю я. – Может быть, это просто наше воображение? Сны?

– Может быть. Мой учитель-дельфин говорил, что существует место, где время не линейно. Вот туда мы и отправились. Настоящее, прошлое и будущее там слиты воедино, и мы можем путешествовать через них. Там нет ничего застывшего, все подвижно. Возможен выбор, но все эти будущие варианты уже запрограммированы. И каждый игрок сам выбирает маршрут.

Время в нашем маленьком раю идет, и мы постепенно забываем видения будущего. Мы решаем больше не путешествовать вне тел. Я предпочитаю не знать, что будет.

Я могу выдержать неведение.

Мы много разговариваем с Дельфиной. Обсуждаем миллиарды тем. Творчество. Будущее человечества. Границы научного познания. Возможность модернизировать религию.

Оказавшись так далеко, я научился дистанцироваться и от своего писательского ремесла. Я говорю то, что и самому мне кажется невероятным.

– В конечном счете я не прав, а другие правы. Не нужно предлагать им вещи уровня 3, пока они находятся на уровне 2. Сначала нужно развлекать, и только потом очень медленно, постепенно, заинтересовывать, открывая новые горизонты. Я должен соответствовать уровню времени.

Дельфина часто не соглашается со мной. Мы молча смотрим на звезды. И тогда все становится относительным.

Через три месяца врач, который находится на острове, объявляет, что Дельфина беременна. Мы празднуем эту новость, разжигаем большой костер, и нас в этот момент можно заметить с самолета или проплывающего мимо корабля. Но облака и ночь защищают нас. А глядя на фотографии, сделанные со спутника, можно подумать, что это пожар, вызванный молнией.

Мы строим гидростанцию на реке. Теперь у нас достаточно электроэнергии, и мы не загрязняем природу.

У нас с Дельфиной работа идет полным ходом. По утрам я пишу роман «Царство богов», вдохновляясь иногда событиями, происходящими на острове. В шесть часов вечера сочиняю рассказы, чтобы не дать застояться воображению. Я даю себе на это ровно час. Иногда рассказ получается на три страницы, иногда на двадцать. Сюжеты я беру из новостей, за которыми слежу по Интернету, или из вечерних разговоров за столом, когда собираются все, кто живут на острове.

Однажды вечером я говорю Дельфине:

– Знаешь, что удивительно? На Земле-18 существует конкурс «Мисс Вселенная». Какая наглость полагать, что на Земле живут самые красивые женщины во Вселенной! Я бы не удивился, если бы вдруг явились инопланетянки и потребовали, чтобы обитательницы других планет тоже приняли участие в конкурсе. Тогда мы узнали бы о критериях красоты, существующих у других народов, и это было бы очень поучительно. Ведь совсем не обязательно, что для них длинные волосы, упругая грудь и маленькая задница являются эталоном совершенства.

Это кажется Дельфине забавным, и я пишу рассказ. Если она смеется, значит, моя история прошла первую проверку.

Дельфина стала работать в том же ритме. По утрам она создает графику для игры, а в шесть вечера рисует картину, которую обязательно должна закончить через час. Мы словно играем гаммы...

Глядя на то, как мы работаем, другие обитатели острова тоже стремятся выявить свои таланты и также методично развивать, к какой бы области они ни относились – к музыке, кулинарии, скульптуре или архитектуре.

– Как же ты опубликуешь свой роман, если ты умер? – спрашивает Дельфина.

– Издатель скажет, что случайно обнаружил рукопись.

– Тебе нужно придумать своего «китайского дракона». Вымышленного писателя, который ненавидит твое творчество и систематически обливает тебя грязью.

Дельфина постоянно дает пищу моему мозгу. Мы словно перекидываем друг другу мяч.

Она готовит мне сложные блюда, изобретая особую кулинарию острова Спокойствия из тех продуктов, которые есть в нашем распоряжении. И чем острее то, что она придумывает на кухне, тем ярче становятся ее рисунки.

Новости «с материка» сплывают нас. Понимая, как плохо там, откуда мы сбежали, люди начинают больше ценить жизнь на острове.

Беженцы все прибывают. Сначала нас 18, потом 64, потом 144. Потом 288.

Мы устанавливаем главное правило: ни под каким видом не обнаруживать своего присутствия на острове.

Вскоре в мире происходит то, что вызывает среди нас большое волнение. Космический корабль налетает на то, что космонавты называют «космическим силовым полем». Те, кто находился на корабле, называли это «стеклянной стеной».

Группа физиков пришла к выводу, что речь, вероятно, идет о четвертом всемирном законе, таком, как сила притяжения.

Среди новостей, которые вызывают большое беспокойство, сообщение об эпидемии птичьего гриппа. Мутировавший вирус смертельно опасен и передается человеку. Больницы планеты переполнены, число погибших увеличивается каждый день. Между людьми-термитами и людьми-шакалами началась война. И у тех, и у других есть атомная бомба. Страх вызывает всплеск интереса ко всему сверхъестественному и волну суеверий. Возрастает число адептов всех религий, в том числе у секты «Истины и Справедливости», которая особенно точно предсказала

обрушившиеся на людей несчастья.

Здесь, на острове, мы пока чувствуем себя в безопасности.

Несколько ученых создали лабораторию, где изучают местную флору, чтобы создать лекарства, в случае если на остров попадет птица, зараженная вирусом. Но море и огромное расстояние, отделяющее нас от «большой земли», пока защищают нас.

Чтобы дать отпор Прудону и его секте, я предлагаю собрать группу математиков, специализирующихся на теории вероятности, которые попытаются предсказать будущее планеты на основе «Древа возможного». Таким образом мы надеемся косвенно продвинуть игру «Царство богов» и создать альтернативу суевериям и сектам. Я включаю в игру несколько элементов, благодаря которым смогу делиться своими знаниями, полученными на Эдеме.

У нас ничего не получится, – говорю я. – Люди не привыкли быть ответственными. Они привыкли к покорности. Они не хотят думать о будущем, о последствиях своих поступков.

– У тебя приступ пораженческих настроений?

– Во всем виноваты наука и религия. Наука говорит: «Это нормально. Это происходит потому, что этого требует эволюция». Религия говорит: «Это нормально. Это происходит потому, что этого хочет Бог». Принято считать, что наука и религия противоречат друг другу, а на самом деле они дают человеку один и тот же наркоз. Они заставляют верить, что человек ни в чем не виноват и ничего не может исправить. А наша игра, которая предлагает стать богами, будет для них как кость поперек горла. Только квантовая физика говорит о том, что любое, самое ничтожное решение может иметь колоссальные последствия. Это эффект бабочки.

– Ты ошибаешься насчет религии. Если ее не извращать, то она не делает людей фаталистами. Напротив, она учит ответственности за свои поступки.

Однажды у меня случается приступ ревматизма. Дельфина говорит мен:

– Чтобы вылечиться, ты должен осознать, что состоишь из клеток. Ты должен говорить с ними, поддержать в борьбе с воспалением.

Сначала эта идея кажется мне нелепой, но потом я вспоминаю о том, как выходил из тела, и думаю, что ведь я могу и погрузиться в него, проникнуть силой мысли в глубь систем и структур, работающих внутри меня.

Я закрываю глаза и снова, сидя в позе лотоса, опускаюсь вместо того, чтобы подниматься. Вместо того чтобы расти, я уменьшаюсь.

И я вижу клетки, которые сражаются в том участке тела, где я чувствую боль. Я сообщаю клеткам, что я с ними.

Может быть, я просто хотел доставить удовольствие моей любимой, но, как бы то ни было, я выздоровел в течение нескольких часов.

– Мы можем общаться с нашими клетками. Можем говорить с ними, как с любым существом, обладающим сознанием, – просто объясняет мне Дельфина.

– Хорошо, что у тебя есть ответы на все мои вопросы...

– Такова моя роль. Учить тебя.

– Я знаю. Как у папессы из колоды Таро. Она держит в руках книгу и пробуждает к духовной жизни. Ты – моя папесса.

Проходят месяцы. Весь мир охвачен конфликтами, а живот Дельфины все растет.

И вот наступает день, когда одновременно выходят игра «Царство богов» и мой роман.

Мы сидим перед компьютерами и смотрим телевизионный выпуск новостей. Элиота и Робера пригласили в студию, чтобы рассказать об этом событии. Они начинают с истории моего исчезновения.

Дельфина улыбается, вертя в руках какой-то предмет, который разбрасывает повсюду радужные блики.

– Я горжусь тобой, – говорит она.

– Почему?

– Просто так. Я считаю, что ты... (она ищет подходящее слово) феерический.

Я целую ее и глажу ее живот. Мне хорошо.

– Мне кажется, что я живу в раю, – шепчет она. Я удерживаюсь, чтобы не ответить: я побывал в нескольких «раях» и пришел к выводу, что рай – это не какое-то определенное место, а результат стремления к нему.

В телестудии продолжается обсуждение моих книг. Участники выпуска пытаются найти скрытый смысл в том, что я написал.

В конце концов, мой труд теперь принадлежит им, пусть найдут все, что они там ищут.

Но все это волнует меня. Я говорю, что лучше пойду пройду, поищу грибы.

Северная часть острова выступает в океан, словно зуб, торчащий из челюсти.

Как примут мою игру?

Как примут роман?

Хорошо хоть, что я умер и не должен участвовать в рекламной

кампании.

Я иду вперед, один, полный тревоги.

Вдруг, когда я уже подхожу к той части леса, которая пока остается нетронутой нами, я слышу страшный звук, похожий на рев дикого зверя.

Я хватаю ветку и начинаю размахивать ею как оружием.

Снова рев. Я понимаю, что он раздается не снизу, а сверху.

С неба.

Я поднимаю голову и вижу свет, словно звезда на всех парах мчится сквозь тучи.

Я тру глаза.

Свет идет от какого-то летящего объекта. Эта штука снижает скорость и медленно опускается на поляну рядом со мной.

Это что-то вроде диска пяти метров в диаметре, с освещенными иллюминаторами. Раздается звук. Одна нота.

Только этого еще не хватало...

Я вспоминаю о встрече в Империи ангелов с Зозом, ангелом-инопланетянином. Но эта штука хоть и странная, все-таки выглядит как предмет, сделанный здесь, на Земле-18.

Меня уже давно не удивить инопланетянами. Для меня они просто «иностранные смертные». На худой конец меня могла бы заинтересовать встреча с инопланетными богами, но Зевс никогда не говорил о том, что они существуют.

Летающая тарелка с шипением приземляется.

Свет в иллюминаторах гаснет. Шипение прекращается. Из-под дна тарелки вырывается пар.

Я подхожу ближе.

Дым рассеивается.

Вдруг открывается дверь, из которой вырывается свет. Медленно опускается трап. В ярком, слепящем свете появляется фигура, отдаленно напоминающая человеческую. Она медленно спускается по ступеням.

Снова раздается звук. Другая нота.

Третья. Она звучит в сочетании с двумя другими, становится мелодией.

Наступает тишина. Фигура останавливается.

54. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТОЛКОВАНИЕ НОТ

Гностики считали, что музыка тесно связана с космосом и астрономией. Таким образом:

1. Ре – Regina Astris, Царица звезд. Луна.
2. Ми – Mixtus Orbis, Смешанный мир. Место, где смешиваются Добро и Зло. Земля.
3. Фа – Fatum. Судьба.
4. Соль – Solaris. Солнце.
5. Ля – Lacteus Orbis. Млечный путь.
6. Си – Sidereus Orbis. Звездное небо.
7. До – Dominus. Бог.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

55. ИНОПЛАНЕТЯНИН

Вот он уже передо мной. Я не очень хорошо вижу, но, похоже, это существо одето в платье. Нет... В тогу!

– Здравствуй, Мишель! Я сразу узнаю этот голос.

– Что ты тут делаешь? – ошарашенно спрашиваю я.

– Я же сказал тебе до свиданья, а не прощай. Я обнимаю его.

– Я боялся, что никогда не найду тебя здесь, – говорит он. – Как хорошо, что вы развели большой костер. Зная тебя, я подумал, что ты снова отправился куда-нибудь на остров, поэтому очень внимательно наблюдал за океаном. И наконец увидел твой костер. Я смотрел в увеличительное стекло анкха и нашел ваше маленькое поселение.

Первый восторг от встречи проходит, и я чувствую, что мне не по себе в присутствии моего учителя. Здесь, в моем святая святых, где я надеялся никогда больше не возвращаться к своему прошлому.

– Я больше не принадлежу к твоему миру, Эдмонд. Теперь вся моя жизнь здесь. Скоро я стану отцом, и еще... я устал.

– Знаю, – говорит Эдмонд Уэллс. – Но обстоятельства изменились. На Эдеме произошли ужасные вещи. Ты срочно нам нужен. Ты должен вернуться.

– Я никогда не брошу Дельфину и нашего ребенка.

– Если ты хочешь, чтобы они жили на этой планете, то ты должен вернуться. У тебя нет другого выбора. Ты сам знаешь, иногда чем-то приходится жертвовать, чтобы спасти остальное. Теперь все события взаимосвязаны. Нельзя жить на островке, отгородившись от всего мира.

– Мы будем отсюда вести борьбу со злом. Я нашел свое место, Эдмонд. Всю жизнь меня преследует вопрос: «Что я здесь делаю»? И здесь, на новом острове Спокойствия, я получил ответ. Я дома. Я соберу здесь тех, кого люблю, и попытаюсь создать лучший мир. Мое будущее связано с ними, а не с вами.

Эдмонд Уэллс смотрит на меня так же серьезно, как тогда, когда был моим учителем в Империи ангелов. Это всегда оказывало на меня большое впечатление.

– Ты не такой, как они, Мишель. Ты бог-ученик.

– И что это меняет?

– Это подразумевает, что ты обладаешь особенной властью, а значит, на тебе лежит и особая ответственность. Ты нужен нам в Эдеме. И ты не

можешь уклониться.

– А если я откажусь?

– Второй остров Спокойствия постигнет та же судьба, что и первый. Это остров вулканического происхождения, а значит, на нем может произойти землетрясение, на него может обрушиться цунами. Нет ничего проще катастрофы.

Я с удивлением смотрю на Уэллса.

– Это угроза?

– Цель оправдывает средства.

– Не говори, как Рауль. Я думал, что ты мой друг, Эдмонд.

– Я твой друг и всегда им буду. Я пришел за тобой именно потому, что я твой друг и с уважением отношусь ко всему, что ты тут создал.

Вдалеке слышится музыка. Островитяне затевают праздник, чтобы отметить выход игры и романа. Из нашей деревни доносится пение.

Здесь каждый вечер праздник? – спрашивает Уэллс.

Нет. Сегодня особенный вечер. Нечто вроде дня Рождения с сюрпризом.

Я думаю о том, что никто, кроме меня, не видел летающую тарелку. Ведь она появилась из низко нависших облаков с той стороны острова, куда почти никто не заходит.

– В таком случае ты можешь показать им фокус с чудесным исчезновением.

– Я не могу бросить жену. Не могу бросить людей, которые поверили мне.

Бывший бог муравьев хватается меня за плечи и встряхивает.

– Да что с тобой? Мишель, это всего лишь игра! Игра. Ты на Земле-18, на шахматной доске, на которой происходил турнир богов-учеников. «Люди, которые доверяют тебе» – просто пешки. Та, которую ты называешь своей женой, такая же фигура, как и они. Смертная. Они похожи на мух-однодневок, которые рождаются утром, а к вечеру умирают. Для нас это всего лишь хрупкие бессознательные существа. Они могут умереть от обычного гриппа, от укуса змеи. Они и не подозревают о том, что такое Вселенная на самом деле, о том, на какой планете они живут.

– Дельфина знает. Она все поняла сама благодаря своей вере.

Эдмонд в замешательстве смотрит на меня.

– Но ведь это ты создал «ее веру». Вспомни, когда мы объединили народы дельфинов и муравьев, мы создали «их веру». Мы придумали обряды, молитвы, их представления о нас. Мы вдохновляли их священнослужителей. Мы дали им их догмы.

– Эдмонд, Дельфина восприняла все, что я ей дал, и продвинулась по пути духовности дальше, чем я. Клянусь, она многому научила меня.

Он недоверчиво смотрит на меня.

– Давай говорить серьезно. Смертный не может учить бога.

– Дельфина – исключение. Он учит меня медитировать и молиться.

Эдмонд Уэллс хохочет.

– И кому же ты молишься? Себе самому?

– Я молюсь тому, чего не знаю, но что стоит выше меня. Она называет это Великим богом, я называю это 9. Над каждым измерением стоит другое измерение. Ты сам когда-то научил меня этому, Эдмонд. Разве ты не помнишь?

Он больше не находит аргументов и только повторяет:

– Это же просто смертная!

Он произносит это слово как оскорбление. Потом осекается и снова с изумлением смотрит на меня.

– Только не говори, что влюбился в шахматную фигуру на доске Земля-18!

– Это не просто шахматная фигура, это ферзь! Королева!

– Мишель, опомнись! Я вижу, ты просто не отдаешь себе отчет... Если ты останешься здесь, они обречены. Твоя жертва будет напрасной. Твое упрямство – просто неуместное проявление гордости.

– Пойми и ты меня, Эдмонд. Я устал постоянно спасаться бегством. Я хочу лицом к лицу встретить свою судьбу.

– Ты ничего не сможешь сделать против цунами или землетрясения. Если будешь упорствовать, вы все погибнете. Если же ты послушаешь меня, они останутся в живых. Они потеряют тебя, но сохранят жизнь. Прими же, наконец, решение, я не могу ждать бесконечно.

Я непоколебим. Тогда он снова хватает меня за плечи.

Сделай это для них. Сделай это для Дельфины, которую ты так любишь. Ты сможешь их спасти, только вернув себе прежнее могущество бога-ученика. Мишель, мы больше не можем терять время.

Угроза жизни Дельфины, нашего ребенка, обитателей острова вынуждает меня сдаться. Я иду за Эдмондом Уэллсом и поднимаюсь по трапу в его летающую тарелку.

– Зачем тебе эта штука? – спрашиваю я его.

– На случай, если нас увидит кто-нибудь из смертных, – отвечает он мне, подмигивая. – Нужно использовать суеверия аборигенов. Это, конечно, удивит их, но гораздо меньше, чем явление настоящего бога. Кроме того, не я это придумал. Боги-учителя на Эдеме давно этим

пользуются, чтобы неузнанными навещать «шахматную доску».

Внутри очень просторно, все вокруг из дерева. Похоже на декорации к какому-нибудь фильму. Вокруг стоят прожекторы и дымовые пушки. Я не вижу ни мотора, ни пульта управления полетом. Снаружи тарелка выглядит впечатляюще, но внутри она просто нелепа.

– И как эта кастрюля летает? – спрашиваю я.

– Ты не поверишь.

– Давай, рассказывай!

– Она подвешена на прозрачной леске. Это типа удочки.

– И кто же рыбак, который вытащит нас наверх?

В это время раздаются крики, которые приближаются. Кто-то заметил НЛЮ. На острове начинают бить в колокол, подавая сигнал тревоги, и вскоре тарелка окружена. В иллюминатор я вижу целую сотню человек, которые не решаются подойти ближе.

– Надо поторопиться с отлетом, – говорит Эдмонд Уэллс.

Он походит к толстому канату, который натянут между посреди тарелки между полом и потолком, и трижды дергает за него.

– Это сигнал, чтобы нас вытаскивали, – объясняет он.

Но ничего не происходит. Жители острова начинают медленно приближаться.

– Дельфина! – кричу я.

– Габриель! – отвечает она.

В этот момент канат вздрагивает и натягивается. Тарелка начинает подниматься. Эдмонд Уэллс нажимает на разные кнопки, раздается шум, валит дым, свет начинает мигать. Я кричу:

– Я вернусь! Я вернусь, Дельфина, обещаю! Летающая тарелка поднимается наверх, словно рыбак из всех сил торопится вытянуть свой улов.

– Мишель, я просто не понимаю, как можно было так привязаться к этому миру?

– Это люди, – отвечаю я, когда тарелка поднимается над лесом и я слышу, как мои друзья что-то кричат.

Эдмонд Уэллс пожимает плечами.

– Это просто пешки в игре, которой они не понимают, и которая нужна только для того, чтобы развлекать богов.

56. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ИНДУИСТСКАЯ КОСМОГОНИЯ

В индуизме принято считать, что Вселенная развивается циклически, периоды созидания сменяются периодами разрушения. У истоков этих процессов стоят три бога: Вишну, Брахма и Шива. Вишну спит, лежа на змее Ананта, который символизирует бесконечность. Священный змей покоится в океане, бессознательного. Из пупка Вишну прорастает лотос, в котором находится пробуждающийся Брахма.

Когда Брахма открывает глаза, возникает вселенная, происходит Большой взрыв. Эта вселенная – сон Вишну.

Вишну снится мир, который он знал, и на основе его видений Брахма создает материю и жизнь. Но этот мир все еще несовершенен, тогда Шива начинает танцевать, чтобы уничтожить его и дать возможность вновь возродиться.

Когда Брахма закрывает глаза, чтобы снова заснуть, все разрушается. Происходит то, что астрофизики называют Большое сжатие.^[18] Индуисты и пророк Даниил считают, что каждый новый мир начинается с золотого века, за которым следуют серебряный и железный.

Чтобы путешествовать по Земле, Вишну, Брахма и Шива используют аватар, то есть посланцев в нижние миры. Самые известные аватары Вишну:

Рама, седьмая реинкарнация изначальной аватары. В «Рамаяне» рассказывается о том, как он избавил мир от демонов;

Кришна, восьмая реинкарнация. Он научил людей получать наслаждение от божественной любви;

Будда Гаутама, девятая реинкарнация.

В конце железного века должна появиться последняя – Калки.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

57. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЭДЕМ

Для того чтобы попасть на Землю-18 с Эдема, мне пришлось заснуть. Я проснулся, только когда попал в другой мир, и понятия не имел, как оказался в нижнем мире среди смертных.

Возвращение происходит совсем иначе. Мы поднимаемся сквозь слои атмосферы Земли-18 в летающей тарелке, привязанной к прозрачной нити, спускающейся с неба.

Подъем происходит очень быстро, видимо, рыбак, выуживающий нас, очень торопится. Снаружи слышен шум ветра.

– Я рад снова видеть тебя, Мишель, хотя и чувствую, что ты не можешь ответить мне тем же, – говорит Эдмонд Уэллс.

Я не отвечаю. Внизу посреди океана маленький остров, похожий на зуб, стремительно уменьшается. Мы поднимаемся над облаками и вскоре оказываемся в открытом космосе. На смену ветру, свистевшему и завывавшему за стенами тарелки, приходит оглушительная тишина.

– Надеюсь, то, за чем ты вызвал меня, и в самом деле важно, – мрачно говорю я.

– Гораздо важнее, чем ты думаешь, – загадочно отвечает Уэллс.

– А что будет с теми, кто остался внизу? С планетой, которую Прудон собрался поработить? Что с ними будет?

– Я бог-ученик, а не пророк. Думаю, что у них есть шанс выпутаться из этой истории. Для этого нужно, чтобы кто-нибудь решился противостоять злу и спасти как можно большее число людей.

– Ясно. Я помню твои слова: «достаточно и капли, чтобы океан переполнился» или «от того, какой ты делаешь выбор, пусть это даже касается пустяков, зависит, каким станет будущее». И я отправился с тобой только ради того, чтобы океан не переполнился.

Я думаю, что в конце задуман хеппи-энд. Во всяком случае, мне хочется так думать. Но прежде чем мы до него доберемся, придется немало потрудиться.

Однако существует закон энтропии, согласно которому хаос, предоставленный сам себе, побеждает, и происходит худшее, что только может быть.

– Мы делаем все возможное, чтобы этого не произошло. Мы должны навести порядок там, где все пошло наперекосяк.

– Ладно, я понял. Отдых мне светит только после смерти, – говорю я.

– Если ты вообще когда-нибудь умрешь.

– Я и забыл, что я бессмертен. Думаю, что я так до конца и не поверил в это. Столько людей умерло у меня на глазах. Пусть они были людьми, а не богами, но они так походили на меня. Почему же они смертны, а я нет? – спрашиваю я.

– Вероятно, потому, что так когда-то решила твоя душа.

– Я так устал, что хотел бы умереть. Окончательно и бесповоротно.

– Вполне возможно, что твое желание осуществится, – отвечает Уэллс. – В одной игре ты бессмертен, в другой – наоборот.

– Этот мир несовершенен. Смертные боятся смерти, а бессмертные мечтают о ней.

– Пока ты должен жить. Смотри, думай, реагируй, учись. Мы здесь, чтобы идти вперед, развиваться.

Мы продолжаем подниматься в крошечной космической тьме. Я пододвигаю табурет и сажусь.

– Кто же там тянет за леску?

– Это сюрприз.

Эдмонд Уэллс смотрит в иллюминатор, потом снова трижды дергает за канат. Летающая тарелка тормозит. Я выглядываю наружу.

Неужели...

Вдали, словно за преградой из толстого стекла, движутся какие-то пятна. Розовые, голубые, черные. Сливаются воедино, в какую-то огромную фигуру. Она приближается. Вдруг напротив иллюминатора появляется огромный изумрудный круг с черным пятном посередине.

Огромный глаз наблюдает за нами.

Глаз огромен, он занимает почти весь горизонт. Он придвигается еще ближе. Я представляю себе огромный рот, готовый проглотить нас.

– Кто это?

– Тот, кто действительно очень тебя любит, – с хитрым видом говорит Уэллс. – Такая у нее работа.

Афродита! Это глаз Афродиты!

– Значит, эта стеклянная преграда... Я чувствую дурноту.

Это оболочка сферы, которую окружают боги-ученики. Стеклянная оболочка, над которой и я склонялся, чтобы наблюдать за Землей-18.

– Значит, нашим учебным пособием была не модель, а настоящий мир?

– Все гораздо сложнее. Мы обучались на модели, как в интерактивной компьютерной игре, но чтобы найти тебя, нам с Афродитой пришлось разыскать настоящую Землю-18.

– Я видел такое только в одном месте, – говорю я. – Во дворце Зевса.

Эдмонд Уэллс кивает.

– Он нам и помог, – отвечает он. – И ты узнаешь, почему.

Пока я понимаю только одно. Когда Афродита и Эдмонд Уэллс сорвали этот мир с дерева у Зевса, его оболочка застыла.

Вот почему космические корабли и ракеты Земли-18 остановились у невидимого барьера, который смертные называли «силовым космическим полем».

Я хмурюсь.

Как же мы выберемся наружу?

Доверься Афродите. Она знает, как это сделать.

Сквозь стекло, окружающее этот мир, я вижу нечто огромное и розовое. Это рука богини. Она ощупывает сферу и прокалывает ее чем-то вроде гигантского шприца.

Значит, это стекло проницаемо.

Это даже не стекло, а очень прочное и гибкое вещество. Конец иглы приближается к летающей тарелке.

Эдмонд Уэллс бросается к канату и отвязывает его от металлической петли внутри летающей тарелки. Канат тут же выдергивают через потолок. Теперь нас ничто не удерживает.

Раздается шум, похожий на рев урагана. Нас засасывает в иглу. Промчавшись сквозь металлический туннель, мы попадаем внутрь шприца. На его стенках видны линии разметки.

Шприц удаляется от прозрачной сферы, сквозь иглу я вижу, как удаляется от нас Земля-18. Огромные руки снимают иглу со шприца, и мы оказываемся на пластинке, похожей на лабораторное стеклышко.

Широкий пинцет отделяет верхнюю часть деревянной летающей тарелки, словно створку устрицы. Узкий пинцет хватает меня за шею и поднимает в воздух, как насекомое, и перемещает в пробирку диаметром примерно один метр. Я пытаюсь выбраться из нее.

Огромный изумрудный глаз приближается, чтобы удостовериться, что все идет как надо. Я надеюсь, что пальцы, держащие пробирку, не разожмутся. Тут мне на голову сваливается Эдмонд Уэллс.

Нашу тюрьму-пробирку проносят через комнату и помещают в какой-то аппарат. Внутри темно.

– Что это такое?

– Лабораторная центрифуга.

– И что с нами будет?

– Нас начнут вращать, чтобы мы стали нормального роста.

– С тобой уже это делали?

– Нет. Я, как и ты, попал на Землю-18 под наркозом, и не знаю, как это происходило. Но Афродита не нашла, где Афина прячет анестезирующие препараты, поэтому обратное превращение мы будем переживать в сознании. Она говорит, что это неприятно, но терпимо.

Раздается шум мотора, как на американских горках, когда кабина поднимается на верхнюю точку. Наша пробирка начинает медленно вращаться, потом все быстрее. Под действием скорости из вертикального положения она поднимается в горизонтальное. Мы с Уэллсом парим в воздухе, как космонавты в невесомости.

Вибрация усиливается. Нас прижимает к стенкам пробирки, лицом друг к другу. Мое тело растянуто во все стороны. Щеки у нас трясутся, как у пилотов, испытывающих перегрузки. Глаза Эдмонда, кажется, вот-вот выскочат из орбит. У меня тоже, и я изо всех сил зажмуриваюсь. Мое лицо расплещено. В висках стучит. Мне больно.

Скорость вращения увеличивается. Кажется, что голова вот-вот взорвется, руки и ноги оторвутся от тела. Кожа прилипает к стенкам пробирки. Лицо Эдмонда Уэллса превращается в гримасу. Я чувствую, что кости моего черепа отделяются друг от друга. И вдруг руки и ноги действительно отрываются с сухим треском. Кровь не бьет струей, а размазывается по стенкам. Теперь я просто обрубок с головой.

Неприятно, но терпимо!

Голова отрывается от шеи, как пробка, вылетающая из бутылки шампанского.

У меня больше нет головы, но я продолжаю думать! Как это возможно?

Это потому, что я бессмертное разумное существо. Когда смертные теряют сознание, чтобы избавиться от боли, мы, боги, сохраняем рассудок.

Голова Эдмонда Уэллса тоже оторвалась от тела. Теперь это просто шар, покрытый волосами. Он медленно кружится в пробирке. Он смотрит на меня и больше не улыбается. Наши головы парят наверху, сталкиваясь, прижимаясь щеками.

Мы смотрим друг на друга, но говорить не можем. Вдруг наши рты открываются. Челюсти разваливаются.

На глаза что-то давит, они вылезают из орбит. Оптический нерв вытягивается и лопается. Теперь и глаза плавают в воздухе отдельно от головы.

Изображение исчезает.

Уши превращаются в птичьи крылья и отрываются от головы.

Звук исчезает.

Нос отправляется в свободное плавание.

Без глаз, с дырами вместо ушей, меня вряд ли можно назвать красавцем. Череп разваливается, как расколотый орех. Мозг вываливается, но я не чувствую ни малейшей боли.

Я продолжаю мыслить.

Центрифуга превратила нас в мыслящее пюре.

Я вспоминаю, как, будучи смертным, готовил ужин: я складывал овощи в блендер, чтобы приготовить суп-пюре. Выбирал скорость, нажимал красную кнопку, и урчание мотора означало, что процесс начался. Репа, морковь, сельдерей теряли форму, превращались в жидкое пюре. Мое тело перенесло уже немало экстремальных ситуаций, но такого я никогда не испытывал.

Я, человек, созданный, из грязи, становлюсь фаршем.

Я, человек, созданный из пыли, становлюсь пылью.

Я, человек, вышедший из моря, становлюсь супом.

Но превращения на этом не закончились.

Я становлюсь все жиже.

Превращаюсь в пар.

В газ.

Перехожу из твердого состояния в газообразное.

Я стал атомной пылью. Но сохраняю разум.

Больше нет боли.

Нет тревоги.

Мишеля Пэнсона как существа из плоти, имевшего имя и запах, издававшего звуки, больше нет.

Нет больше страха.

Я облако, меня нельзя ранить, ударить, использовать. Я вернулся к простейшему состоянию: распался на атомы.

Меня мучает только один вопрос:

Существую ли я еще?

58. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: КОАН

В японской культуре дзен коан – это парадоксальное утверждение или вопрос, который помогает осознать ограниченность нашей логики. Коан кажется абсурдным, однако он стимулирует мозг, побуждая думать по-новому. Цель коана – заставить воспринимать реальность иначе, чем мы привыкли. Закосневшему рассудку коан даже может причинить боль.

Это объясняется тем, что мы привыкли мыслить в рамках двухмерной логики. Наш разум привык к четким, разграниченным понятиям (черное – белое, зло – добро, левое – правое, истина – ложь и т. п.). Коан заставляет нас съехать с проторенной колеи. Можно сказать, что «треугольник в представлении шара – это коан».

Вот несколько примеров:

Что делать, когда делать нечего?

Что находится на севере Северного полюса?

Существует ли Вселенная, если в ней нет разумных существ?

Светло ли от черного света?

Каков звук хлопка одной ладони?

Существует ли иллюзия?

Человек смотрит в зеркало, зеркало смотрит в человека.

Забыть о себе означает быть признанным Вселенной.

Куда девается белизна, когда тает снег?

Ищи то, чего тебе не хватает, в том, что у тебя есть.

Я согласен со своим мнением?

Стремитесь к свободе, и станете рабами своих желаний. Стремитесь к дисциплине, и обретете свободу.

Любая вещь известна потому, что мы считаем, что знаем о ней.

Слушай тишину.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

ТВОРЕНИЕ В СИНЕМ

СВЯЩЕННАЯ ГОРА

59. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЭДЕМ

Я невесом, нематериален. Я – атомная пыль.

У меня больше нет кожи, никакой оболочки, никаких границ.

Температура повышается, и атомы становятся все более летучими. Они отделяются друг от друга, разлетаются, кружатся.

Я горячий пар. Облако.

Я смешан с моим другом Эдмондом Уэллсом. Никогда и ни с кем еще я не был так близок.

Пробирка, которую мы теперь наполняем в виде газа, соединена со шлангом. Меня отделяют от моего друга. Мои собственные атомы уносит потоком воздуха. Теперь я нахожусь в другом сосуде, большего объема. Этот сосуд помещен в центрифугу, которая вращается в обратную сторону. Температура понижается, я конденсируюсь.

Из газообразного состояния я перехожу в жидкое. Холод и скорость продолжают действовать. Я сгущаюсь.

Как написано в Библии: человек – глина, оживленная дыханием Бога.

Я собираюсь воедино. Восстанавливаюсь. Становлюсь больше, шире, тяжелее. Мои атомы, словно следуя известному плану, соединяются, чтобы воссоздать меня, сохранив пропорции, но увеличив масштаб.

Мне не приходится начинать свой путь с эмбриона. Я сразу становлюсь взрослым. Глаза твердеют, превращаются в два шарика для пинг-понга, сначала красные, потом белые. Под прозрачной кожей и черепными костями в полушариях мозга образуются извилины. Формируются ногти. Зубы появляются из челюстей, как ростки деревьев.

Это не больно. Просто новые ощущения – становиться твердым после того, как был газообразным.

Мышцы краснеют, кожа теряет прозрачность. Сердце начинает биться. Сосудистая система наполняется живительной красной жидкостью, которая несет сердцу кислород и сахар.

Я возвращаюсь к жизни.

Центрифуга останавливается. Я нахожусь внутри огромной пробирки. Я наг и дрожу. Все мои мышцы напряжены, сердце колотится, кожа покрыта потом. Я совершенно без сил. Я задыхаюсь. Сквозь стекло пробирки я вижу, как приближаются какие-то пробирки. Я хочу встать на ноги, но так ослаб, что мне это не удастся. Я соскальзываю на дно и, свернувшись калачиком, засыпаю.

Мой разум, покинув заоблачный мир, отправляется в царство снов, спокойное место, где он может отдохнуть. Вспыхивает экран.

Я попадаю внутрь изображения. Я на острове, но это не остров Спокойствия.

Огромный пляж. Появляется Дельфина. Она бежит по песку, на котором остаются ее следы. Мы сливаемся в объятии в волнах. За нами, на берегу поселение людей-дельфинов на Земле-18, которое я создал в начале Большой игры пять тысяч лет назад. Вдали, в море, резвятся дельфины. Мы плывем к ним, хватаемся за спинные плавники и летим по волнам в вихре брызг.

Дельфина говорит, что мы сами можем превратиться в дельфинов.

Мои ноздри зарастают, а на лбу появляется небольшое отверстие для дыхания. На руках вырастают перепонки. Я мутирую, как первые дельфины, которые когда-то жили на земле, а потом вернулись в воду. Дельфина говорит, что это и есть будущее, которое мы построим на острове Спокойствия. Будущее водного человечества. Я плаваю, ныряю, задерживая дыхание на десятки минут. Мой позвоночник изгибается, как хребет рыб. Я выпрыгиваю из воды. Играю с водорослями. Я стал homo delphinus. Человеком будущего, водоплавающим животным. Во сне я соревнуюсь с другими дельфинами, кто глубже нырнет. Мы вместе плаваем в глубине, вместе выныриваем. Я разгоняюсь, и мне даже удастся встать на хвост, почти вертикально. Дельфины окружают нас и учат разным прыжкам. Я обожаю это. Дельфина обращается ко мне, издавая короткие резкие крики, в которых гораздо больше оттенков, чем в человеческом голосе. Она рассказывает, что в других местах люди тоже мутировали. Люди-белки грызут орехи, планируют с ветки на ветку. У них выросли перепонки, соединяющие руки и ноги. Слепые люди-кроты роют землю. Люди-птицы парят в небе вместе с орлами. У них выросли перья. Я отвечаю ей, что мне больше нравится быть дельфином. Потому что они могут двигаться в трех направлениях над и под водой, и это потрясающее ощущение. Она говорит, что все человечество мутирует, и это логическое продолжение эволюции. И тут я вижу на горизонте людей-акул. У них вытянутые морды, зубы в три ряда, острые плавники.

Люди превращаются в своих тотемных животных.

Мы спасаемся, выпрыгивая из воды, чтобы взять разгон в воздухе.

Во сне я думаю, что должен остановиться и дать отпор акулам. Мне в голову приходит идея: «Дельфин может победить акулу, ударом носа он пробьет ей печень. Сильный удар, нанесенный в конкретную точку». Мы с Дельфиной превращаемся в две торпеды. Я первым наношу удар человеку-

акуле, который бросается на меня. Он уклоняется и кусает меня за спинной плавник. Мы снова занимаем исходную позицию. Человек-акула снова хочет напасть на меня, но я, притворившись, что приму атаку в лоб, в последний момент подныриваю – вот преимущество движения в трех направлениях – и наношу удар носом. Распарываю кожу, вонзаюсь в его внутренности. Мы атакуем снова и снова и обращаем акул в бегство. Но и мы оставляем в воде кровавые следы. Мы тоже ранены. Когда берег уже близко, я замечаю в небе людей-орлов с изогнутыми клювами и широко распластанными крыльями. На берегу люди-крысы с острыми когтями и острыми оскаленными зубами.

– Я больше не боюсь их, – издаю я пронзительные крики, обращаясь к Дельфине.

Она отвечает, что я заработал еще один балл. Теперь я умею дать отпор противнику. Я не спасаюсь бегством и говорю, что никого не боюсь. Я набрал 21 балл.

Мы ныряем с Дельфиной, открываем для себя подводный мир. Внезапно она останавливается. Я подплываю к ней в тот момент, когда она производит на свет маленького дельфина. Он совершенно светлый. Едва выбравшись из ее тела, он тут же начинает плавать и поднимается на поверхность.

Дельфина говорит, что малыш – моя копия. Я благодарю ее за все, чему она меня научила.

Мы тремся носами и вместе поднимаемся из глубин, выпрыгиваем из воды высоко в воздух, а наш сын играет в волнах. Я чувствую ветер своими плавниками и снова падаю в воду.

Мне мокро.

Дельфина...

– Мишель! Дельфина!

– Мишель... Мишель... это я!

Я открываю глаза. Надо мной склоняется женщина. Это не Дельфина. Золотые волосы, зеленые изумрудные глаза.

Афродита.

– Я так боялась потерять тебя, – шепчет богиня любви. – Бедный Мишель. Как тебе было трудно жить среди стада смертных.

Она обнимает меня.

Лежа на постели, я озираюсь. Это комната в ее дворце. Все вокруг розовое, как в волшебной сказке. На насестах сидят лукаво улыбающиеся херувимы с луками за спиной. Они прилаживают оперение к стрелам. В банках сидят сердца с ножками, такие же, как то, которое мне когда-то

подарила Афродита. Они подпрыгивают от нетерпения, так им хочется кого-нибудь полюбить.

Богиня любви страстно целует меня, но я не отвечаю ей.

– Я боялась, что ты сойдешь с ума. Жить среди людей – все равно, что жить среди... обезьян!

– Смертные – такие же мужчины и женщины, как мы.

– Мы уже не мужчины и женщины, – поправляет она меня. – Мы боги!

Она прижимается ко мне, трется об меня грудью.

– Твоя ссылка на Землю-18 была такой несправедливостью! Странно, должно быть, оказаться там... как в зоопарке.

Странное место – это как раз Эдем. Но это не зоопарк, это скорее сумасшедший дом. На Олимпе эго раздувается до невообразимых размеров. Каждый бог тут – воплощение какого-нибудь невроза или психоза. Афродита – истеричка, Зевс страдает манией величия, у Ареса паранойя, и так далее.

– На Земле-18 было нормально – говорю я. – Притязания смертных гораздо разумнее, чем амбиции богов.

– Что там могло быть нормального, среди этих шахматных фигур? Притязания? Не хватало еще, чтобы у смертных были притязания!

Я отстраняюсь.

– Мы тоже фигуры в чьей-то игре, – возражаю я.

– Это совсем другая игра!

– Кто знает...

Афродита больше не слушает меня.

– Поцелуй меня, Мишель. Я так старалась вытащить тебя из этой крошечной тюрьмы. Эдмонд Уэллс просто участвовал в моем проекте. Теперь мы сможем любить друг друга, и никто нам не мешает быть вместе.

– Я ничего у тебя не просил. У меня все было хорошо. Счастье можно обрести в любом мире. Наверху или внизу. Вопрос не в масштабе, росте или месте. Все дело в том, как к этому относиться.

Афродита не понимает моей холодности.

– Что происходит, Мишель? Ты какой-то странный. Я встаю и иду в ванную, чтобы умыться. С трудом узнаю себя в зеркале. Опыт жизни на Земле-18 и превращение в атомную пыль изменили. Я осунулся. Превращения, которые я пережил в сознании, с одной стороны, дали мне возможность узнать, что я могу превращаться в пыль, с другой – напомнили, как тяжело иметь тело из плоти. У меня круги под глазами, кожа обтягивает скулы, я тоскую по тому времени, когда был чистым

духом. Я долго стою под ледяным душем. Надеваю тогу, обуваю кожаные сандалии.

– Эдмонд сказал, что я должен срочно вернуться на Эдем. Зачем?

– А разве я – это не повод вернуться?

Она разочарованно смотрит на меня. Потом берет себя в руки.

– Ладно. Я скажу тебе, в чем дело. Пока тебя не было, тут произошли страшные вещи.

Я возвращаюсь в комнату и вижу, что Афродита сидит, опустив глаза, и явно не знает, как рассказать о случившемся.

– Что случилось?

И тут я слышу крики. Я подхожу к окну и вижу стаю грифонов, которые дерутся в небе. Львы с орлиными крыльями яростно раздирают друг друга на куски. Он кружатся, выписывая огромные восьмерки. Раненые падают вниз, как сбитые самолеты.

Эдмонд Уэллс, едва волоча ноги, входит в комнату. Похоже, его тоже измотали последние превращения. Его глаза ввалились, он бледен.

Мой бывший учитель смотрит на Афродиту. Он хочет знать, рассказала ли она уже мне обо всем. Она качает головой и предлагает нам поговорить в ее гостиной-будуаре. На стенах висят картины, изображающие самые знаменитые истории любви из истории разных цивилизаций. Это женщины, бросающие друг на друга сладострастные взгляды, пары мужчин, пары женщин, на некоторых картинах изображены целые группы или люди с животными. Эта выставкашний раз демонстрирует, что у любви множество форм.

Крики дерущихся грифонов не смолкают, и Афродита закрывает ставни. Она приносит нам какой-то напиток со вкусом имбиря.

Эдмонд Уэллс мрачен. Я еще не видел его в таком состоянии.

– Я и подумать не мог, что все так обернется, – говорит он. – Мы, боги, привыкли быстро решать проблемы, но это, как правило, проблемы смертных. Но никто из нас не может погасить конфликт между богами.

И они наконец рассказывают мне, в чем дело. После того как меня сослали на Землю-18, мой бывший друг Рауль Разорбак, победивший в Финальной игре, под звуки фанфар миновал ворота и вошел на Елисейские Поля.

– Сейчас Рауль идет за своей наградой, – говорит Эдмонд Уэллс.

Как только Рауль скрылся из виду, жители Олимпии вернулись к своим обычным занятиям. Последних учеников выпуска 18 превратили в химер. Жан де Лафонтен и Рабле стали кентаврами. Симона Синьоре и Эдит Пиаф стали сиренами. Тулуз-Лотрек – двухголовым драконом. Бруно Баллар,

Густав Эйфель и Жорж Мельес – грифонами, и, может быть, как раз сейчас дерутся за окном.

После игры боги-преподаватели, хариты, полубоги завершили уборку и взяли три дня отдыха, прежде чем приглашать следующий курс.

– В этот раз мы собирались приглашать мексиканцев, – вставляет Афродита.

В комнату влетают ангелочки и что-то шепчут ей на ухо. Богиня встает и просит нас подождать. Когда она возвращается, на ее тоге синие пятна. Она расставляет шесты, вроде тех, на которых сажают попугаев, и ангелочки рассаживаются на них.

Афродита поправляет прическу. Некоторые ангелочки перелетают через комнату и усаживаются на ее плечах, как птицы.

Богиня наливает им немного нектара в цветочные бутоны. Она и мне протягивает чашку нектара, но я предпочитаю крепкий кофе. Один ангелочек тут же летит за ним на кухню.

Афродита продолжает рассказ:

– Мы долго ждали этих мексиканцев. День, два, три, неделю. Месяц. Мы никак не могли понять, почему они так задержались. Известно, что иногда администрация Империи ангелов бывает перегружена и отправка душ задерживается. Мы ждем задержавшихся так же, как самолет – опаздывающих пассажиров. Но мексиканце все не было. Мы по очереди дежурили на пляже. Мы смотрели на небо, ожидая прибытия избранных душ...

Я вспоминаю свое прибытие на Эдем. Я превратился в метеорит и камнем упал в море.

– Но ничего там не дождались. Зато кое-кто явился с горы. Сам Зевс вышел к нам из леса. Он был еще выше, чем тогда, когда разрешил тебе снова попытать счастья на Финале. – говорит Афродита. – Он был десяти метров ростом. Он собрал всех обитателей Эдема в Амфитеатре, а сам встал посреди. В руках у него был тяжелый мешок. И он произнес речь.

Афродита меняется в лице. Она нервно вцепляется в мою руку.

– Зевс рассказал о «другой» горе. О том, что над богами есть Великий Бог. – 9... – шепчу я.

– Он называл его Богом-Творцом. Мы все были потрясены. И он сказал, что получил от него указания.

Афродита и Эдмонд переглядываются, потом опускают глаза.

– Указания, – повторяет Афродита. – Он сказал, что все закончено. Окончательно.

– Это шутка?

– Он сказал: «Учеников-мексиканцев не будет. Вообще не будет никаких учеников. Больше ни одного выпуска. Школа богов закрывается. Тут все закончено».

Я вспоминаю, что, когда пришел к Зевсу, царь Олимпа предполагал что-то в этом роде. Он думал, что Бог-Творец устал и хочет остановить игру.

Ангелочек подлетает ко мне, зависает перед лицом, медленно порхает вокруг, как луна вокруг планеты, потом возвращается к остальным, что-то шепчет им, и они заливаются смехом.

Афродита машет на них рукой, и они умолкают.

– После этого объявления Гермес спросил: «И что теперь будет?». Зевс ответил: «Здесь больше ничего не будет. Вам остается только ждать смерти». И это было вторым потрясением. Зевс сказал, что раз школа закрывается, он больше не будет поддерживать Систему. И тогда Бог-Творец отобрал у обитателей Эдема бессмертие.

– И у Зевса тоже?

– Разумеется. Зевс сказал, что он вернется к себе во дворец и ляжет спать, дожидаясь смерти, чтобы заснуть последним сном. Потом он открыл свой мешок и вытащил из него сферу трех метров в диаметре. Он сказал: «Вот, это настоящая. Развлекайтесь. Оставляю ее вам на память». Он взял свой анкх и добавил: «Подождите-ка, я уменьшу ее, чтобы ее можно было поместить в музей». Он нажал кнопку, и диаметр сферы уменьшился до пятидесяти сантиметров.

– Он отдал вам настоящую Землю-18! Ту, где я находился!

– Чтобы показать нам, что действительно больше ничто не имеет значения. Потом он грустно усмехнулся, превратился в лебедя и улетел на вершину своей горы.

Я начинаю понимать.

– Я вышел из леса, чтобы послушать, что скажет Зевс, – говорит Уэллс, – а боги-учителя даже не обратили на меня внимания. Все теперь было неважно.

– Мы все были совершенно оглушены всем этим. Совершенно оглушены, – вздыхает Афродита.

– Как рабочие, когда завод закрывается, – кивает Уэллс.

– Наша жизнь потеряла смысл. Оставалось только стареть, болеть и умирать.

Я вдруг осознаю, что был бессмертным среди смертных. А теперь, вернувшись на Эдем, стал смертным среди бессмертных.

Юмор. Парадокс. Перемены.

Я вспоминаю слова философа Вуди Алена, который предвидел появление танатонавтики: «По-настоящему расслабиться можно только после смерти».

Теперь к этому можно добавить: «пока боги были бессмертными, их жизнь не имела смысла».

И думаю, что только на пороге смерти, за несколько секунд до того, как угаснет сознание, выстраиваются в логическую цепь те непонятные события, из которых состояла твоя жизнь.

– И что было дальше? – спрашиваю я.

– Маленькая сфера Земли-18 никому не была нужна, и я забрал ее себе, – говорит Эдмонд Уэллс, – и спрятался на твоей заброшенной вилле.

Ангелочки Афродиты снова подают нам кофе. Мне все время кажется, что они потешаются над нами, но я слишком занят рассказом, чтобы обращать на это внимание. Богиня продолжает:

– Начались переговоры. Каждый выдвигал свою точку зрения. Некоторые предлагали заставить Систему работать и дальше, несмотря на указания Великого Бога. Они говорили, что надо создать новое правительство с советом богов-преподавателей во главе и отправить экспедицию на Вторую гору, поднявшись по Елисейским Полям. Другие предлагали напрямую связаться с Империей ангелов, чтобы она продолжала присылать к нам учеников. Но Афина, уважая старые законы, требовала, чтобы мы подчинились воле Зевса и неизвестного Бога-Творца. Она не дала нам пройти на Елисейские Поля.

Афродита пьет из своего кубка и рассказывает дальше.

– Тогда возникли две группы. «Мятежники», те, кто примкнули к Аресу, и сторонники Афины, «лояльные». Мятежники не желали мириться с тем, что их сделали безработными и отправили на пенсию. Они считали, что остаться без дела для них равносильно гибели. В конце концов мятежники и лояльные передрались. Арес ударил Афину мечом. Она упала и больше не шевелилась. Это было ужасно. Только тогда мы поняли, что это конец.

Афродита судорожно вздыхает.

– Афина истекала кровью. Она ни во что не превратилась. Это было только неподвижное тело в луже крови. Она даже не стала химерой. Мы стояли рядом и смотрели, как она умирает. И видели, что такое настоящая смерть души. Все отнеслись к этому по-разному. Некоторые были счастливы, что добрались до последней главы. Другие стали бояться смерти, что до сих пор был свойственно только смертным.

Ангелочки приносят маленькие бело-розовые пирожные. Афродита

рассеянно берет одно.

– И вот тогда разразилась война. Мятежников, совершивших первое убийство, охватила жажда убивать. Во главе с богом войны Аресом некоторые боги-преподаватели, полубоги и химеры хотели разбить ворота, ведущие на Елисейские Поля. Их остановили другие боги-преподаватели, полубоги и химеры. У ворот состоялось грандиозное сражение.

– Боги вели себя, как животные, – подхватывает Эдмонд Уэллс. – Существа, находившиеся на 7-й ступени развития, вели себя так, будто спустились на 3-ю.

– Если поскрести человека, то очень скоро из-под внешней оболочки проступит его звериная сущность. То же касается и богов, – признала Афродита. – В этом сражении не было победивших. Оба лагеря понесли большие потери, особенно среди химер.

С востока, оттуда, где находятся ворота, ведущие на Елисейские Поля, доносятся крики. Я с гневом смотрю на Эдмонда Уэллса.

– И за этим ты меня сюда притащил? Чтобы я погиб в битве с богами? А ведь я был так счастлив, живя со смертными!

Афродита встает. Она прикасается к рамке висящей на стене фотографии, на которой изображена пара влюбленных. Это диктатор Чаушеску и его жена Елена, которую он назначил министром науки. Фотография сделана за несколько секунд до того, как их расстреляли. Они держатся за руки. Это выглядит очень трогательно. Последняя ласка на пороге смерти.

Афродита отодвигает раму, за ней оказывается бронированная дверца с кодовым замком. Богиня набирает код. Дверца открывается, и Афродита достает дубовую шкатулку с медными ручками, украшенную чеканкой. Она открывает ее ключом.

Мне становится интересно, и я подхожу к ней.

– Вот твой мир, – говорит Афродита. – Я пока взяла его себе. Вот отсюда я тебя вытащила.

– Это Земля-18?

Эдмонд Уэллс кивает. Значит, Афродита сказала правду. Зевс уменьшил планету, чтобы подарить ее жителям Олимпии.

– Это настоящий мир, а не модель, – уточняет богиня.

Я как зачарованный смотрю на сферу, внутри которой находится Дельфина.

– У меня там остались друзья.

– Ты привязан к этим смертным, не так ли? – спрашивает она.

– Кажется, мы все теперь смертны, – уклончиво отвечаю я.

– Но мы нечто большее, чем они, пусть даже это касается только роста!

– Это ничего не меняет.

– Это все меняет. Мне достаточно вышвырнуть эту сферу в окно, и она разлетится на миллионы осколков. Это же просто муравейник в аквариуме.

Она хватается стеклянный шар, и прежде чем я успеваю что-то предпринять, бросается к окну и делает вид, что выбрасывает Землю-18.

– НЕ-Е-Е-ЕТ!

Я крепко хватаю ее за руку.

– Мне больно!

Я отпускаю ее. Она убирает драгоценную сферу в шкатулку.

– Это был единственный способ заставить тебя вернуться, – признает Эдмонд Уэллс. – Афродита придумала отправить летающую тарелку в мир смертных. Она знала, где Хронос держит аппарат, при помощи которого тебя можно превратить в атомы, а потом воссоздать заново.

– И что, Эдмонд, ты думал, что оказываешь мне услугу, вытаскивая меня из мира смертных, чтобы втянуть в войну между богами?

Уэллс хитро смотрит на меня.

– Возможно, это не так уж здорово для тебя, зато для нас – просто отлично. Я думаю, что война между мятежниками и лояльными продлится еще долго, а у нас есть дела поважнее, чем умирать или убивать. Если мы что-нибудь не предпримем, скоро вся Олимпия превратится в дымящиеся руины.

Я не могу оторвать глаз от шкатулки с Землей-18.

– И что ты предлагаешь?

– Воспользоваться тем, что ты прекрасно знаешь остров, который видел сверху, когда летал на Пегасе, и отправиться в путешествие, но не по воздуху, а по воде. По морю.

– А дальше?

– Мы доберемся до Второй горы, заберемся на ее вершину и увидим Великого Бога-Творца.

– Зачем? Ведь партия окончена.

– Как знать, как знать, – говорит Афродита.

– Рауль пешком идет по Елисейским Полям, – подхватывает Уэллс. – Учитывая расстояние, я думаю, что до вершины Второй горы он доберется не раньше, чем через три дня. Мы вполне можем успеть туда раньше него.

– Зачем нам обгонять его?

– Мы с Эдмондом думаем, что он недостойн оказанной ему чести, – отвечает Афродита.

– Более того, я считаю, что этот тип опасен. Он умен, умеет приспосабливаться, но он не понимает главного, – говорит Эдмонд Уэллс.

Афродита кивает.

– Во время последней партии он представлял нейтральную силу, Н. Поэтому он и выиграл. Он позволил энергии А, энергии любви, которую представлял ты, и энергии разрушения Д, которую представлял Ксавье, уничтожить друг друга. И вот тогда он и вышел на сцену.

– Нам не подходит Вселенная, которой будет управлять бог, воплощающий нейтральную силу, – заявляет Эдмонд Уэллс.

– Мы хотим, чтобы на Вторую гору поднялся ты, – говорит Афродита. – Ты отлично играл. Доказал, что ты лучший бог-ученик. Ты поддерживал науки, искусство, творчество, эмансипацию женщин, свободу людей. Ты бог энергии А, энергии любви.

– Нет, постойте. Я прекрасно знаю, что у меня полно недостатков. Я идеалист, или, говоря иначе, плохо приспособлен к реальности. Я проиграл не случайно. Мои смертные рожали слишком мало детей, они не могли в нужный момент достаточно разозлиться, чтобы дать отпор врагу. И я сорвался – убил другого бога-ученика из мести. Бог, воплощающий энергию А, не стал бы так поступать.

Афродита не дает сбить себя с толку.

– Твой гнев доказывает, что ты близко к сердцу принимал свои обязанности. Какой бог сможет остаться равнодушным к трагедиям, которые его смертным, да и самой любви, пришлось пережить на этой планете?

И она снова прижимается ко мне.

– Вместе мы могли бы добиться успеха. Я не осмеливаюсь ее оттолкнуть.

– Значит, ваш план – отправиться в морское путешествие, чтобы обогнать Рауля и первыми явиться к Великому Богу-Творцу. Правильно?

Эдмонд Уэллс решительно произносит:

– Мы больше не можем терять время. Хватит ломаться! Мы из кожи лезем, чтобы затащить тебя на вершину горы. Не заставляй еще тебя упрашивать!

– Мне было так хорошо на Земле-18... Эдмонд Уэллс запихивает дубовую шкатулку в рюкзак.

– Считаю, что мы покидаем Олимпию, чтобы спасти этот предмет. Иногда неизведанный мир безопаснее того, к которому ты привык.

Он тянет меня за собой и говорит:

– Нам еще предстоит увидеть немало новых миров. Не бойся

удивляться.

60. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: БАРУЙА

Баруйа – это примитивное папуасское племя Новой Гвинеи, жившее отрезанным от всего мира до 1951 года, когда его нашли австралийские исследователи. Французский антрополог Морис Годелье, автор книг «Загадка дара» (1996) и «Метаморфозы родственных отношений» (2004), изучал жизнь этого племени с 1967 по 1988 год.

Во время первых путешествий в Новую Гвинею он обнаружил племя земледельцев-охотников, которые использовали технологии каменного века. Исследуя жизнь этого сообщества, Годелье хотел понять генезис мифов и принцип формирования социальной структуры вокруг них.

У баруйа не существует таких понятий, как государство, классы, а также сложной иерархии. Однако у них действует патриархальная система, не имеющая ничего общего с тем, что было известно этнологам до сих пор.

Основной составляющей жизни баруйа является сперма. Люди произошли из «у», смеси спермы и солнечного света, которую принимают в себя женщины. Если рождается девочка, значит, смесь получилась неудачной.

Такие представления (баруйа не известно о существовании яйцеклетки) приводят к тому, что женщины считаются «бракованными людьми», которые тем не менее нужны для того, чтобы производить на свет людей «качественных». Отношение баруйа к женщинам превосходит любое западное женоненавистничество (поэтому результаты исследований Годелье нельзя назвать политкорректными и нужно воспринимать их вне привычной нам системы отсчета).

Когда мальчикам баруйа исполняется восемь лет, их отбирают у матерей и уводят далеко в горы. Там они живут в замкнутом мужском мире и проходят посвящения в магические и сексуальные обряды. Когда им исполняется шестнадцать, они могут спуститься с гор и создать семью.

Мужчина баруйа вступает в половые отношения с женщиной. Во время беременности женщина баруйа должна иметь как можно больше сексуальных партнеров помимо мужа, чтобы сперма других мужчин сделала будущего ребенка крепче и сильнее.

Материнское молоко у этого племени считается разновидностью спермы, и женщина должна как можно чаще заниматься сексом, чтобы поддерживать лактацию.

Женщины баруйа не могут быть собственниками земли и участвовать

в религиозных обрядах. Это самое патриархальное общество из всех известных на сегодняшний день.

Изучая баруйя, Морис Годелье пришел к выводу, что развитие общества зависит не от экономики, как до сих пор считали большинство этнологов, а от древнейших мифов, свойственных обществу на ранних этапах развития. Баруйя решили, что сперма – источник всего на свете, и выстроили свои социальные отношения вокруг этого мифа.

*Эдмонд Уэлс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания
(по материалам из тома III)*

61. ОЛИМПИЯ В ОГНЕ

Черные столбы дыма поднимаются к небу. Обрушиваются стены зданий. Улицы завалены обугленными скорчившимися телами. Издали доносятся крики. Пахнет гнилью. В воздухе стоит пыль. Тучи мух и вороны кружат над трупами. Олимпию невозможно узнать.

Из окна дворца Афродиты, обращенного на восток, я не видел того, что творится в западной части города. Только выйдя на улицу, я вижу масштаб разрушений.

Город разгромлен.

Место, где чистые души учились совершенству, стало полем битвы, где разъяренные химеры сражаются с разгневанными богами. После гибели Афины в этом мире не осталось справедливости. Все дерутся просто ради драки, чтобы выплеснуть гнев, причины которого никто не помнит.

Воздушные бои прекратились, сражение переместилось к воротам у Елисейских Полей.

Мы с Афродитой и Эдмондом Уэллсом издали наблюдаем за происходящим. Войска лояльных выстроили заграждение из мешков с песком у Восточных ворот. Вооружившись луками, хариты, оры, сатиры и титаны, циклопы и кентавры пытаются остановить натиск тех, кого еще недавно считали своими соплеменниками.

Дионис, Гермес, Аполлон, Артемида. Деметра, Геракл возглавляют армию лояльных. Посейдон, Арес, Хронос, Гефест, Атлант, Гермафродит, Прометей, Сизиф командуют войсками мятежников. Боги-преподаватели мечут молнии.

Афродита велит мне пригнуться, спрятаться за пригорком. Я слышу стук копыт. Это отряд кентавров-мятежников скачет сражаться с лояльными кентаврами.

Они все в мыле, свирепо храпят, фыркают, пытаются повалить противника, чтобы потом добить копытами. В небе сражаются херувимы, крошечные ангелочки с крыльями бабочки. Они тоже дерутся и падают на землю с разорванными крыльями.

Драконы мечутся в облаках, изрыгая пламя. Все это похоже на картины ада, описанного Данте. Эти мифические существа превратились в олицетворенную ненависть.

Сражение приостанавливается. Передышка. Мы втроем осторожно пробираемся к выходу из города. Вдруг появляются несколько кентавров.

Они осыпают нас стрелами. Мы едва успеваем спрятаться за полуразрушенной стеной. Одна стрела попадает в рюкзак Уэллса, где лежит шкатулка с Землей-18.

Кентавры скачут к нам. Я спасся только потому, что успел стремительно выхватить анкх. Одним выстрелом я убиваю пятерых, Афродита довершает мою работу.

Вытащив стрелу, вонзившуюся в шкатулку, я прошу отдать мне «Землю-18». Я хочу сам нести сферу, внутри которой находятся Дельфина и мой будущий ребенок.

Мы идем дальше на запад и видим оставленное поле битвы. Кентавры, сраженные стрелами, лежат рядом с херувимами, лишившимися крыльев и обугленными драконами.

Дальше находится лагерь лояльных, окруженный наспех возведенными баррикадами из камней, мешков с песком и опрокинутых повозок. На кое-как сколоченных вышках дежурят часовые. Мятежники построили себе точно такой же лагерь и тоже выставили часовых.

Несколько грифонов кружат в небе, высматривая неприятеля.

– Слишком жарко, поэтому они остановили сражение, – объясняет Афродита. – Но как только посвежеет, мятежники снова ринутся в атаку, чтобы прорваться на Елисейские Поля.

– Это не наша война, – говорит Уэллс, – у нас есть дела поважнее, чем драться, чтобы выяснить, кто сильнее. Ты согласен, Мишель?

Мы выходим из Олимпии через тайный ход, который нам указывает Афродита. Мы попадаем в синий лес, в котором снова натываемся на трупы кентавров и сатиров, погибших в жестоких боях, которые шли тут несколько дней назад.

По реке плывут трупы сирен. От воды тянет отвратительным запахом.

Так те, кто считал себя бессмертным, узнают, что такое смерть. В ней нет ничего таинственного. Смерть – это окоченевшее тело, неподвижность, гниющая плоть, на которую слетаются мухи и стервятники.

Мы зажимаем себе носы лапами тог. Разлагающиеся сирены невыносимо воняют. Выше по реке две сирены все еще сражаются. Они молотят друг друга кулаками, дерутся хвостами, покрытыми чешуей, кусаются. Пряди их мокрых волос рассекают воздух, как плетки. Они скрываются под водой, снова выныривают, вздымая фонтаны пены.

Мы поспешно проходим сквозь водную завесу, которую мне когда-то показал белый кролик, и оказываемся на другом берегу.

Черный лес. Вот мы и там, где уже сражались с трехголовой химерой, но теперь она лежит на земле, сраженная сотнями стрел. Она вся покрыта

толстым слоем копошащихся насекомых.

Афродита уверенно ведет нас. Мы идем через поле, заросшее маками. Я когда-то очень любил красный цвет, но теперь поле напоминает мне озеро крови. Я бегом поднимаюсь к невысоким строениям на холме. Это дворцы девяти муз и еще двух, которые недавно к ним присоединились – Мэрилин Монро и Фредди Мейера. Все храмы разрушены. В храме Мэрилин я вижу разбитый кинопроектор. Эдмонд Уэллс поднимает с пола толстую красную тетрадь, которая принадлежала Фредди. На ней написано: «Собрание шуток, которые помогут выжить в этом мире, пока мы не попадем в лучший».

– Не думай об этом, – говорит мне мой бывший наставник. – Мы должны думать о будущем, а не о прошлом.

Он протягивает мне тетрадь, и я убираю ее в рюкзак, где лежит шкатулка с Землей-18.

Мы приходим на оранжевую территорию, где жила Медуза Горгона. Афродита указывает нам крутую дорогу, ведущую к ее дворцу.

Я содрогаюсь, думая о том, что рискую снова превратиться в камень. Я хорошо помню тот ужасный момент, когда уже не мог пошевелить ни ногой, ни рукой, но оставался в сознании. Я иду вперед, не выпуская анкха из рук, следя за небом, откуда в любой момент может появиться чудовище. Но вокруг все кажется совершенно пустынным. Афродита проводит нас вглубь сада, окружающего дворец Медузы Горгоны. За стеной из сплетенных ветвей мы видим проход и ступени, выбитые в камне.

Мы долго спускаемся поворот за поворотом и вдруг слышим шум волн. Пахнет лимоном и водорослями.

Мы оказываемся в пещере. В глубине причал, у которого стоит парусник. Между ними перекинут деревянный трап.

Причал, спрятанный в пещере!

– Это корабль Горгоны, – говорит Афродита. – Мои ангелочки донесли мне о том, что она затеяла. Когда в Олимпии началась смута, она освободила несколько статуй, при условии что они будут работать на нее.

Корабль великолепен. Его носовая часть украшена скульптурой Горгоны. Мы подходим ближе и видим следы выстрелов из анкхов, царапины от стрел на бортах парусника.

– Призрачный пиратский корабль, – говорю я.

– Должно быть, здесь тоже было сражение.

Мы поднимаемся на борт. На корабле мы видим то же самое, что и в Олимпии. Палуба завалена мертвыми телами. Битва между сторонниками и врагами Медузы была жестокой. Мы находим и тело самой Горгоны.

Оттуда, где мы стоим, видны только ее тело и крылья. Голова накрыта тканью.

– Видимо, освобожденные рабы затаили против нее злобу, – говорит Уэллс и подходит к труп, чтобы откинуть покров с головы.

– Стой! Вдруг она и после смерти может обратить тебя в камень? – удерживаю я его.

– Если она управляла строительством корабля, то ей пришлось на время отключить свою смертоносную способность.

– Ты уверен, что стоит рисковать?

Я указываю на лучника, застывшего в тот момент, когда он собирался выпустить стрелу.

Тут вмешивается Афродита. Она оборачивает голову Медузы Горгоны еще одним покрывалом и отрезает ее.

– Если ее голова и после смерти сохранила способность обращать в камень, то, может быть, она нам еще пригодится, – практично замечает она.

Мы с Уэллсом берем обезглавленное тело за руки и за ноги.

– А ведь Медуза Горгона была когда-то красивой девушкой, которая имела несчастье понравиться Посейдону. Он решил овладеть ею...

– Тогда Афина из ревности превратила ее в Горгону, лишила красоты и сделала чудовищем, – подхватывает Уэллс.

– Еще одна женщина, ставшая жертвой мужской глупости, – произносит Афродита вместо надгробной речи. – Зато теперь она стала нашим оружием.

Мы выбрасываем труп Медузы за борт. Он падает в воду с глухим всплеском.

Афродита уносит голову Горгоны на камбуз. Там же я оставляю рюкзак с драгоценным грузом, и мы принимаемся за работу. Убираем с корабля остальные трупы, с трудом поднимая окаменевшие тела.

– Может быть, вам нужна помощь?

К нам подходят два молодых человека. На них грязные рваные тоги. Лица их заросли бородами, за плечами рюкзаки. От них сильно пахнет потом, выглядят они устало.

– Кто вы?

Афродита отвечает за них.

– Это полубоги. Они были ассистентами богов-преподавателей.

Потом спрашивает:

– Вы следили за нами?

– Когда началась война между богами-преподавателями, мы спрятались в лесу, чтобы не участвовать в этих сражениях, – говорит тот,

что стоит справа. Теперь я вижу, что он слепой.

– Мы питались ягодами и травой. Пили воду из родников.

– Прятались в разрушенных жилищах муз. Там мы и увидели вас.

– Мы можем быть вам полезными. Я хороший моряк, – снова говорит тот, что слева.

– И я тоже, хоть и слеп. У меня отличный слух, – подхватывает его товарищ.

– Корабль большой, нам понадобятся помощники, – замечает Эдмонд Уэллс. – Если у нас будет помощь, мы быстрее доберемся до цели. Кроме того, среди вас, танатонавтов, был слепой Фредди Мейер. Он вам не мешал, и даже наоборот.

Полубоги помогают нам очистить корабль от трупов. Проверяют снасти, наводят порядок.

Я обнаруживаю секстант и компас. К счастью, Дельфина научила меня управлять парусным судном.

Эдмонд Уэллс и Афродита собираются ставить паруса.

– Отсюда нам придется выбираться на веслах, – Парус тут не поможет.

Мы находим длинные весла. Полубоги поднимают якорь. Мы начинаем грести, и парусник скользит к освещенному солнцем выходу из пещеры, скрытому снаружи растениями. Наконец мы в море.

Яркий свет слепит нас. Чайки приветствуют громкими криками. Мы поднимаем парус. На красном полотнище изображена желтая голова Медузы Горгоны с извивающимися вокруг волосами-змеями.

Если я не ошибся, то западный ветер, дующий по правому борту, доставит нас к южному берегу Эдема. Я сверяюсь с компасом.

– Куда поплывем дальше? – спрашивает Уэллс.

– На восток. К великому неведомому востоку. Эдмонд Уэллс становится у штурвала, и корабль ложится на заданный курс. Парус наполняется ветром. Полубоги ставят на носу еще один красный парус, и мы начинаем набирать скорость.

Ко мне подходит слепой полубог. Он протягивает руку:

– Я забыл представиться. Меня зовут Эдип.

62. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЭДИП

У фиванского царя Лая и его супруги Иокасты не было детей, и они в отчаянии отправились в Дельфы к оракулу. Пифия предсказала, что у них родится сын, который убьет отца и женится на матери. Через несколько месяцев у них действительно родился мальчик.

Лай не убил сына, а бросил в горах, проколов ему сухожилия на ногах и связав. Ребенка подобрал пастух и отнес к коринфскому царю Поливу. Царь назвал найденыша Эдипом, что означает «тот, у кого связаны ноги». У Полиба не было наследника, он усыновил Эдипа и никогда не рассказывал ему о том, как его нашли.

Однажды Эдип посетил Дельфы, и пифия повторила свое предсказание: «Ты убьешь отца и женишься на матери». Боясь, что пророчество исполнится, Эдип, считавший отцом Полиба, решил бежать из Коринфа.

Во время своего добровольного изгнания он встретил людей, которых принял за разбойников. На самом деле это был царь Лай со свитой. Разгорелась ссора, и Эдип убил того, кто казался ему главарем – своего настоящего отца, – и продолжил свой путь.

Эдип пришел в Фивы и избавил город от Сфинкса, чудовища, которое убивало и пожирало любого, кто не мог разгадать загадку: «Кто утром на четырех ногах, днем на двух, а ночью на трех?» Эдип нашел ответ: это человек. Маленький ребенок ползает на четвереньках, взрослый ходит на двух ногах, а старик опирается на посох. Раздосадованный Сфинкс бросился со скалы, Эдип стал героем. Фиванцы тут же провозгласили его своим царем и дали в жены вдову царя Лая. Так Эдип женился на собственной матери. Эдип и Иокаста долго жили счастливо, не зная, кем приходятся друг другу. У них было четверо детей.

На Фивы обрушилась чума, и дельфийская прорицательница объявила, что это случилось из-за того, что убийца Лая не был найден, и продолжится до тех пор, пока его не покарают.

Эдип кинулся искать преступника и узнал страшную правду. Убийцей был он сам. Иокаста, узнав, что Эдип – ее сын, повесилась. Эдип, обезумев от горя, отказался от трона и ослепил себя. Изгнанный из Фив, он скитался со своей дочерью Антигоной, единственной, кто не отвернулся от него. Оба они терпели страшные лишения.

Значительно позже Зигмунд Фрейд использовал этот миф, чтобы

объяснить тот бессознательный импульс, который заставляет мальчиков влюбляться в мать и желать смерти отцу.

Эдмонд Уэллс, *Энциклопедия относительного и абсолютного знания*, том VI

63. МОРСКАЯ ПРОГУЛКА

Нос корабля разрезает волны. Ветер усилился, и парусник Медузы быстро несется вперед, слегка наклонившись набок.

Я стою на носу, и ветер хлещет меня по лицу. Я смотрю на берег. Отчетливо видно Первую гору, окруженную долинами и лесами. Мне кажется, что я вновь бегу с Дельфиной на остров Спокойствия. А что, если жизнь – это всего лишь повторение одних и тех же событий, с незначительными изменениями?

Я узнал Континент мертвых.

Я узнал Империю ангелов. То же самое, но «с незначительными изменениями».

Я узнал Царство богов. То же самое, но «с незначительными изменениями».

По большому счету всегда одно и то же. Различаются только некоторые детали.

Я видел Зевса на вершине Первой горы.

А кого я увижу теперь, на вершине Второй? Великого Бога? То же самое, но «с незначительными изменениями».

Я улыбаюсь, но тут же снова становлюсь серьезным.

Возможно, там я встречу Творца.

9.

Бога, стоящего над всеми другими богами.

Получу ответ на все вопросы.

Не знаю почему, но вдруг мне становится очень грустно (реакция на недавнее веселье?).

На небе, по которому ползут облака, появляются первые звезды.

В детстве, когда мне было грустно, я поднимал голову и смотрел на небо. И тогда мои проблемы казались мне ничтожными по сравнению со Вселенной, которая поглощала меня.

Сколько разочарований в личной жизни, профессиональных неудач, предательств, унижений пропустил я через себя, глядя на небо...

И теперь, когда прошлая жизнь осталась позади, я снова поднимаю глаза к небесам и снова обретаю покой и понимание, что все относительно.

Разумеется, я по-прежнему на что-то надеюсь, испытываю страхи, тревоги и желания.

Не умереть. Встретиться с Творцом. Быть любимым. Спасти

Дельфину. Понять.

Зачем я родился. Почему я страдаю. Зачем я живу. Почему умру.

– Я иду, – кричу я навстречу ветру. – Создатель, ты слышишь? Я иду!

Небо в ответ покрывается тучами, вспыхивает молния.

– Со мной это не пройдет. Я знаю, что такое молния!

Черное небо нависает над нами и разрывается.

Апокалипсис.

Это слово ошибочно используют, говоря о конце света, в то время как оно на самом деле означает «срывание покрыва с Истины».

Тучи рассеиваются. Небо проясняется.

Меня снова охватывает ощущение, что я переживаю приключение и иду навстречу неизведанному.

К Истине?

Погода становится все лучше. Вечереет. Вдруг мы замечаем вдали огни. Эдмонд Уэллс передает мне бинокль. Грифоны, держа в лапах факелы, готовятся к ночному сражению. Они мелькают в небе с мечами, выпускают горящие стрелы.

Афродита была права. С наступлением ночной прохлады бои возобновились. Где-то на западе к небу поднимается столб черного дыма.

Глухие удары, крики, грохот камней, звон металла – это означает, что началась битва, в которой сошлись боги, сражаясь за право контролировать ворота, ведущие на Елисейские Поля.

– Они ищут смерти, – говорит Афродита, подходя ко мне. – Я знаю Ареса. Он хочет умереть с оружием в руках. Он не стремится победить, просто жаждет воинских почестей, пусть и посмертных.

– Война продлится долго, – отвечаю я. – Силы примерно равны.

– Может даже дойти до рукопашной, – философски замечает Афродита.

Мы слышим крики раненых грифонов. Еще один столб дыма поднимается на юге.

– Битвы идут по всем острову, – говорю я.

– Похоже, они подожгли Олимпию.

– Боги сошли с ума, – вздыхает Уэллс. – Это апоптоз.

– Что это такое? – спрашивает Афродита.

– Иногда в организме, – объясняет Уэллс, – клетки вдруг начинают чувствовать себя ненужными. Тогда они кончают жизнь самоубийством, чтобы больше не воспроизводиться. Они приносят эту жертву бессознательно, все происходит само собой.

– Они саморазрушаются, потому что чувствуют себя ненужными и не

хотят мешать?

– Таков замысел Природы, – говорю я. Мы смотрим на столбы дыма.

– Теперь вернуть все, как было, уже невозможно, – признает Афродита.

– Нужно смириться с мыслью, что наша судьба впереди или нигде.

– Никого, кроме нас, не осталось, – добавляет Уэллс, уходя.

Богиня с золотыми волосами и изумрудно-зелеными глазами смотрит на меня.

– Давай займемся любовью, – шепчет она. – Я как растения. Со мной нужно много разговаривать и много поливать.

Это же слова Маты Хари!

И, переходя от слов к действию, она целует меня.

– Нет, не здесь. Не сейчас. Не так. Она вопросительно смотрит на меня.

– Что с тобой? Ты думаешь о других? Если тебя это волнует, они ничего не увидят.

– Я... я...

– Ничего не говори. Я поняла.

И она, оскорбившись, уходит. Эдмонд Уэллс возвращается.

– Что-то Афродита не в себе.

– Я сказал, что не хочу сейчас заниматься с ней любовью.

Мой бывший наставник вздыхает.

– Думаю, ей еще не приходилось слышать такого.

– Рано или поздно это должно было случиться. Эдмонд Уэллс протягивает мне бумагу и карандаш.

– Для того чтобы продолжать путешествие, нам нужно представлять себе, как выглядит остров. Летая на Пегасе, ты видел его сверху.

– Он имеет треугольную форму. Здесь, на западе, Олимпия. Первая гора, думаю, в самом центре.

Я набрасываю очертания Эдема.

– Вторая гора за Первой, дальше на восток.

Я рисую кружок между Первой горой и краем острова.

– Что ты видел сверху? – спрашивает Эдмонд Уэллс.

Закрыв глаза, я вспоминаю полет на крылатом коне.

– Южный берег отвесный и скалистый. Дальше на восток рифы. Нужно будет сбросить скорость.

Эдмонд хмурится и задумчиво уходит, унося карту.

Вдруг меня охватывает беспокойство, и я спускаюсь в каюту. Вытаскиваю рюкзак, достаю из него дубовую шкатулку. В этот момент в

приоткрытый иллюминатор влетает что-то, что сначала кажется мне бабочкой, спасающейся от чайки. Я захлопываю иллюминатор, чайка ударяется клювом о стекло, и начинает пронзительно верещать, словно я лишил ее обеда.

– Привет, сморкмуха, – говорю я насекомому.

Маленькая женщина с крыльями бабочки с трудом переводит дух. Она слегка шевелит своими бирюзовыми крылышками, словно проверяя, все ли с ними в порядке. Я протягиваю ей палец, и после некоторых колебаний она садится на него.

– Как же я рад тебя видеть! – говорю я ей. – Похоже, ты всегда приносишь мне удачу.

Она пытается привести в порядок растрепанные волосы.

– Значит, ты не участвуешь в безумии, охватившем Олимпию?

Сморкмуха сидит у меня на пальце, и я чувствую ее гладкую кожу, касающуюся более грубой моей. Она мрачно скрещивает руки.

– Ах да, я и забыл, ты же херувимка и не любишь, чтобы тебя называли сморкмухой.

Она опять хмурится, я улыбаюсь ей.

– Ты же знаешь, что это я люблю. Мы ж связаны с тобой. И я не теряю надежды узнать, кем ты была до того, как стала химерой. Мы ведь уже знали друг друга, да?

Они энергично кивает, довольная тем, что я наконец задаю правильный вопрос – вопрос, который касается ее.

Я знал ее, когда был смертным? Когда был ангелом? Наверное, это относится ко временам танатонавтики. Женщина, которую я любил или которая любила меня. Я должен отгадать.

Ты тоже хочешь отправиться с нами в путешествие? Или ты убегаешь подальше от воющего острова?

Она снова кивает.

– Или ты тоже влюблена в меня? Сморкмуха корчит гримасу и показывает мне свой язык, закрученный спиралью, похожий на «тещин язык», которыми торгуют на ярмарках.

Она машет своими перламутровыми крылышками. Рыжие волосы растрепаны, она вспотела, забрызгана водой. Видно, ей долго пришлось догонять нас, спасаясь от чаек.

– Не бойся, я защищу тебя, – говорю я. – Но та, кого я люблю, еще меньше, чем ты.

Я открываю ключом дубовую шкатулку и смотрю на сферу Земли-18, лежащую на бархатной обивке.

Сморкмуха перелетает на сферу, встает на четвереньки и прикидывается к стеклу, словно пытается увидеть там что-то.

Я настраиваю анкх и рассматриваю планету. Я исследую всю поверхность океана и наконец нахожу крошечный остров Спокойствия, похожий на зуб.

Я, дрожа, снова подкручиваю колесико увеличительного стекла, готовый увидеть, что остров охвачен огнем, окружен ордами приспешников Прудона.

Но нет, силы зла все еще не обнаружили остров Спокойствия. Я вижу только островитян, строящих новые дома под деревьями, устанавливающих на вершине горы спутниковые антенны камуфляжной расцветки, чтобы не терять связи с миром.

Фокус на дома. Я узнаю нашу бывшую виллу. Дельфина рисует что-то великолепное.

Ее воображаемое Царство богов гораздо прекрасней, чем на самом деле. Рисуя, она создает формы и становится богиней. Очень маленькой богиней.

Дверь в каюту открывается. Сморгмуха перелетает на лампу под потолком. Я выключаю анкх и убираю планету в шкатулку.

Афродита садится на койку.

– Интересно, что сейчас делает Рауль, – говорит она.

– Идет по Елисейским Полям. Кажется, существует туннель, соединяющий Первую гору со Второй, где живет Бог-Творец.

– А что будет потом? – спрашивает она, кладя руки мне на бедра.

– Рауль станет новым Великим Богом и установит повсюду свои порядки. Создаст свой собственный Эдем, школу богов-учеников, начнет по-своему переделывать души. Тогда Вселенная станет немного иной. Сменится автор.

Афродита передергивает плечами.

– Какой он, этот твой Рауль Разорбак?

– Я не могу говорить о нем беспристрастно. Он был моим другом. Лучшим другом. Он стал моим заклятым врагом. А потом с ним снова стало можно общаться. Я думаю, что это скорее хорошо, чем плохо. Он храбр, и у него есть настоящее желание превзойти самого себя.

– Если он станет новым хозяином Вселенной, на него ляжет огромная ответственность.

– Наверное, он не случайно победил в Большой Игре. Он прагматик. Для него цель всегда оправдывает средства. Он может навязать человечеству диктатуру, чтобы заставить идти туда, куда он захочет, даже

против воли.

Лицо богини любви омрачается.

– Тогда нам конец.

Я поглаживаю сферу Земли-18.

Может быть, и нет. Там, внизу, я заложил бомбу замедленного действия...

– Объясни.

Когда я был на Земле-18, я дал людям власть, которая позволит им освободиться от власти богов.

Мои слова тревожат Афродиту еще больше. И я наконец объясняю ей:

– Я, как Прометей, передал им огонь знаний. Я научил их превращаться в богов, но в другом измерении.

Кажется, Афродита хоть на минуту забыла о своих плотских желаниях.

– Я предложил им создать компьютерную игру, которая позволит смертным осознать свои возможности.

– И как называется эта игра?

– «Царство богов». Люди поймут, что да, разумеется, они смертны, но, создавая что-то, творя, управляя, они берут на себя ответственность за то, что создали. Они становятся как боги.

Афродита теребит золотой локон.

– Зачем ты это сделал?

– Потому что в этом и заключается смысл моей жизни. На вопрос «Ми Ка Эль?», «Кто как Бог?», ответ – «я». Я тот, кто может сделать смертных богоподобными.

Афродита выглядит озадаченной.

– Но если смертные станут как боги, а мы уже не можем стать смертными, тогда мы всего лишаемся, все теряем.

– Нет, потому что речь идет о пути, который проделывает каждая конкретная душа. Эдмонд Уэллс написал в своей «Энциклопедии»: «Сначала страх. Потом вопросы, потом любовь». Ты богиня любви и не знаешь, что воплощаешь последний, финальный этап пути, по которому идет душа?

Она неуверенно качает головой. Пытается прижаться ко мне, как маленькая заброшенная девочка, которая хочет, чтобы ее утешили.

– Я боюсь того, что с нами случится, – говорит она.

Я накрываю бархатом сферу Земли-18, словно опасаясь того, что Дельфина сможет увидеть нас в телескоп, и крепко обнимаю Афродиту, чтобы успокоить ее.

– Все хорошо.

– Я знаю, что ты никогда не полюбишь меня, твоим сердцем по-прежнему владеет Мата Хари. Я могу получить твоё сердце, но никогда не получу душу.

Она кажется такой хрупкой, уязвимой.

– Маты Хари больше нет, а ты со мной, здесь и сейчас. Я не смогу вечно жить только воспоминаниями о своей погибшей любимой. Дело не в ней, а в другой женщине. Её зовут Дельфина. Я встретил её на Земле-18.

Афродита откидывает ткань, покрывающую стеклянную сферу.

– Ты любишь зверушку, которая сидит там внутри?

– Я дал им возможность почувствовать себя богами, творить как боги, и они теперь богоподобны.

Афродита удивляется.

– Ты действительно считаешь, что, узнав наши секреты, они сумеют стать равными нам?

– Я думаю, что Вселенная похожа на матрешку. Одни миры находятся внутри других, и все они одинаково ценны. Особенно если те, кто находится в верхних мирах, понимают это.

– Бедный Мишель, ты сам не понимаешь, что говоришь. Мы – боги, они – смертные, и мы никогда не будем похожи друг на друга.

– Однако теперь мы тоже смертны. Афродита в упор смотрит на меня.

– Это еще не доказано.

– Афина мертва. Мы видели трупы кентавров, сирен и прочих бессмертных обитателей Эдема. Видели, как они гниют, как по их трупам ползают мухи, как стервятники пожирают их разлагающуюся плоть.

Это ничего не значит. Если другие умирают, это еще не значит, что и я умру.

Афродита берет меня за руку, нежно поглаживает её. Я сжимаю стеклянную сферу в другой, как будто защищаю её.

– Я не верю в бесконечность череды нижних и верхних миров. Я считаю, что есть что-то венчающее пирамиду. Камень, лежащий на самой вершине.

– Представь, как было бы ужасно, если бы мы поднялись на самый верх и кто-то сказал бы нам: «Вот я стою тут, на вершине, и теперь, когда вы нашли меня, вы понимаете, что больше искать нечего».

– Мы плывем на поиски того, кто является 9. И полагаем, что услышим от него именно это, – говорит Афродита.

Я смотрю в иллюминатор. Горизонт освещают лучи встающего второго солнца Эдема.

– Думаю, чем бы ни закончилось наше плавание, мы будем

удивлены, – говорю я.

Афродита качает головой и поднимается на палубу. Я снова беру анкх, чтобы посмотреть, что творится на Земле-18.

Сморкмуха спускается с лампы на сферу. Она весело прыгает по ней и корчит рожицы.

– Только не говори, что ты тоже ревнуешь к Дельфине.

Она показывает мне язык, и тут с палубы вдруг раздается крик. Перед тем как убрать Землю-18 в шкатулку, я целую ее.

– До свидания, Дельфина.

Я поднимаюсь наверх. Наш парусник с чем-то столкнулся. Я цепляюсь за поручни, чтобы не упасть. Мы склоняемся над водой и видим сквозь толщу воды, как что-то поднимается из морских глубин.

Чудовище выныривает на поверхность. Это гигантская медуза, похожая на тех, что водятся в море, но она метров двадцать в диаметре. По краям прозрачная сиреневая бахрома. Отходящие от ее тела длинные нити, больше похожие на канаты, высовываются из воды.

– Что это еще такое?

Эдмонд Уэллс хватается весло, протягивает мне другое. Это наше единственное оружие.

– Небольшая проблема, – спокойно говорит он.

В это время огромное щупальце длиной несколько десятков метров с оглушительным плеском вздымается из воды и нависает над нами.

64. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ГЛУПОСТЬ

Чтобы составить антологию человеческой глупости, американская журналистка Венди Норткатт учредила премию Дарвина, которую ежегодно присуждают человеку, погибшему самым глупым образом (опозорив таким образом человеческий род и подтвердив теорию Дарвина о естественном отборе, в результате которой выживают сильнейшие).

Премия достается тем, кто, будучи в здравом рассудке, погиб по собственной глупости при свидетелях, которые могут дать заслуживающие доверия показания. 1994 год. Террорист погиб из-за того, что вскрыл собственное письмо, начиненное взрывчаткой. Он недостаточно заплатил за пересылку, и письмо вернулось обратно. 1996 году. Рыбак бросил динамитную шашку на лед, а его собака принесла ее обратно.

В том же году адвокат из Торонто демонстрировал прочность окна в здании небоскреба. Прыгнув с разбегу в закрытое окно, он разбил его и упал с двадцать четвертого этажа. 1998 год. Премия Дарвина досталась двадцатидевятилетнему мужчине, проглотившему украшение с блестками, которое он снял зубами с танцовщицы в стрип-баре. 1999 год. Премия присуждена трем палестинским террористам, которые набили взрывчаткой две машины и взорвались вместе с ними еще до того, как достигли намеченной цели. Террористы забыли о переходе на летнее время и не перевели часы. 2000 год. Премией награжден житель Хьюстона, решивший сыграть с друзьями в русскую рулетку. Вместо того чтобы использовать револьвер с барабаном, он взял то, что было под рукой, – полуавтоматический пистолет. 2005 год. Двадцатипятилетний канадец предложил друзьям прокатиться в мусоропроводе. Однако он не учел, что двенадцатью этажами ниже упадет в металлический мусоросборник.

Единственное исключение: в 1982 году Ларри Уолтерс, пенсионер из Лос-Анджелеса решил осуществить давнюю мечту – полететь, но не на самолете. Он изобрел собственный способ путешествовать по воздуху. Уолтерс привязал к удобному креслу сорок пять метеорологических шаров, наполненных гелием, каждый из которых имел метр в диаметре. Он уселся в кресло, взяв запас бутербродов, пиво и дробовик. По сигналу, его друзья отвязали веревку, удерживавшую кресло. Ларри Уолтерс собирался плавно подняться всего на тридцать метров, однако кресло, как из пушки, взлетело на пять километров.

Совершенно окоченевший Уолтерс не рискнул стрелять по шарам на такой высоте, чтобы спуститься. Горе-воздухоплавателя долго носило в облаках, пока наконец радары лос-анджелесского аэропорта не засекли его. Уолтерс все-таки решился выстрелить в несколько шаров и сумел спуститься на землю. Но веревки, на которых висели сдутые шары, запутались в высоковольтных проводах, что вызвало короткое замыкание. Целый район Лонг-Бич остался без электричества.

Когда Уолтерс оказался на земле, его немедленно арестовали. На вопрос полицейских «Зачем вы это сделали?» он ответил: «Ну нельзя же все время сидеть без дела».

Ларри Уолтерс – единственный оставшийся в живых лауреат премии Дарвина.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

65. ВТОРАЯ ГОРА

С чудовищами трудно сражаться в основном потому, что возникает ощущение, что только понапрасну теряешь время.

Раньше мне не нравилось меряться силой с более быстрыми, сильными, могущественными существами, но теперь (возможно, это первые признаки приближения старости), когда мне приходится сталкиваться с чем-то подобным, я всегда думаю, что мог бы заняться чем-то другим.

Говорить. Любить. Думать. Управлять маленькими мирами так, как некоторые ухаживают за бонсай. Вот, что мне сейчас интересно.

Словно колебания моих волн замедлились.

Я все меньше люблю сюрпризы. Ни устраивать их кому-нибудь, ни получать самому.

Зато люблю ничего не делать.

Мне нравится, когда меня оставляют в покое.

Но, может быть, агрессия – это тоже способ общения? Возможно, это чудовищное дитя матери-природы пытается вступить с нами в контакт. Но делает это весьма неловко.

Она обхватывает Эдипа щупальцем, поднимает в воздух и швыряет на палубу. Не лучший способ наладить отношения с представителем другого вида.

Медуза подныривает под нос корабля и поднимает его так, что едва не переворачивает. Мы достаем анкхи. Я на секунду отключаюсь от реальности и думаю, что эта медуза-монстр, как и все мы, просто ищет любви.

Как же сказать ей: «Давайте все успокоимся и поговорим. Что именно вас беспокоит?» Ей нужно оказать поддержку. Проявить интерес к ее повседневным делам. «Как вам живется там, в глубине? Легко ли найти друга такого же размера? У вас есть дети? Чем вы занимаетесь, когда не нападаете на корабли, на которых полно людей?» Но у медузы нет рта, она не может говорить с нами, а я не такой уж большой специалист по межвидовым коммуникациям.

Битва с медузой продолжается несколько часов. Чудовище в сиреневых кружевах снова и снова пытается нас уничтожить. Из ее щупалец вылетают маленькие отравленные жала.

Зрячий полубог ранен, но это не смертельно.

Вдруг щупальце обхватывает Афродиту и поднимает над палубой. Мы спешим к ней на помощь. Град отравленных жал обрушивается на нас и не дает приблизиться. Я отсекаю щупальце выстрелом из анкха. Побледневшая Афродита укрывается вместе с нами на капитанском мостике, и мы стреляем в монстра из иллюминаторов.

Сначала настоящая Медуза Горгона, теперь это чудовище, названное ее именем. Вдруг монстр снова пытается опрокинуть парусник. И тут Эдмонда Уэллса осеняет:

– Голова! У нас есть голова Горгоны!

Никто не хочет к ней прикасаться, и тогда Эдип соглашается помочь, ведь он слеп и ему не грозит опасность превратиться в камень.

Он привязывает к поясу веревку, чтобы медуза не утащила его за борт.

Бывший царь Фив, победитель Сфинкса гордится тем, что мы ему доверили такое опасное дело. Он выходит на палубу, где извиваются сотни щупалец, похожих на тычинки кошмарного цветка.

Эдип встает на носу корабля и замирает. Щупальца яростно молотят воздух.

– Чего он ждет?

– Когда чудовище покажет из воды то, чем оно смотрит, – отвечает Уэллс.

– Но как он об этом узнает?

– По звуку.

Щупальца поднимаются над Эдипом, осыпают его ядовитыми жалами. Одно из них попадает ему в грудь, от боли он падает на колени, выронив мешок с головой Горгоны.

– Он все провалит! – восклицаю я.

Но Эдип, морщась от боли, на ощупь находит мешок. Когда тело медузы поднимается из воды, Эдип разворачивает голову Горгоны. Женщина-Медуза против чудовища-медузы.

Медуза ныряет, чтобы спастись от опасности, но Эдип разбегается и бросает голову с волосами-змеями, которая, качаясь на волнах, оказывается напротив органов зрения чудовища.

Длинные щупальца замирают. Твердеют. Становятся серыми. Мы видим, как это все происходит. Каменные щупальца-лианы вцепились в корабль, как сотни длинных пальцев. Под нашим парусником теперь риф из окаменевшей медузы.

Эдип неподвижно стоит, напрягая слух, пытаясь понять, что происходит.

Мы испускаем победный вопль, поздравляем друг друга.

Афродита бросается к Эдипу, чтобы помочь ему. Она вытаскивает жало из его груди, отрывает кусок своей тоги и перевязывает его рану.

Нам приходится спуститься на окаменевшую медузу, чтобы, помогая себе веслами, столкнуть парусник в воду.

– Не знаю, как вы, а я очень хочу есть, – говорит наш герой.

Мы обыскиваем корабль. Эдмонд в трюме находит ящик, наполненный припасами. Сухари, печенье, сушеные фрукты, кувшины с маслом, амфоры с водой и вином, солонину.

Афродита вызывается приготовить обед. Воспользовавшись тем, что ветер утих, зрячий полубог закрепляет штурвал так, чтобы корабль не сбился с курса и присоединяется к нам. Он достает из своего рюкзака девятиструнную лиру и, быстро настроив ее, берет несколько аккордов.

Теперь я его узнал. Это Орфей, он играл на празднике перед началом Финальной Игры. Он зарос бородой, и черты его лица невозможно различить.

Его пение восхищает нас и успокаивает.

Мы находим в капитанской каюте скатерть, тарелки и приборы и садимся за стол. Приятно отдохнуть после того, как пережил такое.

Первое блюдо Афродита приготовила из вяленого мяса цыпленка, пожарив его молнией из анкха. Она подала его с финиками и инжиром в оливковом масле. В соусе плавают кусочки хлеба. Я с отвращением отталкиваю тарелку.

– Тебе не нравится? – спрашивает Эдип.

– Я не ем детей.

Эдип удивляется, и я объясняю.

– Любое живое существо имеет право стать взрослым.

Афродита растрогана.

– Значит, ты не ешь ни телятины, ни мяса молодого барашка, ни молочных поросят? Ни даже яиц?

– А икру ты тоже не ешь?

– Яйца – это не дети, – уточняю я.

– Но этот цыпленок уже умер, и он не оживет, оттого что ты не станешь его есть, – говорит Орфей.

– Даже на Земле-1 отказ есть детенышей ни к чему не привел, – добавляет Эдип.

– Вовсе нет. В мое время пищевая промышленность была полностью компьютеризирована, и производство соответствовало спросу потребителей, – говорю я.

– Это только так кажется, – возражает Орфей, – Ведь эти твои

компьютеризированные производители не стали выпускать мальков в воду, чтобы те стали взрослыми рыбами. Заметив, что спрос изменился, они просто стали производить меньше рыбы. Вот и все.

Эдип кивает, поддерживая его слова.

– Не существует ни одного сценария, согласно которому этот цыпленок мог бы стать взрослой птицей. Его судьба была определена с рождения.

Афродита тоже отодвигает тарелку. Теперь она ест только хлеб, размоченный в вине.

– Ни один цыпленок представить себе не может, что такое человек, по воле которого он рождается и умирает.

– А что, если бы человек мог говорить с цыпленком, объяснить ему? – говорю я.

– Он бы только испугал его. Цыпленок разгневался бы на человека за смерть своих братьев и сестер, родителей, убитых лишь для того, чтобы человек мог насладиться его вкусом и набить себе живот.

Обед продолжается в тишине. Я вспоминаю войну, людей, погибавших на бойнях.

Я вспоминаю слова Люсьена Дюпре, когда он еще был просто богом-учеником. Он встал и провозгласил: «Мы считаем себя богами, а на самом деле у нас та же власть, что у забойщика свиней». И он стал богоубийцей ради того, чтобы мы осознали необходимость защитить смертных от власти богов.

Он считал, что нужно убивать убийц. Странно. Но логично.

Орфей встал. Глядя на восток, он сказал:

– На самом деле главный вопрос таков: почему Бог, истинный Великий Бог, никогда не показывался своим созданиям?

– Если бы он и показался им, никто ему не поверил бы. Нам уже подсовывали столько идиотов и истуканов, что Истины никто не заметил бы. Разве он был бы круче выступающих на стадионах, набитых сотнями тысяч зрителей, певцов, чьи концерты транслируют на весь мир в прямом эфире? Разве его слова, обращенные к людям, были бы увлекательней, чем мировой чемпионат по футболу? На наши чувства обрушилось столько впечатлений, что мы уже ничего не чувствуем. Как язык, обожженный жгучим перцем, перестает ощущать тонкий вкус.

– Да... Только если Бог появится на большом стадионе, и его покажут в прямом эфире.

– И еще салют и спецэффекты, как на последних рок-концертах.

– И говорить он должен достаточно интересно, чтобы зрителю не

захотелось переключить телевизор на другой канал.

Эдмонд Уэллс вздыхает.

– От него бы тут же потребовали доказательств, что он Бог, и чтобы он ни говорил и ни делал, всегда найдутся те, кто скажет, что все это вранье.

– Даже если он будет десятиметрового роста?

– Публика пресыщена. Кино уже использовало множество подобных приемов. Разве что Бог создаст собственную индустрию спецэффектов.

– Да, все это отбивает охоту появляться на публике...

– Он захочет, чтобы зрители сами пришли к нему.

– Что мы и делаем.

– А если говорить серьезно, чего вы ждете от этого путешествия? – спрашивает Афродита.

– Я хотел бы найти отца, – говорит Эдип. – Тот, кто находится на вершине Второй горы, – Отец наших отцов. Мы все его дети, и должны вернуться к своим истокам.

– А я, – говорит Орфей, – хотел бы найти Эвридику. Женщину, которую я люблю.

– Но мне кажется, – с любопытством спрашивает Эдмонд Уэллс, – что ваша Эвридика заточена в аду.

– Великий Бог обладает властью над всем миром. В том числе и над адом. Я буду просить его помощи.

– Я хочу встретить Любовь, которая породила все остальные любви, – вступает Афродита. – Потому что, если на этой горе Кто-то есть, и этот Кто-то создал Вселенную и не дает ей погибнуть, значит, он ее любит. И вся остальная любовь произошла от этой огромной Любви Первого Творца к своему творению.

Она приносит нам чай и сушеные фрукты. Мы едим.

– А ты, Мишель? Что ты надеешься найти там, наверху?

– Ничего. Зевс показал мне мощь пустоты. Я думаю, что наверху, преодолев массу препятствий и пережив множество приключений, мы обнаружим пустое место. И это будет лучшая шутка мироздания. Все ради... ничего.

Молчание.

– А если там все-таки что-то есть?

– Тогда это будет переход к новой тайне. Орфей уходит на нос корабля. Вдруг он издает крик:

– Вот она! Вот она! Я вижу!

Мы выбегаем наружу. Туман рассеялся, и перед нами Вторая гора.

– Видите, – взволнованно говорю я, – я вас не обманул. За Первой

горой – Вторая. За горой Зевса, 8, – гора Бога-Творца, 9.

И я смотрю во все глаза, чтобы ничего не упустить из этого величественного зрелища. Мы стоим в молчании, сознавая, что там, наверху, возможно, находится ответ на все наши вопросы.

Эта Вторая гора не так широка в основании, зато она выше и более отвесна, чем Первая. Ее склоны отливают синевой. Вершину скрывает плотное облако. Мы чувствуем, что перед нами последний, самый важный отрезок пути. Даже слепой Эдип стоит, обратив лицо к горе.

– Быть может, Он там, наверху... – говорю я.

– Боюсь, мы будем разочарованы, – осаживает меня Эдмонд Уэллс. – Как тогда, когда смотришь на фокусника и страстно хочешь понять, как он это делает. А когда узнаешь секрет фокуса, говоришь: «А-а-а, вот в чем дело...».

Вдруг молния прорезает облако, скрывающее вершину горы.

– Вы видели?

– Там точно кто-то есть!

Ветра почти нет, мы плывем все медленней.

– Интересно, кто движется быстрее – Рауль пешком или мы на паруснике?

Эдип смотрит на небо.

– Если ветра не будет, мы рискуем опоздать.

– Я уверен, что ветер снова поднимется, – говорит Эдип.

Мы ждем. Ждем долго. Корабль замер, словно его окружает не вода, а масло.

По левому борту раздаются пронзительные звуки.

Это дельфины.

Они выпрыгивают из воды вокруг корабля.

– Они смогут отвести наш корабль к берегу! – восклицаю я, обращаясь к Эдмонду Уэллсу. – Они так уже делали! Помнишь, на Земле-18 они спасли корабль с нашими беженцами.

Я предлагаю бросить им веревки. Дельфины хватают их, и вскоре наш парусник уже мчится вперед.

– Похоже, они знают, куда плыть, – замечает Эдмонд Уэллс.

Мы полагаемся на дельфинов и спускаем паруса. Никто больше не заботится о штурвале. Парусник проходит вдоль южной оконечности острова с отвесными берегами, покрытыми дремучим лесом. Дельфины проводят нас через рифы, которые мы замечаем только в последний момент.

Афродита подходит ко мне и берет за руку.

– Мне так хорошо здесь с тобой, – говорит она.

– Мы все пойдем в самом конце... Как в фильме, когда отдельные сцены кажутся не связанными между собой, а потом все наконец разъясняется. Когда я был смертным, это могло бы заставить меня поверить в Бога: ощущение, что жизнь приближается к развязке, к апофеозу.

Пройдя в ущелье, откуда река впадает в море, мы плывем среди черных отвесных скал, поросших буйной растительностью. Потом начинается темный лес.

Дельфины привели нас в бухту с песчаным пляжем. Мы беремся за весла, чтобы пристать к берегу. Но рифы не дают нам этого сделать, и мы решаем пуститься вплавь.

Я убираю шкатулку с Землей-18 в рюкзак и плыву к берегу. Афродита плывет рядом. Эдмонд Уэллс бросает якорь и тоже прыгает в воду, за ним полубоги. Орфей тянет Эдипа за собой, держа в зубах веревку, за которую держится его друг.

Мы выходим на берег, и нам кажется, будто мы путешественники, открывшие новый континент. Перед нами ряд пальм, за ними густой лес, покрывающий склоны Второй горы.

Мы устали и долго лежим на теплом песке. В воздухе разливается аромат магнолии.

– Пора идти дальше, – говорю я.

Все согласны со мной, чувствуя, что чем скорее мы двинемся в путь, тем будет лучше.

Мы сбрасываем мокрые тоги, оборачиваем их вокруг бедер и дальше идем голые по пояс. Афродита разорвала свою тогу и соорудила себе нечто вроде бикини. Мокрая ткань не скрывает ее великолепных форм.

Мы оставляем пальмы позади и оказываемся в лесу, который похож на экваториальные джунгли Земли-1. Медленно продвигаясь вперед, мы держим наготове заряженные анкхи. Нам кажется, что за деревьями вокруг нас кто-то есть, кто-то преследует нас, перебегая с места на место. Орфей подбирает ветку и размахивает ею, как мачете. Мы тоже вооружаемся палками на случай, если анкхов будет недостаточно.

– Вы что-нибудь видите? – спрашиваю я.

– Вы что-нибудь видите? – раздается странный голос, непохожий на голоса моих спутников.

Я оборачиваюсь. Снова кто-то прошмыгнул в кустах. Похоже, что он сначала бежал и вдруг остановился. Словно ждет, когда мы пойдем дальше.

– Может, это крупные кролики? – предполагает Эдмонд Уэллс.

Десятки голосов повторяют: «Может, это крупные кролики?». Я

вздрагиваю. Так вот кто эти существа, повторяющие за нами любые слова.

Сатиры. Дети Пана.

И действительно, из-за деревьев появляются полулюди, полу-козлы. И хором выкрикивают:

– Может, это крупные кролики!

66. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ПАН

По-гречески имя Пан означает «Все». Суффикс «пан» означает «относящийся ко всему», «охватывающий всё». Например, панорама – это широкая и многоплановая перспектива, позволяющая свободно обозревать большое открытое пространство, пандемия – эпидемия, охватившая несколько континентов.

В греческой мифологии Пан – бог лесов, родившийся в Аракадии. Его считали сыном Гермеса и Пенелопы (супруги Одиссея, которая оказалась в горах Аркадии, когда возвращалась к родителям).

Пан наполовину человек, наполовину козел, у него рожки и козлиная борода, тело покрыто шерстью.

Когда мать увидела его, то так испугалась, что бросила его в лесу. Гермес, отец Пана, завернул его в кроличью шкурку и принес на Олимп. Пан, шутник и весельчак, понравился олимпийским богам, и они разрешили ему остаться. Выходки уродливого малыша очень нравились Дионису.

Пан жил в лесах, рядом с ручьями и лугами, где пас свои стада. Его считали божеством с неумеренным сексуальным аппетитом, преследующим нимф и молоденьких мальчиков.

Однажды Пан преследовал нимфу Сирингу, к которой вспылал любовью, но Сиринга превратилась в тростник. Не сумев отличить ее от остальных побегов, Пан срезал все тростинки и сделал себе флейту, знаменитую флейту Пана.

Пан может лишать человека разума, также он считается богом толпы, в частности, толпы, охваченной безумием, или, говоря иначе, паникой.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

67. САТИРЫ И ПАН

Сатиры резвятся вокруг нас. Не дружелюбно, не угрожающе. Просто насмешливо. Их очень много. Сатиры не агрессивны. Их даже можно назвать симпатичными. Нижняя часть их тел покрыта мехом. Лица вытянуты, как у коз, глаза немного навывкате, у многих длинные ресницы. Волосы у них кудрявы, у некоторых на шее висят флейты Пана.

– Похоже, у нас проблема, – говорит Орфей. Один сатир повторяет его слова, потом вся толпа сатиров подхватывает:

– Похоже, у нас проблема!

– Давайте пользоваться языком знаков, – предлагает Эдмонд Уэллс.

Сатиры повторяют и эту фразу. Они в восторге от того, что появились звуки, которым они могут подражать.

– Давайте пользоваться языком знаков! Давайте пользоваться языком знаков – раздается радостный хор из двадцати голосов.

Самый маленький и кудрявый сатир подходит ближе и прикасается к Афродите, которая стоит не шевелясь.

– Кажется, они не опасны, но очень навязчивы, – показывает она мне знаками.

Если я правильно понял, она предлагает нам продолжать подъем на гору, не обращая на сатиров внимания.

Мы идем вперед, окруженные существами, которые вдвое ниже нас, и только и ждут, чтобы кто-нибудь произнес хоть слово.

– Только ничего не говорите! – вдруг произносит Орфей, которого женщина-сатир щиплет за задницу.

– Только ничего не говорите! – тут же подхватывают остальные.

Я думаю о том, какой смысл в существовании целого народа, который только повторяет сказанное другими.

– Тсс! – шипит Эдип.

Вокруг раздается многоголосое шипение: «Тсс!» Самый высокий сатир подходит к нам, и продолжая повторять «Тсс!», знаками зовет за собой.

Стадо сатиров окружает нас и ведет к тропе, поднимающейся на невысокий холм. Там лес еще гуще, а на самой вершине растет величественный дуб, рядом с которым другие деревья кажутся просто кустами.

Этот огромный дуб толщиной в несколько десятков метров, он больше

похож на небоскреб, чем на дерево. Он очень старый. По мере того как мы приближаемся к нему, мы понимаем, что он еще выше, чем казался вначале. В нем не меньше трехсот метров высоты, как в Эйфелевой башне на Земле-1.

В стволе вырублены широкие ступени, сатиры заставляют нас подняться по ним. Мы оказываемся на первой площадке. Тут находится развилка. В разные стороны расходятся ветки, по которым можно совершенно спокойно идти, не боясь свалиться. Я замечаю свисающие по сторонам какие-то коричневые плоды, похожие на яйца. В одном из плодов открывается окно, и женщина-сатир машет нам рукой. В других плодах тоже распахиваются двери и окна, в которых появляются улыбающиеся лица. Сколько их здесь? Тысяча? Или больше?

Вокруг ходят сатиры, перенося мешки с едой. Дети кидаются сосновыми шишками.

– Похоже на птичьи гнезда, – шепчет Эдмонд Уэллс мне на ухо, пока никто не видит.

Этот древесный мир кажется нам совершенно новым. Ничего подобного мы никогда не видели. Мы замечаем карабкающихся по ветвям животных, напоминающих огромных ящериц, на которых сатиры охотятся из духовых трубок.

Над некоторыми плодами поднимается дым – значит, там внутри есть очаги. Это не гнезда, это висячие дома.

– Это напоминает мне Дерево Познания, которое росло посреди Олимпии, – шепчет Орфей.

– А мне – Дерево Возможного, – отвечаю я.

– Что это?

– Дерево, у которого вместо листьев – возможности, разные варианты будущего человечества.

– Никогда о таком не слышал. Откуда ты это взял? – спрашивает Орфей.

– Уже не помню. Кажется, видел в Интернете, когда был на Земле-1.

– Пожалуйста, расскажите мне, что вы видите, – просит Эдип.

Орфей шепотом описывает ему место, где мы оказались.

Мы поднимаемся по другой, такой же широкой лестнице, которая огибает ствол, и от нее тоже расходятся ветви, широкие, как проспекты.

Чем выше мы забираемся, тем больше висячих домов вокруг. Пожилые сатиры с морщинистыми лицами, с проседью или совершенно седые приветственно машут нам руками.

Наконец после многочасового подъема, мы поднимаемся на две трети

высоты гигантского дерева. Перед нами площадка, в центре которой стоит коричневое яйцо, значительно крупнее тех, что мы до сих пор видели.

– Дворец Пана! – шепчет Афродита.

Она произносит это громче, чем следовало, и вот уже все здешние жители блеют:

– Дворец Пана! Дворец Пана!

Словно в ответ на это пение раздается мелодия, которую кто-то играет на флейте. Сатиры ведут нас дальше. Еще несколько ступеней. Деревянная дверь распаивается. За ней зал, как в королевском дворце. На стенах не картины, а фотографии из эротических журналов Земли-1 в резных рамах. Посреди зала трон, спинку которого украшают две обнявшиеся женские скульптуры.

Мы приближаемся к трону.

На нем боком сидит сатир с хитрым вытянутым лицом. У него длинная козлиная бородка, очень длинные рога. Он с явным удовольствием играет на флейте, состоящей из нескольких трубочек. У него на голове венок из цветов и лавровых ветвей.

Вокруг нас стоят сатиры, внимательно наблюдая за нашей встречей с их царем.

Пан наконец перестает играть, спускается с трона и подходит к нам, стуча копытцами по полу. Он подскакивает и двигается, как тореадор на арене, до того как на ней появится бык.

Царь сатиров внимательно разглядывает нас. Нагибается, чтобы понюхать под мышками, и там, откуда у животных растет хвост. Все это очень забавляет его подданных.

Он надолго задерживается около Афродиты, обнюхивает ее, делая короткие вдохи, словно хочет насытиться ее запахом. Мягко касается ее рукой. Ласкает подбородок, шею, грудь, проводит пальцем по животу. Богиня спокойно стоит.

– Не трогайте ее! – не выдерживаю я.

– Не трогайте ее! Не трогайте ее! – хором подхватывают сатиры.

Царь жестом призывает к тишине. Он поворачивается ко мне, улыбается, заинтересовавшись моей реакцией. Потом снова начинает ощупывать Афродиту. Он гладит бедра и ягодицы богини.

Она по-прежнему не шевелится. Его руки медленно скользят по ее телу, и тут Афродита ударяет его коленом в пах, заросший густым мехом.

От боли Пан падает на колени, его лицо становится багровым. Все сатиры тут же хватают духовые трубки и целятся в Афродиту. Но Пан поднимается с колен, пытаясь через силу улыбнуться. Он приказывает

подданным убрать оружие.

Он потирает ушибленное место и забирается на трон.

И через некоторое время раздражается хохотом.

Тут же и все остальные сатиры начинают хохотать. Пан взмахивает рукой. Это знак его подданным, что он хочет остаться с нами один.

Сатиры выходят из дворца. Мы чувствуем некоторое облегчение. Очень утомительно все время бояться, что любое твоё слово будут без конца повторять.

– Боги-ученики, полубоги и сама богиня любви Афродита? Какая честь для моего скромного царства, которое находится так далеко от Олимпии! Чем обязан?

– Просто экскурсия, – отвечаю я. – Скучно все время сидеть на одном месте.

– Ну да, коровы радуются новому пастбищу, – кивает Пан. – Какие новости? Что происходит по ту сторону горы, в великой Олимпии?

– Все убивают друг друга, – отвечает Эдип. Пан удивляется.

– Что, правда?

– Даже сатиры убивают друг друга.

– Это им наука! Нечего было покидать родину-мать ради чужих стран, – фыркает Пан. – Сатир должен жить вместе со своими.

Он подскакивает к шкафу, который стоит неподалеку. По очереди обнюхивает амфоры, разливает какой-то прозрачный напиток в деревянные стаканчики и подает нам на подносе. Мы с опасением принимаем. Пробуем.

– Похоже на миндальное молоко.

– Нравится? – спрашивает Пан.

– Это восхитительно, – восклицает Эдмонд Уэллс. – Чувствуется даже привкус лакрицы.

– Отлично, я рад, что вы оценили.

– А что это такое?

Пан не отвечает и меняет тему разговора.

– Теперь скажите, зачем вы на самом деле явились сюда, так далеко от Олимпии?

– Мы хотим подняться на Вторую гору. Царь сатиров с удивлением смотрит на нас.

– Мы хотим увидеть Великого Бога-Творца, – говорит Эдип.

Пан заливается смехом.

– Тут нет ничего смешного! – оскорбленно замечает Эдип.

– Увидеть Творца! Разве это не смешно? По-моему, со смеху можно

умереть!

– Вы поможете нам подняться на гору? – спрашиваю я.

– А с какой стати я буду это делать?

– Потому что мы вас об этом просим, – говорит Эдип.

– Тогда я вам отвечу: «Нет. Возвращайтесь обратно».

– Для нас нет никакого «обратно». Мы же сказали, Олимпия охвачена войной, – напоминаю я Пану.

Пан подливает нам прозрачный напиток.

– Ну... Это, знаете ли, не моя проблема.

– Оставь, Мишель, – говорит Афродита. – Мы справимся сами. Сумеем подняться на эту гору.

Пан неопределенно машет рукой.

– От вершины нас отделяет ров. Перебраться на ту сторону можно только в одном месте, которое находится посреди леса и скрыто за деревьями. Без нашей помощи вам его найти не удастся. Думаю, вы и через год будете его искать.

– Что ж, тогда помогите нам, – просит Эдмонд Уэллс.

– Как вам известно, на Эдеме существует нечто вроде традиции: «идешь вперед, встречаешь препятствие, преодолеваешь его, идешь дальше». Каждый раз препятствие все сложнее, но ты не должен сдаваться, и иногда даже добиваешься успеха. Это банально, но это закон жизни: идти вперед, развиваться, чтобы в итоге вынести более тяжелые испытания, которые заставляют расти над самим собой. Препятствий, которые нельзя преодолеть, не существует.

– Вы знаете Великого Бога, который живет на вершине горы? – спрашивает Орфей.

– Каждое следующее испытание просто позволяет яснее увидеть, что ждет впереди. Оно не дает возможности немедленно узнать, что находится в самом конце. Это было бы слишком быстро. Удовольствие в том, чтобы постепенно идти вперед, а не в том, чтобы прийти.

Пан поглаживает бородку, словно очень доволен тем, что сказал.

– Ладно, – говорю я. – Давайте сюда ваше чудовище. Мы сразимся с ним и попытаемся победить. Мы уже убили огромную медузу, когда плыли сюда. Так что мы вполне разогреты.

– Испытание не в том, чтобы победить чудовище... Бог снова потирает подбородок, глядя на Афродиту.

– Испытание таково: я держу тебя, ты держишь меня, кто первый засмеется – проиграл.

– Что? Да в это в детском саду играют! – удивляется Орфей.

Вот теперь Пан больше не улыбается.

– Мы, сатиры, больше всего любим секс и юмор. Это не детские игры, а самые серьезные ценности, какие только могут быть.

– Что будет, если мы выиграем? – спрашивает Эдмонд Уэллс.

– Я укажу вам единственную дорогу, по которой можно подняться на гору.

– А если проиграем?

– Вы станете сатирами и останетесь здесь. Только богиня любви останется в прежнем виде, потому что она прекрасна. Но она станет моей сексуальной рабыней.

Я на секунду представляю себя с козлиными копытцами, целый день треплющим девок или повторяющим чьи-то слова. Все-таки какое-то ограниченное существование...

– Почему мы вообще должны проходить испытание? Мне отвечает Эдмонд Уэллс.

– Здесь, как и повсюду на Эдеме, древние мифические существа живут очень долго и страшно скучают. Поэтому любой гость – это повод поразвлечься.

– Совершенно верно! – говорит Пан.

– Это как в доме отдыха, – продолжает Эдмонд Уэллс. – Массовики-затейники давно знакомы между собой и надоели друг другу, а когда появляются туристы, это хоть какая-то возможность разогнать скуку. Особенно если скучать приходится тысячелетиями.

– Точно, – подхватывает Пан. – Это проблема богов. Бессмертие – штука отличная, но в конце концов надоедает. К счастью, время от времени появляются люди вроде вас и удивляют нас чем-нибудь. Удивите меня, и можете идти дальше. Я даже помогу вам. Итак, кто будет играть со мной?

– Я, – отвечает Афродита, – мне терять больше других.

Я не могу позволить ей этого. И я покорно произношу эти глупые слова:

– Нет, играть буду я.

И чтобы отбить у других охоту перебивать меня, я говорю то, чего ни в коем случае не должен был делать: Это будет просто, я помню все шутки раввина Мейера.

Бог Пан смотрит на меня и говорит:

– Играть будем завтра. А сейчас отдыхайте, вы выглядите... усталыми.

И снова щедро подливает нам свой напиток, миндальное молоко с привкусом лакрицы. Мы с наслаждением пьем его, тем более что мы голодны, а напиток кажется питательным.

Я смотрю на Пана и спрашиваю:

– Давно хотел задать вопрос. Почему сатиры все время повторяют чужие слова?

– А, это... Эту хохму я придумал 870 лет назад, а они все никак не остановятся. Но вы правы, я думаю, что это уже устарело. Пора сменить пластинку. Завтра я им скажу, чтобы перестали.

Царь сатиров поглаживает свою бороду.

– Но взамен нужно придумать что-то новенькое. Они не могут жить без шуток. А, вот, придумал! Пусть теперь говорят «шерстяной...» и рифму на конец услышанной фразы. Например: хотел задать вопрос – шерстяной нос.

– Но это снова совершенно дебильная детская шутка! – возмущается Орфей.

Пан встает. Его глаза сверкают от гнева.

– Конечно! Юмор – это детское развлечение, но я царь, и мне нравятся такие шутки! Шерстяные утки!

Я пихаю Орфея, чтобы он больше не спорил с царем сатиров.

Эдмонд Уэллс с любопытством спрашивает:

– Вы так любите юмор?

– Я уже сказал вам, для нас это почти религия. Секс и юмор. Хотите знать, до какой степени мы любим шутить? Знаете, что это за напиток, который вам так понравился?

– О, нет...

– Это сперма сатира!

Нас всех тошнит, а Пан ехидно добавляет:

– Шерстяная лира! Я же вам говорил, секс и юмор.

Пан хлопает в ладоши, и появляются несколько женщин-сатиров. Они отводят нас к домам, висящим на ветках, где для нас приготовлены комнаты.

Я оказываюсь с Афродитой на одной огромной деревянной кровати с толстым и мягким матрасом. На столе стоит еда, но мы не решаемся к ней прикоснуться, подозревая очередную шутку «дурного вкуса».

Я вынимаю из рюкзака шкатулку с Землей-18 и осматриваю ее, чтобы убедиться, что она не пострадала во время высадки.

– Ты все еще думаешь о ней? – сухо спрашивает Афродита.

– Ее зовут Дельфина.

– Она же маленькая, крошечная. Всего несколько микронов. Меньше коверного клеща!

– Разве это имеет значение?

Издали доносятся звуки флейты. Кто-то наигрывает грустную мелодию. Словно отвечая невидимому флейтисту, Орфей начинает перебирать струны своей лиры. Музыканты ведут диалог, рассказывая при помощи инструментов о своей культуре лучше, чем это удалось бы им словами.

Время от времени флейтист исполняет какой-нибудь очень замысловатый пассаж, но и Орфей не уступает ему. Я вспоминаю слова Эдмонда Уэлса: «Возможно, смысл жизни заключается только в поисках красоты».

Теперь оба инструмента звучат вместе. Именно так начиналось знакомство всех цивилизаций, до того как люди приступали к обмену стеклянными бусами и золотыми монетами, захвату заложников и битвам, чтобы выяснить, кто сильнее. Все начиналось именно так – люди вместе играли музыку.

К первому флейтисту присоединяются и другие. Услышав удивительную игру Орфея, многие сатиры тоже захотели играть с ним.

Вскоре играет уже целый оркестр. За окном я вижу в черном небе две луны Эдема. Афродита снимает верх купальника, ее прекрасная грудь обнажена. Она прижимается ко мне и приглашает потанцевать под музыку и стрекотание кузнечиков. Очень жарко.

– Я хочу тебя, – говорит Афродита. – В конце концов, может быть, это мой последний вечер, а завтра я уже буду принадлежать сатире.

Этот аргумент мне кажется убедительным. Мы долго танцуем, наши тела блестят от пота. Мы ласкаем друг друга, сливаемся в поцелуе, она прижимает мою голову к своей золотой гриве. Ее глаза сияют как звезды.

Я хватаю скатерть и набрасываю на стеклянную сферу Земли-18, боясь, что Дельфина увидит нас. Афродита кладет сверху подушку и говорит:

– Надеюсь, они там не перегреются.

Мы хохочем, окончательно избавляясь от напряжения.

Афродита опрокидывает меня на постель, садится верхом и начинает раздевать.

Наше дыхание ускоряется.

«Это все-таки богиня любви», говорю я себе, словно оправдываясь. Но в то же время страх перед завтрашним днем, опасения, что я проиграю и превращусь в сатира, только разжигают мой пыл.

Мы занимаемся любовью механически, потом яростно, потом страстно, потом отчаянно, словно в последний раз. Афродита кричит, чувствуя приближение оргазма, так, будто хочет показать сатирам, что они

не нужны ей, чтобы испытывать наслаждение.

– Я действительно тебя люблю, – говорит она.

– Ты это говоришь, чтобы поддержать меня перед завтрашним днем?

– Нет. Никогда еще я не была так серьезна.

– Ради тебя завтра я постараюсь шутить удачно.

– Я уверена, что у тебя все получится. В любом случае, у нас нет выбора. Или насмешить их, или остаться здесь до конца своих дней.

Я думаю о том, что нет ничего страшнее слов: «Рассмеши меня, или умрешь». Вдруг я проникаюсь огромным сочувствием ко всем комикам, которые на протяжении веков выходили на сцену.

Мы засыпаем, прижавшись друг к другу. Флейта Пана и лира Орфея звучат в ночи.

Я и не заметил, как подушка и простыня соскользнули со стеклянной сферы.

68. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: СМЕХ

Юмор – это явление, вызванное процессами в мозгу. Странная или парадоксальная информация поступает в рассудок, но левая половина мозга (та, которая считает, рассуждает, отвечает за логику) не может справиться с ней. Происходит нечто вроде короткого замыкания, и левое полушарие передает информацию, «создающую помехи», правому полушарию, которое отвечает за интуицию, художественное, поэтическое сознание. Получив эту посылку со взрывчаткой, правое полушарие посылает электрический разряд, нейтрализуя левое, чтобы выиграть время и найти индивидуальное, художественное толкование нестандартной информации.

Эта мгновенная остановка деятельности постоянно бодрствующего левого полушария вызывает расслабление мозга и выработку эндорфина (гормона, который также вырабатывается во время секса). Чем более парадоксальна полученная информация, чем она более «неудобна», тем более сильный выброс эндорфина «заказывает» правое полушарие.

В то же время включается защитный механизм, который снижает напряжение, вызванное «непереваренной» информацией, и все тело получает команду расслабиться. Легкие гораздо быстрее выбрасывают воздух, происходит резкий выдох, начало смеха как физиологического процесса. Выдох вызывает ритмичное сокращение лицевых мышц, грудной клетки и живота. Затем начинают сокращаться мышцы сердца и других органов. Это похоже на внутренний массаж, расслабляющий внутренние органы, а иногда и сфинктеры.

Итак, мозг не может переварить неожиданную, непривычную, парадоксальную информацию и сам себя блокирует. Он начинает функционировать в режиме «ошибки». Отключается. Этот процесс является одним из самых удивительных источников наслаждения. Чем больше человек смеется, тем крепче его здоровье. Смех замедляет старение и уменьшает последствия стресса.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

69. СОСТЯЗАНИЕ С ПАНОМ

Флейта Пана.

Две флейты Пана.

Сотни флейт Пана.

Я открываю глаза. Теперь, просыпаясь, я задаю себе вопрос: «Какой мир увижу я сейчас?»

Я накрываю голову подушкой и снова засыпаю. Этот второй сон всегда доставляет мне больше удовольствия, потому что кажется, что позволяешь себе что-то запретное. В детстве, когда я не хотел идти в школу, я притворялся, что крепко сплю, надеясь, что они не решатся меня разбудить.

Во втором сне я вижу Юн Би, маленькую кореянку с Земли-1, за которой наблюдал по телевизору.^[19] Красивая девушка говорит, странно произнося слова:

«1-й мир – реальный, 2-й мир – сон, 3-й мир – романы, 4-й мир – фильмы, 5-й мир – виртуальная реальность, 6-й мир – мир ангелов, 7-й мир – мир богов, 8-й мир – мир Зевса.

И есть еще один, который тебе неизвестен – 9-й, мир Творца».

Дальше она говорит что-то еще, но я не могу разобрать ни слова. Потом начинает умолять: «Считай! Считай, и ты поймешь!» Она показывает в небо, где появляется огромная лазанья, все слои-миры которой пронумерованы, и добавляет:

«Если ты выберешься из огромной лазаньи, то время и пространство перестанут существовать. Ты окажешься в...» Я снова не могу разобрать, что она говорит. И она нетерпеливо повторяет: «Ты хоть понимаешь, что ты в...?» И она опять показывает на огромную лазанью.

– В лазанье?

– Нет. Смотри лучше. Подними глаза. И считай. Там повсюду цифры. Они помогут тебе понять, что ты в...

– Где?

Она повторяет еще раз, но я никак не могу разобрать ее слов. И тут я оказываюсь в коридоре, в котором полно дверей. Я открываю первую, на которой написано «Реальный мир», и вижу свою бывшую жену и свою жизнь, когда я был смертным и занимался танатонавтикой. Роза сидит в нашей старой квартире. Она произносит: «Вместе против идиотов». За второй дверью я вижу Венеру, смертную, которая была моей подопечной в Империи ангелов. Она на Земле-1, на вилле в Калифорнии. Она говорит:

«Вперед! Только вперед!». Я открываю третью дверь и вижу Мату Хари на суде, перед тем как ее расстреляли. Она говорит: «Со мной нужно много разговаривать и много поливать». За четвертой дверью оказывается Дельфина, которая говорит: «Если тех, кто ошибается много, это еще не значит, что они правы». За пятой дверью стоит Рауль: «Там, наверху, я буду с тобой». За шестой Пан посреди своего тронного зала с вопросительной интонацией произносит «Любовь как меч, юмор как щит?» Он лукаво улыбается и добавляет: «Посмотрим, выдержит ли щит, что касается меня, то мой меч всегда поднят!», и подмигивая, делает непристойный жест, указывая себе на низ живота. Я открываю следующую дверь, и все они принимаются повторять: «Там, наверху, я буду с тобой», «Любовь как щит, юмор как меч», «Вперед! Только вперед!», «Это не лазанья, это...». И каждый раз, когда Юн Би заканчивает фразу, я не могу разобрать ни слова. Дельфина приходит ко мне на помощь, и повторяет это загадочное слово. Но я опять не слышу. Тогда я прошу ее: «Нарисуй!». Дельфина рисует то, что мне кажется границами миров, которые находятся один над другим. Все они пронумерованы. «Считай! Пожалуйста, считай!» «С меня хватит. Поцелуй меня», – говорю я во сне.

Тут я понимаю, что сказал это вслух. Афродита обнимает меня. Я отстраняюсь, и она с удивлением смотрит на меня.

– Ты же сам попросил об этом!

– Извини, мне что-то приснилось. Сон, который я не могу понять.

– Расскажи.

– Я уже забыл его.

– Сны, как птица, которую легко спугнуть. Их нужно сразу хватать, – понимающе говорит она.

На низком столике кто-то накрыл завтрак: ягоды, виноград, прозрачный напиток, похожий на яблочный сок, и еще какие-то странные фрукты. А в довершение всего жареные еж и белка, которых подали прямо с головой.

Я прячу трупы животных в ящик комода, и мы ограничиваемся фруктами.

– Сегодня ты должен блистать юмором, – напоминает Афродита. – Ты помнишь какие-нибудь шутки?

– Вспомню, когда будет нужно, – уклончиво отвечаю я, чувствуя себя словно перед экзаменом в школе.

– Ешь, – говорит она. – Тебе понадобятся силы.

– А что, здесь нет ни душа, ни туалета?

Я выглядываю в окно и вижу небольшой водопад – вода льется из

цистерны, водруженной на вершину гигантского дерева. Мы отправляемся туда, чтобы принять душ. Сатиры с любопытством смотрят на нас.

– Вам больше нечем заняться? – спрашивает Афродита.

– Вам больше нечем заняться? – повторяет маленький сатир, но мать одергивает его, и он робко предлагает:

– Шерстяные яйца?

Значит, они получили новые указания и теперь будут отвечать на каждую фразу дурацкой рифмой со словом «шерстяной».

Остальные сатиры довольно повторяют:

– Шерстяные яйца!

Хотя кое-кому эта рифма не очень нравится. Если последние 870 лет они повторяли все, сказанное другим, то последнее нововведение должно было сильно поразить их психику.

И может быть, теперь им придется повторять другую детскую шутку еще 870 лет. Вернувшись в дом, Афродита открывает шкаф и достает чистые зеленые туники. Одну надевает сама, другую протягивает мне.

Орфей, Эдип и Эдмонд Уэллс присоединяются к нам. Они тоже переоделись в одежду древесных людей. Мы похожи на шайку Робин Гуда.

– Ты готов? – спрашивает Эдмонд Уэллс.

– Сколько у меня еще времени?

– Час.

Я вытаскиваю из рюкзака тетрадь Фредди Мейера, на которой написано «Собрание шуток, которые помогут выжить в этом мире, пока мы не попадем в лучший».

Я читаю их вслух и повторяю по несколько раз, чтобы лучше запомнить, словно учу билеты перед экзаменом.

– Выбирай короткие. Чем короче, тем надежней.

– Ты не должен недооценивать Пана, – говорит Эдип. – Ты видел, как он обвел нас вокруг пальца со своим напитком?

У нас во рту до сих пор стоит «послевкусие» этой шутки.

– Да, противника не стоит недооценивать, – подтверждает Эдмонд Уэллс. – Тем более что это часть их культуры. «Секс и юмор».

Я даже не знаю, что на это сказать.

– Разумеется, у разных народов юмор разный. Пока есть только одна хохма, которая пользуется успехом на всей планете. Знаете, какая?

– Человек, который падает? – предполагает Эдип.

– Нет. Пердящая собака. Я расстроен.

– Спасибо за совет! Вы мне очень помогли. Мои спутники окружают меня, как тренеры боксера на ринге.

– Удиви его!
– Говори на разные голоса! Меняй интонацию, это их поразит!
– Ни в коем случае не смейся сам над своими шутками! Оставайся серьезным.

Вновь раздаются звуки флейт.

– Идем. Уже пора.

Состязание состоится на берегу озера, которое находится здесь же на дереве. Это глубокий водоем, помещающийся в плотно сплетенных ветвях над дворцом Пана. Сатиры и мои спутники садятся вокруг, так, чтобы никто не мог подсказывать участникам. Чтобы усложнить испытание, мы будем состязаться, стоя на шесте, перекинутом через озеро.

Юная девушка-сатир играет на флейте, это сигнал начинать.

Мы с Паном держим друг друга за подбородок. Я цепляюсь за его бородку.

Он молчит и только ехидно смотрит на меня. Вдруг неожиданно показывает мне язык. Это меня удивляет, но я постоянно думаю о том, что меня ждет, если я проиграю. Я превращусь в сатира, потеряю друзей, дельфину, Афродиту, мой народ.

Только не смеяться.

Пан корчит несколько гримас, но, увидев, что на меня это не действует, меняет тактику.

– Две коровы пасутся на лугу. Первая говорит: «Слышала новости? Не боишься заболеть коровьим бешенством?» Вторая отвечает: «Мне это не грозит. Я же кролик».

К счастью, этот анекдот был в сборнике Фредди Мейера, я уже читал его, и мне удастся остаться серьезным.

Пан, как на дуэли, стрелял первым. Теперь моя очередь.

Сардинка видит подводную лодку и в страхе подплывает к маме. Та ей говорит: «Не бойся, дочка, это всего лишь банка людей».

Улыбка Пана становится все шире. Он снова показывает мне язык.

Мои спутники обеспокоены. Они понимают, что мой противник обладает большой выдержкой.

– Теперь опять я, – говорит Пан. – Маленький циклоп спрашивает у папы: «Папа, почему у циклопов только один глаз?» Отец читает газету и прикидывается, что не слышит. Но маленький циклоп не унимается и снова спрашивает: «Папа, почему у циклопов только один глаз? В школе у всех два, а у меня только один». Отец раздраженно отвечает: «Сынок, иди лучше вымой руку и садись обедать».

Уфф! Опять анекдот, который я знаю. Кажется, его мне рассказал Зевс.

А ему – опять же Фредди Мейер. Встреча с царем Олимпа и тут помогла мне.

Опять моя очередь.

– Маленький белый медвежонок спрашивает маму: «Мама, а кто у меня папа?» – «Как кто, – отвечает мать. – Конечно, белый медведь». – «А дедушка?» – «Тоже белый медведь». – «А бабушка?» – «И она белая медведица. А почему ты спрашиваешь?» – «Да что-то мерзну я...» Смех зрителей несколько напрягает Пана, но он сдерживается и тоже рассказывает анекдот:

– Две утки плывут по озеру. Одна говорит: «Кря-кря». Другая отвечает: «Не поверишь, как раз хотела то же самое сказать».

Кто-то фыркает у меня за спиной, там, где сидит моя группа поддержки. Это Орфей. Нужно быть начеку. Смех заразителен. Я стискиваю челюсти и тут же начинаю терять равновесие. С трудом удерживаюсь на шесте и бросаюсь в бой.

– Опять две утки на озере. Одна говорит: «Кря». Другая раздраженно отвечает: «Вечно ты обрываешь фразу на полуслове!» Хохот в лагере сатиров. Один из них при этом очень забавно блеет. К счастью, мы довольно далеко от берега. Если бы они сидели ближе, то удержаться от смеха было бы труднее.

Глаза моего противники блестят. Его едва заметно трясет.

Еще немного, и он засмеется. Значит, рассмешить Пана можно.

Пан рассказывает новый анекдот.

– Человек останавливается у похоронного бюро и спрашивает хозяина: «Почему вы все перекрасили в розовый цвет?» – «Чтобы привлечь более молодых клиентов», – отвечает хозяин.

Сохранять невозмутимость.

Напряжение растет. Я слегка дергаю Пана за бородку, чтобы сохранить равновесие.

Анализируй, думай о том, почему шутка показалась тебе смешной. Потому что она сразу вызывает перед глазами картинку: контора, торгующая гробами и надгробиями. Это связано со смертью. А розовый цвет символизирует юных клиентов. Вот в чем соль.

Пан ждет от меня шутки.

Скорее, нужно что-то вспомнить.

Я закрываю глаза. Стараюсь вспомнить лекции по философии, которые нам читали в лицее. «Смех» Бергсона. Что вызывает смех? Неожиданные повороты. Сюрпризы.

– Два омлета жарятся на большой сковородке. Один говорит: «Вы не

находите, что здесь жарко?» Другой принимается кричать: «Помогите! Говорящий оmlет!» Мой противник улыбается, но его улыбка тут же исчезает. Он продолжает:

– Гуляют как-то дикий кабан и домашняя свинья. Кабан спрашивает: «Ну как там твоя химиотерапия?» Я стискиваю зубы. Ужас! Пан прибегает к черному юмору! Совершенно черному. Отвратительному. Я и забыл, что жестокость тоже вызывает смех. Это один из способов защиты от того, что нельзя вынести.

Нет, я буду работать в другом жанре.

– Знаете, почему сатиры трижды смеются над анекдотом?

Пан хмурит брови. К моим друзьям возвращается надежда. Анекдот про сатиров, это что-то новенькое.

– Первый раз они смеются, когда им рассказывают анекдот. Второй, когда им его объясняют. Третий – когда они его понимают.

Сатиры свистят. Мои друзья расстраиваются. Все поняли, что я просто пересказал старую шутку. Эффект получился не тот, на который я рассчитывал. Я сдаю позиции. Напряжение растет. Мой противник начинает рассказывать новый анекдот.

– Жена спрашивает мужа: «Милый, ты каких больше любишь, умных или красивых?» Тот отвечает: «И тех, и других. Я и тебя люблю...» В основе этого анекдота – тупой мачизм. После черного юмора сексистский анекдот. Я не смеюсь и решаю побить Пана его же оружием.

– Библиотека. В читальном зале тишина, доктора наук, профессора пишут диссертации. Тут в зал входит симпатичная блондинка, подходит к библиотекарю и говорит: «Дайте мне, пожалуйста, гамбургер, картошку и колу!» Библиотекарь в ужасе шепотом: «Девушка! Это же библиотека!» Девушка шепотом: «Ой, извините, гамбургер, картошку и колу...» Пан старается не улыбнуться. Его очередь.

– Человек приходит в бассейн, а его туда не пускают. В прошлый раз вы туда написали! Ну и что, все писают в бассейн! Да, но только вы делаете это с трамплина!

Я выдерживаю удар и нападаю.

– Эскимос делает лунку во льду, забрасывает леску с крючком. Вдруг сверху раздается голос: «Здесь нет рыбы!» Эскимос озирается, но никого не видит. Он пугается, отходит подальше, снова долбит лунку, забрасывает леску. Сверху опять голос: «Здесь нет рыбы!» Он опять отходит, опять лунка, леска, голос сверху: «Здесь нет рыбы!» Тогда эскимос спрашивает: «Кто со мной говорит? Это... Бог?» – «Нет, – отвечает голос. – Это директор катка».

Сатиры за спиной Пана хохочут, но он сдерживается.

– Альпинист падает со скалы. В последний момент одной рукой цепляется за камни и зовет на помощь: «Скорее! Я сейчас упаду! Помогите! Помогите!» С неба раздается голос: «Я с тобой. Я Бог. Доверься мне. Отпускай руку, и я мягко опущу тебя на землю. Поверь мне, ты не погибнешь. Отпусти же руку». Подумав немного, альпинист снова начинает вопить: «Помогите! Там есть еще кто-нибудь?» Я снова чувствую, что вот-вот сдамся. Хуже всего, что я знаю этот анекдот, но ситуация, место, где мы находимся, интонация, сюжет, то, что речь идет о Боге, внезапно выводят меня из равновесия. Я снова напрягаюсь, стискиваю челюсти, сжимаю ягодицы. Пан отлично видит, что я на грани. Он подмигивает и говорит:

– Если боишься проиграть, позови Творца, он тут неподалеку, на вершине Второй горы.

Не смеяться. Только не смеяться.

Я вспоминаю истории из моего детства, когда мне очень хотелось засмеяться, но было нельзя.

День, когда мой учитель математики надел парик задом наперед. Я все-таки не сдержался, и он наказал меня.

Не смеяться!

Мне так хочется захохотать. Сбросить растущее напряжение, стресс, накопившийся за последние дни.

Я представляю себе жидкий смех, который поднимается во мне как ручей, река, поток, а я замораживаю его грустными мыслями.

Я думаю о телепередаче «Осколки вдохновения и куски жизни по порядку», важный момент, который пережила моя душа. От этого воспоминания я перехожу к другому.

Арчибальд Густен со своим мундштуком из слоновой кости.

Немедленно возьми себя в руки!

Все смотрят на меня. Орфей не сдерживается и снова фыркает, по толпе пробегают смешки, и через несколько мгновений все уже хохочут, и я едва удерживаюсь, чтобы не присоединиться к ним. Маленькие домики в моем мозгу охватывает огонь, скоро запылают вся деревня.

Быстро! Вспомни что-нибудь грустное.

Война. Смерть. Атомная бомба. Я представляю себе трупы. Бойни. Диктаторов. Фанатиков, основавших секты. Жозефа Прудона. Чистильщика.

Пан повторяет:

– Там есть кто-нибудь еще?

Я сейчас засмеюсь. Я проиграю.

И тогда сморкмуха прилетает и садится мне на нос. Я чихаю, и этого хватает, чтобы я победил смех.

Я показываю противнику язык, чтобы он понял, что не сумеет победить меня, и пересаживаю херувимку, ставшую моим талисманом, к себе на плечо, чтобы она и дальше помогала мне.

Зрители начинают терять терпение. Нужно быстро что-то придумать.

Сморкмуха, помоги мне!

Я обдумываю ситуацию, как это делает шахматист. Пан не смеется потому, что ему заранее известны все мои шутки. В его памяти хранятся анекдоты всех народов и эпох. За тысячи лет он, разумеется, узнал больше шуток, чем я. Единственный способ победить его – рассказать шутку, которой он не знает. Такую шутку нужно придумать на основе того, что на самом деле происходило со мной. Пан упоминал о боге с Земли-1. И этим подал мне отличную идею.

Я набираю воздуха в легкие и начинаю импровизировать.

– Это история о боге, который спустился на свою планету. Он видит смертную, которая молится в храме: «Бог, услышь мою молитву!» Он подходит к ней и говорит: «Можете больше не молиться, я здесь. Обращайтесь прямо ко мне!» Изображая Дельфину, я говорю писклявым голосом, пародирую ее акцент, а изображая бога, перехожу к басу, как у Зевса. Царь сатиров выглядит удивленным. Этой истории он не знает, и она кажется ему забавной. Он не выдерживает. Я слышу, как он фыркает, а потом начинает сдавленно хихикать.

Как боксер, я продолжаю наносить удар за ударом.

– Бог говорит: «Расскажите мне о вашей религии, научите молиться» (за бога я говорю уже совсем карикатурным басом, за девушку – пиццу, утрируя акцент). Девушка отвечает: «Это будет трудно, ведь вы сами изобрели ее. Вам будет нелегко поверить... в самого себя».

Пан заливается смехом. Он выпускает мой подбородок, хватается за бока, теряет равновесие, начинает махать руками и падает в воду. Это его не успокаивает, он продолжает хохотать, кашляет, отплевывается, задыхается и уходит под воду.

Я ныряю и помогаю ему выбраться на берег. К нам подбегает сатир и делает Пану искусственное дыхание. За ним спешат женщины-сатиры. Они явно просто дожидались повода наброситься на своего кумира. Пан встает, замечает меня и продолжает хихикать.

– «Вам будет нелегко поверить... в самого себя»! Смертная говорит богу: «Вы не сможете поверить...»!

Он протягивает мне руку, и я пожимаю ее.

– Браво. Один: ноль. Я выиграл.

– Как это?!

– Я пошутил. Никогда еще так не смеялся. Я сдержу свое слово. Завтра утром я отведу вас к проходу, через который вы подниметесь на Вторую гору. Но сегодня вечером вы мои гости. Мы устроим праздник.

Он упирается пальцем мне в грудь.

– А с вами, Мишель Пэнсон, мне нужно поговорить. Остальные пусть приступают к трапезе.

Пан ведет меня к стволу дерева. Мы взбираемся по винтовой лестнице, огибающей его. Оказываемся у развилки, образованной ветками. На этой площадке нет ни озера, ни домиков. Пан подходит к месту, поросшему плющом. Поворачивает какой-то механизм, и открывает дверь. За ней начинается коридор, ведущий наверх.

– Беличье дупло?

Пан приводит меня в какую-то комнату. Зажигает свечу и ставит ее на стол. Я вижу, что кроме подсвечника на нем стоит крошечная секвойя в горшке, не выше метра.

– Дерево внутри дерева, – шепчу я.

– Да. Бог внутри бога, вселенная внутри вселенной, дерево внутри дерева. Но это дерево особенное, я думаю, вас это заинтересует.

Я подхожу ближе и вижу, что на секвойе висят прозрачные сферы, похожие на те, в которых у Зевса находились миры. Тут шарики не больше трех сантиметров в диаметре.

– Это миры?

– Нет. Это лишь модели, вроде той, с которой вы работали в Олимпии. Настоящие сферы с мирами встречаются редко. Мне кажется, у вас есть одна. Здесь скорее обсерватория, а это объемные телеэкраны.

Я наклоняюсь и вижу знакомые модели миров.

– Зачем вы привели меня сюда, царь Пан?

Он лукаво смотрит на меня, поглаживая бородку.

– Я засмеялся потому, что сразу понял: вы рассказываете настоящую, а не вымышленную историю. Вы действительно спускались на планету, богом которой были. И встречались с теми, кто верит в вас. Ведь это правда?

– Да.

Пан задумывается. Потом начинает накручивать бороду на палец.

– И она действительно сказала, что у вас, ее бога, веры меньше, чем у нее самой?

– Точно.

Он снова смеется.

– Вот уж правда, сапожник без сапог. Глухой Бетховен. Пишешь музыку, а послушать ее не можешь. Какая насмешка... Вы создали мудрость, но сами не мудры. Основали религию, но сами не верите. Какая насмешка! Расскажите мне в подробностях, как это было.

– Эта смертная начала учить меня тому, что узнала из «моей» религии. Научила меня медитировать, молиться.

Пан смотрит на меня и фыркает. Я возмущаюсь.

– В конце концов вы скажете, что просто издевались надо мной! А я обижусь.

– Нет, нет! Я смеюсь не над вами, а над ситуацией. Пожалуйста, продолжайте. Мне очень нравится.

– Эта смертная допускала возможность, что я ее бог, но она выяснила, что я не исповедую собственную религию, потому что плохо ее понимаю. А она, горячо верившая всю свою жизнь, поняла самую суть.

– Логично! И она попыталась... обратить вас?

– Она уже приступила к этому, когда меня вернули сюда.

Пан стучит копытами по полу, отчаянно веселясь. Я дожидаясь, когда он закончит, стараясь не обидеться, и снова спрашиваю.

– Зачем вы привели меня сюда? Он встает и протягивает мне анкх.

– Ты узнаешь какие-нибудь из этих планет?

В увеличительное стекло анкха я рассматриваю сферы и, кажется, узнаю Землю-1. Другие миры, которые видел в подвале Атланата, планеты, покрытые водой, земли, где развились невиданные технологии, где существует другая мораль, другие виды транспорта.

– Я открою тебе первый большой секрет. Слушай внимательно и постарайся понять.

Он молчит, потом очень отчетливо произносит:

– Между мирами есть... мосты. Он поглаживает сферы.

– Все эти Земли похожи, населены гуманоидами, которые живут в похожем времени и пространстве. Ты следишь за тем, что я говорю?

– Да.

– Эти планеты – как сестры.

– Я не понимаю, к чему вы клоните.

– Ты должен был задумываться, почему их истории так похожи.

Мне кажется, я понимаю, о чем он говорит, и у меня начинает кружиться голова.

– Ты задавал себе вопрос, как разная информация могла попасть из

одного мира в другой, словно эти миры связаны между собой.

Юн Би и Корейский Лис придумали «5-й мир» на Земле-1, а на Земле-18 такая же игра тоже называется «5-й мир». Некоторые фразы – «Со мной надо много разговаривать и много поливать», «Тех, кто ошибается, много, но это не значит, что они правы». Вот о чем был мой сон. Слои лазаньи соединены. Миры соединены. Истории одних планет влияют на историю других.

– Рассказывайте дальше об этих мостах. Пан встает, гладит ветку секвойи.

– Это похоже на дерево. Ветки соединяют между собой миры-плоды. Все питается одним соком. Листья впитывают солнечный свет. Между почками, из которых появятся листья, устанавливается связь. Иногда благодаря молитве, медитации, всемирной энергии, которая пронизывает время и пространство. Благодаря Жизни.

Этот сатир говорит то, что кажется мне очень интересным.

– Таким образом, – продолжает он, – некоторым при помощи одной только силы мысли удастся выйти за пределы листа, на котором они находятся. Они получают возможность путешествовать по другим веткам, переходить из одного пространства в другое.

С одного слоя лазаньи на другой.

Голова кружится все сильнее. Я прошу разрешения сесть. Пан указывает мне на кресло и сам садится напротив.

– Мосты? – спрашиваю я. – Люди, которые выходят из тела и отправляются не на континент мертвых, не в рай к ангелам, а в другие измерения, на другие планеты? Вы это имеете в виду?

– И необязательно умирать, становиться ангелом или богом. Необязательно быть верующим. Это просто вопрос того, осознаешь ты это или нет. Достаточно просто знать, что это возможно – во сне, во время эпилептического приступа, в коме или когда ты пьян.

– Или когда тебя охватывает вдохновение. Когда я был Габриелем Асколейном, я испытывал нечто подобное, когда писал.

Царь Пан наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

– Я тоже иногда впадаю в священный экстаз. Иногда во время медитации удастся выйти из тела, и тогда можно путешествовать, видеть что-то новое. Мне кажется, дорогой Мишель Пэнсон, вы были одним из первых, кто на Земле-1 экспериментировал с выходом из тела. И мне кажется, что недавно на Земле-18 вместе с вашей подругой Дельфиной вы побывали там, где смешано будущее, прошлое и настоящее.

– Да, но я не знал, что...

– Что тысячи людей делали это до вас? И этим объясняется, как одни и те же изобретения появляются на разных планетах. Иногда даже на одной планете, в одно время, но в разных местах.

Я смотрю на секвойю-бонсай и начинаю осознавать важность того, что рассказал мне Пан.

– Значит, Гитлер – это эхо Гитлера с Земли-1?

– Некоторые могут путешествовать между мирами и заимствовать там идеи. Как лучшие, так и худшие.

«Dies irae» Моцарта. То же самое, но под другим именем! Прудон умеет путешествовать по разным веткам и срывать те плоды, которые ему нужны. Вот откуда его сила!

– Значит, идеи могут путешествовать не только по одной планете, но и по всем мирам Вселенной?

– Совершенно верно. Именно поэтому то, что пришло в голову одному человеку, может вызвать больше последствий, чем война, в которой участвовали тысячи солдат. Идея путешествует по всему дереву и может попасть в любой мир.

– Как вирус, заражающий кровь больного.

– По дереву перемещается как хороший сок, так и плохой. Смертная, которая упрекала тебя в том, что ты не сможешь поверить в себя самого, интуитивно поняла то, что я сейчас тебе объясняю.

Я вспоминаю о медитациях, об астральных путешествиях, которые Дельфина совершала, обучаясь «своей» дельфиньей религии. Она могла посетить другие миры, «похожие на наш», где получала ответы на вопросы, «похожие на наши».

– Храмы выполняют роль усилителей, потому что там одновременно молятся или медитируют много людей. Это называется эгрегор.

– Но если они соберутся не в храме, а где-то еще, это будет работать?

– Конечно. Один человек или несколько, кто угодно может путешествовать между мирами, нужно только знать, что это возможно.

– Можно путешествовать в другие миры, в другие измерения?

– Да. Вверх, вниз, в любом направлении.

Царь Пан, наполовину человек, наполовину козел, производит на меня сильное впечатление. Я вижу теперь, что это не просто жирный весельчак, а мой новый учитель, показавший следующий шаг.

– Понятно теперь, почему так трудно создать альтернативную версию истории, – говорю я.

– Вот именно. Первый сценарий Земли-1 повлиял на то, что происходило на других планетах, в другом времени и пространстве.

Пан поглаживает бородку.

– Но откуда вы, живя так далеко от Олимпии, знаете это?

– Пан. Мое имя означает «все». Я знаю почти все. Он указывает анкхом на экраны, висящие на стене, и я вижу Юн Би и Корейского Лиса.

– Эти двое мне особенно нравятся. Юн Би... Храбрая маленькая корейка, борющаяся со своими родителями и окружением, которая, невзирая ни на что, находит свои корни и создает удивительные рисунки для компьютерной игры, опережающей все другие на многие поколения. Мне было интересно, кто такой этот Корейский Лис. Он болен ужасной болезнью – рассеянным склерозом. Но у него прекрасная, чистая душа.

Рядом с Юн Би и Корейским Лисом на экране ребенок.

– Они встретились и полюбили друг друга. Но до того, как это случилось, они много разговаривали. Корейский Лис боялся, что она отвернется от него, увидев, как болезнь изуродовала его тело. Но душа Юн Би действительно прошла длинный путь. Она любила его за то, кто он, а не за внешность.

– А Дельфина?

– Она похожа на Юн Би. Потрясающая женщина. Вы ведь сначала не считали ее красивой, правда? Но потом увидели ее другими глазами. И внешность перестала иметь значение.

– Значит, вы все знали?

– Конечно. Благодаря этому дереву-обсерватории я знаю все. Это Дерево возможных миров. И я смеялся именно потому, что понял, что вы наконец рассказываете настоящую историю. Вы смеялись над самим собой. И над дурацкой ситуацией: бог встречает ту, которая верит в него, и она рассказывает ему о религии, которую он сам и создал!

– Вы видели, как это было?

– Да. И я решил, что вы заслуживаете того, чтобы знать. Завтра вы продолжите путь, чтобы узнать еще больше.

– Вы думаете, я смогу увидеть Творца?

Царь Пан встает и выглядывает из окна своего круглого дома. Он подзывает меня и куда-то указывает пальцем.

– Зеленая зона, – объявляет он.

– Кто там живет?

– Ваше следующее испытание.

– Не говорите загадками.

– Вы действительно хотите все знать? Ну что ж. Там живет... дьявол.

– Дьявол? Но его не существует, – отвечаю я. – Это выдумка смертных, чтобы пугать друг друга. Или предлог, чтобы истреблять тех, кто им не

угоден.

Пан снова наматывает бороду на палец и как-то странно улыбается.

– Во всяком случае, здесь мы называем его именно так.

70. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: АИД

Его имя означает «Невидимый». Свергнув Кроноса, его сыновья поделили вселенную. Зевс получил небо, Посейдон – море, Аиду достался подземный мир.

Аид не входит в число двенадцати олимпийских богов, потому что его царство не освещено солнцем. Аид – тринадцатый бог, самый страшный во всем пантеоне.

Аид, в шлеме, который делает его невидимым (это подарок циклопов), восседает посреди царства мертвых на троне из черного дерева со скипетром в руке. У его ног лежит трехглавый пес.

Чтобы умиловить его, греки, посвященные в культ Кибелы или Митры, приносили в жертву черных быков, кровь которых стекала в ров. Обряд заклания быков назывался «Тавроболы».

Подземное царство Аида пересекают пять водных потоков: река забвения Лета, река плача Коцит, огненная река Флегетон, река ненависти Стикс, река скорби Ахеронт.

Перевозчик Харон на своей ладье переправляет через Стикс души умерших в царство Аида. Из царства мертвых нет пути назад. Лишь Одиссей, Геракл, Психея и Орфей смогли вернуться обратно. Но за возвращение пришлось заплатить – Орфей навеки потерял свою возлюбленную Эвридику, Психея умерла, как только вышла на поверхность земли.

Сам Аид лишь раз покидал свое мрачное царство – чтобы найти себе жену. Он знал, что ни одна женщина не согласится спуститься живой в царство мертвых, и похитил дочь богини Деметры, юную Персефону.

Эдмонд Уэлс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

71. СТИКС

Шум листвы. Сухие ветки хрустят под ногами. Сотни пестрых птиц порхают вокруг, и это больше похоже на разноцветный пар. В жарком влажном воздухе гудят насекомые. Мелкие зверьки наблюдают за нами из густой травы. Змеи извиваются, порхают бабочки. Одурающе пахнут цветы.

Мы прокладываем себе путь мачете, прорубаем проход в зеленой стене. Сатиры ведут нас через джунгли, которыми поросла южная оконечность острова Эдем у подножия Второй горы. Женщины-сатиры подарили нам одежду, подходящую для этого путешествия, и другую, которая защитит нас от холода.

Афродита идет рядом со мной. Мне кажется, она немного замкнулась в себе. Перед тем как мы ушли от сатиров, из ванной раздался крик. Богиня любви обнаружила на своем лице морщинку. Мне пришлось долго успокаивать ее, прежде чем нам удалось наконец приступить к сборам. Для богини, воплощающей саму красоту, обнаружить морщину, предвещающую и другие разрушения, которыми грозит ей время, оказалось серьезным потрясением.

Бомба замедленного действия начала тикать в ее теле. Афродита поняла, что ей грозит старость.

Во главе нашего небольшого отряда – мы впятером и двадцать сатиров, идет сам царь Пан, указывая путь. Он идет быстро и золотым мачете расчищает заросшие тропы.

Я потуже затягиваю свой рюкзак, в котором лежит шкатулка со стеклянной сферой Земли-18 и сборник анекдотов Фредди Мейера, фляжка с водой и сушеные фрукты, которые сатиры дали нам с собой.

Мы идем вперед.

Спускаемся в низины, густо заросшие зеленью, где среди неизвестных растений снуют невиданные животные.

Время от времени кто-нибудь из сатиров вскидывает духовую трубку и убивает змею, которую тут же подбирают его соплеменники. Без их помощи мы никогда не нашли бы этой дороги.

Мы приходим к мосту из лиан, висящему над пропастью. Она настолько широка, что другого ее края не видно. Мост уходит в густой туман.

– Здесь проходит граница наших земель, – говорит Пан.

– А что на той стороне?

– Территория Аида.

Все сатиры яростно плюют на землю, услышав это имя.

Мы готовимся вступить на мост. Сатиры волнуются.

– Вы уже бывали там? – спрашивает Эдмонд Уэллс у Пана.

– В аду? Нет! Кому же захочется встретить дьявола?

– Нам, если нет другой дороги, чтобы попасть к Творцу, – решительно отвечает Афродита.

Сатиры стучат копытами по земле, чтобы прогнать страх.

– Что это с ними? – спрашивает Эдип.

– Им не нравится находиться так близко от пропасти. Мы ни за что, даже за все золото мира, не согласились бы перейти мост, – отвечает Пан. – Но я понимаю, что вам нужно это сделать. Чтобы увидеть. Чтобы узнать.

– Если что-то трудно сделать, это не значит, что мы должны отступить. По-настоящему трудным становится то, чего мы не делаем, – говорит Эдмонд Уэллс.

Сатиры успокаиваются. Пан хлопает меня по плечу, пожимает мне руку.

Я рад нашей встрече, Мишель. Я буду рассказывать о ней детям, они будут очень смеяться.

Я принимаю этот комплимент. Пан склоняется в старомодном поклоне и целует руку Афродиты.

– Приятно было познакомиться с вами... мадемуазель Афродита.

Он произносит «мадемуазель» так, что становится ясно, что для него она никогда не станет «мадам». Затем он по очереди прощается с Эдмондом, Эдипом, Орфеем.

– Я восхищен вашим мужеством, – говорит он на прощание. – Я бы и сам хотел побороть страх и перейти мост. Но, возможно, я слишком стар или труслив, чтобы отправиться в ад.

– Если этот тот же, в котором я уже был, – отвечает Орфей, – то там довольно сносно.

– Как знать... Тут все похоже на то, о чем рассказывают мифы, но не совсем. Мне кажется, ад на Эдеме не похож ни на один другой.

И на его лице снова появляется насмешливое выражение.

Мы вступаем на мост из лиан. Впереди Эдмонд Уэллс, за ним мы с Афродитой, а за нами Орфей, ведущий своего слепого друга.

Мост покрыт мхом, ноги скользят. Доски, настеленные поверх лиан, трещат, куски дерева отваливаются и падают в бездну. Мы изо всех сил цепляемся за трухлявые поручни.

По мере того как мы продвигаемся вперед, все сильнее становится запах гнили. Похоже, в аду воняет как на гигантской свалке.

Эдип с трудом пробирается по мосту, но Орфей терпеливо помогает ему. Афродита снимает сандалии. Дальше она идет босиком. Я так отчаянно цепляюсь за поручни, что костяшки пальцев побелели.

Мы прошли уже метров сто. Сатиры по-прежнему смотрят нам вслед. Туман впереди все такой же плотный. Мы входим в него.

– Впереди что-нибудь видно?

– Нет, ничего. Будьте осторожны, доски совсем прогнили.

Дышать все труднее. По ногам дует ледяной ветер.

– Ну, что там?

– Пока ничего не видно.

Вокруг раздается какой-то шум. Это вороны, возвещающие о нашем прибытии.

Мы идем, но мост все не кончается.

– Неужели конца этому не будет? – взрывается Эдип.

– Мост действительно очень длинный, – отвечает ему Орфей, – и мне кажется, туман сгущается.

– О том, чтобы повернуть назад и речи быть не может, – говорит Эдмонд Уэллс. – Мы уже ближе к этому краю, чем к тому, откуда начали.

Внезапно над нашими головами раздаются странные звуки, не похожие на крики воронов. Нам то и дело приходится перепрыгивать через дыры в мосту, перебираться по поручням. Для Эдипа это действительно тяжелое испытание.

Я перебираюсь, держась за поручни руками, под ногами зияет пустота, и вдруг на меня нападает ворон. Я наношу ему удар ногой, но ему на подмогу уже спешат другие. Они задевают меня крыльями. Один из них кидается на меня, готовясь ударить клювом в грудь. Я уклоняюсь, и он разрывает рюкзак. Тетрадь Фредди Мейера и припасы, которые дали нам сатиры, падают в пропасть. За ними вот-вот последует и шкатулка со сферой Земли-18. Я замираю, стараюсь не шевелиться. Но другой ворон нападает на меня. Получив удар в живот, я подскакиваю от боли, драгоценная шкатулка вываливается из рюкзака.

Афродита, уцепившись одной рукой за поручни, Другой успевает подхватить ее. Я благодарно киваю ей.

– Едва успела, – замечает она.

Я сжимаю ручку шкатулки зубами, и мы продолжаем путь. Вкус ржавчины во рту успокаивает меня.

Дельфина в шкатулке. Шкатулка у меня в зубах.

Я чувствую себя как цихлиды, рыбы, обитающие в озере Малави, которые переносят своих детей во рту, чтобы защитить их. Под ногами теперь снова доски, сначала такие же трухлявые, как до сих пор, потом более прочные. Наконец есть куда поставить ногу. Вороны по-прежнему кружат над нами, но мы разгоняем их при помощи анкхов, многих убиваем, а остальные предпочитают держаться на расстоянии.

Туман начинает рассеиваться.

– Я вижу край пропасти! – восклицает Эдмонд Уэллс.

– Я вижу деревья, – добавляет Афродита.

– А я уже сомневался, что этот мост вообще куда-то ведет, – устало вздыхает Эдип.

– В самом деле, когда я впервые побывал в аду, мне не пришлось подвергаться таким испытаниям, – говорит Орфей.

Мы быстро идем вперед по прочным доскам. Зловоние становится слабее. И вот мы ступаем на землю.

– Спасибо, – шепчу я Афродите.

– Это получилось само собой, – отвечает она, словно извиняется за то, что спасла соперницу.

Растительность вокруг гораздо гуще, чем на том краю. Огромные деревья отбрасывают тень, и все внизу погружено во мрак. Ветер свистит в ветвях, время от времени принося с собой волны тошнотворного запаха.

Афродита крепко сжимает мою руку.

– Давайте я пойду вперед, разведу, что там, – предлагает Орфей. – Мне кажется, я узнаю места. Если мы пойдем прямо, скоро должен появиться вход.

Я иду позади, помогаю Эдипу. Мы поднимаемся по склону горы, покрытому лесом. На том краю растительность была похожа на экваториальные джунгли, здесь же она больше напоминает северные непроходимые леса, кругом колючие кусты, дубы с кривыми ветвями.

Мы замечаем, что не одни. Услышав волчий вой, едва ли не радуемся – этот противник нам хотя бы знаком. Прибавляем шаг. Волков становится все больше.

– Они собираются в стаю, чтобы напасть на нас, – говорит Эдмонд Уэллс.

Мы останавливаемся и достаем анкхи. Вокруг продолжается невидимое нам движение.

– Они дождутся темноты, и тогда нападут, – предполагает Эдип.

В этот момент из чащи выскакивают три огромных волка. Из пасти у них капает слюна, глаза налились кровью.

Мы убиваем их выстрелами из анкхов. Но вот уже новая группа хищников с рычанием бросается вперед.

– Они, похоже, голодны.

– Осторожно, справа!

Я убиваю троих одной очередью.

Теперь волки нападают со всех сторон. Их десятки, сотни. Анкх начинает нагреваться у меня в руках, и наконец разряжается. В тот самый момент, когда волк бросается на меня, я хватаю палку и наношу ему удар, размахнувшись, будто играю в теннис. Я отчаянно сражаюсь, мои друзья тоже отбиваются от хищников, но наши силы слабеют, нас вот-вот растерзают... Но вдруг раздается музыка.

Это Орфей, который, спасаясь от волков, забрался на дерево, достал лиру. Волки прекращают кидаться на нас. Они сбиваются в стаю и слушают музыку. Мы встаем, изнемогая от усталости. Наша одежда превратилась в лохмотья.

– Играй, пожалуйста, играй, не останавливайся, – умоляет Афродита.

Орфей играет нежную мелодию, и волки ложатся на землю. Кажется, даже деревья склоняются к Орфею.

– Твоя музыка действует на них! – восхищаюсь я. – Значит, то, что говорится в твоем мифе, – правда? Как тебе это удастся?

Орфей перебирает струны лиры, и волки засыпают.

– У каждого из нас есть свой дар, – отвечает Орфей. – Нужно только найти его и развивать.

Он играет другую мелодию. По деревьям пробегает дрожь, их ветви указывают нам путь.

Эдмонд Уэллс замечает в склоне горы, высоко над нашими головами, вход в пещеру, напоминающий раскрытую пасть. Два выступа, находящиеся выше, похожи на глаза, и это еще больше усиливает впечатление, что гора живая.

– Орфей, ты уверен, что это и есть вход в ад? – спрашивает Афродита.

– Во всяком случае, на Земле-1 он выглядел именно так.

Меня снова потрясает мысль, что разные миры связаны между собой. Как объяснил мне Пан, существуют как «горизонтальные» связи между мирами, находящимися на одном уровне, так и «вертикальные», между нижними и верхними мирами.

Олимпия на Эдеме – копия Олимпии на Земле-1.

Боги и чудовища – те же, что в мифах Древней Греции Земли-1.

Страны и цивилизации очень тоже похожи.

Значит, Земля-1 – это основной «источник ссылок»?

Нет, Земля-1 сама находится под влиянием соседних, верхних и нижних миров. Пан дал мне один из ключей к познанию Вселенной.

Земля-1 – шахматная доска, вокруг которой множество других таких же досок. Соединенных невидимыми ветвями.

– Мишель, о чем ты задумался? – спрашивает Афродита.

Она машинально поглаживает морщинки у глаз, словно надеется, что ей удастся стереть их.

– О тебе, – отвечаю я.

– Я счастлива, что мне удалось спасти твою маленькую планету.

Но в ее голосе я слышу некоторое сожаление.

Я стараюсь снова ощутить Здесь и Сейчас. В этом Здесь и Сейчас я переживаю самое опасное приключение вместе с самой красивой женщиной. Одно только «но»: теперь физическая красота не имеет для меня никакого значения.

Важна только красота души. И сейчас моя душа связана с душой одной-единственной женщины в мире, с душой Дельфины.

Где бы я ни был, она со мной. В моем сердце.

– А нельзя ли обойти эту пещеру? – спрашивает Эдмонд Уэллс.

– Смотрите, – отвечает Орфей, – стены вокруг отвесные и гладкие. У нас просто нет выбора.

Мы долго пробираемся через сумрачный лес и выходим на небольшую площадку, похожую на губу, перед самым входом в пещеру. Снова поднялся туман, вокруг почти ничего не видно. Мы медленно идем вперед.

Едва мы приближаемся ко входу, как стая летучих мышей вылетает нам навстречу, задевая крыльями, заставляя распластаться на полу.

– Гостеприимно нас встречают, ничего не скажешь, – замечает Эдмонд Уэллс.

Запах серы и гнили волнами накатывает на нас. Орфей идет впереди. Он подбирает палку, обматывает ее лианами – показывает нам, как сделать факелы. Теперь мы можем освещать себе путь, продвигаясь вперед в пещере, свод которой поднимается на Двухметровую высоту. Орфей извлекает несколько звуков из своей лиры, чтобы понять, насколько просторны коридоры, и успокоить животных, которые могут там находиться. Музыка как оружие.

– Ты никогда не фальшивишь? – спрашивает его Эдмонд Уэллс.

– Фальшивая нота, сыгранная неумело, – это просто фальшивая нота. Фальшивая нота, сыгранная уверенно, – это импровизация.

Вода капает со сталактитов. Вдруг из коридора, уходящего вбок, доносится порыв ветра.

– Это настоящий лабиринт. Наверное, нужно было оставлять метки на стенах, чтобы потом выбраться из него, – замечает Эдип.

– Если это похоже на тот ад, в котором я был, – говорит Орфей, – выйти через вход не удастся.

– В любом случае, – замечает Эдмонд Уэллс, – выход, который нам нужен, находится наверху, так что нам все равно придется подниматься.

Афродита все-таки поднимает ком серы и чертит желтый крест на стене.

Мы идем дальше через анфилады пещер, которые соединены с другими анфиладами. Зловоние приобретает новые оттенки, летучие мыши, которые попадают на нас по дороге, становятся все более упитанными.

– Ты точно знаешь, куда нас ведешь? – спрашивает Афродита Орфея.

Он снова берет несколько нот, которые повторяет эхо.

В этот момент мы оказываемся на перекрестке, и видим желтый крест, который нарисовала Афродита.

– Мы заблудились, – горестно восклицает она. – Мы ходим по кругу.

– Нет, нет, здесь точно есть правильный путь, – говорит Орфей.

Мы выходим в новый туннель, который ведет наверх. Запах и цвет стен здесь другой. На стене опять желтый крест, но мы уверены, что еще не были здесь.

– Мне страшно, – шепчет Афродита, вцепляясь в мою руку.

Мы идем вперед, от одного желтого креста к другому, и вдруг видим, как следующий сам собой появляется на стене.

– Это дьявол!.. Он рисует кресты, чтобы заманить нас в ад, – с ужасом шепчет Афродита.

– Это кто-то в шлеме-невидимке Аида, – поправляет ее Эдмонд Уэллс, указывая на следы у стены, на которой появился желтый крест.

– Человек-невидимка!

– Люди-невидимки, – уточняю я, заметив, другие следы вокруг нас.

Мы понимаем, что окружены людьми, которые рассматривают нас, но мы их не видим.

Желтые отметины приводят нас в огромную пещеру, посреди которой протекает подземная река. У причала привязана длинная лодка, а в ней сидит кто-то в одежде венецианского гондольера. На нем шляпа с зеленой лентой, которая скрывает его лицо, и длинный плащ.

– Это Стикс, река мертвых, – бормочет Орфей, пряча лиру. Он вспоминает, что с ним случилось, когда он в прошлый раз был здесь.

– Или копия этой реки, – говорит Эдмонд Уэллс.

– Человек в лодке – это Харон, перевозчик мертвых, – еле слышно шепчет Афродита.

– И что мы будем делать? – беспокоится Эдип.

– Не время отступать, – говорит Орфей. – Слишком поздно. Продолжим наш путь. Посмотрим, куда он нас приведет.

Мы входим в лодку, и гондольер встает с едва слышным смешком. Он погружает длинное весло в воду, которая кажется плотней обычной воды. Лодка начинает скользить по реке, над которой стоит легкий туман.

Стикс.

Наша странная лодка со странным рулевым проплывает под сводами мрачных пещер. Повсюду сверху свисают сталактиты.

Вдруг течение становится более быстрым. Лодочник ведет лодку, лавируя между торчащими из воды сталагмитами. Время от времени тусклый свет падает на его лицо, и я вижу, как он улыбается.

Река разветвляется. На берегу притока сидят люди в лохмотьях и плачут. Эдмонд Уэллс напоминает нам, что это Коцит, о котором он писал в своей «Энциклопедии».

Коцит, первый приток, река плача.

Дальше еще один приток. По его берегам медленно по кругу бродят люди с потусторонним взглядом.

Лета, второй приток, река забвения.

Наша лодка скользит все быстрее по зеленым водам. Едкий удушливый запах. Новый приток – река, покрытая пятнами пылающего бензина. Люди на ее берегах корчатся, как от ожогов, их кожа свисает лохмотьями.

Флегетон, третий приток, огненная река.

Дальше Стикс течет между берегов, на которых дерутся люди. Они царапаются и кусаются, пинают друг друга ногами, таскают за волосы.

Стикс, четвертая, главная река, река ненависти.

Некоторые люди падают в зеленую воду и продолжают драться в воде, обдавая брызгами тех, кто остался на берегу. Дальше берег становится красным. Вокруг огромных костров одни существа в лохмотьях привязывают других к пыточным орудиям, утыканным гвоздями или к колесам для четвертования, волокут их к виселицам. Они вешают и подвешивают, избивают хлыстами, жгут и режут бритвами. Нас оглушают вопли.

Лицо нашего рулевого все еще скрыто шляпой, но мы видим, что он усмехается.

Красные берега остаются позади, начинается серая территория. Со

свода пещеры капает, будто пошел дождь.

Я поднимаю голову и вижу, что весь свод покрыт плачущими головами.

– Вот из этих слез и состоит Стикс, – говорит Орфей.

Я вглядываюсь в лица и, мне кажется, узнаю одного...

Люсьен Дюпре.

Богубийца.

Если он здесь, то, может быть, и Мата Хари тоже.

Я не могу удержаться и кричу:

– Мата!

Множество женских голосов отвечают мне:

– Я Мата! Я здесь!

– Нет, это я! Я здесь!

– Нет, здесь!

– Я Мата! Освободи меня отсюда!

– Нет, освободи меня!

– Сюда, сюда! Я твоя Мата! Пронзительные женские голоса воют вокруг. Харон усмехается, сидя на носу лодки. Его лицо скрывает тень огромной шляпы.

– Успокойся, – шепчет Афродита, – ее здесь нет. Я вырываюсь и продолжаю вглядываться в головы, висящие под сводами пещеры.

Наконец лодка причаливает, и Харон молча указывает, куда нам дальше идти.

Мы спускаемся по мрачной лестнице. Вокруг сильно пахнет гнилью. Желтые кресты, такие же, как тот, который нарисовала Афродита, появляются на стенах.

Невидимые существа снова здесь.

В пыли появляются следы. Мы идем вперед.

72. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ОРФЕЙ

Орфей был сыном фракийского царя Эагра и музы Каллиопы (Фракия находилась на территории современной Болгарии). Аполлон подарил юному Орфею семиструнную лиру. Юноша прибавил еще две струны – в честь девяти муз, сестер матери. Музы обучили Орфея всем искусствам, но более всего он преуспел в сочинении музыки, пении и поэзии.

Орфей был таким талантливым, что говорили, будто птицы умолкают, чтобы послушать его пение. Животные выходили из леса, чтобы полюбоваться на него. Волк лежал рядом с ком, лиса рядом с зайцем, и никто никого не пытался убить. Реки замедляли свой бег и рыбы выпрыгивали из воды, чтобы послушать Орфея.

Совершив путешествие в Египет, где его посвятили в мистерии Осириса, Орфей (его имя происходит от финикийского «аур» – свет, и «рофе» – исцеление и означает «исцеляющий светом») положил начало орфическим мистериям в Элевсине. Затем он вместе с аргонавтами отправился на поиски золотого руна. Своим дивным пением он придавал силы гребцам, умирал бурное море. Пением же он очаровал и усыпил колхидского дракона, охранявшего руно, когда помогал Ясону украсть сокровище.

После плавания с аргонавтами Орфей вернулся царство своего отца и взял в жены нимфу Эвридику. Однажды Эвридика, спасаясь бегством от преследовавшего ее пастуха Аристея, наступила на змею. Змея укусила нимфу, и та тут же умерла. Орфей, обезумев от горя, отправился на поиски жены в царство мертвых. Он пошел на запад и пел о своей погибшей любви.

Услышав эту печальную песню, деревья сжалились и указали ему дорогу, ведущую ко входу во владения Аида. Игрой на лире Орфей умиротворил свирепого Цербера и фурий, очаровал судей царства мертвых. Пока он пел, прекратились мучения умерших, обреченных на вечные страдания. Он так прекрасно играл, что Аид и Персефона разрешили ему забрать Эвридику в мир живых. Бог подземного мира поставил Орфею только одно условие: не оборачиваться, пока они с Эвридикой не увидят солнечный свет.

Эвридика пошла вслед за Орфеем по длинным коридорам, которые вели к выходу из царства мертвых, следуя за звуком лиры. Впереди уже показался свет, когда Орфей забеспокоился, не слыша шагов жены, и

обернулся посмотреть, идет ли она за ним. Один этот взгляд лишил его всего, чего он добивался таким тяжким трудом. Легкий ветерок коснулся его лба, как последний поцелуй.

Вернувшись во Фракию, Орфей продолжал хранить верность погибшей супруге, жил отшельником и пел о своей разбитой любви. Он отвергал любовь других женщин, и те в конце концов возненавидели его.

Эдмонд Уэлс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

73. ТАРТАР

Великолепный спуск.

Внизу лестница оканчивается изумрудным туннелем, стены которого покрыты барельефами.

Я узнаю это место. Нужно идти прямо, потом повернуть налево, – говорит Орфей.

Холодок пробегает у меня по спине. Я узнаю это место и эти слова.

Я видел это, когда путешествовал с Дельфиной в свое будущее. Как это все возможно? Как я мог предвидеть этот момент?

Эта мысль все больше волнует меня. Все это означает, что будущее где-то записано и в него можно заглянуть.

– У меня кружится голова, – едва слышно говорю я.

Я чувствую, что сейчас упаду в обморок. Афродита поддерживает меня.

– Что с тобой? Что происходит?

– Ничего. Просто де жавю. Ощущение, что это со мной уже было.

– Во сне?

– Нет, во время медитации. Эдмонд Уэллс подходит к нам.

– Что случилось?

– Мишелю кажется, что он уже здесь был.

– Как Орфей?

Все с любопытством смотрят на меня. Чтобы больше не думать об этом, я начинаю внимательно рассматривать барельефы, изображенные на них фигуры.

Война ангелов. Две армии. Сотни битв, победы, поражения, и ангелы вновь сражаются в небе над городами смертных, бряцая оружием.

– Армагеддон. Последняя битва ангелов света с ангелами тьмы, – говорит Эдмонд Уэллс, узнавший несколько эпизодов.

– Кто победил? – спрашивает Эдип.

– Мне кажется, что сражение все еще продолжается.

Мы идем дальше по изумрудному коридору, и невидимок вокруг нас становится все больше. Если мы останавливаемся, то на стене тут же появляется желтый крест, побуждая идти дальше. Иногда появляются даже несколько крестов сразу, словно невидимки теряют терпение.

И вот мы выходим в большой зал, в котором бок о бок стоят два черных трона. Большой и маленький. На том, что слева, сидит великан в

черной тоге. Ростом он не менее трех метров. Он очень бледен, черные волнистые волосы умащены маслом и спадают ему на лоб. Черные глаза блестят, как у наркомана. Черная тога отливает металлическим блеском.

Рядом с ним на троне сидит обычная женщина, она не выше 170 сантиметров и по сравнению с великаном кажется миниатюрной. Ее черная тога расшита золотым узором. На ней много разноцветных украшений, в том числе серебряный браслет с кусками нефрита.

– Добро пожаловать в мое царство, – говорит бледный великан. – Я – Аид. Я отправил за вами посланников, чтобы они проводили вас ко мне, и надеюсь, они вас не побеспокоили.

Он похож на Зевса, только моложе. И, честно говоря, красивее. Это нормально, ведь они братья.

– Хочу представить вам царицу Персефону, – объявляет Аид. – Благодаря ей весной на земле появляются растения.

– Вы – Зло! – выкрикивает Эдип.

– Зло?

– Мы знаем, что мы в аду! – продолжает Эдип. – В аду?

Аид улыбается.

– Это довольно примитивный взгляд на мое царство! Я думаю, что вы получили слишком много негативной информации обо мне.

Вы – 13-й бог, – говорит Эдмонд Уэллс. – 13-й аркан Таро, аркан смерти.

– А, вот, наконец, я слышу разумные слова. Я действительно связан со смертью... но разве в смерти не заложено возрождение? Посмотрите как следует на ваш 13-й аркан. На этой карте изображен скелет, который срезает все, что появляется над землей, чтобы молодая трава смогла прорасти. Так зима предвещает весну. Правда, Персефона?

– Нужно принять смерть, как то, что несет новую жизнь, – говорит женщина неожиданно пронзительным голосом.

– А все эти люди, которых мы видели, плачущие и стонущие головы на потолке? – спрашиваю я.

Аид качает головой.

– Они сами выбрали страдание. Удивительный парадокс... Ад – это понятие, изобретенное людьми, чтобы наказывать самих себя. Все, кого вы видели, добровольно перешли Стикс и сами выбрали страдание. Когда им надоест, они смогут уйти и вернуться к жизни как и где они захотят.

– Мы вам не верим! – отрезает Эдип.

– Как ни печально, это правда. Единственное, что их здесь удерживает, – их собственная воля быть наказанными. Вы недооцениваете

силу чувства вины.

– Я тоже вам не верю! – восклицает Афродита. – В человеческой душе не может быть такого стремления к саморазрушению.

– Кто это сказал? Это ты моя дорогая кузина? Аид встает и подходит к Афродите.

– Кажется, ты немного усохла? – И он дотрагивается до морщинок вокруг ее глаз. Афродита отталкивает его руку.

– Здесь души испытывают физические страдания, а ты заставляешь их страдать от любви, но ведь результат один и тот же, правда? Люди страдают.

Афродита не отвечает.

– Я повторяю: мы все свободны жить в мире без ада, но некоторые сами изобретают свой собственный ад, потому что хотят страдать. Ад существует только в воображении людей. И благодаря их страху, чувству вины и мазохизму.

Аид смотрит на нас не моргая. Персефона кивает, словно и сама не рада признавать, что ее муж прав.

– Вы хотите сказать, что они сами выбрали мучения, сами захотели быть замурованными в потолок, так, чтобы только голова оставалась снаружи? – недоверчиво спрашивает Эдмонд Уэллс.

Повелитель ада повторяет:

– Конечно. У мазохизма много причин. Вы ведь сами писали об этом в своей «Энциклопедии», профессор Уэллс. Вот одна из этих причин. Пока вы страдаете, вы живете более яркой жизнью, сильнее привязаны к реальности, сильнее чувствуете саму жизнь.

Аид делает знак, и невидимый слуга поднимает поднос. Нам кажется, будто он летит по воздуху. Бокалы поднимаются один за другим, наполняются каким-то бирюзовым напитком.

Я беру тот, который висит перед моим лицом. Мои спутники тоже берут бокалы, но медлят (все еще хорошо помнят выходку Пана), никто не решается попробовать напиток.

– Еще одно удовольствие для мазохиста – жалеть себя. Пока страдаешь, можешь демонстрировать это своим близким, чувствовать себя героем и мучеником, – продолжает Аид.

Он хлопает в ладоши, и вспыхивают факелы. Они плывут в воздухе, освещая картины, на которых изображены христианские мученики: их пожирают львы, подвешивают за ноги, избивают бичами, четвертуют.

– Во времена раннего христианства пришлось издать указ, запрещающий им самим доносить на себя. Они стремились разделить

мучения своего пророка. Не я придумал это. Это вы придумали.

Факел освещает изображения бичующих себя шиитов, испанских католиков-интегристов, избивающих себя ремнями, утыканными гвоздями, бородатых голых индийцев, у которых с пениса свисает и раскачивается привязанный на веревке камень. В Индонезии люди с безумным взглядом под звуки тамтама протыкают себе тело копьями. Дальше появляются более современные изображения: рокеры-готы с пирсингом, от которого на их лицах не остается живого места, панки, танцующие на бутылочных осколках. Африканцы, которые делают себе ритуальные надрезы на коже, женщины, которые вырезают кричащей девушке клитор, человек на арене цирка, который запихивает себе в горло шпагу, люди, которые ходят по раскаленным углям под одобрительные крики толпы.

Мы не хотим смотреть на шокирующие картины мира, который нам слишком хорошо известен.

– Вы хотите сказать, что зла не существует? А есть только недостаток любви к себе самому? – с интересом спрашиваю я.

Голос Аида становится все громче. Он чеканит каждое слово, будто устал повторять одно и то же:

– В ваших несчастьях виноваты только вы сами. Вы придумали их и осуществили собственными руками!

Потом, уже тише, продолжает:

– Вы так суровы к себе... Всем, кто приходит сюда, я предлагаю проявить снисхождение к самим себе, простить себя за плохие поступки, которые вы совершили в прошлой жизни. Но они не слушают меня и не находят для себя никаких оправданий.

На лице Аида грустная улыбка, полная сострадания.

– Мне нравится рассказывать о моей миссии. Вы так привыкли судить все и всех, что судите и меня, так называемого дьявола. Для вас я главный злодей, в то время как по-настоящему злы именно вы. Ну, задавайте вопросы.

– Почему весь мир не может быть добр? – спрашиваю я.

– Отличный вопрос. Вот и ответ. Потому что если мир будет только хорош, не будет никакой заслуги в том, что и вы поступаете хорошо. Помните историю, которую рассказывает Эдмонд Уэллс в «Энциклопедии»? О светлячке, который спрашивает отца: «Тебе нравится, как я свечу?» А отец отвечает: «Здесь слишком много света от других, поэтому я не вижу, как ты светишь». Тогда светлячок спрашивает: «Что же мне сделать, чтобы ты меня увидел?» И отец отвечает: «Лети во тьму». Светлячок улетает в темноту, отец наконец видит его и говорит: «Сынок, ты

прекрасно светишь». Но тут светлячок понимает, что его со всех сторон окружает тьма, и кричит: «Отец, почему ты меня оставил?» Аид берет бокал, медленно потягивает бирюзовый напиток.

Персефона кивает, и грустно говорит:

– Ты прав, дорогой.

Она берет мужа за руку, нежно целует ее. Она обращается с ним, как с прирученным медведем. Афродита, словно в ответ, прижимается ко мне.

– Еще вопросы, друзья мои?

– Почему существуют серийные убийцы? – спрашивает Эдип.

– Замечательный вопрос. Потому что раньше (да и сейчас) у них была особая миссия. Выслушайте меня, это, конечно, всего лишь точка зрения «дьявола», но и она чего-нибудь стоит. Человеческое общество устроено, как муравейник. У всех его членов вполне определенная задача. Раньше государствам были нужны агрессивные и энергичные полководцы. Они вырастали из злых, агрессивных «детей гнева», детей, которых били в детстве. Ребенок, которого бьют, зол на весь мир, и все свои силы он отдаст на то, чтобы отомстить. Когда он вырастет, то станет военачальником-чудовищем. И превзойдет жестокостью других полководцев, психику которых не подорвали в детстве.

– Это значит, что общество порождает жестоких родителей, чтобы получить «детей гнева», которые нужны для того, чтобы воевать? – изумляется Эдип.

– Совершенно верно. Проблема в том, что в современном мире уже не нужно сражаться за передел границ, завоевывать новые земли. «Дети гнева», которые хотят убивать, уже не могут стать полководцами-завоевателями. Вот так появляются серийные убийцы.

– Но не все же, кто получили в детстве травму, становятся убийцами! – замечая я.

– Да, энергия ненависти может находить разные выходы. Психозы и неврозы трансформируют личность таким образом, что человек становится способен на то, на что не способны другие, на то, о чем нормальные люди даже помыслить не могут. Как вы думаете, неужели Ван Гог отдавался бы с такой страстью поиску цвета, если бы не был сумасшедшим?

– Это довольно своеобразная точка зрения, – говорит Эдмонд Уэллс. – Стало быть, вы утверждаете, что только невротическая личность способна на смелые художественные эксперименты?

– Именно так.

– Но есть же нормальные, счастливые, спокойные люди, которые создают необыкновенные произведения.

Аид удивленно поднимает брови.

– Да? И кто же это?

– Ну, если брать примеры с Земли-1, то Моцарт, например.

– Очень жаль, но вы не были с ним знакомы. А я был. Он был совершенно чокнутый. В юности его подавлял отец, который превратил его в некое подобие ученой обезьянки и заставлял выступать перед аристократами и монархами. Моцарт всю жизнь страдал от расстройства психики. Все свое состояние он проиграл в карты.

– Леонардо да Винчи?

– В 19 лет его собирались сжечь на костре за гомосексуализм. У него тоже были большие проблемы с отцом, который искалечил ему психику.

– Жанна Д'Арк?

– Религиозная фанатичка, одержимая галлюцинациями.

– Король Людовик Святой?

– Святой? Да он был убийцей. Он создал себе репутацию «доброго короля», наняв в официальные биографы монаха Эгеларта, напичкавшего свои писания пропагандой. Людовик был животным, холериком, он устраивал бойни и резню, чтобы грабить тех, чьему богатству он завидовал. Никогда не путайте человека с легендой о нем.

– Бетховен?

– Властный отец превратил его в агрессивного параноика. Позже он украл сына у своей невестки и заставлял его стать музыкантом, пока тот не попытался покончить с собой. У него случались чудовищные припадки гнева, он был властным и деспотичным. Совершенно не выносил, когда с ним спорили.

– Микеланджело?

– Шизофреник. Мания величия. По ночам он переодевался в женскую одежду, потому что неуютно чувствовал себя в облике мужчины.

– Ганди? Не будете же вы утверждать, что Ганди был невротиком?

– У него была ригидная психика. Он считал, что только ему известна истина. Никого и ничего не желал слушать. Тиранил жену, не выносил возражений.

– Мать Тереза?

– Заботиться о других – один из способов спрятаться от себя. Я думаю, вы видели немало таких людей в Империи ангелов. Она не только бежала от себя, но и, как вы заметили, заботилась только о бедных. Проще решить проблемы с жильем и пропитанием для бедняка, чем возиться со сложными душевными состояниями состоятельных людей или политиков.

Я действительно помню одну удивительную вещь о матери Терезе,

когда увидел ее в Империи ангелов. Ей пришлось постигать секреты биржевых операций и тайны пластической хирургии, потому что все трое ее подопечных оказались богачами.

Эдмонд Уэллс резко говорит:

– Все это речи дьявола. Вы хотите очернить белое. Люди, о которых вы говорили, святые.

Но Аид не дает сбить себя с толку.

– Большинство этих ваших «святых» явились сюда, чтобы очиститься от грязи, хотя смертные, которые находятся на 3-м и даже 4-м уровне, считают их святыми. Я видел, в какой ужас они приходили, обнаружив, что мы все знаем об их истинной жизни. Я пытался убедить их в том, что им следует простить себя. У меня ничего не вышло. И тогда я предоставил в их распоряжение пыточные залы, и они потребовали для себя самого жестокого наказания.

– Мы вам не верим! – воскликнул Эдмонд Уэллс.

– Здесь не только святые, которых вы считаете образцом для подражания. Здесь и ваши лидеры. Вы бы удивились, узнав, сколько глав предприятий еще до того, как они попадают сюда, посещают садомазохистские клубы на Земле-1. Они так себя истязают, что даже мне это кажется чересчур. Видимо, они это делают, чтобы подготовиться к загробной жизни. Они стремятся загладить свою вину. Ведь они знают, каковы они на самом деле.

И он снова снисходительно усмехается.

– А вы сами, Эдмонд Уэллс, чью «Энциклопедию» читаю и я, и многие другие? Разве вы не говорили, что, выбирая момент и форму страдания, получаешь ощущение, что сам управляешь своей судьбой?

Аид цитирует по памяти:

– Вы писали: «Мазохист думает, что с ним не может произойти ничего страшнее боли, и сам себя истязает. Таким образом он поддерживает в себе уверенность, что распоряжается собственной жизнью. И потом, после этих сеансов в закрытых клубах он начинает проявлять садизм по отношению к подчиненным».

Бог ада устало машет рукой.

– Что касается меня, я, конечно, держу небольшое подземное предприятие, я – исключение. Я очень люблю себя, по крайней мере неплохо лажу с собой. Нужно сказать, что любовь Персефоны очень мне в этом помогает...

Персефона снова берет его руку и покрывает ее поцелуями.

– Вы отвратительны.

– Вы судите. Я нет. Я совершенно ничего не имею против вас. Честное слово. Все эти истории о дьяволе – просто клевета, басни, чтобы пугать детей и сохранить власть священников. Когда же вы, наконец, это поймете?

Аид направляет свой скипетр на экран, и на нем появляются снятые скрытой камерой берега Стикса, где обнаженные люди истязают друг друга.

– Вы видите где-нибудь здесь дьявола, чертей? Видите палача? Если бы это зависело только от меня, я давно бы уже простил всех этих грешников. Правда, Персефона?

– О, конечно, дорогой.

И она печально смотрит на него.

– До того, кто не желает слушать, докричаться невозможно. Я мечтаю о том, чтобы этого места вовсе не существовало, чтобы эти люди снова родились на свет, стали младенцами, чтобы жизнь за жизнью учиться новому.

– Вы лжете!

– Вы опять судите меня. На самом деле я мечтаю отойти от дел. Но миру необходим черный цвет, чтобы белый был заметнее. Правда?

– Да, дорогой! Ты ведь даже один раз попытался забастовать!

– Да, один раз. Я предложил закрыть это место страданий. Все на Эдеме были согласны, даже Зевс. Но души мертвых возмутились: «И речи быть не может о том, чтобы закрыть ад, он нам необходим». О, как снисходительны боги, как жестоки смертные!

Мы не можем отвести глаз от экрана. Мы начинаем привыкать тому, что видим. Ко всему можно привыкнуть.

– Все души находятся здесь по собственному желанию и в любой момент могут покинуть это место, – напоминает Аид.

– Неправда! Эвридика не смогла уйти отсюда, потому что я обернулся, – возражает Орфей.

– Это был ее выбор, только ее. «Если он обернется, значит, он не доверяет мне, хотя я так сильно люблю его. Тогда я лучше останусь здесь».

Орфей кидается на Аида, но тот удерживает его.

– Я не верю вам!

– Потому что ваше чувство вины слишком сильно. Я растерянно бормочу:

– Скажите...

– Я знаю, что вы хотите спросить. Вы хотите знать, здесь ли находится Мата Хари.

И улыбается вместо ответа. Аид считает, что мы достаточно

насладились зрелищем страдающих людей, и выключает экран. Он приглашает нас к себе в гостиную.

– Я вижу, что вы не решаетесь попробовать моего напитка, и хочу угостить вас обычным чаем с мятой.

Снова вокруг нас начинают летать предметы, чай наливается из заварочных чайников в чашки, которые подплывают к нам по воздуху. Мы пробуем.

– Какое нас ждет испытание? – спрашивает Эдмонд Уэллс.

– Испытание?

– Да, что мы должны сделать, чтобы продолжать свой путь?

– Не будет никакого испытания. Пойдете по этому туннелю, он приведет вас на вершину горы.

– Никакого испытания? Великан в черной тоге повторяет:

– Разумеется, никакого испытания. Я всегда считал, что единственное испытание – это необходимость сделать выбор. Все получают именно то, чего хотят. Проблема в том, что все обычно ошибаются в выборе желания. Вы ведь заметили это, когда были ангелом? Как говорит Эдмонд Уэллс...

Эдмонд сам заканчивает фразу:

– Люди стараются сократить свои страдания вместо того, чтобы увеличить счастье.

– Именно так! Браво! В этом все дело. Вы придумали концепцию, и теперь цепляетесь за нее, не желая проверить на практике. Вот, что действительно мешает вам встретить Творца. Нужно быть счастливым и не ошибиться в выборе желания.

– Вы не ответили мне, – снова обращаюсь я к Аиду, с трудом сдерживая нетерпения, – здесь ли находится Мата Хари?

Аид грустно смотрит на меня.

– Вот так люди сами строят свое несчастье. Задают плохие вопросы, на которые приходится давать плохие ответы... Которые лучше бы вообще не слышать.

– Она здесь? – почти кричу я.

– Да, конечно. Она здесь. Мое сердце подсказывает.

– И я могу забрать ее с собой?

– Опять плохой вопрос. И плохой ответ: да, можете.

– Постойте! – возмущается Орфей. – Неужели вы и с ним поступите так же, как со мной?

Аид прижимает палец к губам.

– Я даже не подумал об этом, но теперь, когда эта идея прозвучала вслух, я обязан поступить соответствующим образом. Итак, вот ответ на

третий плохой вопрос: «Теперь у меня нет выбора, вы сами подсказали мне идею».

Я накидываюсь на Орфея:

– Ты что, не мог помолчать? Персефона говорит:

– Как бы то ни было, сами обитатели ада назначают себе наказание и условия освобождения.

Юная царица в черной тоге выглядит расстроенной.

– Правда, дорогой? Аид кивает.

– Нет! – восклицает Афродита. – Не делай этого, это ловушка!

– Если у меня есть хоть один шанс спасти Мату Хари, я воспользуюсь им.

Аид обреченно пожимает плечами.

– Как хотите. Что ж, светлячок, если вы хотите лететь во тьму, чтобы узнать, насколько ярок ваш свет... Тогда идите за мной, Мишель. В вашем имени зашифрован вопрос, поэтому вполне естественно, что вы хотите все знать.

Он залпом допивает свой странный напиток и с каким-то странным весельем увлекает за собой к серой двери.

74. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТРОЙНОЕ СИТО

Один человек пришел к Сократу и спросил:

– А знаешь что мне сказал о тебе твой друг?

– Подожди, – остановил его Сократ. – Просей сначала то, что собираешься сказать, через три сита.

– Три сита?

– Прежде чем что-нибудь говорить, нужно трижды просеять это. Во-первых, через сито правды. Ты уверен, что то, что ты скажешь, правда?

– Нет. Просто я слышал...

– Очень хорошо. Значит, ты не знаешь, правда это или нет. Тогда просеем через второе сито – сито доброты. Ты хочешь сказать о моем друге что-то хорошее?

– Нет! Напротив!

– Значит, – продолжал Сократ, – ты собираешься сказать о нем что-то плохое, но даже не уверен, что это правда. Попробуем третье сито – сито пользы. Так ли уж необходимо мне услышать то, что ты хочешь рассказать?

– Нет, в этом нет необходимости.

– Итак, – заключил Сократ, – в том, что ты хочешь сказать, нет ни доброты, ни пользы, ни необходимости. Зачем тогда это говорить?

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

75. ЧЕРНЫЙ ТЮЛЬПАН

Пара в черных тогах ведет нас к ущелью. Внизу мы видим голландскую мельницу посреди поля черных тюльпанов. Из трубы идет дым, вокруг на голых Деревьях сидят вороны.

Мата Хари рассказывала мне о своем детстве в Голландии, когда она жила в городке Леуварден среди тюльпанов, плотин и мельниц.

– Она сама придумала, как будет выглядеть место, где она теперь живет, – говорит Персефона.

Меня начинают одолевать плохие предчувствия. Я переступаю порог мельницы, крылья которой скрипят где-то наверху, хотя ветра нет. Внутри все затянуто паутиной, покрыто пылью.

На стене я вижу свои портреты, вокруг мои скульптуры и фотографии. На столе грязные тарелки с кусками заплесневевшего сыра.

Аид кладет мне руку на плечо и грустно улыбается. Похоже, что он действительно сочувствует мне.

– Она очень вас любит и решила страдать, окружив себя вашими изображениями.

– Где она?

– Спит в соседней комнате. Я разбужу ее, и она выйдет. Она будет держаться за один край этого платка, а вы за другой, и вы поведете ее из моего мира. Но при одном условии. Таком же, какое было у Орфея. Если вы обернетесь или попытаетесь заговорить с ней, вы навсегда потеряете ее. А если вам удастся вывести ее отсюда, вы навсегда будете вместе.

– Я не обернусь и не заговорю с ней, – решительно заявляю я.

Я думаю о Дельфине. Чувствую себя, как моряк, у которого в каждом порту по девушке. В каждом мире у меня есть любимая. И в любви, которую я испытываю к ним, нет ничего противоречивого.

Я люблю Дельфину. Я люблю Мату Хари. По-своему я люблю даже Афродиту. Так же, как я любил Амандину и Розу, когда был смертным. Все они чему-то учили меня, открывали мне что-то новое. Но мне нужно было усвоить только один урок.

Здесь и Сейчас я действительно хочу спасти Мату Хари. И я люблю Дельфину.

Я иду вперед.

Аид говорит Персефоне.

– Ад – это их собственные желания, – шепчет он. – Они так...

смехотворны.

Я делаю вид, что не слышал этого. Встаю перед дверью, и Аид подает мне платок.

– Когда почувствуете, что кто-то взялся за другой конец, можете идти вперед. Пойдете прямо.

Он указывает в сторону изумрудного туннеля.

– На другом его конце выход, который ведет на вершину горы. Я пойду с вашими друзьями и буду ждать вас там.

Я сжимаю платок в руке. У меня странное ощущение, что вокруг разыгрывается какой-то фокус и вот-вот на нас свалится сюрприз, которого никто не ждал. Я терпеть этого не могу.

Однако желание вновь обрести Мату Хари сильнее, чем отвращение к дурацким розыгрышам, на которые вполне способен дьявол. Я долго жду, держа платок за спиной.

Вдруг я чувствую, что у меня за спиной кто-то есть. Чья-то рука цепляется за платок.

Мне очень хочется заговорить, но я сдерживаюсь. Всего несколько минут, и я снова увижу Мату Хари.

Я уже думаю о том, как она будет ревновать, увидев Афродиту, но я нисколько не колеблюсь – я выйду отсюда с той, которая важнее для меня. По крайней мере, в этом мире.

Мата.

Я иду, и мое сердце отчаянно колотится.

Сзади я слышу тихие шаги. Я вступаю в длинный изумрудный туннель, выход из которого сияет впереди, как свет маяка.

Какое счастье, что она здесь, а не превратилась в немую музу (как Мэрилин Монро) или сирену (как отец Рауля). Только бы не поддаться любопытству, как Орфей. Пусть его поражение послужит мне уроком.

Мы идем, и мне кажется, что сердце вот-вот выскочит у меня из груди.

Тот, кто идет позади, следует за мной в том же темпе.

Я думаю о том, что если она оказалась здесь, значит, хотела наказать себя за что-то. Но за что?.. Мата Хари была жертвой. Она никогда никому не причинила зла.

Вдруг происходит что-то неожиданное. Шаги за моей спиной становятся все медленней, платок опускается ниже.

Я продолжаю идти. До выхода не больше сотни метров.

Платок опускается все ниже, шаги сзади становятся все мельче и чаще.

Что происходит?!

Наверное, она наклонилась.

Мне ужасно хочется заговорить с ней.

Платок опускается еще ниже. Вдруг он касается земли. Шаги останавливаются.

Неужели она упала без сил?

Я так хочу спросить ее, что случилось.

Мата! Вставай, мы почти пришли!

Я прикусываю язык, чтобы случайно не обратиться к ней, держу себя за шею, чтоб ненароком не обернуться.

Я слышу позади плач, но это не голос Маты Хари.

За мной идет не Мата Хари!

Я не выдерживаю и оборачиваюсь.

76. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: АПОФЕОЗ

Апофеоз – это действие, в результате которого человек становится богом (теос.).

В Египте фараоны считали, что их предшественники становились богами после смерти. Они участвовали в обряде, который назывался апофеозом, полагая, что это позволит им стать богами еще при жизни, стать «живыми богами».

В Греции обожествляли героев, основателей городов; они становились божествами, существами, наделенными магической силой. Например, Геракл, простой смертный, стал богом и назвал город в свою честь – Гераклион. Александр Великий был обожествлен после смерти. Иногда такой чести удостоивались великие поэты, такие как Гомер.

У древних римлян существовал свой, особый ритуал обожествления. Процессия, состоявшая из сенаторов, магистратов, профессиональных плакальщиц, актеров в масках предков и шута, изображавшего умершего, сопровождали тело покойного на костер. Перед тем как предать тело огню, отрезали один палец, чтобы на земле осталось что-то от умершего. Затем тело сжигали, и выпускали на волю орла, который должен был проводить душу покойного в царство богов.

Юлий Цезарь был первым римлянином, удостоившимся официального апофеоза сразу после того, как был убит, в 44 году до н. э. Позже римский сенат принял решение, что обожествлению подлежат все последующие императоры.

В изобразительном искусстве апофеоз – это изображение человека в окружении богов.

Автор статьи: Дельфина, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

77. ГОРА

Я вижу маленькую девочку. Ей, должно быть, всего несколько месяцев. Она пускает слюни и хнычет. Но мне кажется, что в ней есть отдаленное сходство с Матой Хари.

Аид подходит ко мне и говорит:

– Ты проиграл.

– Но... но... – бормочу я. – Почему она превратилась в младенца? Мы так не договаривались!

Бог в черной тоге с огорчением качает головой.

– Она так решила. Она хотела быть уверена, что вы любите ее душу, а не тело. И она решила превратиться в младенца, чтобы узнать, достаточно ли сильно вы привязаны к ней, чтобы забрать с собой, даже если она превратится в ребенка.

– Ну да... Конечно... Разумеется, я оставил бы ее у себя.

Я бросаюсь к младенцу и прижимаю крошечную девочку к груди.

Аид забирает у меня ребенка.

– Слишком поздно. Вы могли бы ее забрать, если бы продержались до выхода из туннеля. Таков был договор. Теперь она вернется в ад, к себе на мельницу, или снова родится на свет, если сама захочет. Люди всегда могут сами решить, что станет с их душой. В этом причина всех наших проблем – свобода выбора.

Я оборачиваюсь к младенцу, вставшему на четвереньки, который смотрит на меня широко раскрытыми удивленными глазами. Я хочу забрать его, но Аид преграждает мне путь.

– Примите свое поражение достойно. Я протягиваю руки к ребенку.

– Мата! Умоляю тебя! Я проиграл, но ты не должна оставаться здесь. Ты заслуживаешь новой жизни.

Возвращайся на Землю-1, Землю-18, Землю-1000, куда угодно, в каком угодно обличье, но не оставайся здесь. Это тупик!

Аид кладет мне руку на плечо, его невидимые слуги хватают меня, чтобы помешать вернуться к ребенку.

– Прошу вас, не оскорбляйте мое царство. Она должна выбрать сама. Она хочет остаться здесь и мучить себя воспоминаниями о вас. Вы можете давать ей совет, но не можете решать за нее. Если вы сами не смогли правильно использовать свободу выбора, то по крайней мере научитесь уважать свободу других.

Я смотрю на ребенка.

– А если бы я не обернулся?

– Вы вышли бы наружу с девятимесячным ребенком на руках. Я думаю, Мата Хари хотела убедиться, что вы ее любите, независимо от того, как она выглядит и сколько ей лет. Поэтому она и подвергла вас этому испытанию. Сколько я видел людей, искалечивших себя только для того, чтобы проверить любовь того, кто пришел вывести их из ада. Какое странное желание – получать доказательства, правда? Мне кажется, любовь не нуждается в том, чтобы ее доказывали. Ты согласна, Персефона?

– Да, дорогой.

Я подавляю растущий гнев. Я понимаю, что Аид ни в чем не виноват. Все это вышло из-за того, что Мата Хари боялась, что я люблю ее тело, а не душу.

Я вырываюсь из рук Аида и его слуг и хватаю ребенка.

– Я любил бы тебя, даже если бы ты была грудным младенцем, – плачу я.

Мата Хари что-то лепечет с вопросительной интонацией. Потом снова пускает слюни.

– Она понимает, что я говорю?

Аид забирает у меня ребенка. Его слуги снова хватают меня.

– Разумом – нет. Ведь это девятимесячный ребенок. Но ее душа, конечно, понимает.

– Мата, родись снова, и я найду тебя! Младенец что-то лепечет. Аид, кажется, понимает, что она говорит. Он переводит.

– Мата Хари услышала вас. Она говорит, что однажды вернется.

Ребенок снова издает какие-то звуки.

– Она говорит, что хотела бы, чтобы вы стали... ее отцом.

Мата Хари опять лепечет, Аид прислушивается и начинает смеяться.

– Нет, она говорит, что хотела бы, чтобы вы стали ее матерью! Сколько сложностей с людьми!

Я стою как оглушенный новым испытанием, которому подвергается моя душа. Найти ту, которую любишь, увидеть, как она на твоих глазах за пять минут превращается в младенца, да еще хочет, чтобы ты стал ее матерью!

Ребенок снова что-то бормочет, и Аид удивленно говорит:

– Она хочет стать мальчиком. Потому что хочет клеить девчонок. И еще...

Лепет Маты Хари.

– И еще хочет, чтобы вы, когда станете ее матерью, обязательно

кормили ее грудью. Это очень важный опыт слияния двух живых существ.

Аид ведет меня к выходу из туннеля.

– Важна только душа. Телесная оболочка – всего лишь сосуд.

Я чувствую, что подвергся обработке тринадцатым арканом: голова и руки отрублены, и я готов дать жизнь чему-то новому в новой земле.

Я кричу, оборачиваясь:

– Дельфина беременна! Она должна быть на шестом месяце! Ты можешь прийти к нам!

Персефона подталкивает меня к выходу.

– Она слышала вас. Теперь ей решать. Дайте ей сделать свой выбор. Уважайте ее свободу.

Я покоряюсь.

Когда я выхожу на поверхность, Афродита берет меня за руку. Она боялась потерять меня, боялась, что Мата Хари заберет меня.

Аид и Персефона указывают нам дорогу, которая ведет прямо вверх. Мы поднимаем головы и смотрим на вершину Второй горы, которая теперь кажется гораздо ближе, хотя и скрыта в тумане.

78. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: КЛОУНЫ

Похоже, что во все времена были люди, которые занимались тем, что смешили других людей.

В греческой мифологии Мом – это шут, развлекавший богов на Олимпе. Первые упоминания о шутах встречаются у древнегреческого историка Прискуса. Он пишет, что при Аттиле состоял человек, который был обязан развлекать его гостей во время пиров. Позже в счетах французских королей мы находим статью расхода: «на шутов».

Среди самых знаменитых французских шутов назовем:

Трибуле, придворный шут Людовика XII и Франциска I.

Брюске, скверный лекарь, отправивший на тот свет немало своих пациентов. Его приговорили к смерти, но Генрих II помиловал его и взял к себе на службу, чтобы тот веселил его. Потом Брюске заподозрили в том, что он стал протестантом, и он был вынужден бежать.

Николя Жубер, шут Генриха IV. Его называли «принцем глупцов».

Л'Анжели, конюх принца Конде. Однажды на ужине у принца его увидел Людовик XIII и нашел столь уморительным, что потребовал к себе во дворец. Жертвами шуток Л'Анжели становились все без исключения. Придворные наперебой подкупали его, чтобы только он не высмеивал их. Л'Анжели умер богачом.

В Англии Арчибалд Армстронг был шутом короля Якова I. Его называли Арчи. После смерти своего господина он перешел на службу к архиепископу Кентерберийскому, которого в конце концов так возненавидел, что напечатал памфлет против него.

В те же времена возникло и слово «клоун». Оно происходит от английского соид – неуклюжий.

Вероятно, первые клоуны появились в Средние века и выступали в конных цирках. Они выходили к зрителям, когда публика начинала скучать. Одному владельцу цирка пришла в голову мысль нанять крестьян, которые не умели скакать на лошадях и все время падали. Таким образом, он хотел подчеркнуть мастерство своих наездников. Идея понравилась и вскоре прижилась во многих цирках. Клоуны были, как правило, бедняками и пьяницами, отсюда и красный нос, которым традиционно украшена их физиономия.

Тандемы клоунов, например «белый клоун» (белый грим, остроконечная шапка) – «рыжий» (Август, бродяга в одежде, которая ему

велика), возникли несколько позже. Белый клоун серьезен, рыжий – его помощник. Над белым клоуном никто не смеется, все хохочут над Августом, который пытается подражать своему другу, но у него ничего не получается, он все ломает и портит.

Подобные пары мы видим в пантеоне индейцев навахо из Новой Мексики и Зуниса. У них божество, напоминающее рыжего клоуна, является самым важным и могущественным.

Кстати, в алхимии «шут» – это символ, обозначающий растворяющую субстанцию, которая позволяет перейти к разложению и черной стадии.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

79. К ВЕРШИНЕ

Склон, по которому мы поднимаемся, очень крутой. Воздух становится разреженным, идти все тяжелее.

Мы долго перелезаем с карниза на карниз. Земля-18, которую я несу в рюкзаке, становится все тяжелее. Многие километры нести за плечами целый мир, пусть даже такой, который помещается в шкатулку, утомительно. Я вспоминаю об Атланте. Теперь я сочувствую ему.

Но для меня это не просто мир. Там находятся все мои чаяния и надежды.

Дельфина.

Ребенок, который должен родиться.

Мои новые друзья.

И я с новыми силами иду вперед. Тропа, петляющая между скалами, исчезает, и нам приходится самим прокладывать себе путь. Впереди идет Орфей, он расчищает дорогу от растений. Дышать все труднее, становится холодно.

Никто из нас не произносит ни слова, только пар вырывается из ноздрей и приоткрытых ртов.

Впереди вершина, окутанная туманом, покрытая снегом, ледники сползают вниз, как крем с торта.

Через некоторое время мы выбираемся на ровную площадку, и Эдмонд Уэллс предлагает передохнуть.

Я не ошибся, когда рисовал остров. Он действительно треугольный, с узкой вершиной там, где находится Первая гора.

– Теперь мы, по крайней мере, знаем, что гор две, а не три, – говорит Эдмонд Уэллс. – После того как мы поднимемся наверх, на другую лезть уже не придется.

Черный дым поднимается из-за Первой горы. Все мы думаем об Олимпии, охваченной войной.

– Они полагают, что сражаются, чтобы победить. Это не так. Они сражаются, чтобы уничтожить друг друга. Хуже всех придется тем, кто умрут последними, – говорит Эдмонд Уэллс.

– А, это ваша знаменитая теория апоптоза?

– Мы сами, когда были богами, бросали одних своих смертных, чтобы другие могли победить. Вспомни, Мишель, когда наш корабль отплыл, увозя с собой последнюю надежду... Муравьи тоже иногда жертвуют

своими солдатами, чтобы королева могла бежать.

Черный дым поднимается в небо без остановки.

– Наверное, вся Олимпия охвачена огнем и залита кровью.

Сморкмуха садится мне на палец, словно чтобы напомнить о себе.

Когда мы подходим к границе первого ледника, уже темнеет. Идти становится еще труднее. Одежда не спасает нас от холода. Тоги липнут к телам, покрытым ледяным потом. Несмотря на то что я полностью погрузился в свои мысли, Афродита продолжает держаться рядом. Когда наступает ночь, мы решаем сделать еще одну остановку.

Наши анкхи разрядились, когда мы отбивались от волков, и мы разводим огонь при помощи огнива.

Эдип удивительно ловко справляется с этой задачей. Он высекает искру, поджигает кусок ткани, ткань кладет на кучу хвороста. Костер разгорается. Становится тепло, к нам возвращаются силы.

Вдруг Орфей указывает вверх, привлекая наше внимание к странному явлению. В небе над нами проступили тонкие белые буквы. Они едва заметны, но мы успеваем разобрать.

Мы снова усаживаемся у костра. Все взволнованы.

– Что вы видели?

– Буквы, перевернутые наоборот. Если прочесть, получается «АНЙ», – говорит Орфей.

– Нет, скорее «ГОВ», – поправляет его Афродита. Мне же показалось, что я видел «ОВ А».

Мы переглядываемся в недоумении.

– Это коллективная галлюцинация, – говорит Эдмонд Уэллс. – Иногда звезды, на которые мы смотрим сквозь облака, меняют форму. Несколько звезд рядом могут показаться прямой или изогнутой линией. И мы додумываем все остальное.

– Это было просто северное сияние. Эта планета такая маленькая, что северное сияние тут происходит прямо в горах.

Чтобы разрядить обстановку, Эдмонд Уэллс берет горящую ветку.

– Это напомнило мне шутку Фредди Мейера. Астроном находит в небе планету. Он тратит все деньги на покупку необходимого оборудования и начинает изучать планету, отдавая этому занятию все свои силы. Умирая, он умоляет сына продолжать изучение этой планеты. И тот выполняет просьбу отца, покупает все более мощные телескопы и наблюдает за небесным телом. И однажды ему удается как следует рассмотреть поверхность планеты. Он замечает на ней какие-то линии. Ему кажется, что они похожи на буквы. Они складываются в слова. И он читает фразу: «Кто

вы?» Тогда сын ученого сообщает об этом во все обсерватории мира. И все астрономы направляют телескопы на эту планету. Событие всемирного масштаба.

Мы слушаем, затаив дыхание. Эдмонд Уэллс продолжает:

– Ученый подтверждают: какие-то разумные существа написали огромными буквами фразу, которую видно с другой планеты, да еще и на понятном нам языке.

ООН собирает всемирную ассамблею, чтобы придумать достойный ответ. В пустыне Сахара бульдозеры выкапывают огромные борозды, из которых складываются слова: «Мы земляне». И все жители планеты Земля припадают к телескопам, ожидая ответа. Действительно, вскоре на далекой планете начинается какое-то движение, словно там стирают бульдозерами первую надпись, чтобы написать другую.

– И что же они написали?

– «Мы не вас спрашивали».

Мы столько пережили, что эта шутка отлично разряжает обстановку. В этом и заключается сила юмора. Она позволяет на все взглянуть со стороны.

Афродита прижимается ко мне. Я люблю ее золотыми волосами, смотрю в ее изумрудные глаза. Она стала немного меньше ростом, чуть постарела, устала, но все равно так прекрасна, что никто не может устоять перед ее чарами.

– Поцелуй меня, – просит она. – Пожалуйста. И я целую ее.

– Мне кажется, что скоро мы узнаем нечто, что не доставит нам особой радости, – говорит она.

– Я не боюсь встретиться с Творцом. Афродита хмурится.

– У меня какое-то предчувствие. Эдмонд Уэллс подходит к нам.

– Что стряслось, голубки? Если замерзли, подсаживайтесь ближе к огню.

– Афродита боится того, с чем мы можем встретиться там наверху.

К нам подходят и все остальные.

– Ты боишься Великого Бога? Он, наверное, похож на Зевса, только больше, красивее, сильнее, – говорит Орфей.

– Это чересчур примитивное представление о Творце, – отвечает ему Эдип. – Мы то и дело представляли, как встретимся ним, и все время ошибались.

– И очень хорошо, – вмешивается Эдмонд Уэллс. – Я буду очень разочарован, если окажется, что он выглядит именно так, как я представлял.

Я снова задаю вопрос, который меня всегда интересовал:

– А чтобы вы попросили у Бога, если бы встретились с ним?

– Я бы хотела узнать, почему он задумал секс между людьми таким сложным, – говорит Афродита.

Эдмонд Уэллс смотрит на вершину.

– Если я встречу Творца, я спрошу, верит ли он сам в себя.

Я незаметно отодвигаюсь от Афродиты.

– Я бы лучше спросил, верит ли он в меня, – говорит Орфей.

Атмосфера становится менее напряженной.

– А я спросил бы, почему он создал Вселенную, а не ничто, – говорю я.

– Возможно, у нас и так есть все ответы. Просто мы неправильно задаем вопросы, – замечает Афродита. – Но по мере того как мы будем приближаться к Нему, мы будем понимать больше.

Сквозь туман, окружающий вершину, пробивается огонек.

Сморкмуха садится мне на палец. Она дрожит от холода. Я беру ее в руки и подношу к огню.

– Я думаю, то, что ожидает нас наверху, – говорит Орфей, – находится за пределами нашего воображения. Это будет последним откровением. Мы же только что видели, Третьей горы нет. Когда мы поднимемся наверх, то поймем, как устроена Вселенная. Афродита крепче прижимается ко мне. Я никогда не видел, чтобы богиня была так взволнована. Мы засыпаем под треск веток, горящих в костре.

80. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЭЛЕВСИНСКАЯ ИГРА

Цель элевсинской игры – найти ее правила. На всех играющих раздают колоду из пятидесяти двух карт. Один игрок придумывает правила и записывает на листке бумаги, чтобы их нельзя было изменить в ходе игры.

Тот, кто первым придумывал правила, становится «первым богом», а первые правила называются «Закон мироздания».

Игра начинается.

Ведущий – игрок-бог – кладет карту и объявляет: «Мир начал существовать». За ним все по очереди выкладывают по одной карте. Ведущий комментирует: «хорошая карта» или «плохая карта». «Плохие» карты убирают в сторону.

Игроки видят «хорошие» карты и пытаются понять логику выбора «хороших» карт. Если кто-то считает, что понял правило игры, он объявляет себя пророком. Он больше не выкладывает карты на стол, а начинает комментировать игру остальных участников. «Бог» контролирует «пророка». Если «пророк» допускает ошибку, то тут же выбывает из игры. Остальные продолжают угадывать правила игры.

Если «пророк» два круга подряд отвечал правильно, он объявляет вслух: «Закон мироздания». «Пророк» побеждает, если его ответ совпадает с тем, что было записано до начала игры.

Если же никто не может угадать правила игры и все «пророки» ошибаются, выигравшим считается «бог». Тогда «Закон мироздания» зачитывают вслух и обсуждают, можно ли было его угадать в процессе игры. Если «Закон» слишком сложен, «бога» дисквалифицируют.

Интереснее всего придумать простой «Закон», который в то же время не просто угадать. Например, правило «чередование карт младше и старше семерки» очень трудно разгадать, так как чаще всего следят за чередованием мастей и картинок. Вообще, внимание нередко уделяют вещам, которые его не заслуживают. Правило «только красные масти, кроме десятой, двадцатой и тридцатой» найти невозможно. Так же как и «любая карта, кроме семерки червей».

Правило «любая карта хорошая» может оказаться сложным, если правила в предыдущих играх были замысловатыми – игроки уже ждут задания повышенной сложности. Какую же стратегию должен применить тот, кто хочет выиграть? Игрок должен как можно быстрее объявить себя пророком, даже если он не уверен, что догадался, какое правило придумал

«бог».

*Эдмонд Уэлс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания,
том VI пересказ статьи из тома II)*

81. ПОСЛЕДНИЙ ЭТАЖ

Этой ночью мне ничего не снится.

Мы просыпаемся в полной тишине. Продолжаем путь по скрипящему под ногами снегу. Второе солнце медленно поднимается на небо. Мышцы болят. Но мы не можем больше терять время.

Орфей указывает в сторону моря. На горизонте, у самой воды, снова появляются какие-то знаки. Это уже не буквы, а перевернутые цифры.

– Похоже на 271, – говорит Орфей.

– Нет, 457.

– А я увидел 124.

Эдмонд Уэллс пожимает плечами.

– Опять коллективная галлюцинация? Или северное сияние?

– Видения над морем я бы назвал миражом.

– Мираж в виде цифр? – удивляется Орфей.

– Мы приближаемся к Великому Богу, и не удивительно, что странных явлений становится все больше.

– Идемте же. Мы уже недалеко от вершины, – решительно говорит Афродита.

Мы стараемся двигаться быстрее. Я иду во главе группы, рядом с богиней любви, и вдруг обо что-то ударяюсь. Адская боль. Кажется, я сломал нос о какую-то невидимую преграду. Я пытаюсь хоть что-то рассмотреть, но ничего не вижу. Но боль, которую я испытываю, вполне реальна.

– Вершину горы окружает силовое поле, – объясняет Эдмонд Уэллс, ощупывая невидимую стену.

– Зевс предупреждал меня об этом главном препятствии, но я думал, что силовое поле исчезнет, когда Рауль пройдет здесь.

– Мы как сперматозоиды перед яйцеклеткой, пропустившие одного из нас вперед, – говорю я.

– И он закрыл за собой вход, чтобы не дать другим пройти за ним, – вздыхает Эдип.

Мы пытаемся обойти вершину.

– Смотрите-ка, вон там... – вдруг восклицает Афродита.

Мы видим на западном склоне дорогу. Она проходит под Первой горой Зевса и оканчивается золотым мостом, ведущим на Вторую гору.

– Елисейские Поля...

Мы направляемся к этой сияющей дороге. Перелезаем через перила. Дорога покрыта чем-то мягким и красным, как бархатный ковер.

Это похоже на язык.

И вот мы на Елисейских Полях. Я вижу на красном бархате чьи-то следы.

– Рауль уже прошел здесь.

Мы идем вперед, и снова перед нами вырастает препятствие. Стена, почти такая же прозрачная, как силовое поле. Она мягкая, прозрачная и очень толстая. Мы стучим в нее, пытаемся пробить твердыми предметами, но она не поддается.

Эдмонд Уэллс нащупывает более плотный участок, похожий на вертикальный желоб.

– Похоже, что здесь было порвано.

– Это след, оставшийся после Рауля. Мы опоздали, – шепчу я.

– Дальше не пройти, – говорит Орфей. – Здесь нам придется остановиться. Только Раулю удалось преодолеть это препятствие.

– Как глупо! – кричит Эдип. – Мы столько пережили...

– Мы старались как могли. Мы пытались, но потерпели поражение. Нам остается только вернуться обратно. Спуститься по Елисейским Полям.

– И что мы там будем делать? Примем участие в гражданской войне?

Я обращаюсь к Афродите.

– Ты сможешь снова запустить центрифугу? Если уж умирать, то я лучше погибну на острове Спокойствия.

Вместе с Дельфиной.

– Я не знаю, как запустить обратный процесс, – сухо отвечает богиня любви.

– Может быть, вернемся к Пану и сатирам? В конце концов, Секс и Юмор – это неплохая программа – уныло говорит Орфей.

И тут Эдип делает нам знак замолчать.

– Я что-то слышу.

Мы смотрим вниз и видим вдали толпу, которая поднимается по Елисейским Полям. Она движется к нам. Мы видим кентавров, грифонов, сирен, которых несут в ваннах, наполненных водой.

– Арес победил Диониса, – говорит Эдмонд Уэллс. – Они прошли в ворота и теперь хотят увидеть Творца. Они будут здесь через несколько часов.

Я бросаюсь к прозрачной стене, которая преграждает нам путь, и начинаю изо всех сил бить по ней кулаками. Я разбиваю себе руки. Потом успокаиваюсь.

То, что было открыто, должно открыться еще раз.

– Наверняка есть какое-то решение, – задумчиво говорит Эдмонд Уэллс.

Афродита поворачивается ко мне:

– Ты разгадал загадку Сфинкса, значит, сумеешь придумать, как пройти за эту стену.

И тут я вспоминаю метод Дельфины.

– Дайте мне несколько минут...

Я сажусь в позу лотоса, замедляю биение сердца, освобождаю голову от мыслей. Выхожу из своего тела и взлетаю. Поднимаюсь над горой, выше, в слои атмосферы над Эдемом. Включаю рельс моего будущего, устанавливаю знамя Здесь и Сейчас и начинаю двигаться вперед. Я пролистываю кадры будущего в поисках самых важных мгновений. И останавливаюсь на первом.

Я возвращаюсь, зная, как поступил в «ближайшем будущем». Сравнив прозрачную стену с оболочкой яйцеклетки, я не ошибся, просто не додумал до конца. То, что мне показалось шрамом, вовсе им не было.

– Представьте себе, что эта стена живая. Ее нужно ласкать, целовать, и тогда она откроется.

– Чушь какая, – говорит Орфей.

– Ты предлагаешь нам что-то странное, – поддерживает его Афродита, – Это же просто стена.

– Ей что, по-твоему, нужны предварительные ласки? – изумляется Эдмонд Уэллс.

– Да. Я хочу, чтобы вы ее ласкали, целовали, помогли расслабиться. Эта стена живая. Всему живому необходимо чувствовать, что его любят. Стена пропустит нас, только почувствовав нашу нежность. И вообще, вы можете предложить что-то другое?..

С этими словами я указываю на толпу, поднимающуюся по Елисейским Полям.

– Нам нечего терять, – признает Эдип. – Давайте попробуем.

Наконец они соглашаются. Орфей начинает энергично облизывать стену, Афродита целует ее, Эдмонд Уэллс поглаживает.

Я ощупываю ее так, как делал «я-в-будущем». И вот мне удается просунуть внутрь палец до второй фаланги.

– Получается! Продолжайте!

Мои спутники с возросшим энтузиазмом начинают лизать, целовать и гладить стену. Даже сморкмуха принимает в этом участие.

Разъяренная толпа жителей Олимпии приближается.

Стена начинает подрагивать. Она становится более мутной, серой. Вокруг вертикальной линии проступают прожилки, похожие на мраморные.

– Давай же, открывайся!

Я надавливаю на нее указательным пальцем, и он проходит сквозь нее. За пальцем и вся рука. Мы продолжаем наши усилия.

Афродита прижимается к влажной стене и трется о нее. Эдмонд Уэллс ласкает стену, что-то нашептывая ей.

Стена содрогается, прожилки становятся белыми, они похожи на трещинки, которые появляются на льду перед тем, как он треснет. Я продолжаю давить, и вот уже моя рука по плечо проходит внутрь. Затем голова. Я упираюсь макушкой, лбом.

Это напоминает мне что-то, что уже случилось со мной когда-то давно. С той стороны тепло.

Я закрываю глаза. Нос расплющивается, но тоже проходит. Рот. Я вдыхаю влажный воздух. Уши слышат новые звуки.

Я внутри широкого туннеля, такого же прозрачного и живого, как стена.

Ветра нет, и снаружи не доносится ни одного звука. Только чувство полной защищенности от того, что происходит снаружи.

То, что я когда-то пережил, только наоборот.

Я протискиваю внутрь все тело, ноги, одну за другой. Теперь я весь по ту сторону стены.

Ощущение, что я вернулся.

Здесь уютно, тихо, тепло. Под ногами что-то мягкое, пахнет молоком. Я знаками зову друзей последовать за мной.

Все четверо моих спутников, так же как и я, ласками прокладывают себе дорогу внутрь. Эдип пролезает последним. Орфей и Уэллс помогают ему. Мы успели в последний момент.

Жители Олимпии уже почти добрались до нас. Они останавливаются перед стеной, которая теряет прозрачность. Посейдон выхватывает анкх, готовясь разнести преграду молнией.

Но стена, содрогнувшись в последний раз, снова затвердевает и становится невидимой.

Разгневанные боги стреляют в стену, бьют в нее кулаками, пытаются разрушить. Кентавры, грифоны и химеры помогают им. Они что-то говорят нам, но ничего не слышно.

Эдмонд Уэллс посылает им воздушный поцелуй. Он подсказывает им решение, но они воспринимают это как оскорбление и снова яростно

набрасываются на стену, осыпая нас проклятиями, которые до нас не долетают.

– Если они не догадаются, то ни за что не попадут внутрь, – говорит Эдип.

– Мы и так уже немало времени потеряли, глядя на этих глупцов, – произносит Афродита, к которой вновь вернулось ее высокомерие.

Мы идем через длинный, теплый и влажный туннель, который поднимается на вершину горы. Стены туннеля теряют прозрачность, но цвет их меняется. Они приобретают теплые цвета, становятся бежевыми, розовыми, красными. Свет сюда почти не попадает, и мы движемся вперед по мягкой, красной, теплой трубе.

– Видимо, вершина уже близко, – говорит Орфей. Перед нами появляется мягкая мембрана, через которую кое-где проникают лучи света.

– «Последняя завеса»?

– Апокалипсис близится. Последняя завеса, скрывающая истину, скоро падет, – отвечаю я.

Орфей выходит вперед, протягивает руку, но останавливается. Эдип, из всех сил напрягающий слух, спрашивает:

– Чего же ты ждешь? Ты боишься?

И тогда я не выдерживаю. Я делаю шаг вперед и поднимаю пурпурную завесу.

82. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ИСТОРИЯ АСТРОНОМИИ

Грек Аристарх Самосский (310–320 гг. до н. э.) первым выдвинул предположение, что Земля вращается вокруг Солнца. Однако его выводы оспорил другой грек, Клавдий Птолемей (ок. 100–170 гг.), считавший, что Земля – неподвижная планета в центре Вселенной. Солнце, Луна, другие планеты и звезды вращаются вокруг нее. Эта теория просуществовала до Средних веков, и все потому, что люди видели, как Солнце встает на востоке и садится на западе.

Польский астроном Николай Коперник (1473–1543) в результате собственных наблюдений пришел к выводу, что Аристарх Самосский был прав, и Земля действительно вращается вокруг Солнца. Но, опасаясь инквизиции, он разрешил опубликовать свой труд «Об обращении небесных сфер» (в шести частях) только после своей смерти. При жизни Коперник говорил об этом только как о рабочей гипотезе. Умирая, он признался, что твердо убежден в своей правоте.

Его труды подверглись осуждению, но были продолжены в более позднее время. Датский астроном Тихо Браге (1546–1601) сумел убедить короля построить на острове обсерваторию, настоящий памятник науке. Иоганн Кеплер (1571–1630), придворный астроном немецкого короля (его мать была сожжена инквизицией за колдовство), так хотел узнать, что творится у Тихо Браге на острове, что поступил к нему в помощники. Однако Браге опасался конкурентов и работал в строжайшей тайне. Кеплеру пришлось дожидаться его смерти (к которой, возможно, и он был причастен), чтобы заполучить его записи. Он продолжил работу датчанина и открыл, что планеты движутся по эллиптическим, а не круглым орбитам. Кеплер написал и первую в западной литературе научно-фантастическую книгу где описал инопланетян – жителей Луны.

В это же самое время Джордано Бруно (1548–1600) вернулся к теориям Коперника и объявил, что звезд так много, что сосчитать их невозможно. Он полагал, что Вселенная бесконечна и в ней существует бесчисленное множество миров, подобных нашему. Коперника обвинили в ереси, восемь лет судили и пытали, вырвали язык, чтобы он «перестал лгать», и сожгли на костре.

Итальянцу Галилею (1564–1642), который решил продолжить исследования, начатые Коперником, хватило ума предварительно

заручиться поддержкой папы римского. Ему было поручено создать приспособление для расчета траектории снарядов, выпущенных из артиллерийских орудий. При помощи шпионов Галилей раздобыл увеличительные стекла, созданные голландцами. Он собрал из них устройство, позволяющее наблюдать звездами, – первый телескоп. При помощи этого телескопа Галилей наблюдал пятна на Солнце, Сатурн, Венеру, Млечный путь. Эти его исследования в конце концов вызвали раздражение в окружении папы римского, и Галилея судили. Его открытия были признаны сначала ложью, а позже иллюзией, созданной при помощи увеличительных стекол.

Галилей на коленях публично признал, что заблуждался (ему приписывают знаменитую фразу «И все-таки она вертится!»).

Прошло три столетия, прежде чем Запад пересмотрел свое отношение к трудам Галилея и признал, что Земля вращается вокруг Солнца, а звезд действительно бесчисленное множество.

Согласно опросам в 2000 году большинство опрошенных были уверены, что Солнце вращается вокруг Земли.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

83. ПОСЛЕДНЯЯ ЗАВЕСА

Снаружи полный мрак. Как беззвездная ночь.

Я беру Афродиту за руку и делаю еще один шаг. Я хочу идти дальше, но все исчезает. Однако я по-прежнему жив и продолжаю дышать. Единственное, что я ощущаю, это рука Афродиты в моей руке.

К счастью, она, в свою очередь, держит за руку Орфея. Мы образовали цепь. Все пятеро, мы держимся за руки в крошечной тьме. Безмолвие. Пустота.

– Вы что-нибудь видите?

– Нет, ничего.

– Но под ногами у нас твердая почва.

Словно в ответ на эти слова, почва выскальзывает из-под наших ног, и мы повисаем в пустоте.

– Давайте вернемся, – предлагает Орфей. Наши ноги болтаются в воздухе.

– Это невозможно.

– Мы в космосе?

– Нет, ведь мы дышим.

– Вокруг не видно ни одной планеты.

– И где же мы?

– Нигде.

– Давайте держаться друг за друга, – предлагает Эдип, чья слепота уже не имеет никакого значения. – Пусть никто не разжимает рук.

Я верчу головой во все стороны и крепко сжимаю руку Афродиты – единственный оставшийся у меня ориентир.

Теперь мы лицом к лицу с тем, что так долго обсуждали. Вокруг ничто, пустота, полное отсутствие чего бы то ни было. Я счастлив, что вокруг мои спутники, иначе я бы тут же сошел с ума. Я крепко держусь за свой рюкзак, в котором хранится Дельфина и ее планета.

Когда я занимался медитацией, учитель говорил, что я должен представить себе пустоту. Теперь она окружает меня, и это невыносимо.

– Мы, наверное, в коробке, – предполагает Эдмонд Уэллс.

– В коробке, у которой нет стен, – отзываюсь я. Мы ждем. Вдруг я выпускаю руку Афродиты. Раздаются крики:

– Мишель, Мишель! Он покидает нас!

Крики становятся все тише, я уже почти не слышу их. Они стали едва

различимым шумом.

Рука Афродиты была единственным, что помогало хоть как-то ориентироваться в пространстве. Теперь я полностью теряю представление о том, где верх, а где низ.

Когда был горизонт, мне казалось, что я смотрю вдаль.

Когда было небо, мне казалось, что я смотрю ввысь.

Теперь, без ориентиров, я потерялся.

Время тоже исчезло.

Я понимаю, что до сих пор представлял себе, как течет время, ориентируясь лишь на смену света и тьмы.

Затерян во времени и пространстве.

Теперь я отсчитываю время по собственным вдохам и выдохам. Царит полное безмолвие, мой слух обострен до предела, и я отсчитываю время по ударам своего сердца.

Появляются и другие ориентиры – усталость и чувство голода. Но они вскоре исчезают, потому что все мои чувства поднялись на высоту, где ни усталости, ни голода просто не существует.

Вдруг, по прошествии часа, дня, месяца или года, моя одежда исчезает, будто мгновенно обратившись в прах. Вместе с одеждой исчезает и рюкзак, в котором хранится Земля-18 – Дельфина! Дельфина!

Я наг, но не чувствую ни жара, ни холода.

Я плыву в пустоте.

Нет никакой разницы, открыты или закрыты у меня глаза, и я опускаю веки.

Я сворачиваюсь, как эмбрион, и кружусь в пустоте.

Странно, но я не задыхаюсь.

Значит, здесь достаточно воздуха, чтобы я оставался в живых.

Это напоминает мне барокамеру, в которой я был на Земле-1. Я парил в чем-то, напоминавшем прозрачный гроб. Он был наполнен теплой соленой водой так, что я не касался стенок.

Я висел, как в невесомости, но все-таки ощущал воду, а потом начался процесс конденсации: на лицо мне стали падать соленые капли. Они не давали мне отключиться, не давали забыть об окружающем мире. Я все время помнил, что снаружи меня ждут люди.

Здесь я совершенно один.

«Если не хочешь сойти с ума, вспомни, кто ты. Кто ты на самом деле, потому что любой духовный опыт нужен лишь затем, чтобы напомнить тебе о твоей сути, к которой неприменимы понятия материи и времени», – говорил Зевс.

Я цепляюсь за свои воспоминания, как утопающий за обломки корабля.

Когда я был врачом, коллеги, изучавшие болезнь Альцгеймера, говорили, что больной постепенно теряет память. Последнее, что он помнит дольше всего, это его имя.

Меня зовут МИШЕЛЬ.

Фамилии я уже не помню. Кажется, там было что-то про маленькую птичку.^[20] Щегол, синица, воробей?

Пэнсон. Зяблик.

Я вспоминаю зяблика, которого подобрал однажды. Я посадил его в коробку, выложенную ватой.

Я цепляюсь за этот образ. Я, Мишель, маленький мальчик, сажаю птичку в картонную коробку. Чтобы спасти. Я наливаю ей воду в поилку.

С удивлением я замечаю, что мои детские воспоминания черно-белые.

И я понимаю, почему.

В детстве, разглядывая старые фотографии в альбоме, я думал, что в прошлом все было черно-белым.

Теперь мир вокруг меня даже не черно-белый. Он просто черен.

Я касаюсь себя. К счастью, осязание у меня пока осталось. Пока я смогу касаться себя, я буду жить.

Время идет. Я уже не понимаю, сплю или бодрствую. Но я все еще помню, что меня зовут Мишель.

Возможно, я уже состарился. Возможно, я уже умер, и даже сам не заметил.

Вот что было за последней завесой. Ничто. И конечно, этого никто не может выдержать. Апокалипсис – это конец всего. Это ничто.

Походят минуты, часы, дни, годы, столетия. Я парю в пустоте, в полном безмолвии и одиночестве, без всяких ориентиров.

Мне остаются только воспоминания.

Фильм, который без конца крутится в моей голове.

Я был смертным.

Потом я был танатонавтом.

Потом я был ангелом.

Потом я был богом-учеником.

Потом я встретил Зевса.

Потом я снова был смертным.

Потом снова богом-учеником.

Мелькают лица тех, кого я знал.

Дельфина.

Мата.

Афродита.

Эдмонд.

Рауль.

Последнее имя не дает мне покоя. Я знаю, что оно важно, я не должен его забыть.

Не забыть... Рауль... а дальше как?

А как моя фамилия?

Какая-то птица. Воробей. Меня, наверное, зовут Мишель Муано.^[21]

Проходят еще столетия.

Как меня зовут?

Ми... и дальше еще что-то. Я помню, что мое имя начиналось с ноты.

Ми или Ре? Или Соль.

Соланж?

Нет, я мужчина.

Или женщина?

Я больше не помню, какого я пола.

Не помню, как выглядит мое лицо. Когда я прикасаюсь к нему, то нащупываю нос и рот. У меня длинные ресницы. Наверное, я женщина.

Но я не помню, какого я роста. Высокий или нет? Высокая или нет?

Я думаю, что я высокая, стройная женщина.

Я что-то смутно помню.

Я была женщиной. Меня звали Соланж Муано.

А сколько мне было лет, когда вокруг все стало таким?

Я была совсем молода. Мне было девятнадцать лет. Не больше. Я ощупываю себя.

У меня маленькая грудь. А, так у меня есть пенис. Значит, я мужчина. А кем же я был раньше?

Не знаю. Прошное стирается. Я даже не помню, каким был мой мир.

А каким я был животным?

Мне кажется, я был двуногим и теплокровным. Но кем именно?

Или я был растением?

Или камнем?

Единственно, что я знаю, это то, что я нечто мыслящее, парящее в пустоте.

Сначала исчезновение всего меня раздражало, пугало, возмущало, потом я принял это и смирился. Забыл о прежних чувствах. Я там, где ничего не происходит.

А потом однажды час, минуту, секунду, год или век спустя, передо

мной что-то появляется. Какая-то светящаяся труба.

Я не знаю, что это, но это явление радует меня, как ничто до сих пор не радовало.

Труба приближается. Она огромна. Она поворачивается, и я вижу, что один ее конец скошен. Труба начинает мощно втягивать воздух, и меня засасывает в нее, как пылинку.

Я знаю, что это такое.

Это переход в другое состояние.

Меня все дальше несет по металлической трубе. Мое представление о времени меняется. Все происходит очень медленно и в то же время быстро.

Наконец я попадаю в другую, более просторную и освещенную.

Наконец-то свет.

Наконец я могу до чего-то дотронуться.

Контакт со светом и материей частично восстанавливает мою память.

Я человек, который в результате своего развития стал богом-учеником.

Мишель Пэнсон.

Я поднялся на Гору, чтобы увидеть Творца, и скоро узнаю то, что хотели знать все смертные, с начала времен.

Снаружи из-за стекла на меня смотрит огромный глаз.

Неужели это...

Появляется пинцет, кончики которого покрыты резиной. Он хватается меня за щиколотку и вытаскивает из шприца. Огромный глаз приближается, я различаю лицо, фигуру. И я узнаю того, кто держит меня в руке.

– Зевс?!

– Здравствуй, Мишель, – отвечает мне царь Олимпа. – Вот мы и встретились снова.

Я по-прежнему наг. Я цепляюсь за пинцет, как насекомое, находящееся в полной власти энтомолога. Посреди огромной лаборатории.

– Но я думал, что вы остались на Первой горе, и не можете попасть на Вторую из-за силового поля!

– Я открыл тебе не всю правду. Тебя ждет еще много сюрпризов.

– Значит, Великий Бог, Бог-Творец – это вы?

– Нет. Увы, я не Бог-Творец. Я Проводник. Я – 8. Бесконечный бог. Я отправлю тебя туда, где ты увидишь Бога-Творца, 9.

– Но вы – это тот свет, который мы видели на вершине Второй горы?

– Да, я был на Второй горе, но я пришел сюда только для того, чтобы попасть в эту лабораторию и кое-что сделать.

Я вижу, как разжимается пинцет. В тот самый момент, когда я должен

был разбиться, Зевс подхватывает меня другим пинцетом. Теперь он держит меня за бедра.

– Где я был до сих пор?

– В коробке с абсолютной пустотой. Это процедура очистки. Карантин. Прежде чем животных выпускают на новое место, их выдерживают в карантине.

Я вспоминаю, как Зевс с гордостью показывал мне сферу с абсолютной пустотой. Сферу, в которой не было ни света, ни звуков, ни материи. Значит, он пользуется ею для очистки. Я думаю, что погружение в ничто стало для меня суровым испытанием и что я сошел бы с ума, если бы моя душа не успела к этому подготовиться, когда покидала тело во время медитаций.

– Что вы со мной сделаете?

– Понимаешь, Мишель, самая большая проблема в том, что каждый получает то, чего он хочет. Любые желания осуществляются. Но некоторые ошибаются в своих желаниях и потом горько сожалеют об этом. И ты тоже получишь то, чего давно хотел. Твое заветное желание скоро исполнится. Ты всегда хотел знать, что же существует на вершине мира. И ты наконец узнаешь.

Зевс помещает меня в стеклянную пробирку. Я вижу лабораторию, которая больше похожа на собор с разноцветными витражами. Пол покрыт соломой, повсюду стоят разные механизмы, зеркала, увеличительные стекла. Зевс подходит к какому-то аппарату, в котором уже висят несколько пробирок.

Он помещает меня в центрифугу.

– Это единственный способ отправить тебя наверх. Не бойся. Счастливого пути, – говорит он мне, и машет рукой на прощание.

Я упираюсь ногами в дно пробирки. Будет неприятно, но я уже это пережил. Больше всего нас пугает неизвестность.

Я готовлюсь снова перенести муки перехода в новое состояние. Крышка центрифуги опускается, вертикальная труба начинает вращаться.

Я снова вспоминаю, как был смертным на Земле-1. Вспоминаю ярмарки, когда добровольно, купив билет, я катался на каруселях. Они кружились все быстрее, и я крепко обнимал свою невесту, которая визжала от страха.

Включается мотор центрифуги, пробирка начинает вращаться и медленно подниматься.

Когда пробирка поднимается горизонтально, я начинаю парить внутри пробирки. Скорость увеличивается. Меня прижимает к стенке пробирки.

Если бы у меня в желудке было хоть немного пищи, меня бы вырвало.

Мое лицо раздувается.

Тело вытягивается во все стороны, как на дыбе, руки с хрустом отделяются от тела, за ними ноги, и остается только торс с головой.

Глаза вылезают из орбит, губы вытягиваются.

Рот открывается, язык вываливается наружу.

Из ушей и носа льется кровь. Она размазывается по стенкам пробирки, которая становится похожа на красную, блестящую пещеру.

Голова отрывается от тела, хлопнув, как пробка, вылетающая из бутылки шампанского.

Мне не больно. Я уже давно перешел порог, за которым чувствуют боль. Осталось только любопытство.

Это всего лишь способ перейти на другой уровень.

Я наконец получу ответ.

Пробирка вращается все быстрее. Мое лицо расплющивается, глаза лопаются, зубы высыпаются из десен, уши прилипают к стенке напротив меня.

Я превращаюсь в фарш.

Потом в жидкость.

Потом в пар.

Я становлюсь атомной пылью.

Вот я принял самую простую форму.

В прошлый раз этим и закончилось. На этот раз все продолжается.

Атомы нагреваются и взрываются, высвобождая ядра и электроны.

Я распадаюсь на частицы, частица распадается на фотоны.

Я больше не атомная пыль...

Я стал светом!

84. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: СВЕРХСВЕТОВОЙ ЧЕЛОВЕК

Среди самых революционных идей о человеческом сознании, одна из самых оригинальных принадлежит Режи Дютёю, преподавателю физики на медицинском факультете университета Пуатье. Основная идея Дютёя заключается в том, что существует три мира, определяемые скоростью движения составляющих их элементов.

Первый – это «досветовой мир», в котором мы живем, мир материи, подчиняющийся законам классической ньютоновской физики и законам гравитации. Этот мир состоит из брадионов – частиц, скорость движения которых меньше скорости света.

Второй мир – «световой». Этот мир состоит из частиц, движущихся с близкой к свету скоростью, люксонов, подчиняющихся законам относительности Эйнштейна.

Наконец, существует «сверхсветовое» пространство-время. Этот мир состоит из частиц, скорость которых превышает скорость света. Они называются тахионами.

Для Режи Дютёя три этих мира соответствуют трем уровням сознания человека. Уровень чувств, который постигает материю, уровень локального сознания, являющийся световой мыслью, то есть тем, что движется со скоростью света, и уровень сверхсознания, мысли, движущейся быстрее света. Дютёй считает, что сверхсознания можно достичь во сне, с помощью медитации и некоторых наркотиков. Но он говорит также о более широком понятии: Знании. Благодаря подлинному знанию законов Вселенной наше сознание ускорилося бы и достигло мира тахионов.

Дютёй думает, что «для существа, живущего в сверхсветовой Вселенной, существовала бы полная спонтанность всех элементов, составляющих его жизнь». Таким образом, понятия прошлого, настоящего и будущего смешиваются и исчезают. Присоединяясь к выводам Дэвида Бома, он считает, что со смертью наше «сверхсветовое» сознание достигает другого уровня более развитой энергии: времени-пространства тахионов.

В конце жизни Режи Дютёй с помощью дочери Бриджит разработал еще более смелую теорию, согласно которой не только прошлое, настоящее и будущее собраны здесь и сейчас, но и все наши жизни, предыдущие и будущие, протекают одновременно с нашей нынешней жизнью в сверхсветовом измерении.

*Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания
(по материалам тома V)*

85. ЗВЕЗДА

Удивительные ощущения. Это невозможно описать. У меня больше нет формы. Нет консистенции. Я чистая энергия, светящаяся в стеклянной трубке. И все.

Что сказала бы Дельфина, которая называла меня «блестящим», если бы увидела меня теперь?

Центрифуга останавливается. Пробирку вынимают и тут же накрывают черной тканью.

Зевс не дает мне распространяться за пределы пробирки.

Край черной ткани отогнулся, я тут же вырываюсь наружу, но попадаю в вогнутое зеркало, в котором мой свет концентрируется, я превращаюсь в луч.

Преодолевая пространство, которого я не узнаю, я становлюсь все длиннее. Передо мной появляется другое зеркало, и я превращаюсь в «V». Еще одно зеркало, и я становлюсь «W».

Я тянусь через комнату, как лазерный луч, и освещаю все вокруг. Когда я прохожу рядом с предметами, я заливаю их светом. Мои бесчисленные фотоны покрывают их и прогоняют тень.

Зевс встает передо мной, и я освещаю его лицо.

Свет срывает все покровы. Он превращает живые существа в образы. Он создает цвет и форму.

Передо мной появляется линза, и я превращаюсь в конус. Друга линза снова собирает меня в луч, более тонкий и яркий.

Представление о времени снова меняется. Моя собственная скорость так велика, что все вокруг замедляется.

Зеркало направляет меня на стеклянную призму. Я превращаюсь в радугу, переходя от фиолетового цвета к красному, зеленому, синему, розовому, желтому.

Значит, в белом были заключены все остальные цвета. Зевс показывает мне, на что я способен, будучи чистым светом.

Вторая призма снова собирает меня в белый луч, который уходит в увеличительные стекла.

Я лечу через лабораторию со скоростью почти 300 000 метров в секунду, расширяясь, кувыркаясь между зеркалами, освещая предметы, изгоняя тени.

Наконец, увеличительное стекло собирает меня в фокус и направляет к

вогнутому зеркалу. Все мои фотоны попадают туда. Я в ловушке. Второе вогнутое зеркало прижимаю к тому, в котором я застрял. Теперь я заперт, как в саркофаге, но продолжаю сиять. Я вращаюсь вокруг себя самого.

Через некоторое время что-то происходит, и я становлюсь плотным. С моим саркофагом что-то делают. Кажется, Зевс заряжает мной катапульту. Я слышу, как он открывает окно. Катапульта выстреливает, и зеркальный шар летит в небо. Постепенно скорость полета падает.

Я где-то в космосе.

Используя только силу мысли, я начинаю все быстрее вращаться внутри зеркального шара, я нагреваюсь, давление увеличивается, и саркофаг разлетается на куски.

Снаружи только небо. Кое-где оно освещено. Я начинаю догадываться о том, что со мной произошло.

Я стал звездой!

Вокруг сияют другие звезды.

Звезды...

Может быть, с ними случилось то же, что и со мной? Что в самом конце происходит с душой? Она становится звездой...

– Тсс!

Кто это сказал? Кажется, кто-то сказал «тсс!» – Думай не так громко. Здесь можно думать гораздо тише.

Слова попадают прямо в мое сознание.

– Кто говорит со мной? Звезды хором отвечают:

– Мы.

– Где я? Кто вы такие?

– Я Эдмонд Уэллс, – отвечает мне прекрасная желтая звезда с красными отблесками.

– Ты тоже стал звездой?

– Конечно.

– И я тоже, – говорит розовая звезда, в которой я узнаю Афродиту. – Я всегда мечтала стать частью какого-нибудь созвездия и сиять в ночном небе. Теперь мое желание исполнилось. Андромеду, Геракла, Пегаса знают по их созвездиям, но на небе до сих пор не было созвездия Афродиты.

Я вспоминаю, что древнегреческие мифы рассказывают, как полубоги после смерти становятся созвездиями. Но никто и не догадывался, что все действительно так и происходит.

– А остальные? – спрашиваю я.

– Я здесь, – отвечает Орфей, превратившийся в крошечную синюю звездочку.

– И я, – отвечает зеленый Эдип.

Я счастлив, что снова встретил своих друзей.

– У нас были какие-то созвездия, носящие наши имена, но теперь мы сами по-настоящему светим с неба, – удовлетворенно замечает Эдип.

– Здесь действительно хорошо, – вздыхает Орфей.

– Теперь я не боюсь состариться, – говорит Афродита.

– Я наконец простил себя за то, что убил отца и спал с матерью, – признается Эдип.

– А я простил себя за то, что обернулся, когда спускался за Эвридикой, – подхватывает Орфей.

– А я наконец могу говорить, – подает голос сморкмуха.

– Значит, теперь ты скажешь мне, кто же ты такая?

– Любовь, которая была тебе предназначена с самого начала твоей жизни, когда ты был смертным. Вспомни, когда ты был танатонавтом, Рауль открыл тебе, кто будет главной женщиной в твоей жизни.

– Натали Ким?

– Да, так меня звали когда-то.

Натали Ким. Я вспоминаю. Это была моя «половинка», с которой я не захотел встретиться, потому что был тогда женат на Розе и не захотел усложнять себе жизнь...

Значит, она последовала за мной даже сюда!

– А я наконец получил доступ ко всем знаниям во Вселенной, – говорит Эдмонд Уэллс. – Наши души могут теперь узнать все тайны и секреты, потому что мы, звезды, все видим и все понимаем.

Мои друзья сияют.

– А что же 9, Великий Бог, который стоит на вершине всего мира? – спрашиваю я.

– Высшее измерение? Оно перед тобой, – отвечает Эдмонд Уэллс. – Используй свои новые органы чувств.

– Где же 9? Я ничего не вижу.

– Посмотри на то, что имеет форму девятки, это же бросается в глаза.

Я напрягаю зрение, но ничего вижу, только мрак и звезды.

– Ничего не вижу.

– Смотри по-другому, не так, как ты привык.

Я пытаюсь последовать его совету. И вдруг вижу ЕГО...

Вернее ЕЕ.

Это ОНА.

Я поражен тем, насколько это очевидно.

Поражен ее размерами.

Ее величием.

Ее красотой.

Ее длинными изящными руками.

Я понимаю, что такое 9, которая бросается в глаза.

Это ГАЛАКТИКА.

Она превосходит всех нас. Это очевидно. Хотя бы своими размерами.

– Здравствуй, – говорит Галактика.

Меня охватывает чувство глубокого почтения. Слыша ее голос, я представляю старую, невероятно добрую женщину.

Я не осмеливаюсь ответить, настолько меня переполняют чувства. Я вспоминаю о символике масонских храмов, где в центре треугольника была изображена буква «G». Мой друг масон объяснял, что это сокращение от «GADLU»,^[22] означающего «Великий архитектор Вселенной». В каббале «г», «гимель», означает верховное божество. Многие интуитивно поняли, что означает эта буква.

«Г» как Галактика.

Если бы я мог, я добавил бы в «Энциклопедию относительного и абсолютного знания» строки:

«9. Галактика. Открытая спираль. Чистая линия любви, обращенная наружу. Виток духовности. Постоянно расширяющееся измерение юмора и любви».

Это 9, Великая Богиня. И я наконец вижу ее во всем великолепии. Она общается со мной. Галактика-Мать говорит с новорожденной звездой, которую держит на руках.

– Значит, и ты вернулся, Мишель. Ты был светом, порожденным Большим взрывом. И теперь ты снова стал светом. Но теперь ты светишь сам.

Она назвала меня по имени.

– Вы знаете меня?

– «Я нет, но мой сын читает ваши книги, и они ему очень нравятся».

Я с удивлением слышу фразу, которую часто говорили Габриелю Асколейну. Оказывается, Галактика умеет шутить.

«Бог – это юмор», говорил Фредди Мейер. И он был прав. Все это одна большая шутка, порожденная «остроумным разумом».

– Теперь я звезда. Что же я буду делать?

– Ты думаешь, что тебе будет скучно? Не бойся. Вокруг тебя миллиарды коллег. Ты никогда не будешь чувствовать себя одиноко. Кстати, тут рядом есть несколько звезд, которые тебя знают.

– Я здесь.

Я сразу узнаю звезду, которая это сказала.

– Рауль!

– Мы все попадаем сюда. Это просто вопрос времени, – говорит он. – Увидишь, быть звездой не так уж плохо.

– Но если ты тоже здесь, какой тогда смысл у твоей победы в состязании богов?

– Я пришел сюда немного раньше, чем вы. Как сказала Галактика, все мы становимся звездами. Все остальное не больше, чем «небольшая суeta в промежутке». Моя победа просто ускорила превращение в звезду. Ты почувствуешь, как тебе повезло, что ты оказался здесь.

Я пытаюсь «почувствовать», как советует мне Рауль.

В самом деле, мне хорошо.

Больше не нужно стремиться вперед. Я больше не боюсь умереть. Я не чувствую злости, боли, вины, страха совершить непоправимое. Полное расслабление. Но одна мысль все-таки беспокоит меня.

Дельфина.

– А что стало с Землей-18? – спрашиваю я. Афродита отвечает мне:

– Не волнуйся за свою крошечную смертную. Галактика поместила «твою» планету сюда. Она теперь рядом с нами, и вокруг нее больше нет стеклянной сферы. Ее обитатели смогут теперь путешествовать в космосе.

– Где же она? – с тревогой спрашиваю я.

Тогда Галактика, чтобы избавить меня от последних волнений, указывает, где находится Земля-18. Я вижу, что она вращается вокруг звезды Афродиты.

– Афродита, если ты солнце этой планеты, то я прошу, ради меня, защити Дельфину и нашего ребенка от солнечных ударов.

– Не беспокойся. Я позабочусь о них. Теперь я звезда и выше мелких чувств, которые обуревали меня на Эдеме. Я поняла, на какую высоту может подняться душа. Я больше не могу испытывать злости к твоей любимой. Во мне не осталось никакой ревности.

Я чувствую, что она говорит искренне.

– Ты можешь доверять ей, – подтверждает сморкмуха.

Я мигаю в знак благодарности.

– Значит, теперь ты солнце и станешь богиней Земли-18? – спрашиваю я Афродиту.

– В этой Галактике мы коллективно приняли решение, что Земля-18 станет экспериментальной планетой, – говорит незнакомая мне звезда.

– Отныне она предоставлена сама себе. Теперь это ПББ. Планета без богов.

– Сначала у нее было 144 бога. Это многовато, мы решили дать ей отдохнуть. Теперь на ней нет ни одного бога, – объясняет Рауль.

Я вспоминаю вопрос Эдмонда Уэллса: «Если Бог вездесущ и всемогущ, есть ли во Вселенной место, где его нет или где он ничего не может?» Теперь такое место есть. Это Земля-18.

Однако я беспокоюсь. Если там не осталось больше ни одного бога, Прудон и его секта могут захватить власть.

Звезды слышат мои мысли, и Рауль отвечает:

– Не бойся. Ты сделал все, что нужно. Ты посадил зерно сопротивления, создав игру «Царство богов». Теперь смертные смогут повторить твой опыт.

– Они прочитают твою книгу, – говорит другая звезда.

– Но они не поймут ее, – отвечаю я. Звезды отвечают мне:

– Опять твои старые страхи.

– Хватит бояться, что тебя не поймут.

– Доверяй им.

– Разве ты не доверяешь своим читателям?

– Если они и не все поймут сразу, жизнь сама разъяснит им то, что останется непонятым.

– Все происходит постепенно. Шаг за шагом.

– Они будут перечитывать книгу.

– Власть книги велика. Ты ведь всегда это знал.

– Ты использовал эту власть, а сам в нее не веришь?

– Рано или поздно они поймут.

– И это помешает Прудону распространять свои идеи.

– Если ты сомневаешься, знай, что мы отсюда и без помощи анкха можем видеть все, что там происходит, – говорит мне маленькое синеватое солнце. – Достаточно просто подумать о том, что ты хочешь увидеть.

Я закрываю глаза, и, действительно, все происходит так, словно я послал на Землю-18 камеру-спутник. Я вижу остров Спокойствия, наш дом, комнату в нем. Я вижу Дельфину. На руках у нее маленький мальчик.

Люди вокруг строят дома, устанавливают антенны. Они далеко продвинулись после моего исчезновения.

Я перевожу взгляд и вижу, что в игру «Царство богов» играют миллионы. Элиот придумал несколько потрясающих слоганов: «Создать планету – что может быть лучше после трудного дня!», «Лучший способ понять мир – это управлять им», «Вам не нравится история человечества? Попробуйте сделать лучше!» Неплохо.

– Благодаря этой игре, которая кажется просто развлечением, они

сумеют понять вас, – говорит еще одна звезда.

Я думаю о том, что когда жил на Земле-1, то мое солнце тоже было разумным. Оно наблюдало за нами. Цивилизации, которые поклонялись Богу-Солнцу, как, например, ацтеки, и не догадывались, насколько были правы.

Я вдруг в полной мере осознаю свое новое состояние.

– Я так счастлив, что оказался здесь, – говорю я. – Я счастлив, что встретил Ту, которая стоит на вершине мира. Вас, Мать-Галактика, которая всех нас вбирает в себя и защищает. Пауза.

– Мне очень жаль, Мишель, но ты ошибаешься. Я не стою на вершине мира, – раздается голос старой, доброй женщины. – Надо мной есть еще кто-то.

О нет, только не это!

Я не решаюсь задать вопрос.

– И кто же стоит над вами?

– А как по-твоему, что идет после 9?

86. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: КОШКИ И СОБАКИ

Собака думает: «Человек кормит меня, значит, он мое божество».

Кошка думает: «Человек кормит меня, значит, я его божество».

*Эдмонд Уэлс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания,
том VI*

87. АДОНИИ

Мое сознание снова расширяется. Словно от моей звезды идет поток света, несущий все тот же вопрос:

– Кто стоит надо всем?

И вдруг в моем мозгу происходит вспышка. Я понимаю очевидное. Совершенно очевидное. То, что мне сто раз говорили друзья, то, что повторяла Дельфина. То, что твердили все.

Как загадка про ничто, это так просто, логично, естественно, что никто об этом и не думает.

Решение бросается в глаза.

Бог, стоящий выше Галактики, виден отовсюду. Он огромен, огромен, ОГРОМЕН.

Я в НЕМ.

ОН во мне.

От века и навсегда.

Дельфина говорила: «Бог повсюду, он в пении птиц, в движении облаков. В мельчайшем насекомом, листке дерева, в твоей улыбке, в моих слезах, в нашей радости и боли», и лучше сказать было нельзя.

Бог, который превышает Галактики, действительно повсюду.

Это...

Мироздание. Вселенная.

Едва я подумал об этом, как моя душа соединяется с огромным божеством, во много раз превосходящим Галактику.

Всем остальным звездам, которые проделали долгий путь, чтобы с уровня 8 перейти на уровень 9, уровень Галактики, придется проделать такой же путь, чтобы представить себе то, что я называю 10.

Числом, которое вмещает все остальные измерения, которое включает в себя все предыдущие цифры.

Великий Вселенский Бог – это 10. Едва я понял это, как тут же почувствовал, что соединился с ним.

Это не старик, как Зевс.

Не женщина-божество, как Галактика.

Это «Все, которое является всем и превышает всего».

МИРОЗДАНИЕ.

Едва мой разум подключается к Мирозданию, как я чувствую внутри себя миллиарды галактик, сущностей-матерей, подобных той, в которой я

нахожусь.

Мироздание – это живой организм, клетками которого являются галактики-матери.

Мироздание может общаться с нами. Так же как мы можем общаться с нашими клетками. Дельфина когда-то научила меня этому.

Это огромная мысль, длиннее, чем самый длинный луч, шире, чем горизонт, больше, чем может вместить наше воображение.

МИРОЗДАНИЕ.

– Здравствуй, Мироздание, – говорю я с почтением.

– Здравствуй, Мишель.

Я говорю с Мирозданием, и он отвечает мне. На моем языке, пользуясь знакомыми мне понятиями. Мироздание отвечает мне просто. Все вступает в контакт. Все говорит. Можно разговаривать с любым разумным существом в Мироздании, в том числе и с ним самим.

– Кто вы? – спрашиваю я.

– Это ты уже знаешь. А кто ты?

– Я часть вас.

– Вот видишь, тебе это известно. На каждый вопрос уже существует ответ.

– Как я должен вас называть?

– А как ты думаешь?

– Та часть вас, которая общается со мной, разумна. Следовательно, вы – энергия жизни.

– Продолжай.

– Эту энергию можно разложить на три составляющие. Три силы. Любовь. Господство.^[23] Нейтральность. А. D. N. Это тайная формула любого атома. Положительная сила. Отрицательная сила. Нейтральная сила.

– Продолжай.

– A.D.N.^[24] – это дезоксирибонуклеиновая кислота, ДНК. Секретная формула ядра живых клеток.

– Продолжай.

– ADAN. Адан или Адам. Так называют животное-прототип, способное понимать абстрактные понятия.

– Продолжай.

– AND – это еще и Эдем, место эксперимента, куда был помещен ADAN-Адам, и место, где его потомки ожидают того дня, когда поймут весь замысел.

– Продолжай.

– Я думаю, что вы тот, кого древние евреи называли AND, Адонаи. Бог-Вселенная. Но я бы уточнил, я бы сказал, что вы – само Мироздание, потому что мы все являемся частью ВАС.

– Прекрасно. Вот видишь, мне нечему тебя учить. Ты всегда это знал, но только забыл. Теперь ты все вспомнил и знаешь.

Дельфина подготовила меня к этой встрече, добавив элементы, которых мне не хватало. Мы все являемся частью всего, и это ВСЕ может общаться с нами так же, как мы можем общаться с клетками и атомами, из которых состоим.

Я пытаюсь осознать масштаб этого открытия и его последствия. Итак, круг замкнулся.

Над 9, Галактикой, есть 10, Мироздание.

Странно, но я разочарован. Значит, нечего больше открывать. Приключение окончено. Я прибыл в пункт назначения моей души. Я понял, что над всеми богами стоит Вселенная, и нет ничего сильнее и больше, чем она.

Галактика слышит, что я думаю, и отвечает:

– Нет, маленькая звездочка, приключение не закончено. То, что ты с нами Здесь и Сейчас, – это просто совпадение.

– Что это значит?

– У Мироздания, вернее, у этого самого Мироздания был проект, который он решил закончить сегодня. Возможно, именно из-за тебя, – говорит Галактика. – Ты «Тот, кого ждали».

Я вижу Галактику и две ее гигантские руки, образованные сияющей звездной пылью. Она медленно вращается, распространяя свет, переливающийся миллиардом оттенков.

– Как же так? Жизнь, люди, боги... У Мироздания не может быть более грандиозного проекта...

– Ты ошибаешься, – отвечает Галактика. – Каждая структура включена в большую структуру.

– Но ведь нет НИЧЕГО больше Мироздания!

– Довольно играть словами, – говорит Эдмонд Уэллс. – Пора выслушать Галактику. Теперь это наш новый учитель.

И я слушаю полный света голос старой женщины.

– Над Мирозданием есть что-то еще, – говорит она.

– Это невозможно.

– Она говорит правду. Ваш выпуск оказался особенно интересным, и я решил наконец осуществить свой самый грандиозный проект, – говорит

Мироздание, по-прежнему присутствующее при нашем разговоре.

– Что же это за проект?

– Его цель – узнать, что же стоит выше меня. О нет! Только не это!

– Над 10 есть что-то еще.

Я начинаю мерцать от возбуждения, но, заметив, что могу сжечь несколько близлежащих планет, успокаиваюсь.

– Над 10 есть...

И все звезды хором отвечают: – 11!

– А что такое 11?

– Нет, они ошибаются. Это не 11, и не 12. Я 10, и во мне заключены все цифры, а также все двузначные числа. Следующая граница – это 111, – говорит Мироздание. – 111?

– Да, трижды цифра 1. Это один из моих древнейших проектов. Я думаю над ним уже 111 миллиардов лет. Мне кажется, что надо мной что-то существует. Что-то живое. Я называю его «111». И я думаю, что воспользуюсь тем, что среди вас есть две звезды-первооткрывателя, которые отлично справятся с поставленной задачей. Я отправлю вас, чтобы узнать, что же находится в мире, который находится надо мной.

Я не ослышался?

– Да, именно ты, Мишель. И ты, Эдмонд Уэллс. Воспользовавшись центростремительной силой вашей Галактики, я выброшу вас к своей границе. Мое сознание постоянно расширяется, и недавно я стала замечать, что у меня есть границы.

Восторг оттого, что мне предстоит узнать что-то новое, наполняет мою душу.

Что же находится за пределами Мироздания?

88. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЕДИНАЯ ТЕОРИЯ

Конечная цель науки – создать теорию, которая сможет описать и объяснить все фундаментальные взаимодействия, действующие во Вселенной.

Эта теория получила название единой, теории всего, или единой теории поля, и пытается установить связи между четырьмя основными известными силами: силой притяжения, действующей между планетами; электромагнетизмом, действующим между заряженными частицами; силой слабого взаимодействия, управляющей атомами; силой сильного взаимодействия, управляющей частицами в атомных ядрах.

Альберт Эйнштейн первым заговорил о Единой теории в 1910 году. До самой смерти он искал принцип, который объединяет четыре силы. Классической физике не удалось связать микромир и макромир, планеты и атомы, но развитие квантовой физики и открытие новых частиц открыло новые пути для исследований.

Сегодня наиболее многообещающей считается теория струн, описывающая десятимерное пространство вместо привычного нам четырехмерного. Сторонники этой теории говорят о частицах, взаимодействующих не внутри сферического мира, а в «листах Вселенной», расположенных друг над другом и связанных космическими струнами.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

89. ВЕРХНИЙ МИР

Теперь все встает на свои места.

Мироздание возлагает на меня надежды. Я должен стать героем, который узнает, что находится за его границами.

Все звезды смотрят на меня.

Все галактики Мироздания следят за каждым моим движением.

Наша Галактика начинает вращаться быстрее. Посреди нее появляется завихрение, в центре которого – черная дыра.

– Ты хочешь отправиться туда один или возьмешь кого-нибудь с собой? – спрашивает меня Вселенная.

– Кого же?

Я чувствую что Афродита, Рауль. Эдмонд Уэллс, сморкмуха, Орфей, Эдип трепещут от желания отправиться вместе со мной на поиски мира, находящегося за пределами Мироздания.

Все хотят знать, что такое 111, это загадочное трехзначное число.

– Эдмонд! – зову я мысленно.

Ведь именно в его «Энциклопедии относительного и абсолютного знания» черпал я силы и находил поддержку на протяжении всех своих приключений. Эдмонд Уэллс вел меня вперед через кромешную тьму, так пусть же он станет моим спутником в этой последней эпопее.

Его звезда мягко приближается ко мне.

Нас затягивает в воронку посреди Галактики. Наши лучи сгибаются, нас уносит в черную дыру.

Это рот Галактики.

Мы оказываемся внутри огромного конуса, стенки которого вращаются, как вода, стекающая в слив ванной. Скорость увеличивается. Два наших сияющих шара, вращаясь, достигают середины воронки, и тут их со страшной силой начинает засасывать внутрь. Мы несемся, как два болида в черном сужающемся туннеле, освещенном вспышками молний.

Это желудок Галактики.

Скорость постоянно растет. Давление тоже.

Галактика нас переваривает.

Туннель расширяется, мы оказываемся в каком-то его утолщении.

Это сердце нашей Матери-Галактики.

– Приготовьтесь, сейчас я выброшу вас на границу Мироздания, – говорит она. – Наблюдайте. Запоминайте. Понимайте. И откройте нам

тайну: что находится за нашими пределами?

Галактика-Мать и Мироздание-Отец наполняют нас энергией для нашего последнего путешествия. И нас снова засасывает в туннель. Чем дальше, тем жарче и светлее становится. Мы вылетаем в белый конус.

– Мы внутри белого фонтана! – кричу я Эдмонду Уэллсу.

– Нет. Это Большой взрыв, – отвечает он. – Мироздание устроило его, чтобы выбросить нас за свои пределы.

Мы вылетаем вперед, как из пушки. Большой взрыв придал нам ускорение, и мы, как два раскаленных ядра, несемся через космическое пространство туда, где находится то, о чем не знает само Мироздание.

Здесь нет ни звезд, ни планет. На границе Мироздания пустынно. Я не знаю, сколько времени нам понадобилось, чтобы преодолеть миллионы и миллионы километров, ведь у звезд совсем другое восприятие пространства и времени. Но вот мы начинаем лететь медленнее. Я чувствую, что уже могу сам управлять своим полетом.

Мы не знаем, куда именно нам нужно двигаться, и не меняем направления. Наконец я различаю вдалеке что-то вроде стеклянной стены.

Мы притормаживаем за несколько сотен метров от гладкой, прозрачной стены.

– И что это?

– Вероятно, граница Мироздания, – отвечает Уэллс.

– Граница Бога?

– Граница его оболочки, – уточняет Уэллс. – Место, где ВСЕ заканчивается.

– А что по ту сторону этого ВСЕГО? Мы приближаемся к стеклянной стене.

– Ты что-нибудь видишь? – спрашивает меня звезда-Уэллс.

– Нет, а ты?

Мы подлетаем еще ближе и наконец видим по ту сторону стены...

ОГРОМНЫЙ ГЛАЗ!

Я уже видел огромный глаз Зевса по дороге на Первую гору. И глаз Афродиты над пробиркой, в которой сидел я, крошечный смертный с Земли-18. Но на этот раз, уж не знаю почему, я чувствую, что это нечто... совсем другое.

– Следуй за мной! – говорит Эдмонд Уэллс, который, кажется, о чем-то догадался.

Я лечу за ним вдоль стены, и вскоре мы видим второй глаз.

Глаза двигаются справа налево, это похоже на движение метлы, подметающей прозрачную поверхность Мироздания.

– Кажется, я начинаю понимать, – говорит звезда-Уэллс, мерцая рядом со мной.

– Слушаю тебя.

– Эти глаза... заставляют нас существовать.

– Что это значит?

– Эти глаза заставляют существовать Вселенную, частью которой мы являемся. Наше пространство и время существуют благодаря этим глазам и мозгу, который ими управляет.

– Продолжай!

– Ты знаешь этот закон квантовой физики: наблюдатель формирует мир, за которым наблюдает? В данном случае все еще круче... Наблюдатель создает мир, который воображает.

– Да что это такое? Кто это? Эдмонд, говори яснее!

– По ту сторону находится следующее измерение. Я смотрю на глаза, которые по-прежнему двигаются справа налево за прозрачной стеной так, словно не видят нас, так, словно мы находимся за зеркальным стеклом.

– Я понял! Мы находимся внутри компьютерной игры. Мы фотоны на экране. Игра «Царство богов», которую я создал на Земле-18, уже существовала где-то в верхнем мире!

– Нет, это не компьютерная игра. Это нечто иное. Параллельный мир, который существует, только пока на него смотришь. Наблюдатель создает этот мир. И без наблюдателя он не существует.

– Объясни.

– Это плоский мир. Мир, который похож на параллелепипед. На... страницу. Мы находимся на странице! Наш мир – на странице.

Я не решаюсь развить его мысль.

– Этого не может быть! – восклицаю я.

– Но ты же сам видишь.

– Я вижу два огромных глаза, которые движутся туда-сюда по ту сторону стекла. И все.

Мне становится не по себе.

Эдмонд Уэллс подает мне знак, чтобы я спустился ниже. Я следую за ним и вижу огромный знак «784» «487».

– Что это?

– Номер страницы, на которой мы находимся. Он написан задом наперед. Помнишь цифры, которые мы видели на небе? Вот что это было. Сбой во времени и пространстве, и мы увидели то, что находилось на краю Вселенной. И это еще не все.

Мы поднимаемся вверх по строчкам, которые теперь различаем

совершенно отчетливо.

Наверху страницы мы видим: «ВОГОБ АНЙАТ» – Это тебе ничего не напоминает?

– «АНЙ», «ГОВ», «ОВА»... Буквы, которые мы приняли за северное сияние, когда поднимались на гору.

Уэллс кивает.

– Да, только задом наперед. Мы видим буквы наизнанку. Если читать правильно, получится...

– «ТАЙНА БОГОВ».

– Скажи что-нибудь, – говорит Уэллс.

Я говорю первое, что мне приходит в голову:

– Я не понимаю, зачем это нужно.

– А теперь смотри.

К своему изумлению, я вижу, как на прозрачной стене появляется надпись: «?онжун отэ мечаз, юаминоп ен Я —».

Маленькими буквами, только «Я» с прописной. И с тире, чтобы показать, что это реплика.

Звезда-Уэллс испускает лучи от возбуждения.

– Каких еще доказательств ты ждешь?

И на стене появляется: «?ышедж ыт втсьлетазакод еще хикаК —» С вопросительным знаком в начале и тире в конце.

– Мы на странице! Эта Вселенная, 10, – страница. Мы видим перевернутый текст «изнутри» страницы. Мы не звезды, мы две крошечные световых частицы в пространстве страницы.

– Нет, – говорит Уэллс. – Ты что, так и не понял? Мы персонажи романа.

Я пытаюсь осознать то, что он сказал. Если мы персонажи романа, значит «Я» на самом деле не существует. При помощи меня просто рассказывают какую-то историю.

Эдмонд Уэллс слышит мои мысли и отвечает:

– А что на самом деле доказывает, что мы существуем?

– Я знаю, что со мной было, знаю свое прошлое, цели, к которым я стремился, надежды... Они мои, они принадлежат мне, я создал их сам. Пока жил свою собственную, уникальную жизнь.

– Представим, что их создал кто-то извне, и он же заставил тебя поверить, что они только твои.

– Этого не может быть!

– Вполне возможно, что весь этот мир создан автором романа. В этом случае мы думаем, что существуем, но на самом деле нас нет нигде, кроме

воображения писателя... И в воображении читателя, который читает о нас, и в его голове возникают какие-то образы. Мы выглядим так, как читатель представляет нас себе. Видимо, сейчас он представляет, что мы две светящиеся точки за стеклом.

– Читатель? Какой читатель?

– ОН. Или ОНА. Этого мы знать не можем. Эти глаза так огромны, что нельзя понять, мужчина это или женщина.

Я снова смотрю на глаза, которые неумолимо движутся справа налево.

Так вот что скрывалось за последней завесой...

ВЫ?

Светящийся шар-Уэллс как замороженный смотрит через стеклянную стену на глаза, которые, добравшись до края страницы, переводят взгляд в другую сторону и чуть ниже, чтобы прочитать следующую строку.

– Эта Вселенная была выдумана и помещена в книгу. Там она хранится, как в холодильнике. И оживает, только когда взгляд читателя ее разогреет. Глаза, которые двигаются по ту сторону стены, действуют, как игла в старинных проигрывателях: когда она попадала на нужную дорожку, начинала звучать музыка.

– Только здесь не дорожки, а строчки, заполненные буквами.

– А вместо музыки вымышленный мир, частью которого мы являемся. Этот мир был написан. И он существует, потому что... его читают. И мы существуем, потому что... нас читают!

– Кто же автор?

Звезда-Уэллс меняет цвет и начинает мерцать.

– Нужно добраться до обложки, тогда мы сможем узнать его имя.

– Тогда вперед?

– Да это, в общем, не имеет значения. Должно быть, какой-нибудь мелкий неизвестный писатель... По-настоящему важно только то, что мы осознали, кто мы и где находимся.

В этот момент за прозрачной стеной происходит какое-то движение. Откуда-то появляется огромный розовый шар. По мере того как он приближается, я вижу, что его поверхность изрыта множеством извилистых канав, образующих причудливые узоры. Я вижу ямы – должно быть, это поры. Шар блестит, значит, он покрыт потом или даже слюной, ведь некоторые читатели облизывают палец, чтобы перевернуть страницу.

Большой палец.

А ниже – другой шар. Его даже нельзя назвать шаром, он более вытянутой формы.

Указательный палец.

Они, словно пинцетом, берут вселенную за край, и переворачивают справа налево.

Мы были на правой странице, теперь она перевернута, и мы больше не видим огромных глаз.

Эдмонд Уэллс подает мне знак следовать за ним. Мы пробираемся к переплету, там, где тонкие волокна скреплены клеем. Мы пробираемся между этими волокнами на следующую страницу.

Я вспоминаю ту главу «Энциклопедии», в которой говорится о «теории всего». Астрофизики выдвинули предположение, что существует «космическая веревка», соединяющая части пространства... Это, должно быть, похоже на волокна ткани, соединяющей переплет. По этим волокнам можно проникнуть с одной «страницы-вселенной» на другую.

Мы снова на странице, которая перед глазами у читателя. Видим глаза, которые снова движутся из стороны в сторону. Я вспоминаю слова Дельфины.

«Мир – как лазанья. Он состоит из разных слоев».

Эти слои – страницы. В своем видении Дельфина получила мистическое откровение о том, как устроен мир. Вселенная-лазанья состоит из страниц, находящихся одна за другой. Сотни страниц, одна за другой.

Индейцы майя считали, что этих слоев 11. Значит, они видели 11 страниц.

11... 111.

То, что Мироздание называло «следующим измерением», было не новым порядком цифр, а новым слоем. 111 – это графическое изображение страниц книги!

Звезда-Уэллс трепещет.

– Теперь мы точно знаем, что находимся на странице романа. Наша вселенная – это бумажная страница, которая для нас прозрачна, потому что мы невообразимо малы, но для тех огромных глаз она плотная, белая или светло-бежевая, чтобы на ней хорошо были видны черные буквы.

Я обдумываю его слова. Эдмонд ведь писал в своей «Энциклопедии»: «Атом может верить в бога атомов, но он не может представить себе следующее измерение – молекулу. И еще меньше у него шансов представить себе, что эта молекула является частью пальца, а палец принадлежит человеку. Все дело в размерах и в том, осознаем ли мы это».

Я не могу отвести глаз от читателя. Мне хочется подать ему знак, чтобы он увидел меня, сказать, что я его тоже вижу. Но я знаю, что для него я не больше чем светящаяся частица в толще страницы, в книге, которую

он держит в руках.

– Все тот же принцип – одно сознание внутри другого, – говорю я.

– Да, это как матрешка. Гностики говорили: «у нашего бога тоже есть бог», и «наша вселенная заключена в другую вселенную». Вот только они не уточнили, что последняя вселенная заключена в книгу.

– Над обычным смертным – ангел. Над ангелом – бог-ученик. Над богом-учеником – Зевс. Над Зевсом – Галактика. Над Галактикой – Вселенная. Над Вселенной...

– Я не решаюсь в это поверить, – повторяю я.

– Некоторые мистические учения уже давно открыли: «Все предначертано. ВСЕ НАПИСАНО». Но ни одно из них не сказало четко и ясно: «МЫ ВСЕ ПЕРСОНАЖИ РОМАНА».

Мы парим в воздухе, ошеломленные нашим открытием, восхищенные Истиной, которая кажется нам невыносимой и в то же время великолепной.

Эдмонд Уэллс переливается то желтым, то красным светом. Я чувствую, что он пытается думать на новом уровне.

– Однажды писатель умрет. Но эта Вселенная, наша Вселенная, останется.

– Ну... Она будет существовать, пока хотя бы один человек будет смотреть на эти страницы, включив свое воображение.

– Значит, мы с тобой бессмертны?

– Да, я так думаю. Мы исчезнем только в том случае, если никто и никогда не будет читать эту книгу.

Огромные глаза читателя движутся быстрее, словно торопятся.

– Наша Вселенная не погибнет, пока будет существовать хоть одна книга, в которой она описана.

– Пока хоть у этой книги будет хоть один читатель. Я снова смотрю на глаза, которые пробегают по строчкам. Розовый палец вновь касается уголка страницы, и мы оказываемся на другой стороне. Опять пробираемся через корешок книги.

– Так вот кто такой этот «всемогущий бог»?

– Да, боюсь, что так. Его власть над нашей Вселенной безгранична. В этой книге наше прошлое, настоящее и будущее. Помнишь теорию о сверхсветящемся человеке? Существует место, где время и пространство не подчиняются обычным законам. И тогда прошлое, настоящее и будущее смешиваются.

В книге заключено прошлое, настоящее и будущее ее персонажей! Нужно просто прочитать ее до конца, и тогда можно узнать, чем все закончилось. Читатель даже может сразу заглянуть в конец. Или, наоборот,

вернуться к началу. Он не обязан следить за тем, как постепенно развивается наш мир. Читатель – хозяин пространства и времени книги.

Я начинаю осознавать грандиозность этого открытия.

– А если читатель вдруг остановится, не станет дальше читать? – вдруг с тревогой спрашиваю я.

– Тогда мы застрянем на каком-то этапе нашего существования. Как приклеенные. Как фильм, поставленный на паузу. И будем ждать, когда у него появится желание закончить книгу.

– А если оно у него не появится?

– Наш мир остановится там, где он бросит книгу.

– А если он будет читать быстро?

– Тогда и мы будем жить быстро.

– А если он станет перечитывать...

– Тогда мы снова будем переживать те же приключения.

Не может быть! Я снова буду танатонавтом, увижусь с Розой, встречу с Дельфиной, Афродитой... Я переживу то, что уже было со мной! Каждый раз сначала, забыв, что это уже когда-то происходило. И каждый раз впервые с изумлением узнавая, что еще придумал для меня автор.

Одна вещь тем не менее беспокоит меня.

– А если читатель на дочитает до конца, если бросит книгу посередине или всего за несколько страниц до конца?

– Это ничего не изменит. Ведь у книги не один читатель. Если кто-то другой продолжит читать о наших приключениях, то они будут продолжаться. Чтобы наша Вселенная погибла, нужно, чтобы все читатели разом отложили эту книгу.

Уэллс мерцает в восторге от этой мысли. Наши сферы-звезды покрываются сияющими прожилками. У звезд это означает, что они напряженно думают.

– Но есть одно «но». Наши персонажи бессмертны, но не «неизменны». Читатель может по-разному представлять нас, когда впервые читает о нас и когда перечитывает книгу. Если он возьмется за чтение в подавленном настроении, возможно, он представит нас в мрачном, холодном мире. А если он будет счастлив, то сам добавит детали, которых в тексте и не было. Он увидит нас более красивыми, яркими, веселыми.

– Ты прав. Читатель может домыслить какие-то подробности. Он будет думать, что прочитал об этом в книге, а на самом деле они сами появились в его воображении, когда он был погружен в чтение, или всплыли на поверхность из его собственных воспоминаний.

– Если читатель – мужчина, он может вообразить Афродиту похожей на одну из своих подружек или на свою мать в юности.

– А если книгу будет читать женщина, то тебя, Мишель, она может представить похожим на своего бывшего парня.

У меня начинает кружиться голова. Странно, но встреча с 9, Галактикой, и с 10, Мирозданием не произвели на меня такого впечатления, как глаза Читателя или Читательницы, которые именно в эту минуту следят за моими приключениями.

«Вы...»

– Нет, – вдруг протестую я. – Ты ошибаешься! Мы не можем быть внутри романа. По очень простой причине. Я вижу тебя, слышу и говорю с тобой. Я могу по собственной воле перестать двигаться. И это будет мой свободный выбор, решение, которое принял Мишель Пэнсон. Никто не может мне указывать, как поступить. Ни писатель, ни сценарист, ни читатель не заставят меня делать то, что я не хочу. Я свободен. СВОБОДЕН. И я не персонаж романа. Я настоящий. НАСТОЯЩИЙ.

Я твержу это, будто хочу сам себя убедить. В душе я начинаю вопить:

– Я НЕ ПЕРСОНАЖ РОМАНА! Я СУЩЕСТВУЮ НА САМОМ ДЕЛЕ!

Я выкрикиваю эти слова все громче. Потом принимаю новое решение.

– Моя мысль не имеет границ, я хочу выйти из книги и обратиться к читателю.

– Нет, – говорит Эдмонд Уэллс, – мы не можем покинуть эту Вселенную. Наш потолок, последняя преграда – это бумажный лист, внутри которого мы парим.

– Нам всегда удавалось пересекать любые границы. Мы превосходили самих себя, чтобы попасть на следующий уровень. Вспомни, ты же сам говорил: «Если это невозможно, это не значит, что мы не станем этого делать. Вот если мы этого не сделаем, тогда это и станет невозможным».

– Мишель, мы же на странице! На странице книги! Мы не можем выйти за ее границы. Читатель – наш единственный хозяин.

– Я решил, что буду сам себе хозяин, буду сам решать свою судьбу. А Читатель может катиться к черту!

Я разгоняюсь насколько могу и со всей силы врезаюсь в стену Вселенной-Страницы в том месте, где нет букв.

– Смотри! Я оставил след, ударившись о страницу. Мой собственный жар оставил огромное серое пятно. Похожее на точку.

Я зависаю под этим пятном в восторге от того, что сумел оставить след на стене.

– Да, но посмотри на глаза Читателя. Он увидел эту точку и

продолжает читать. Для него это просто типографская точка.

– Подожди, это еще не все!

Я снова разгоняюсь и нацеливаюсь на совершенно белую страницу. ...

– Теперь-то уж Читатель точно это заметит. Целый ряд точек вместо букв на большой белой странице! Он должен понять, что происходит что-то необычное. Такого в книгах «обычно» не бывает.

Мы подлетаем к стене, отделяющей нас от Читателя, чтобы лучше видеть, как он будет реагировать. Как изменится выражение его глаз по ту сторону нашей Вселенной.

– Он продолжает читать! Читатель не замечает нас в толще страницы. Мы тут как за зеркальным стеклом, не покрытым амальгамой. Для него все, что происходит на странице, нормально, это просто часть романа. В лучшем случае он думает, что это такой авторский прием.

– Ничего нельзя сделать!

– Мы видим его, но он не может увидеть нас. Мы можем исчертить всю страницу вдоль и поперек, а он все равно не заметит нас.

– Стой! – кричу я. – Если мы можем ставить точки, значит, мы можем управлять тем, что происходит на странице. Давай попробуем вот что: появимся в своем настоящем обличий, но в увеличенном виде и на черном фоне. (в книге вся страница черная и в центре два белых пятна.) Розовые пальцы переворачивают страницу. Я в отчаянии. Глаза пробегают по строчкам.

– Опять не получилось. Читатель думает, что это авторская находка...

– Чихал я на автора. Я буду говорить прямо с Читателем, без помощи автора. (в книге задом наперед от руки идет некий текст) с^гомЛно квткйг/оуо – Он не сможет прочитать, ведь для него это написано шиворот-навыворот.

– Ничего страшного. У меня полно времени и пространства.

– Если можешь, попытайся написать печатными буквами. Тогда Читателю будет легче разобрать.

Я ЗДЕСЬ, НА ЭТОЙ САМОЙ СТРАНИЦЕ, И Я СМОТРЮ НА ВАС

Глаза по-прежнему скользят по строчкам.

– Читатель все еще полагает, что все в порядке. Он считает, что все, что появляется на страницах книги, это часть романа, – вздыхает Эдмонд Уэллс.

Я напрягаю все свои силы и пытаюсь передать читателю мысль:

«ЧИТАТЕЛЬ, ЕСЛИ ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ, ЗНАЙ, ЧТО МЫ ЗДЕСЬ. ЭДМОНД УЭЛЛС И Я. МЫ ВНУТРИ ЭТОЙ САМОЙ СТРАНИЦЫ, КОТОРУЮ ТЫ ЧИТАЕШЬ. МЫ НЕ ПРОСТО ПЕРСОНАЖИ РОМАНА.

МЫ СУЩЕСТВУЕМ НА САМОМ ДЕЛЕ».

Глаза Читателя неумолимо скользят по строчкам.

Я начинаю раздражаться.

«ЭЙ, ЧИТАТЕЛЬ! ТЫ ЧИТАЕШЬ МЕНЯ! ТАК ЗНАЙ, ЧТО Я, МИШЕЛЬ ПЭНСОН, СВОБОДЕН И САМ РАСПОРЯЖАЮСЬ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ, НЕЗАВИСИМО ОТ ТЕБЯ И ОТ ПИСАТЕЛЯ, КОТОРЫЙ ЯКОБЫ СОЧИНЯЕТ МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ».

Нужно что-то придумать!

О, нашел!

– ЭЙ, ЧИТАТЕЛЬ! ЕСЛИ ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ, У ТЕБЯ ЕСТЬ СПОСОБ ПОКАЗАТЬ НАМ, ЧТО ТЫ НАС ПОНИМАЕШЬ. НУЖНО ПРОСТО ОТОРВАТЬ КУСОЧЕК СТРАНИЦЫ В ЛЕВОМ ВЕРХНЕМ УГЛУ.

ВСЕГО НЕСКОЛЬКО САНТИМЕТРОВ БУМАГИ. ДАВАЙ, ОТОРВИ! ОТОРВИ КУСОК НАШЕЙ ВСЕЛЕННОЙ. ЧТОБЫ ПОМОЧЬ ТЕБЕ, Я ОТМЕТИЛ ЭТО МЕСТО КУРСИВОМ.

ЭТОТ ОТОРВАННЫЙ КЛОЧОК СТАНЕТ СИМВОЛОМ НАШЕГО СОЮЗА. МЫ ПОЙМЕМ, ЧТО ТЫ ГОТОВ ВСТУПИТЬ С НАМИ В ДИАЛОГ, ОБЩАТЬСЯ ВНЕ ГРАНИЦ КНИГИ, КОТОРУЮ ТЫ ДЕРЖИШЬ В РУКАХ!

Мы ждем.

– Брось, – говорит Эдмонд Уэллс. – Даже если Читатель сделает, что ты просишь, это ничего не изменит. Ведь роман продолжается. Если он это читает, значит, он перевернул страницу. И мы даже не узнаем, оторвал ли он уголок предыдущей страницы. Она уже позади.

– Но мы же увидим оторванный край страницы...

– Да нет же, ты не понимаешь. Все это написано, и рассказ продолжается, что бы ни происходило на предыдущих страницах.

Звезда-Уэллс немного тускнеет.

– У тебя не больше власти, чем у микроба, который пытается остановить грузовик.

Я не хочу сдаваться. И я посылаю Читателю новое мысленное сообщение:

«ЭЙ, ЧИТАТЕЛЬ! ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ? А ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО НЕ ТОЛЬКО МЫ, НО И ТЫ... ТЫ ТОЖЕ, ВОЗМОЖНО, ПЕРСОНАЖ РОМАНА. МИР, В КОТОРОМ ТЫ ЖИВЕШЬ, КОТОРЫЙ НАЗЫВАЕШЬ РЕАЛЬНОСТЬЮ, ВСЕГО ЛИШЬ РОМАН, В КОТОРОМ ГОВОРИТСЯ И О ТЕБЕ. И ВСЯ ТВОЯ ЖИЗНЬ ВЫДУМАНА АВТОРОМ – ОТ НАЧАЛА И ДО КОНЦА!» – Оставь, Мишель. Ты же прекрасно видишь, что Читатель

продолжает читать дальше, не вникая в глубокий смысл того, что ты ему говоришь. Он даже представить себе этого не может.

– Почему это?

– Он не воспринимает тебя всерьез. Он все еще думает о тебе, как о персонаже, который действует на страницах книги. Даже если он оторвал краешек страницы, как ты и просил, он не может вступить с тобой в контакт.

– Что же делать? Я не собираюсь сдаваться.

«ЭЙ, ЧИТАТЕЛЬ! НАД ТОБОЙ ТОЖЕ ЕСТЬ ЧИТАТЕЛЬ, КОТОРЫЙ ЧИТАЕТ О ТЕБЕ. СЛЫШИШЬ? ЕСЛИ БЫ ТЫ МОГ ПРЕВРАТИТЬСЯ В ЗВЕЗДУ И ИССЛЕДОВАТЬ ГРАНИЦЫ ТВОЕЙ ВСЕЛЕННОЙ, ТЫ БЫ УЗНАЛ, ЧТО ТВОЙ МИР – ЭТО СТРАНИЦА, И НА ТЕБЯ ТОЖЕ СЕЙЧАС СМОТРЯТ ЧЬИТО ГЛАЗА».

Эдмонд Уэллс приближается ко мне. Он меняет цвет, сообщая мне, что пора оставить эти бесплодные попытки.

– Лично меня вполне устраивает, если я персонаж романа, – говорит он. – Я согласен быть вымышленной сущностью и перевоплощаться каждый раз, когда обо мне будут читать. Мне даже кажется, что это делает меня всемогущим. Я буду без конца возрождаться в самых разных местах. Глаза читателей подарят мне бесконечную жизнь. Перестань видеть только отрицательные стороны в том, чтобы быть марионеткой во власти чужого воображения. У тебя тоже есть власть.

– Какая?

– ЧИТАТЬ! И этим «божественным актом творения» создавать миры. Ты можешь в любой момент взять с полки книгу и дать жизнь вымышленным героям. Зевс, кажется, говорил тебе, что твое имя означает на древнееврейском языке: «Кто как бог?» В твоём имени заключен этот метафизический вопрос. И ты знаешь на него ответ...

И я произношу это волшебное слово, отгадку всех тайн:

– ЧИТАТЕЛЬ.

Примечания

Цитата из сочинения «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца в году 1459». Это книга Иоганна Валентина Андреэ, опубликованная в 1616 г. и аллегорически интерпретирующая алхимические процессы как некий опыт мистического супружества души. «Химическая свадьба» стала одним из манифестов розенкрейцеров. (Здесь и далее прим. переводчика.)

Нектарник – образование, расположенное в основании околоцветника и вырабатывающее нектар, привлекающий насекомых.

От фр. *ours* – медведь.

4

ДНК

5

D – destruction, разрушение (фр.).

См. В. Вербер «Дыхание богов».

Экклезиастика – учение о Церкви и ее учреждениях.

См. главу 42.

Игра окончена (англ.).

От elefante – слониха (фр.).

Дословно «поместить в пропасть» (фр.).

По-английски этот фильм называется «Living in Oblivion», по-французски «Ca tourne en Manhattan» (США, 1995).

По-английски этот фильм называется «The Devil in the Box», по-французски ЭТОТ фильм называется «Le diable dans la boite» (Франция, 1977).

По-английски этот фильм называется «The Player» (США, 1992).

См. «Дыхание богов» (прим. автора).

Слово «амазиг» означает «свободный человек», это самоназвание берберов.

Кабельтов – внесистемная единица длины, применяемая в мореходной практике. 1 К. = 0,1 мили (морской) = 185,2 м.

Big Crunch, конечная стадия цикла пульсации Вселенной.

См. Б. Бербер «Дыхание богов»

Пэнсон (по-французски pinson) означает зяблик.

Moineau (фр.) – воробей.

Grand Architecte De L`Univers (φp.).

L`Amour. La Domination. La Neutralite (φρ.).

L`acide desoxyrbonucleique (фр.).